

ISSN 2618-9453

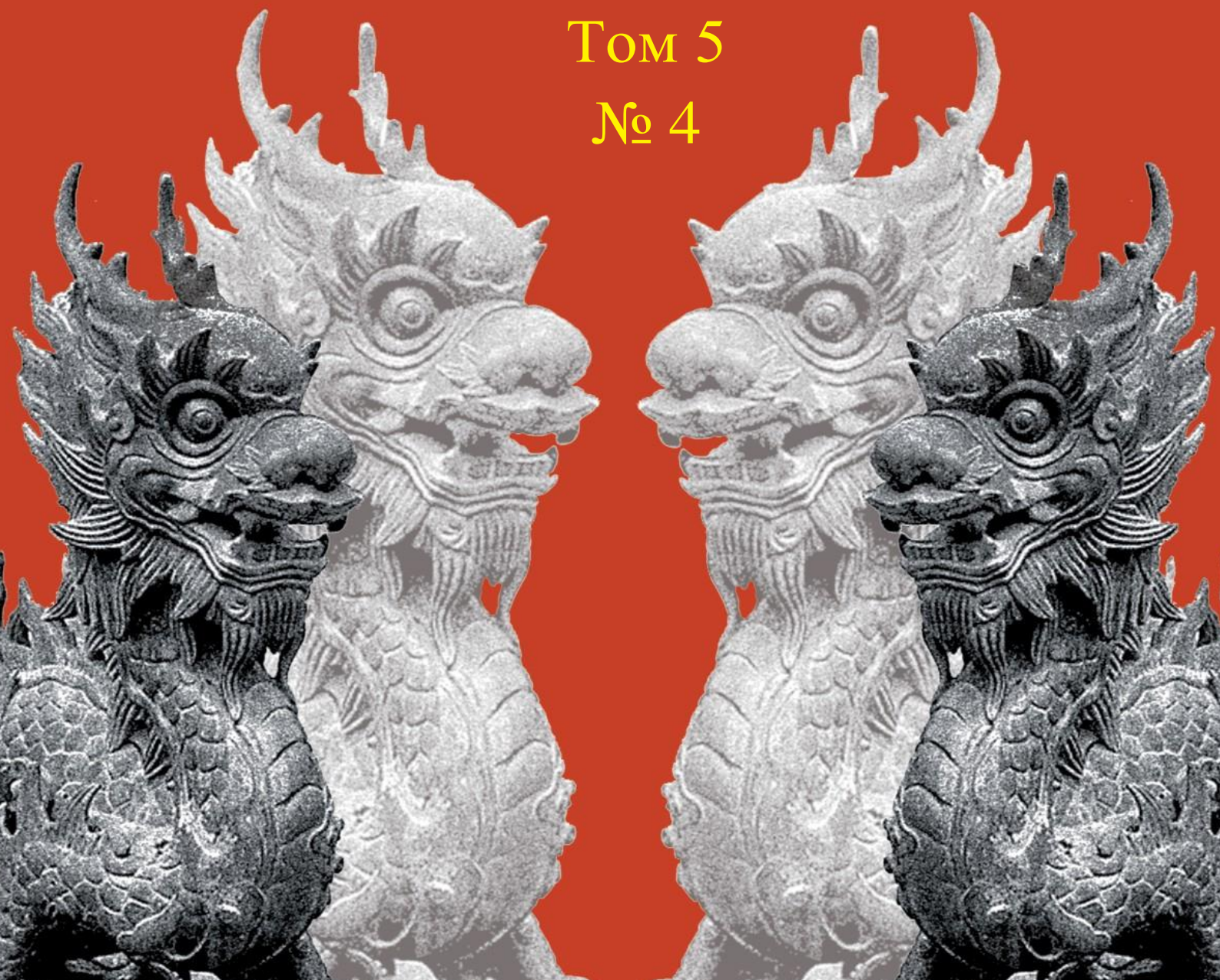
ВЬЕТНАМСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

The Russian Journal of
Vietnamese Studies

2021

Том 5

№ 4





Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
Институт Дальнего Востока
Российской академии наук
www.ifes-ras.ru

Электронный научный журнал «Вьетнамские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2018 г., в двух полных версиях на русском и английском языках – с 2021 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы вьетноведческих исследований: политику, экономику, общество, историю, культуру, филологию и другие. Все статьи рецензируются.

Учредитель: ИДВ РАН. URL: <http://www.vietnamjournal.ru>

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77–73494

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI)

Главный редактор: Мазырин В.М., д.э.н.

Редакционная коллегия: Аносова Л.А., д.э.н.; Григорьева Н.В., к.и.н.; Канаев Е.А., д.и.н.; Колотов В.Н., д.и.н.; Малетин Н.П., д.и.н.; Рязанцев С.В., чл.-корр. РАН, д.э.н.; Соколовский А.Я., к.филол.н.; Федорин А.Л., д.и.н.; Цветов П.Ю., к.и.н.

Редакционный совет: Бабаев К.В., д.филол.н., председатель; Деопик Д.В., д.и.н., профессор; Маслов А.А., д.и.н., профессор; Михоко Като, профессор (Япония); Ву Тхюи Чанг, профессор (Вьетнам); Мосяков Д.В., д.и.н., профессор; Петрасяк Малгожата, профессор (Польша); Сумский В.В., д.и.н.; Тэйер Карлайл, профессор (США); Фьорд Адам, профессор (Австралия); Бенуа де Треглоде, профессор (Франция); Стори Ян, главный редактор журнала “Contemporary South East Asia” (Сингапур).

Редакция: Никулина Е.В. (зав. редакцией), Иванова Н.И., Ларин В.П., Бритенкова А.Э.

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН

Е-mail: vietnamjournal@yandex.ru

Тел.: +7 (499) 124 08 33

Отрасли науки:
• 07.00.00 Исторические науки и археология
• 08.00.00 Экономические науки
• 10.00.00 Филологические науки (группы специальностей: 10.01.00 Литературоведение; 10.02.00 Языкознание)
• 22.00.00 Социологические науки
• 23.00.00 Политология
• 24.00.00 Культурология

Информация для авторов: <http://www.ifes-ras.ru/vs/requirements>

© Коллектив авторов
© ИДВ РАН

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

ISSN 2618-9453



Federal State Budgetary
scientific institution
Institute of Far East Studies
Russian Academy of Sciences
www.ifes-ras.ru

The electronic scientific edition “Russian Journal of Vietnamese Studies – Vyetnamskiye issledovaniya” has been published 4 times a year (quarterly) since 2018, in two full versions in Russian and English – since 2021. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Vietnamese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed.

Founder: IFES RAS. URL: <http://www.vietnamjournal.ru>

Mass media registration certificate: EL No. FS 77-73494

Included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

Part of the CyberLeninka Scientific Electronic Library.

Included into Web of Science database with Emerging Sources
Citation Index (ESCI)

Editor-in-chief: Vladimir M. Mazyrin, D.Sc. (Economics)

Editorial Board: Anosova L.A., D.Sc. (Economics); Grigorieva N.V., Ph.D. (History); Kanaev E.A., D.Sc. (History); Kolotov V.N., D.Sc. (History); Maletin N.P., D.Sc. (History); Ryazantsev S.V., Corresponding Member of RAS, D.Sc. (Economics); Sokolovsky A.Ya., Ph.D. (Philology); Fedorin A.L., D.Sc. (History); Tsvetov P.Yu., Ph.D. (History)

Editorial Council: Babaev K.V., D.Sc. (Philology), Chairman; Deopik D.V., D.Sc. (History), Professor; Maslov A.A., D.Sc. (History), Professor; Mihoko Kato, Professor (Japan); Vu Thuy Trang, Professor (Vietnam); Mosyakov D.V., D.Sc. (History), Professor; Malgorzata Petrasz, Professor (Poland); Sumsy V.V., D.Sc. (History); Carlyle Thayer, Professor (USA); Adam Fford, Professor (Australia); Benoît de Tréglodé, Professor (France); Ian Storey, Editor-in-Chief of Contemporary South East Asia journal (Singapore).

Edited by: Nikulina E.V., Ivanova N.I., Larin V.P., Britenkova A.E.

Address: Moscow 117997, Nakhimovsky prospect, 32. IFES RAS

E-mail: vietnamjournal@yandex.ru

Тел.: +7 (499) 124 08 33

Information for authors:

<https://vietnamjournal.ru/2618-9453/about/submissions>

Editorial opinion may be different from those of the authors.

ISSN 2618-9453

Branches of
science:

• 07.00.00

Historical sciences
and archeology

• 08.00.00

Economic Sciences

• 10.00.00

Philological
sciences (groups of
specialties: 10.01.00
Literary criticism;
10.02.00

Linguistics)

• 22.00.00

Sociological
sciences

• 23.00.00

Political science

Culturology

© Group of authors

© IFES RAS

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Внутриполитические процессы и внешняя политика

- Киреева А.А.* Стратегическое партнёрство Японии и Вьетнама: интересы и ограничители.....6
- Нгуен Ань Кыонг, До Тхи Хиен, Нгуен Динь Кыонг.* Права человека во Вьетнаме: современное состояние.....26

Социально-экономическое развитие

- Ле Хай Бинь, Ха Тхань Лам.* Влияние COVID-19 на экономику Вьетнама.....45
- Селезнёва Н.В.* Изучение китайского языка во Вьетнаме: роль Института Конфуция.....71

История и культура

- Бу Тхи Сюен.* Правители-тюа Нгуен, торговля и культурный обмен в Южном Вьетнаме в XVI-XVIII вв.....87
- Минина Ю.Д.* Символическая модель цвета вьетнамского национального костюма аозай: исторические предпосылки и толкования.....106

Филология

- До Тхи Хыонг.* Восприятие творчества И.А. Бунина во Вьетнаме.....131

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Мазырин В.М.* О состоянии российско-вьетнамского стратегического партнёрства.....148
- Вершинина В.В., Бачило Д.Д.* Вьетнам в роли связующего звена между Россией и АСЕАН.....162
- Сюннерберг М.А.* Вьетнам многогранный.....171
- Гордиенко Е.В., Колотов В.Н., Краевская Н.М., Никулина Е.В.* Учёные мира о Вьетнаме и Восточной Азии.....179
- О защите диссертации.....192

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

- Совместное заявление о видении развития отношений всеобъемлющего стратегического партнёрства между РФ и СРВ на период до 2030 года.....196

КНИЖНАЯ ПОЛКА

- Локишин Г.М.* Летопись великого противостояния. Рецензия на книгу М. Хейстингса «Вьетнам. История трагедии 1945–1975»206
- Кнорозова Е.Ю.* Выдающийся проект российского вьетнамоведения. Рецензия на 7-й том «Полного собрания исторических записок Дайвьета.....214

CONTENTS

SCIENTIFIC RESEARCH

Inward political processes and foreign policy

Kireeva A.A. Japan – Vietnam Extensive Strategic Partnership: Interests and Constraints..... 6

Nguyen Anh Cuong, Do Thi Hien, Nguyen Dinh Cuong. Human Rights in Vietnam – A Current Reality.....26

Socio-economic development

Le Hai Binh, Ha Thanh Lam. Vietnam Economy under the Impact of COVID-19..... 45

Selezneva N.V. Learning Chinese in Vietnam: The Role of the Confucius Institute.....71

History and culture

Vu Thi Xuyen. Nguyen Lords with Trading Activities and International Cultural Exchange in South Vietnam during the Sixteenth to Eighteenth Centuries.....87

Minina Iu.D. Symbolism of Colour of the Vietnamese National Garment Áo Dài: Historical Foundations, Development and Interpretations.....106

Philology

Do Thi Huong. The Perception of I.A. Bunin’s Oeuvre in Vietnam.....131

ACADEMIC EVENTS

Mazyrin V.M. The State of the Russian-Vietnamese Strategic Partnership.....148

Vershinina V.V., Bachilo D.D. Vietnam as a Linchpin Between Russia and ASEAN.....162

Syunnerberg M.A. Many-Sided Vietnam.....171

Gordienko E.V., Kolotov V.N., Kraevskaya N.M., Nikulina E.V. Scholars of the World on Vietnam and Eastern Asia.....179

On the defense of a dissertation.....192

OFFICIAL DOCUMENTS

Joint Statement on 2030 Vision for Development of Vietnam – Russia relations.....196

BOOK REVIEW

Lokshin G.M. The Chronicles of the Great Opposition. Review of the book “Vietnam: An Epic Tragedy, 1945–1975” by M. Hastings..... 206

Knorozova E.Yu. Outstanding Project of Russian Vietnamese Studies. Review of the book “The Complete Annals of Daiviet”, Vol. 7.....214

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

DOI: 10.54631/VS.2021.54-6-25

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЁРСТВО ЯПОНИИ И ВЬЕТНАМА: ИНТЕРЕСЫ И ОГРАНИЧИТЕЛИ

А.А. Киреева

Аннотация. В статье рассматривается формирование и углубление отношений стратегического партнёрства между Японией и Вьетнамом, структурные характеристики отношений в сферах политики и безопасности, а также общность интересов и пределы сближения двух стран. Комплексное улучшение японо-вьетнамских отношений базируется на совокупности стратегических и экономических интересов. Первая часть статьи посвящена рассмотрению ключевых тенденций развития отношений Японии и Вьетнама. Во второй части определяются сферы совпадения интересов и ограничители на пути дальнейшего сближения Токио и Ханоя. Автор делает предположение, что стратегическое сотрудничество двух стран продолжит расширяться и в будущем в связи с тем, что оно основано на широком совпадении взаимных интересов, как стратегических, так и экономических.

Ключевые слова: Япония, Вьетнам, Китай, США, АСЕАН, Восточная Азия, Азия, Индо-Тихоокеанский регион, Южно-Китайское море.

Для цитирования: Киреева А.А. Стратегическое партнёрство Японии и Вьетнама: интересы и ограничители // Вьетнамские исследования. 2021. Т. 5. № 4. С. 6–25.

Введение

Отношения Японии и Вьетнама в начале XXI в. демонстрируют тенденцию к комплексному улучшению и развитию во всех областях. Хотя взаимодействие стало наращиваться в 1990-е годы, именно за последние два десятилетия произошёл существенный прогресс в сотрудничестве как в сфере политики и безопасности, так и в экономике. Как отражение этих тенденций, в 2006 г. Япония и Вьетнам договорились о построении стратегического партнёрства, а в 2014 г. повысили уровень отношений до «широкомасштабного стратегического партнёрства в целях мира и процветания в Азии». Во время нахождения у власти в Японии в качестве премьер-министра Синдзо Абэ (2006–2007 и 2012–2020 гг.), занимавшего

этот пост дольше всех в истории страны во время второго срока, удалось сформулировать полноценную внешнеполитическую стратегию и реализовать большое количество мер, направленных на её претворение в жизнь. Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в целом и отдельные государства Юго-Восточной Азии (ЮВА) в частности стали странами, улучшение отношений с которыми кабинет С. Абэ ставил в качестве одного из своих внешнеполитических приоритетов [Phan Xuan Dung 2020]. На направлении ЮВА японский премьер смог добиться довольно многого, но из всех стран региона в комплексном расширении сотрудничества именно с Вьетнамом Японии удалось достичь самого значительного прогресса и вывести отношения на новый уровень.

Процессы интенсификации связей Японии и Вьетнама ставят вопросы о том, какие интересы преследуют обе страны в сферах политики и безопасности, какого прогресса им удалось достичь и в чём состоят ограничители на пути дальнейшего расширения сотрудничества. Вопрос о мотивации Токио и Ханоя имеет большое значение для понимания современного характера отношений двух стран и объяснения причин их довольно стремительного развития с середины 2000-х годов. Анализ препятствий на пути дальнейшего сближения также важен для оценки перспектив развития двухсторонних контактов. Особую актуальность данная проблематика приобретает в связи с выдвиганием рядом стран, включая Японию и США, Индо-Тихоокеанских стратегий и стремлением добиться поддержки стран АСЕАН в этом вопросе, а также с усилением стратегической конкуренции между США и КНР, сохранением кардинальных разногласий по вопросам безопасности в Азии между Китаем и Японией и непрекращающейся напряжённостью конфликта в Южно-Китайском море (ЮКМ).

Отношения Японии и Вьетнама обычно исследуются как одна из составляющих отношений Токио со странами АСЕАН, в особенности в контексте расширения сотрудничества в сфере безопасности [Cook 2016], либо при изучении отношений Вьетнама с ведущими региональными игроками [Choong 2021] и потенциального членства в Quad [Терских 2021]. И только в последнее время в связи с усилением интенсивности взаимодействия данное стратегическое партнёрство стало обращать на себя сфокусированное внимание исследователей [Мурашёва 2010; Pham Quang Minh, Pham Le Da Huong 2014; Le Hong Hiep 2017; Phan Xuan Dung 2020; Hyunh Tam Sang 2021]. В то же время большинство исследователей делает акцент на углублении стратегического партнёрства и практически не рассматривает его пределы либо уделяет этому незначительное внимание. Данная статья позволяет заполнить этот пробел благодаря попытке объективного анализа интересов и ограничителей на пути дальнейшего сближения Токио и Ханоя.

В теории международных отношений в качестве теоретико-методологической основы выступает синтез неоклассического реализма и конструктивизма. Неоклассический реализм позволяет проанализировать основные структурные характеристики и интересы двух стран при их сближении (alignment), исходя из их роли в региональной расстановке сил и позиций по поводу устройства регионального порядка. При этом он позволяет учитывать внутривосточные факторы, которые оказывают влияние на формирование внешнеполитических стратегий, такие как особенности стратегической культуры, позиции элит и т. д. Конструктивизм полезен при изучении того, как партнёры воспринимают друг друга и на что направлены угрозы в сфере безопасности. Структурно-системный подход позволяет рассмотреть сотрудничество Японии и

Вьетнама в контексте отношений Токио со странами АСЕАН и международных отношений в Восточной Азии и Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР).

Статья написана на основе официальных источников профильных министерств Японии и Вьетнама на английском и японском языках, исследовательской литературы, представленной преимущественно вьетнамскими и в меньшей степени японскими исследователями, а также последних новостных сообщений. В работах вьетнамских исследователей замечен консенсус по поводу значимости стратегического и экономического взаимодействия двух стран и тренда на укрепление сотрудничества [Pham Quang Minh, Pham Le Da Huong 2014; Le Hong Hiep 2017; Phan Xuan Dung 2020; Huynh Tam Sang 2021]. Японские эксперты рассматривают сближение Токио и Ханоя в более широком контексте стратегической конкуренции между Японией и Китаем и различными версиями регионального порядка, представленными концепцией Свободного и открытого ИТР и инициативой Пояса и Пути [Сёдзи 2020].

Эволюция отношений в сферах политики и безопасности

Отношения Японии и Вьетнама имеют длительную историю начиная с VIII в., но их взаимодействие было нерегулярным и преимущественно торговым. Во время войны на Тихом океане в 1941–1945 гг. Япония оккупировала Французский Индокитай, в том числе Вьетнам, что сопровождалось борьбой вьетнамцев против японских военных и сотрудничавшей с ними французской администрации [Pham Quang Minh, Pham Le Da Huong 2014: 81–82]. В период разделения Вьетнама Токио поддерживал официальные отношения с Южным Вьетнамом. Дипломатические отношения с ДРВ были установлены 21 сентября 1973 г., через восемь месяцев после заключения Парижского соглашения. Провозглашение «доктрины Фукуда» в 1977 г., в которой Япония фактически отказывалась от военной роли в регионе, привело к тому, что страны АСЕАН стали расширять с ней прагматичное экономическое сотрудничество. Отношения с СРВ в биполярный период были довольно холодными из-за конфликтности на Индокитайском полуострове и вовлеченности Ханоя в конфликт в Камбодже [Ibid: 82].

Новый период в отношениях Японии и Вьетнама начался в 1990-е годы с окончательным завершением конфликтов на Индокитайском полуострове, расширением АСЕАН и стабилизацией в ЮВА. Правительство Японии поддерживало присоединение стран субрегиона к Ассоциации и стало проводить политику, нацеленную на стимулирование развития государств Индокитайского полуострова и ликвидацию их отставания от остальных стран группировки [Ibid: 83]. С 1992 г. Япония возобновила предоставление Вьетнаму экономической помощи по линии Официальной помощи развитию (ОПР). С конца 2000-х годов Япония институционализировала сотрудничество с субрегионом Большого Меконга, а с 2009 г. стали проводиться ежегодные саммиты с пятью государствами Индокитайского полуострова.

Во многом качественное развитие отношений Японии и Вьетнама является заслугой японского премьер-министра С. Абэ [Phan Xuan Dung 2020]. В октябре 2006 г. премьер-министры Нгуен Тан Зунг и С. Абэ подписали Совместное заявление о построении стратегического партнёрства во имя мира и процветания в Азии, в котором стороны договорились расширять сотрудничество и диалог в сферах политики, безопасности, экономики, усиливать координацию и расширять гуманитарные контакты. Вьетнам отметил важное значение ОПР в социально-экономическом развитии страны, а Япония заявила о поддержке политики обновления «дой мой»

и интеграции Вьетнама в мировую экономику [Japan – Vietnam Joint Statement 2006]. В 2007 г. премьер-министр Японии Фукуда Ясуо и президент Вьетнама Нгуен Минь Чьет подписали Повестку построения стратегического партнёрства, предполагающую следующие области сотрудничества: 1) диалог в сфере политики и безопасности, обмена в сфере безопасности; 2) всеобъемлющее экономическое партнёрство; 3) содействие укреплению правовых институтов и помощь в проведении реформ; 4) научно-техническое сотрудничество; 5) сотрудничество в сфере климата, экологии, природных ресурсов и энергетики; 6) улучшение взаимопонимания; 7) сотрудничество на международной арене [Agenda 2009]. В апреле 2009 г. генеральный секретарь ЦК КПВ Нонг Дык Мань посетил Японию и совместно с японским премьером Асо Таро принял Японско-вьетнамское заявление о стратегическом партнёрстве в целях мира и процветания в Азии. В заявлении содержится договорённость углублять стратегическое партнёрство и проводить ежегодные саммиты и заседание Комиссии по сотрудничеству Японии и Вьетнама [Japan – Vietnam Joint Statement 2009].

Данные договоренности привели к значительной активизации контактов между правительствами, парламентами и обществами обеих стран. В 2010-е годы произошло существенное усиление и диверсификация сотрудничества в области безопасности [Le Hong Nier 2017: 4]. В 2011 г. страны подписали Меморандум между министерствами обороны о двустороннем сотрудничестве и обменах в сфере безопасности, который заложил основы взаимодействия как по линии береговой охраны, так и на уровне министерств обороны, генеральных штабов и различных родов войск вооруженных сил. Предметом сотрудничества являются как традиционные, так нетрадиционные вызовы и угрозы безопасности, включая вопросы безопасности на море, борьбы с терроризмом и организованной преступностью, кибербезопасности, ликвидации последствий стихийных бедствий, поисково-спасательных операций и т. п. [Pham Quang Minh, Pham Le Da Huong 2014: 86]. С 2012 г. стал проводиться диалог по политике в области безопасности, а с 2013 г. – консультации на уровне заместителей министров [Hyunh Tam Sang 2021: 5]. Япония помогает СРВ совершенствовать подготовку береговой охраны с помощью совместных тренировок, программ повышения квалификации и т. д. Значение подобного сотрудничества для Вьетнама велико, так как основное противостояние в территориальных спорах с Китаем в ЮКМ осуществляется на уровне береговой охраны, а Китай обладает намного большим количеством кораблей и лучшим их оснащением [Le Hong Nier 2017: 4–5].

После того как С. Абэ снова занял пост премьер-министра Японии, в 2013 г. он посетил все страны ЮВА, выбрав Вьетнам в качестве первой. Японский премьер стал делать акцент на стратегическую значимость данного региона, географически расположенного между Тихим и Индийским океанами, вывел отношения со странами АСЕАН на уровень одного из внешнеполитических приоритетов и сформулировал претензии Японии на новую роль в сфере безопасности как одной из ведущих региональных держав на расширенном Индо-Тихоокеанском пространстве [Cook 2016]. В марте 2014 г. президент СРВ Чыонг Тан Шанг посетил Японию, и в ходе саммита с японским премьером С. Абэ было объявлено о повышении уровня отношений со «стратегического партнёрства» до «широкомасштабного стратегического партнёрства в целях мира и процветания в Азии», предполагавшего обширную повестку сотрудничества и дальнейшее углубление отношений [Japan – Vietnam Joint Statement 2014]. В 2017 г. вслед за премьер-

министром С. Абэ Вьетнам впервые за всю историю отношений посетил император Японии [Le Hong Hiep 2017: 2].

В данный период можно отметить активное углубление связей в области безопасности. После инцидента по поводу буровой установки между Вьетнамом и КНР около Парасельских островов в 2014 г. правительство Японии передало Ханюю шесть бывших в эксплуатации кораблей для пополнения состава береговой охраны. В апреле 2016 г. морские силы самообороны Японии (МССЯ) впервые посетили порт Камрань и провели совместные с вьетнамской стороной учения. В сентябре 2018 г. в тот же порт впервые нанесла визит подводная лодка МССЯ, которая затем также впервые вышла на учения в ЮКМ. В июне 2019 г. страны провели военно-морские учения у юго-восточного побережья Вьетнама, а в октябре был подписан меморандум, в котором стороны договаривались проводить регулярные консультации на уровне заместителей министров и чаще делать визиты в порты [Hyunh Tam Sang 2021: 5–6]. В 2015–2016 гг. С. Абэ пообещал Вьетнаму поставить шесть новых кораблей береговой охраны, и в июле 2020 г. была достигнута договорённость о том, что Японское агентство международного сотрудничества предоставит вьетнамскому правительству льготный кредит по линии ОПР на эти цели в сумме 347 млн долл. Новые корабли, как ожидается, смогут позволить Вьетнаму более эффективно осуществлять поисково-спасательные операции, правоохранительную деятельность, обеспечивать безопасность и свободу судоходства [Japan supports 2020].

После ухода С. Абэ в отставку в сентябре 2019 г. премьер-министр Суга Ёсихидэ продолжил внешнеполитический курс предшественника. В качестве своей первой зарубежной страны для посещения в октябре 2020 г. он выбрал Вьетнам. Безусловно, на выбор повлиял также тот факт, что из-за пандемии COVID-19 две ключевые для Японии страны, в которые её лидеры традиционно наносили визиты первыми – США и КНР, – были фактически недоступны для визита. Однако посещение именно Вьетнама (а не другой азиатской страны, например) отражает то значение, которое Япония придаёт связям с ним. Углубление сотрудничества в сферах политики, безопасности и экономики стало ключевым моментом визита Ё. Суга и его саммита с вьетнамским коллегой Нгуен Суан Фуком. Японский премьер назвал Вьетнам краеугольным камнем в реализации Свободного и открытого ИТР, а вьетнамский лидер поддержал вклад Японии в мир, стабильность и развитие в регионе и во всём мире в целом. Они выразили приверженность принципам поддержания мира, безопасности, свободы судоходства и пролётов, мирного разрешения споров в ЮКМ. Стороны также достигли принципиальной договорённости о том, что Япония будет иметь возможность экспортировать патрульные самолёты, радары и другие виды вооружений, а также военные технологии во Вьетнам. Правительство Японии только в 2014 г. отменило запрет на экспорт вооружений, военных технологий и продукции двойного назначения и пока является новым игроком на данном рынке. Сотрудничество по совместному преодолению последствий пандемии COVID-19, а также расширение экономических взаимосвязей на фоне диверсификации Японией своих производственных сетей также стали важными темами повестки лидеров двух стран. Они договорились восстановить воздушное сообщение и создать упрощённый режим допуска для бизнесменов и рабочих [On Suga's 2020].

В сентябре 2021 г. министр обороны Японии Киси Нобуо во время встречи со своим вьетнамским коллегой Фан Ван Зянгом подписал соглашение, позволяющее осуществлять экспорт японского вооружения и технологий Вьетнаму. Предполагается, что оно позволит

ускорить реализацию сделки по продаже кораблей береговой охраны. Вьетнам же со своей стороны диверсифицирует источники получения вооружений. Н. Киси заявил, что стороны договорились работать вместе над созданием порядка, основанного на правилах, и подтвердили важность свободы судоходства и пролётов [Japan inks 2021]. Помимо этого, в ноябре 2021 г. Япония и Вьетнам заключили соглашение по сотрудничеству в области кибербезопасности. Хотя Китай напрямую не назывался в качестве причины заключения соглашения, страны указали на опасность действий других игроков в ИТР, представляющих собой вызов международному порядку.

Следует отметить тот факт, что в марте 2020 г. Вьетнам принял участие в заседании Четырёхстороннего диалога в области безопасности (Quadrilateral Security Dialogue, Quad) в расширенном составе Quad+ в формате видеоконференции. Помимо участников самого Quad – Японии, США, Австралии и Индии – на заседании присутствовали представители Южной Кореи, Вьетнама и Новой Зеландии. На расширенном заседании Quad+ обсуждались вопросы сотрудничества в борьбе с пандемией COVID-19 и преодоления её последствий, включая договорённости о регулярных консультациях на рабочем уровне. И в Вашингтоне, и в Токио периодически делались заявления о том, что в Quad могут пригласить другие страны либо сформировать отдельный постоянный формат Quad+, и Вьетнам рассматривается как один из возможных членов нового объединения в случае, если оно будет сформировано [Huynh Tam Sang 2021: 7].

Вьетнамцы положительно относятся к Японии, что можно увидеть на примере проведённого МИД Японии в 2019 г. опроса общественного мнения среди стран АСЕАН, в котором большинство респондентов составили специалисты или люди с высшим образованием. Япония была названа самой важной страной для Вьетнама (68 % опрошенных), далее – США (58 %), Южная Корея (53 %), КНР (43 %), Россия (27 %). Аналогичный вопрос, сформулированный в будущем времени, также показал, что Япония будет стоять на первом месте (54 %), а США – на втором (47 %). Япония также возглавила список стран, которым Вьетнам доверяет (37 %), далее Россия (20 %) и США (12 %). Китаю доверяют всего 2 % опрошенных. Вьетнамцев интересует японская экономика и технологии, культура и традиции, туризм и наука. Дружественными отношения с Токио назвали 58 % респондентов и довольно дружественными – 36 %, что вызвано экономическим сотрудничеством (на это указали 70 % респондентов), хорошими отношениями (53 %), помощью экономическому развитию (53 %), участием Японии в решении глобальных проблем (49 %) и стабильности мировой экономики (47 %). 61 % опрошенных заявили о том, что Япония вносит вклад в сохранение мира и стабилизацию международного порядка, и 34 % ответили, что скорее да, чем нет. Помимо этого, 79 % респондентов высоко оценили вклад Японии в поддержку построения Сообщества АСЕАН. Отвечая на вопрос о том, сотрудничество с какими странами важно для реализации «Индо-Тихоокеанского видения АСЕАН», опрошенные выделили такие страны, как Соединенные Штаты (53 %), Япония (48 %), Индия (39 %) и Китай (27 %) [Кайгай 2019].

Области совпадения интересов Японии и Вьетнама и пределы сближения двух стран

Причины столь стремительной интенсификации сотрудничества заключаются в том, что стратегические интересы стран совпадают в высокой степени, какие-либо серьезные разногласия отсутствуют, экономические связи носят тесный и взаимовыгодный характер, элиты и общества обеих стран доверяют друг другу. Экономическая значимость Вьетнама как довольно крупного и динамично развивающегося рынка с достаточно высоким уровнем трудовых ресурсов при их относительно низкой стоимости и его заинтересованность в японском капитале и технологиях в целях модернизации являются одним из главных драйверов сотрудничества [Мурашёва 2010: 145–147]. В настоящее время во Вьетнаме именно Япония рассматривается как самый перспективный стратегический партнёр [Le Hong Hiep 2017: 5–6]. Стратегические интересы этих стран совпадают в том, что касается сохранения такого регионального порядка в Восточной Азии, который позволил бы входящим странам обеспечивать свою безопасность и участвовать в его формировании. Япония и Вьетнам не хотели бы видеть Китай доминирующей державой, определяющей региональный порядок в Азии и на Индо-Тихоокеанском пространстве в одностороннем порядке. Наличие территориальных споров в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, в которых соответственно и Вьетнам, и Япония сталкиваются с противоречащей их интересам политикой КНР, объективно работает на усиление сотрудничества двух стран. Поскольку баланс сил в регионе смещается в пользу Китая, для Вьетнама становится важнее усиливать сотрудничество с другими крупными региональными игроками для того, чтобы Пекин не смог переформатировать региональный порядок в свою пользу, в особенности в территориальном споре в ЮКМ. Япония является привлекательным партнером, так как она является мощной и в военном, и в экономическом плане державой, которая сама заинтересована в поддержании баланса сил в ЮВА [Pham Quang Minh, Pham Le Da Huong 2014: 86; Le Hong Hiep 2017: 5–6; Huynh Tam Sang 2021: 5]. Улучшение отношений Вьетнама и США также является положительным фактором для сближения Токио и Ханоя [Мурашёва 2010: 148–149].

Безусловно, Вьетнам проводит многовекторную политику: хотя в 2010-е годы Ханой стал активно развивать отношения с США и Японией из-за опасений по поводу деятельности Китая, он всё же стремится сохранять баланс между основными игроками и поддерживать сплочённость АСЕАН, чтобы группировка продолжала играть стабилизирующую роль в региональной безопасности. Этот курс служит цели сохранить свободу выбора и стратегического манёвра [Choong 2021: 5, 8] и, с учетом потенциала Вьетнама как четвертой страны по уровню ВВП и расходов на оборону в АСЕАН, позволяет ставить вопрос о нём как о поднимающейся державе среднего уровня (*middle power*) [Вершинина 2020]. Внешняя политика Вьетнама традиционно основывалась на принципах «трёх нет» (отказа от присоединения к военным альянсам, размещения военных баз других государств и объединения с другими странами против третьих государств). Вышедшая в 2019 г. Белая книга по безопасности Вьетнама добавила к этим принципам «четвёртое нет» – отказ от применения силы или угрозы её применения. Кроме того, в ней декларировалась готовность Ханоя в случае необходимости развивать сотрудничество в сфере безопасности с государствами ИТР [Vietnam National Defence 2019: 23–24].

Япония, в свою очередь, рассматривает ЮВА как важный регион для продвижения концепции Свободного и открытого ИТР [Гайко сэйсё 2019: 24] и стремится заручиться

поддержкой стран АСЕАН для построения основанного на правилах порядка (rules-based order). Токио стремится предоставить странам региона альтернативу Китаю – и в экономике, и в сфере безопасности, – чтобы не дать ему стать доминирующей державой. Вьетнам особенно важен для Японии как страна, также сталкивающаяся с вызовами со стороны КНР [Cook 2016: 2, Phan Xuan Dung 2020; Huynh Tam Sang 2021: 5–7]. ЮКМ имеет стратегическую и экономическую значимость для Японии, и Токио поддерживает позицию Вьетнама. Страны выступают за соблюдение международного права, включая Конвенцию ООН по морскому праву, свободу судоходства и пролётов, мирное разрешение конфликта, скорейшее принятие кодекса поведения сторон в ЮКМ и против агрессивных действий [Japan – Vietnam Joint Statement 2014]. С одной стороны, Япония критикует КНР более жёстко, чем Вьетнам. Например, она стала одной из немногих стран, которые вместе с США и Австралией призвали к обязательному исполнению Китаем решения 2016 г. Гаагского арбитража по ЮКМ [Arbitration 2016]. С другой стороны, Япония занимает более гибкую и менее антагонистичную позицию по отношению к КНР, чем США, что делает её более удобным партнёром.

Различия во внешнеполитических стратегиях предопределяют и пределы дальнейшего сближения двух стран. Япония связана с США тесным военно-политическим союзом, а Вьетнам, несмотря на укрепление отношений с Токио и Вашингтоном, всё же не готов к подобным отношениям и вступлению в какие-либо блоки. Он существенно уступает по комплексной мощи ведущим региональным державам, таким как Япония и Китай. Ханой тесно связан отношениями экономического сотрудничества с КНР и не готов проводить существенно более жёсткий курс по отношению к Пекину из-за опасений по поводу возможных последствий этого шага, в особенности в территориальном конфликте в ЮКМ. Помимо этого, не только для вьетнамско-китайских, но и для китайско-японских отношений характерна ассиметричная экономическая взаимозависимость, и сама Япония не заинтересована в том, чтобы чрезмерно антагонизировать Китай. Из-за опасений по поводу возможной реакции Китая в Восточно-Китайском море она, например, не проводит операций по свободе судоходства в ЮКМ, как это делают США. Более того, сама Япония всё ещё связана конституционными ограничениями на использование сил самообороны за рубежом и не может выступать столь же значимым военным игроком в регионе, как Соединённые Штаты [Le Hong Nier 2017: 6].

Вьетнам стремится продвигать «Индо-Тихоокеанское видение АСЕАН», предполагающее сохранение баланса в отношениях стран группировки с внешними игроками, и работает на укрепление единства Ассоциации и сохранение её роли в регионе. У стран ЮВА существуют опасения, что Япония заинтересована в них не столько как в полноценных партнёрах, сколько как в объектах [Cook 2016: 10], которые должны поддерживать её взгляды на Свободный и открытый ИТР. Страны же АСЕАН не хотят делать выбор в пользу того или иного ведущего игрока, понимая, что поддержка Свободного и открытого ИТР может привести к жёсткой реакции со стороны Китая, который воспринимает эту концепцию как направленную на его сдерживание. Более того, региональные игроки не считают, что это поможет им сохранить центральное положение группировки в региональной архитектуре [Сёдзи 2020: 38–42]. В связи с этим интерес представляет вопрос о перспективах вступления Вьетнама в Quad в случае его расширения или формирования отдельного расширенного формата Quad+. В Токио и Вашингтоне указывали на заинтересованность в более интенсивном сотрудничестве с Ханоем. По оценке экспертов,

Вьетнам своим участием во встрече Quad+ в марте 2020 г. показал, что он может присоединиться к этому формату и в сфере безопасности для того, чтобы как-то противодействовать политике Китая [Hyunh Tam Sang 2021: 7; Choong 2021: 8]. В то же время Вьетнам явно пока не готов к присоединению к жёстким блокам, поэтому во многом перспективы вступления Ханоя в этот формат будут определяться тем, каковы будут его функции, цели и содержание [Choong 2021: 8] и насколько серьёзными будут опасения руководства Вьетнама по поводу характера и направленности внешней политики КНР [Терских 2021].

Заключение

Проведенное авторами исследование показало, что отношения Японии и СРВ, начиная с середины 2000-х годов стали комплексно развиваться на основе высокой степени совпадения стратегических и геополитических интересов двух стран. Широкомасштабное стратегическое партнёрство основано на сотрудничестве в сферах политики, безопасности и экономики, тесных гуманитарных связях и положительном отношении обществ обеих стран. Регулярный политический диалог и углубление контактов в области безопасности привели к тому, что Вьетнам стал рассматривать Японию как ведущего внешнего партнёра, а Япония стала выделять Вьетнам как одну из наиболее близких региональных держав благодаря близости внешнеполитических приоритетов.

Заинтересованность обеих стран в противодействии изменению регионального порядка в Восточной Азии и ИТР Китаем и давление со стороны Пекина, с которым Япония и Вьетнам сталкиваются в территориальных спорах в ВКМ и ЮКМ, стали одними из ведущих факторов сближения двух стран. И Токио, и Ханой хотели бы видеть региональный порядок, в котором позиции Китая не были бы доминирующими и им не потребовалось бы пренебрегать собственными национальными интересами, поэтому Япония оказывает содействие политике Вьетнама, направленной на поддержание баланса сил в ЮКМ. В то же время страны не готовы к заключению формальных соглашений с обязательствами в области безопасности, так как обе связаны тесными экономическими отношениями с КНР и опасаются её возможной реакции. Япония является самым главным союзником США в регионе, тогда как Вьетнам продолжает проводить политику балансирования между ведущими игроками, сохраняя высокую степень автономии внешней политики. Существующий формат сотрудничества является гибким и позволяет странам реализовывать свои внешнеполитические интересы, не рискуя вызвать ответные меры со стороны Китая.

Несмотря на очерченные пределы, можно предположить, что стратегическое сотрудничество Японии и Вьетнама продолжит расширяться и в будущем в связи с тем, что оно основано на широком совпадении взаимных интересов, как стратегических, так и экономических. Поскольку С. Абэ удалось сформулировать основы Индо-Тихоокеанской стратегии как ключевого направления внешней политики Японии, наиболее вероятно, что и последующие кабинеты будут развивать данное направление, и со стороны Японии следует ожидать высокую степень преемственности данного курса. Заинтересованность Вьетнама в поддержании баланса сил и приобретении технологий также является долгосрочным фактором. Маловероятно, что страны перестанут испытывать давление со стороны КНР. Более того, японский бизнес

заинтересован в расширении присутствия на вьетнамском рынке, что поддерживается курсом японского правительства.

Список литературы

Вершинина В.В. «Державы среднего уровня» в международных отношениях: сравнительный анализ концептуальных подходов // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. №3. С. 25–40. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10034

Гайко сэйсё 2019 [Дипломатическая Голубая Книга 2019]. Министерство иностранных дел Японии, 2019. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/2019/pdf/pdfs/1_2.pdf#page=4 (дата обращения: 05.09.2021) (на япон. языке).

Кайгай ни окэру тайнити ёрон тёса. Рэйва ганнэндо. ASEAN. кэка сёсай [Опрос зарубежного общественного мнения в отношении Японии. АСЕАН. Подробные результаты] // Министерство иностранных дел Японии, 2019. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/100023100.pdf> (дата обращения: 05.09.2021) (на япон. языке).

Мурашнёва Г.Ф. Вьетнамско-японские отношения в формате стратегического партнерства // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XIV. М.: ИВ РАН, 2010. С. 145–165.

Терских М.А. Вьетнам – Quad: неизбежное сближение? // Вьетнамские исследования. 2021. Т. 5. № 2. С. 6–24. DOI:10.24412/2618-9453-2021-2-6-24

Сёдзи Т. «Иттай итиро» то «дзию дэ хиракарэта индо тайхэйё» но айда дэ – Тиики тицудзё о мэгуру кёсо то ASEAN но тайо [Между проектами «Один пояс, один путь» и «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» – Соперничество за региональный порядок и реакция АСЕАН] // Бэй кэнкюдзё киё. Январь 2020. Том 22. №2. С. 21–46 (на япон. языке).

2019 Vietnam National Defence. Hanoi: National Political Publishing House, 2019. 135 p. URL: http://news.chinhphu.vn/Uploaded_VGP/phamvanhua/20191220/2019VietnamNationalDefence.pdf (дата обращения: 05.09.2021).

Agenda Toward a Strategic Partnership between Japan and Vietnam. The Ministry of Foreign Affairs of Japan, 2009. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/vietnam/agenda0711.html> (дата обращения: 05.09.2021).

Arbitration between the Republic of the Philippines and the People's Republic of China Regarding the South China Sea. Ministry of Foreign Affairs of Japan, 2016. URL: https://www.mofa.go.jp/press/release/press4e_001204.html (дата обращения: 05.09.2021).

Choong W. Vietnam and the Great Powers: Agency Amid Amity and Enmity // ISEAS Perspective. Issue 2021. No. 62. May 4, 2021. 11 p.

Cook M. Arena or Partners? Japan's New Security Consensus and Southeast Asia // ISEAS Perspective. Issue 2016. No. 25. May 18, 2016. 11 p.

Hyunh Tam Sang. Vietnam–Japan Relations: Growing Importance in Each Other's Eyes // ISEAS Perspective. Issue 2021. No. 31. March 16, 2021. 13 p.

Japan Inks Deal to Export Defense Assets to Vietnam Amid China Worry // Nikkei Asia, 11.09.2021. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Japan-inks-deal-to-export-defense-assets-to-Vietnam-amid-China-worry>

Japan Supports Vietnam Coast Guard to Build Six Patrol Vessels // Vietnam Times, 10.07.2020. URL: <https://vietnamtimes.org.vn/japan-supports-vietnam-coast-guard-to-build-six-patrol-vessels-22898.html>

Japan – Vietnam Joint Statement on the Establishment of the Extensive Strategic Partnership for Peace and Prosperity in Asia. The Ministry of Foreign Affairs of Japan, 2014. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000031617.pdf> (дата обращения: 05.09.2021).

Japan – Vietnam Joint Statement on the Strategic Partnership for Peace and Prosperity in Asia. The Ministry of Foreign Affairs of Japan, 2009. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/vietnam/joint0904.html> (дата обращения: 05.09.2021).

Japan – Vietnam Joint Statement Toward a Strategic Partnership for Peace and Prosperity in Asia. The Ministry of Foreign Affairs of Japan, 2006. URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/vietnam/joint0610.html> (дата обращения: 05.09.2021).

Le Hong Hiep. The Strategic Significance of Vietnam – Japan Ties // ISEAS Perspective. Issue 2017. No. 23. April 11, 2017. 8 p.

On Suga's Overseas Debut, Japan, Vietnam Agree Broadly on Defence Transfer // Reuters, 19.10.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-japan-southeastasia-vietnam-defence-idUSKBN2740C0>

Pham Quang Minh, Pham Le Da Huong. Vietnam – Japan Relations in the New Context of Regional and World Politics // The Bulletin of the Institute for World Affairs. Kyoto Sangyo University. 2014. Vol. 29. P. 81–87.

Phan Xuan Dung. How Abe's Diplomatic Activism Elevated Vietnam – Japan Ties // East Asia Forum. September 26, 2020. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2020/09/26/how-abes-diplomatic-activism-elevated-vietnam-japan-ties/>

Автор:

Киреева Анна Андреевна, к. полит. н., доцент кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов МГИМО МИД России. ORCID: 0000-0002-0376-9734. E-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru

Продвижение статьи:

Дата поступления: 07.09.2021

Дата поступления в переработанном виде: 09.12.2021

Принята к печати: 20.12.2021

JAPAN – VIETNAM EXTENSIVE STRATEGIC PARTNERSHIP: INTERESTS AND CONSTRAINTS

A.A. Kireeva

Abstract. The article discusses the formation and deepening of a strategic partnership between Japan and Vietnam, the structural characteristics of relations in the spheres of politics and security, as well as the commonality of interests and the limits of rapprochement between the two countries. The comprehensive improvement of Japanese-Vietnamese relations is based on a combination of strategic and economic interests. The first part of the article focuses on key trends in Japan – Vietnam relations. The second part identifies areas of coincidence of interests and constraints on the path of further rapprochement between Tokyo and Hanoi. The author assumes that the strategic cooperation between the two countries will continue to expand in the future as it is based on a broad overlap of mutual interests, both strategic and economic.

Keywords: Japan, Vietnam, China, USA, ASEAN, East Asia, Asia, Indo-Pacific region, South China Sea.

For citation: Kireeva A.A. (2021). Japan – Vietnam Extensive Strategic Partnership: Interests and Constraints. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 5 (4): 6–25.

Introduction

Relations between Japan and Vietnam at the beginning of the 21st century show a trend towards comprehensive improvement and development in all fields. Although interaction began to grow in the 1990s, it was in the last two decades that significant progress was made in cooperation in both the political and security spheres and in the economy. Reflecting these trends, in 2006 Japan and Vietnam agreed to build a strategic partnership, and in 2014 raised the level of relations to a “extensive strategic partnership for peace and prosperity in Asia”. During his term of office as Prime Minister of Japan, Shinzo Abe (2006–2007 and 2012–2020), who held this post for the longest time in the country’s history during his second term, managed to formulate a full-fledged foreign policy strategy and to carry out numerous measures aimed at its implementation. The Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) in general and individual Southeast Asian states in particular have become countries, improving relations with which cabinet S. Abe has made one of its foreign policy priorities [Phan Xuan Dung 2020]. The Japanese Premier was able to achieve quite a lot in the direction of SEA, but among all the countries of the region it was with Vietnam that Japan managed to reach the most significant progress and to advance the relationship.

The intensification of ties between Japan and Vietnam raises questions about the political and security interests of both countries, the progress they have made and the constraints on further cooperation. The issue of the motivation of Tokyo and Hanoi carries great importance for understanding the modern nature of relations between the two countries and explaining the reasons for their rather rapid development since the mid-2000s. An analysis of the obstacles to further rapprochement is also important for assessing the prospects for the development of bilateral contacts. This subject becomes relevant in view of promotion of Indo-Pacific strategies by a number of countries, including Japan and the United

States, and the desire to gain support from ASEAN countries in this matter, as well as the increasing strategic competition between the United States and the People's Republic of China, the persistence of cardinal disagreements on security issues in Asia between China and Japan and the ongoing conflict in the South China Sea (SCS).

Japan–Vietnam relations are usually studied as one of the components of Japan's relations with ASEAN countries, especially in the context of expanding security cooperation [Cook 2016], or in examining Vietnam's relations with leading regional players [Choong 2021]. It is only recently, in the light of increasing interaction, that this strategic partnership has begun to attract more focused attention of researchers. [Pham Quang Minh, Pham Le Da Huong 2014; Le Hong Hiep 2017; Phan Xuan Dung 2020; Hyunh Tam Sang 2021]. At the same time, most researchers emphasizes the deepening strategic partnership, while little considering or even neglecting its limits. This article allows to fill this gap by attempting an objective analysis of interests and constraints on the way to a further rapprochement between Tokyo and Hanoi.

The synthesis of neoclassical realism and constructivism in the theory of international relations provides a theoretical and methodological basis. Neoclassical realism makes it possible to analyse the main structural characteristics and interests of two countries in their rapprochement (alignment), based on their role in the regional configuration of power and positions on regional order. In doing so, it takes into account domestic factors that influence foreign policy strategies, such as the peculiarities of strategic culture, elite positions, etc. Constructivism is useful in examining how partners perceive each other and where security threats are directed. The structural and systemic approach allows us to consider the cooperation between Japan and Vietnam in the context of Japan's relations with the ASEAN countries and international relations in East Asia and the Indo-Pacific Region (IPR). The article is written on the basis of official sources of the relevant ministries of Japan and Vietnam in English and Japanese, research literature presented mainly by Vietnamese and to a lesser extent Japanese researchers, as well as the latest news reports. In the works of Vietnamese researchers, there is a consensus on the importance of strategic and economic interaction between the two countries and the trend towards enhanced cooperation. [Pham Quang Minh, Pham Le Da Huong 2014; Le Hong Hiep 2017; Phan Xuan Dung 2020; Hyunh Tam Sang 2021]. Japanese experts view the rapprochement of Tokyo and Hanoi in the broader context of strategic competition between Japan and China and various versions of the regional order represented by the concept of a Free and Open IPR and the Belt and Road Initiative [Shoji 2020].

Evolution of relations in the spheres of politics and security

Relations between Japan and Vietnam have a long history since the 8th century, but the interaction was irregular and predominantly commercial. During the Pacific War in 1941–1945 Japan occupied French Indochina, including Vietnam, which was accompanied by the struggle of the Vietnamese against the Japanese military and the French administration that cooperated with them [Pham Quang Minh, Pham Le Da Huong: 81–82]. During the partition of Vietnam, Tokyo maintained official relations with South Vietnam. Diplomatic relations with the DRV were established on September 21, 1973, eight months after the conclusion of the Paris Agreement. The proclamation of the “Fukuda doctrine” in 1977, in which Japan actually renounced its military role in the region, led to the fact that the ASEAN countries began to expand pragmatic economic cooperation with it. During the bipolar period relations with the SRV

were rather cold due to the tension in the Indochina Peninsula and the involvement of Hanoi in the conflict in Cambodia [Ibid: 82].

A new period in relations between Japan and Vietnam began in the 1990s with the final end of the tensions in the Indochina Peninsula, the expansion of ASEAN and the stabilization in Southeast Asia. The Government of Japan supported the accession of the countries of the subregion to the Association and adopted policies aimed at promoting the development of the states of the Indochina Peninsula and eliminating their lag behind the rest of the countries of the group. [Ibid: 83]. Since 1992, Japan has resumed its economic assistance to Vietnam through Official Development Assistance (ODA). Since the late 2000s, Japan has institutionalized cooperation with the Greater Mekong Subregion, and since 2009, annual summits have been held with the five states of the Indochina Peninsula.

In many respects, the qualitative development of relations between Japan and Vietnam is the merit of Japanese Prime Minister S. Abe [Phan Xuan Dung 2020]. In October 2006, Prime Ministers Nguyen Tan Dung and S. Abe signed a joint statement “Toward a Strategic Partnership for Peace and Prosperity in Asia”, in which the parties agreed to enhance cooperation and dialogue in politics, security, economy, strengthen coordination and expand humanitarian contacts. Vietnam noted the importance of ODA in the country’s socio-economic development, and Japan declared its support for the “Doi Moi” renewal policy and the integration of Vietnam into the world economy [Japan – Vietnam Joint Statement 2006]. In 2007 Japanese Prime Minister Yasuo Fukuda and Vietnamese President Nguyen Minh Triet signed the “Strategic Partnership Building Agenda” which envisages the following areas of cooperation: 1) political and security dialogue, security exchanges; 2) comprehensive economic partnership; 3) assistance in strengthening legal institutions and reform promotion; 4) scientific and technical cooperation; 5) cooperation on climate, ecology, natural resources and energy; 6) improving mutual understanding; 7) cooperation in the international arena [Agenda 2009]. In April 2009, General Secretary of the VCP Central Committee Nong Duc Manh visited Japan and, together with Japanese Prime Minister Aso Taro, adopted the “Japan-Vietnamese Statement on Strategic Partnership for Peace and Prosperity in Asia”. The statement agreed to deepen strategic partnerships and hold annual summits and meetings of the Japan – Vietnam Cooperation Commission [Japan – Vietnam Joint Statement 2009].

These agreements have led to a significant increase in contacts between the governments, parliaments and societies of both countries. In the 2010s, there was a considerable strengthening and diversification of cooperation in the field of security [Le Hong Hiep 2017: 4]. In 2011, the countries signed a Memorandum between the Ministries of Defense on bilateral cooperation and Security Exchanges, which provided the basis both for collaboration on issues related to the coast guard and interaction at the level of Ministries of Defense, General Staffs and various branches of the armed forces. Cooperation covers both traditional and non-traditional security challenges and threats, including issues of maritime security, counter-terrorism and organized crime, cybersecurity, disaster management, search and rescue, etc. [Pham Quang Minh, Pham Le Da Huong 2014: 86]. Since 2012 security policy dialogue has been established and since 2013 advisory services at the level of Deputy Ministers have been held [Hyunh Tam Sang 2021: 5]. Japan is assisting Vietnam to improve training for the coastguards through joint training, advanced education programs, etc. The importance of this kind of cooperation carries a significant weight for Vietnam since the main confrontation in territorial disputes with China in the SCS is carried out at the level of the coast guard, and China possess many more ships and better equipment. [Le Hong Hiep 2017: 4–5].

After S. Abe again assumed the post of Prime Minister of Japan, in 2013 he visited all the countries of Southeast Asia, choosing Vietnam as the first. The Japanese prime minister began to emphasize the strategic importance of this region, geographically located between the Pacific and Indian oceans, he brought relations with ASEAN countries to the level of the crucial foreign policy priorities and articulated Japan's claim to a new security role as one of the leading regional powers in the expanded Indo-Pacific area [Cook 2016]. In March 2014, the SRV President Truong Tan Sang visited Japan, and during the summit with Japanese Prime Minister S. Abe, it was announced that the level of relations had been raised from a "strategic partnership" to a "extensive strategic partnership for peace and prosperity in Asia", entailing a broad agenda of cooperation and a further deepening of relations [Japan – Vietnam Joint Statement 2014]. In 2017, following Prime Minister S. Abe, Vietnam was visited by the Emperor of Japan for the first time in its history [Le Hong Hiep 2017: 2].

During this period, the active deepening of ties in the field of security can be observed. Following an incident involving a drilling rig between Vietnam and the People's Republic of China near the Paracel Islands in 2014, the Government of Japan handed over six used ships to Hanoi for the Coast Guard. In April 2016, the Japanese Maritime Self-Defense Forces visited the port of Cam Ranh for the first time and conducted joint exercises. In September 2018, the same port was visited for the first time by a JSDF submarine, which then also made its first exercises in the SCS. In June 2019, the countries held naval trainings off the southeastern coast of Vietnam, and in October a memorandum was signed in which the parties agreed to hold regular consultations at the level of deputy ministers and make frequent visits to ports [Hyunh Tam Sang 2021: 5–6]. In 2015 - 2016, S. Abe promised Vietnam six new coastguard ships, and in July 2020 it was agreed that the Japan International Cooperation Agency would provide the Vietnamese Government with a concessional ODA loan of USD 347 million for this purpose. The new ships are expected to enable Vietnam to carry out more effective search-and-rescue operations, law enforcement, and to ensure safety and freedom of navigation [Japan supports 2020].

Following the resignation of S. Abe in September 2019, Prime Minister Suga Yoshihide continued his predecessor's foreign policy. He chose Vietnam as his first foreign country to be visited in October 2020. Of course, the choice was also influenced by the fact that due to the COVID-19 pandemic, the two key countries that Japan's leaders traditionally visited first – the US and the People's Republic of China – were in fact inaccessible for visit. However, the visit to Vietnam (not to another Asian country, for example) reflects the importance that Japan attaches to its relations with it. Expanding political, security and economic cooperation became a key focus of the visit and summit of Y. Suga and his Vietnamese counterpart Nguyen Xuan Phuc. The Japanese prime minister called Vietnam the cornerstone of the free and open IPR, and the Vietnamese leader supported Japan's contribution to peace, stability and development in the region and the world as a whole. They expressed their commitment to the principles of maintaining peace, security, freedom of navigation and flight, and the peaceful settlement of disputes in the SCS. The parties also reached an agreement in principle that Japan would be able to export patrol aircraft, radars and other types of weapons, as well as military technology to Vietnam. Only in 2014, the Japanese government lifted the ban on the export of arms, military technology and dual-use products and until it is a new player in this market. Collaborating to jointly tackle the consequences of the COVID-19 pandemic, as well as expanding economic ties amid Japan's diversification of its production networks, have also become important topics on the agenda of the leaders of the two countries.

They agreed to restore air traffic and create a simplified procedures for the acceptance of businessmen and workers [On Suga's 2020].

In September 2021, Japanese Defense Minister Kishi Nobuo, during a meeting with his Vietnamese counterpart Phan Van Giang, signed an agreement allowing the export of Japanese weapons and technologies to Vietnam. It's expected that it will expedite the implementation of the deal on the sale of coast guard ships. Vietnam, for its part, is diversifying its sources of weapons. N. Kishi stated that the parties had agreed to work together to establish a rules-based order and reaffirmed the importance of freedom of navigation and overflight [Japan inks 2021].

It was worth highlighting the fact that in March 2020, Vietnam participated in the of meeting Quadrilateral Security Dialogue (Quad) in an enlarged Quad+ by videoconference. In addition to the participants of the Quad itself, namely Japan, the USA, Australia and India, the meeting was attended by representatives of South Korea, Vietnam and New Zealand. The enlarged Quad meeting discussed collaboration to tackle and overcome the COVID-19 pandemic, including arrangements for regular consultations at the working level. Both Washington and Tokyo periodically made statements that other countries could be invited to the Quad, or that it could be established a separate expanded permanent Quad + format, and Vietnam is considered one of the possible members of the new alliance if it is formed. [Hyunh Tam Sang 2021: 7].

Vietnamese people have a positive attitude towards Japan, as can be seen from the Japanese Foreign Ministry 2019 survey "Opinion Poll on Japan in ASEAN Countries" in which the majority of respondents were professionals or people with higher education. Japan was named the most important country for Vietnam (68%), followed by the United States (58%), South Korea (53%), and China (43%), Russia (27 %). A similar question, formulated in the future, also showed that Japan ranked first with 54% and the US with 47%. Japan also topped the list of countries that Vietnam trusts (37%), followed by Russia (20%) and the United States (12%). China is only 2% trusted. Vietnamese are interested in Japanese economy and technology, culture and traditions, tourism and science. Friendly relations with Tokyo were named by 58% of respondents and relatively friendly – 36%, which is caused by economic cooperation (this was indicated by 70% of respondents), good relations (53%), economic development assistance (53%), Japan's participation in solving global problems (49%) and stability of the world economy (47%). 61% of those surveyed said that Japan was contributing to the maintenance of peace and the stabilization of the international order, and 34% said it was possibly more often than it was not. In addition, 79% of respondents appreciated Japan's contribution in support of building the ASEAN Community. Responding to the query about the countries cooperation in the implementation of the Indo-Pacific Vision of ASEAN, the respondents singled out as important such countries as the United States (53%), Japan (48%), India (39%) and China (27%) [Kaigai 2019].

Proximity of interests and limits of rapprochement of the two countries

The reasons for this rapid intensification of cooperation are that the strategic interests of countries coincide to a high degree, no major differences exist, economic ties are close and mutually beneficial, the elites and societies of both countries trust each other. In Vietnam, it is Japan that is considered as the most promising strategic partner at the present time. [Le Hong Hiep 2017: 5–6]. The two countries do have a common strategic interest in preserving a regional order in East Asia that would allow countries to maintain their security and participate in its formatting. Japan and Vietnam do not wish to see China

as the dominant power that determines the regional order in Asia and the Indo-Pacific unilaterally. The existence of territorial disputes in the South China Sea and the East China Sea, respectively, in which Vietnam is also faced with the conflicting PRC policy contrary to their interests, actually works for strengthening cooperation between the two countries. As the balance of power in the region shifts for the benefit of China, it becomes more important for Vietnam to strengthen cooperation with other major regional players in order to prevent China from reshaping the regional order in its favor, particularly in terms of the territorial dispute in the SCS. Japan is an attractive partner because it is a mighty both militarily and economically nation, which itself is interested in maintaining the balance of power in Southeast Asia [Pham Quang Minh, Pham Le Da Huong 2014: 86; Le Hong Hiep 2017: 5–6; Hyunh Tam Sang 2021: 5].

Clearly, Vietnam is pursuing a multi-vector policy and, although in the 2010s it began to actively develop relations with the United States and Japan because of concerns about China's activities, it still seeks to maintain a balance between the major players and keep ASEAN's unity and cohesion, so that the group continue to play a stabilizing role in regional security. This course serves the purpose of preserving freedom of choice and strategic maneuver [Choong 2021: 5, 8] and, given Vietnam's potential as the fourth largest country in terms of GDP and defense spending in ASEAN, allows to arise the question of positioning it as an emerging middle power [Vershina 2020]. Vietnam's foreign policy has traditionally been based on the "no three" principles (not joining military alliances, not deploying the military bases of other countries, and not uniting with other countries against third states). The Vietnam Security White Paper, released in 2019, added a "fourth no" to these principles – not using force or the threat of force. Furthermore, it declared Hanoi's readiness, if necessary, to develop security cooperation with IPR states [2019 Vietnam National Defence: 23–24].

Japan, for its part, views SEA as an important region for advancing the concept of a Free and Open IPR [Gaiko seisho 2019: 24] and seeks the support of ASEAN countries to build a rules-based order. Tokyo endeavour to provide the countries of the region with an alternative to China, both in the economy and in the security sphere, in order to prevent it from becoming the dominant power. Vietnam is particularly significant for Japan as a country that also faces challenges from the PRC [Cook 2016: 2, Phan Xuan Dung 2020; Hyunh Tam Sang 2021: 5–7]. The SCS is of strategic and economic importance to Japan, and Tokyo supports Vietnam's position. Countries advocate compliance with international law, including the United Nations Convention on the Law of the Sea, freedom of navigation and flight, peaceful resolution of the conflict, prompt adoption of the Code of Conduct of Parties in the SCS and argue against aggressive actions [Japan – Vietnam Joint Statement 2014]. On the one hand, Japan criticizes China more harshly than Vietnam. For example, it has become one of the few countries that, along with the United States and Australia, called for binding China's compliance with the award of the 2016 Hague Arbitration ruling on the South China Sea dispute [Arbitration 2016]. On the other hand, Japan takes a more flexible and less antagonistic position in relation to the PRC than the United States, which makes it a more convenient partner.

Differences in foreign policy strategies also predetermine the limits of further rapprochement between the two countries. Japan is linked to the United States by a close military-political alliance, and Vietnam, despite strengthening relations with Tokyo and Washington, nevertheless is not ready for such relations and blocs. Vietnam is significantly inferior in integrated power to major regional powers like Japan and China. It is closely linked by relations of economic cooperation with the PRC and is not ready

to take a hardline stance against Beijing because of concerns about the possible consequences of this step, especially in the territorial conflict in the SCS. Moreover, not only Vietnam-China but also China-Japan relations are characterized by asymmetric economic interdependence, and Japan itself has no interest in unduly antagonizing China. Owing to concerns about China's possible reaction in the East China Sea, Japan, for example, does not conduct freedom of navigation operations in the SCS as the US does. In fact, Japan itself is still bound by constitutional restrictions on the use of self-defense forces abroad, and cannot be as significant a military player in the region as the United States [Le Hong Hiep 2017: 6].

In addition, Vietnam seeks to promote the "ASEAN Indo-Pacific Vision", which presupposes maintaining a balance in the group's relations with external players, and works to strengthen the Association's unity and preserve its role in the region. The countries of Southeast Asia have fears that Japan is interested in them not so much as in full-fledged partners, but rather in facilities [Cook 2016: 10] that should support its views on the Free and Open IPR. The ASEAN countries, however, do not want to choose between leading players, realizing that support for a Free and Open IPR could lead to a tough reaction from China, which perceives the concept as a deterrent. And what is more, the regional players do not believe that supporting the Free and Open IPR will help them maintain the group's central position in the regional architecture [Shoji 2020: 38–42]. In this context, of particular interest is the issue of prospects for Vietnam's accession to Quad in the case of its expansion or the establishment of a separate, expanded format of Quad+. Tokyo and Washington indicated the interest to collaborate more intensively with Hanoi. According to experts, Vietnam's participation in the Quad meeting in March 2020 shows that it can join this format as well in the area of security to counteract China's policies [Hyunh Tam Sang 2021: 7; Choong 2021: 8]. At the same time, Vietnam is clearly not yet ready to accede rigid blocs, therefore, in many respects, the prospects for Hanoi's joining this format will be determined by what its functions, goals and content will be [Choong 2021: 8] and how serious the Vietnamese leadership's misgivings about the nature and direction of China's foreign policy will be.

Nevertheless, despite the outlined limits, it can be assumed that strategic cooperation between Japan and Vietnam will continue to expand in the future, as it is based on a broad coincidence of mutual interests, both strategic and economic. Since S. Abe succeeded in framing the Indo-Pacific Strategy as a key pillar of Japan's foreign policy, it is most likely that subsequent cabinets will develop this direction, and a high degree of continuity of this course is to be expected from Japan. Vietnam's interest in maintaining the balance of power and acquiring technology is also a long-term factor. It is unlikely that countries will stop being pressured by the PRC. Moreover, Japanese businesses are interested in expanding their presence in the Vietnamese market, and this is supported through the Japanese government's policy.

References

2019 Vietnam National Defence. Hanoi: National Political Publishing House, 2019. 135 p. Retrieved on 05.09.2021 from URL: http://news.chinhphu.vn/Uploaded_VGP/phamvanthua/20191220/2019VietnamNationalDefence.pdf

Agenda Toward a Strategic Partnership between Japan and Vietnam (2009). The Ministry of Foreign Affairs of Japan. Retrieved on 05.09.2021 from URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/vietnam/agenda0711.html>

Arbitration between the Republic of the Philippines and the People's Republic of China Regarding the South China Sea (2016). Ministry of Foreign Affairs of Japan. Retrieved on 05.09.2021 from URL: https://www.mofa.go.jp/press/release/press4e_001204.html

Choong W. (2021). Vietnam and the Great Powers: Agency Amid Amity and Enmity. *ISEAS Perspective*, 2021 (62), May 4. 11 p.

Cook M. (2016). *Arena or Partners? Japan's New Security Consensus and Southeast Asia*. *ISEAS Perspective*, 2016 (25), May 18. 11 p.

Gaiko seisho [Diplomatic Bluebook] (2019). The Ministry of Foreign Affairs of Japan. Retrieved on 05.09.2021 from URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/2019/pdf/pdfs/1_2.pdf#page=4. (In Japanese).

Hyunh Tam Sang (2021). Vietnam – Japan Relations: Growing Importance in Each Other's Eyes. *ISEAS Perspective*, 2021(31), March 16. 13 p.

Japan Inks Deal to Export Defense Assets to Vietnam Amid China Worry. *Nikkei Asia Review*, 11.09.2021. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Japan-inks-deal-to-export-defense-assets-to-Vietnam-amid-China-worry>

Japan Supports Vietnam Coast Guard to Build Six Patrol Vessels. *Vietnam Times*, 10.07.2020. URL: <https://vietnamtimes.org.vn/japan-supports-vietnam-coast-guard-to-build-six-patrol-vessels-22898.html>

Japan – Vietnam Joint Statement on the Establishment of the Extensive Strategic Partnership for Peace and Prosperity in Asia (2014). The Ministry of Foreign Affairs of Japan. Retrieved on 05.09.2021 from URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000031617.pdf>

Japan – Vietnam Joint Statement on the Strategic Partnership for Peace and Prosperity in Asia (2009). The Ministry of Foreign Affairs of Japan. Retrieved on 05.09.2021 from URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/vietnam/joint0904.html>

Japan – Vietnam Joint Statement Toward a Strategic Partnership for Peace and Prosperity in Asia (2006). The Ministry of Foreign Affairs of Japan. Retrieved on 05.09.2021 from URL: <https://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/vietnam/joint0610.html>

Kaigai ni okeru tainichi yoron chosa. Reiwa gannendo. ASEAN kekka shosai [Overseas opinion poll regarding Japan. ASEAN. Detailed results] (2019). The Ministry of Foreign Affairs of Japan. Retrieved on 05.09.2021 from URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/100023100.pdf>. (In Japanese).

Le Hong Hiep (2017). The Strategic Significance of Vietnam – Japan Ties. *ISEAS Perspective*, 2017 (23), April 11. 8 p.

On Suga's Overseas Debut, Japan, Vietnam Agree Broadly on Defence Transfer. *Reuters*, 19.10.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-japan-southeastasia-vietnam-defence-idUSKBN2740C0>

Pham Quang Minh, Pham Le Da Huong (2014). Vietnam – Japan Relations in the New Context of Regional and World Politics. *The bulletin of the Institute for World Affairs*. Kyoto Sangyo University, 29: 81–87.

Phan Xuan Dung (2020) How Abe's Diplomatic Activism Elevated Vietnam – Japan Ties. *East Asia Forum*, September 26. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2020/09/26/how-abes-diplomatic-activism-elevated-vietnam-japan-ties>

Shoji T. (2020). “Ittai itiro” to “jiyu de hirakareta indo taiheiyo” no aida de – Tiiki titsuje o meguru kyoso to ASEAN no taio [Between “One Belt, One Road” and “Free and Open Indo-Pacific” – Competition for the Regional Order and ASEAN's Response]. *Boei kenkyu kyo*, January, 22 (2): 21–46. (In Japanese).

Vershinina V.V. (2020). Middle Powers in International Relations: Comparative Analysis of Conceptual Approaches. *Comparative Politics*, 11(3): (In Russian). DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10034

Author:

Kireeva Anna A., Associate Professor, Department of Asian and African Studies; Research Fellow, Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University). ORCID: 0000-0002-0376-9734. E-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru

Article history:

Received: September 7, 2021

Received in revised form: December 09, 2021

Accepted: December 20, 2021

DOI: 10.54631/VS.2021.54-26-44

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА ВО ВЬЕТНАМЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ**Нгуен Ань Кыонг, До Тхи Хиен, Нгуен Динь Кыонг¹**

Аннотация. Статья основывается на признанных стандартах прав человека, в ней приводятся конкретные примеры из реальной жизни во Вьетнаме, что показывает фактическую картину положения с правами человека в стране на сегодняшний день. Вьетнам готов к сотрудничеству и стремится придерживаться принципов Декларации прав человека Организации Объединённых Наций 1948 г. и других международных конвенций по правам человека. Ханой старается ответить на вопрос, почему, несмотря на значительное улучшение положения с правами человека в стране, США по-прежнему регулярно помещают Вьетнам в список стран, которые вызывают особенное беспокойство в отношении прав человека. Реальные примеры из жизни вьетнамцев дают возможность глубже изучить вопрос о доступности прав человека, которыми пользуются граждане страны. В статье наглядно представлены трудности, с которыми сталкивается вьетнамский народ, стремясь присоединиться к международному сообществу, что даёт возможность лучше осознавать проблемы в области прав человека, которые активно решаются в настоящее время.

Ключевые слова: Коммунистическая партия Вьетнама, общие ценности, ценности прав человека во Вьетнаме, практика прав человека во Вьетнаме.

Для цитирования: *Нгуен Ань Кыонг, До Тхи Хиен, Нгуен Динь Кыонг.* Права человека во Вьетнаме: современное состояние // Вьетнамские исследования. 2021. Т. 5. № 4. С. 26–44.

Введение

Права человека во Вьетнаме часто понимаются как естественные, имманентные потребности и интересы человека. Это признано и защищено национальными законами и международными правовыми соглашениями [Nguyễn Đăng Dung et al. 2015: 40]. Права человека – это способность осуществлять естественные и объективные привилегии человека как личности и как члена общества, которая гарантируется системой национальной политики, законов и международно-правовых соглашений о человеческих ценностях в материальных отношениях, физических, культурных, духовных потребностях, потребности в свободе и развитии [Chu Hồng Thanh 1997: 23]. С учётом этого во Вьетнаме утверждается, что ни одна страна не имеет права судить другое государство в отношении ситуации с правами человека, если это не основано на широком признании международными конвенциями. Поэтому в процессе интеграции Коммунистическая партия и вьетнамское государство уделяют особое внимание их диалогу и международному сотрудничеству для устранения разногласий и повышения уровня понимания в подходе к правам человека во Вьетнаме [Bảo vệ và thúc đẩy: 05.03.2021].

В последнее время многие иностранцы и вьетнамцы проводили исследования, связанные с правами человека во Вьетнаме. В своей фундаментальной исследовательской работе В.М.

¹ Для исследования и публикации данной статьи авторы получили финансовую поддержку от Университета общественных и гуманитарных наук Ханойского государственного университета.

Мазырин рассмотрел многие вопросы, связанные с гражданскими свободами и правами человека. Как он отмечает, «несмотря на ещё довольно серьёзные ограничения, соблюдение гражданских прав и свобод во Вьетнаме улучшилось», но также говорит, что «нормы либеральной демократии, воспринимаемые западными правозащитниками как естественные, <...> не ощущаются как фактически актуальные массой местного населения...» [Мазырин 2007: 88]. По нашему мнению, несмотря на то что вышеприведённое мнение свидетельствует о прогрессе и улучшении ситуации с правами человека во Вьетнаме, возможно, оно уже не соответствует действительности, потому как было высказано 14 лет назад.

Это хорошо видно в статье А.П. и П.Ю. Цветовых, опубликованной в журнале «Вьетнамские исследования», когда они анализируют «общественные протесты во Вьетнаме, имевшие место в его крупнейших городах... Эти протесты рассмотрены в контексте развития гражданского общества и расцениваются как свидетельство повышения активности общественных сил во Вьетнаме под воздействием новых возможностей их мобилизации на протестные выступления, в том числе через социальные сети» [Tsvetov, Tsvetov 2018: 16]. В своей статье авторы подняли вопрос о том, является ли общественная реакция во Вьетнаме проявлением права человека на свободу или реакцией на ограничения государством его прав. Мы также уделяем особое внимание первой ценности – проявлению права человека на свободу. Во Вьетнаме быть более либеральным – это право человека. Проанализируем это более детально чуть ниже.

Другие статьи, например «Новая конституция Вьетнама: усиливается акцент на права человека и гражданина» П.Ю. Цветова [Цветов 2014] или «Грозит ли Вьетнаму “цветная революция”»? И.В. Бритова [Бритов 2021], хотя напрямую не рассматривают вопросы прав человека во Вьетнаме, упоминают инструменты, обеспечивающие прогресс в этой области. И это также основа стабильного и устойчивого развития Вьетнама. Это отражено во вьетнамской Конституции и политике правящей Коммунистической партии Вьетнама.

Что касается освещения ценностей прав человека во Вьетнаме, Чан Тхи Минь Туэт проанализировала достижения и ограничения при демократизации [Tran Thi Minh Tuyet 2019: 18–27]. Кроме того, мы видим, что исследовательские работы время от времени освещают положение с правами человека в разных аспектах, например исследование поклонения богине-матери (Tín ngưỡng thờ Mẫu) во Вьетнаме [Salemink 2020: 129–154] или очень специализированная работа, в которой отражено обеспечение прав человека в Конституции СРВ [Giao Cong Vu 2017: 235–262].

Такие исследования не могут быть исчерпывающими и не вполне учитывают активную правозащитную деятельность во Вьетнаме. Поэтому для расширения представления об этой сфере в СРВ в статье будут проанализированы признанные международным сообществом права человека, отражённые в конвенциях Организации Объединённых Наций по гражданским, политическим, экономическим, культурным и социальным правам. Мы надеемся, что статья отчасти внесёт свой вклад в разъяснение ситуации с правами человека во Вьетнаме. Более того, она даёт чёткие ответы на вопросы, которые некоторые западные страны часто задают на эту тему: есть ли у вьетнамцев свобода слова, свобода прессы? Есть ли во Вьетнаме угнетение этнических меньшинств или обездоленных групп в обществе? Есть ли свобода вероисповедания?

Гражданские и политические права

Действующая Конституция СРВ, принятая Национальным собранием в 2013 г., знаменует собой важный шаг в повышении осведомлённости о правах человека, а также об обязанности организаций и отдельных лиц признавать, уважать, защищать и гарантировать права человека и права граждан во всех областях.

Конституция 2013 г. состоит из 11 глав и 120 статей². В частности, глава о правах человека, общих правах и обязанностях граждан содержит наибольшее количество статей – 36 (ст. 14–49). Это важная глава, так как она касается взаимоотношений между гражданами и государственными органами. С 2014 г. и до конца ноября 2019 г. Национальное собрание вносило поправки и дополнения, а также издало более 100 новых законов и постановлений, касающихся гарантий прав человека и гражданских прав в соответствии с Конституцией 2013 г. Значительные достижения в области законодательства и правоприменения, которых Вьетнам добился более чем за 30 лет политики обновления, являются факторами, защищающими законные возможности и благоприятные условия для каждого человека пользоваться своими правами.

Уголовный кодекс 2015 г. закрепляет политику расширения применения санкций. Он не лишает свободы, но ограничивает наказание в виде тюремного заключения и институционализирует политику ограничения применения смертной казни. Презумпция невиновности, невозможность быть осуждённым дважды за одно и то же преступление, судебное разбирательство гарантированы. В Гражданский кодекс 2015 г. добавлены общие принципы установления, реализации и защиты гражданских прав, оговорены обязанности судов и других компетентных органов по защите гражданских прав физических и юридических лиц [Thành Trung: 28.08.2020].

Все вышеназванные правовые акты соответствуют Конституции 2013 г., которая содержит два следующих основных принципа: *во-первых*, «государство обеспечивает и способствует осуществлению права людей на власть; признаёт, уважает, защищает и гарантирует права человека и гражданина; реализует цель: богатый народ, сильная страна [на основе] демократии, справедливости, цивилизации... (ст. 3); *во-вторых*, «Коммунистическая партия Вьетнама тесно связана с народом, служит народу, находится под надзором народа и подотчётна народу за свои решения» (ст. 4).

Примечательно, что пересмотренное содержание и новые законы продемонстрировали новое восприятие и взгляды вьетнамского государства в области прав человека. Например, Закон «О вероисповедании и религии» (2016) не только упрощает процедуры лицензирования религиозных обрядов, канонического права и религиозных ритуалов, но и обеспечивает права всех верующих. К ним отнесены граждане Вьетнама и иностранцы, как пребывающие на свободе, так и отбывающие наказание [Cao Đức Thái: 28.01.2019].

Наряду с усилиями по совершенствованию внутренней правовой системы Вьетнам укрепляет международное сотрудничество по защите прав человека и их обеспечению. СРВ стала участником основных международных конвенций по правам человека. Это Пакт о гражданских и политических правах (1982); Пакт об экономических, социальных и культурных правах (1982);

² Конституционное наследие отражено в каждой конституции Вьетнама, начиная с Конституции 1946 г., а затем в конституциях 1959, 1980, 1992 и 2013 гг.

Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1982); Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1982); Конвенция о правах ребёнка (1990); Конвенция о правах инвалидов (2015); Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (2015). Кроме того, Вьетнам присоединился ко многим другим международным договорам, связанным с защитой прав человека и международным гуманитарным правом, а также к конвенции Международной организации труда (МОТ) по правам человека и международной Гуманитарной хартии, документам по защите прав трудящихся [Hà Kim Ngoc: 18.12.2015]. Все эти конвенции кодифицированы в правовой системе СРВ.

Вьетнам обязуется соблюдать международные договоры, участником которых он является. Это отражено в Конституции, Законе о международных договорах и Законе об опубликовании юридических документов. Если внутренний правовой акт и международный договор содержат разные положения по одному и тому же вопросу, то применяются положения этого международного договора, за исключением Конституции (Закон о международных договорах, ст. 6).

Вьетнам неукоснительно реализует Универсальный периодический обзор (УПО)³; активно участвует во многих важных механизмах ООН по правам человека, таких как Совет по правам человека (2014–2016), Социально-экономический совет (2016–2018) В дополнение к диалогам со всеми членами ООН в рамках УПО Вьетнам также провёл диалог или двусторонние консультации с несколькими партнёрами, заинтересованными в правах человека. Только за пять лет (2015–2020) состоялось шесть диалогов по правам человека с США, пять – со странами ЕС, три – с Норвегией и четыре – со Швейцарией [Hoàng Nam: 10.10.2020]. Эти диалоги нацелены на обмен мнениями и опытом с целью дальнейшего улучшения осуществления прав человека во всех странах. Эта деятельность помогла другим странам лучше понять интересы Вьетнама, в том числе различия, приоритеты и возможности сотрудничества в области прав человека.

В 2019 г. в Совете по правам человека Вьетнам вместе с Бангладеш, Филиппинами и 49 соавторами представил Резолюцию о правах инвалидов. Как страна, представляющая АСЕАН на мероприятиях Совета по правам человека, посвящённых правам женщин, СРВ также выступила с соответствующей инициативой. Вьетнам считается одним из основных членов Совета по правам человека в содействии реализации прав человека.

Во время своего срока выполнения обязанностей непостоянного члена Совета Безопасности ООН в 2008–2009 гг. Вьетнам, будучи председателем СБ, способствовал принятию резолюции 1889 СБ ООН (2009) о роли женщин в послевоенный период. Основываясь на этом результате, Вьетнам планировал провести несколько важных мероприятий, связанных с этим

³ УПО регулируется Советом ООН по правам человека с 2008 г. Это периодический (каждые 4–5 лет) механизм проведения обзора защиты и содействия развитию прав человека во всех государствах – членах ООН в духе равенства и конструктивного диалога. Вьетнам участвовал в УПО и полностью выполнил рекомендации предыдущих отчётных сессий. Третий Универсальный периодический отчёт (первый – в 2009 г., второй – в 2014 г.) ясно показывает его взгляды на проблемы прав человека во Вьетнаме. В третьем отчёте (22 января 2019 г.) Вьетнам сначала разъяснил выполнение рекомендаций из второго отчёта. В октябре 2018 г. Вьетнам реализовал 175 рекомендаций из 182 (96,2 %). Остальные семь рассматриваются для реализации в соответствующее время.

вопросом, особенно что касается роли женщин в переговорах, укреплении мира и послевоенном восстановлении [Hồng Diệp, Diệp Trương: 10.12.2019].

Кроме того, Вьетнам изучает возможность присоединения к некоторым конвенциям по правам человека, таким как Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений (CPED), Международная конвенция о защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей (МКПТМ). Что касается факультативных протоколов к Конвенции, Вьетнам продолжит изучение и рассмотрение их в ближайшее время.

Право народа на власть отражено в праве голосовать и баллотироваться на выборах. Об этом свидетельствуют итоги выборов в Национальное собрание 15-го созыва (на 2021–2026 гг.). На избирательные участки пришли 69 243 604 избирателя (99,60 % от общего числа). Состав избранных делегатов отражает право выбирать депутатов. Приведём конкретные результаты: из 499 делегатов представители этнических меньшинств составляют 17,84 %, молодые люди до 40 лет – 9,42 %, беспартийные – 2,81 %. Женщины-депутаты составляют 30,26 %, что является самым высоким показателем за всю историю Национального собрания [Tỉ lệ đại biểu quốc hội: 10.07.2021]. Кроме того, право граждан на участие в государственном управлении отражается в голосах их представителей в Национальном собрании. В последнее время граждане могли смотреть прямые трансляции его заседаний; особый интерес вызывают заседания «вопросов и ответов». Актуальные вопросы обсуждаются непосредственно в зале делегатами и руководителями соответствующих министерств [Cao Đức Thái: 28.01.2019].

Быстрый рост различных организаций, ассоциаций и клубов доказывает, что право на свободу собраний и ассоциаций соблюдается и гарантируется. Число лиц, облечённых саном, монахов и религиозных активистов с каждым годом увеличивается. Во Вьетнаме религиозные организации, одобренные государством, имеют право создавать школы, учебные заведения для духовенства, публиковать священные книги, участвовать в общественной деятельности. В стране действует 41 организация, принадлежащая 16 религиям; всего насчитывается 29 977 культовых сооружений и 55 839 лиц, облечённых саном [Quy định của pháp luật: 05.03.2021].

Поскольку 13,2 млн последователей религий составляют 13,7 % от общей численности населения, это одновременно и ресурс, и хороший источник капитала⁴. Ежегодно проводится более 8 тыс. религиозных праздников, привлекающих множество верующих и атеистов. По состоянию на 2018 г. издавалось 12 газет и журналов, посвящённых религии. У большинства религиозных организаций есть свои сайты [Chu An: 07.07.2020]. В 2008, 2014, 2019 гг. ООН выбрала Вьетнам местом успешного проведения Дня рождения Великого Будды.

Создание религиозных организаций отражает заинтересованность государства в последовательном осуществлении права на свободу совести и религии. И это подтверждает, что Вьетнам не делает различий между людьми разных религий или убеждений. Он не дискриминирует какую-либо религию, национальную или пришедшую из-за границы, будь то

⁴ Эти данные приведены в докладе Центрального руководящего комитета по переписи населения и жилищного фонда 29 декабря 2019 г. (URL: <http://baochinhphu.vn/Tin> (дата обращения: 20.03.2020)). Однако, согласно статистике Государственного комитета по делам религий, по состоянию на июнь 2017 г. во Вьетнаме было около 25,3 млн верующих, что составляет 27 % населения страны. URL: <http://btgcp.gov.vn/> (дата обращения: 20.06.2020).

давно установившаяся религия или недавно признанная. Более того, этническим меньшинствам всегда гарантируется свобода вероисповедания [Chu An: 07.07.2020].

В контексте четвёртой промышленной революции для обеспечения прав человека и гражданина, содействия экономическому и социальному развитию в СРВ учрежден Государственный комитет по электронному правительству [Quyết định 1072/QĐ-TTg: 28.08.2018] для предоставления государственных услуг онлайн. Это повышает эффективность работы с пожеланиями и рекомендациями от населения и предприятий. Чиновники, представители агентств и других организаций напрямую общаются с народом, выслушивают мнения и удовлетворяют все законные потребности людей [Hồng Quang: 05.12.2020].

Экономические, культурные и социальные права

После семи лет (с 2007 г.) пребывания в статусе наблюдателя Вьетнам был избран членом Совета по правам человека Организации Объединённых Наций на 2014–2016 гг., получив при голосовании 184 из 193 голосов и став страной, получившей наибольшее количество голосов из 14 выбранных стран [Những bước tiến: 11.12.2020].

Во всех секторах экономики квалифицированные специалисты помогают участвовать в процессе развития [Minh Duyên 2019]. В 2019 г. Вьетнам впервые оказался в группе 60 самых креативных экономик мира [Đội lốt: 10.01.2020].

Одним из примечательных достижений в области прав человека является тот факт, что Вьетнам уделяет внимание поощрению, защите и обеспечению основных прав уязвимых групп общества. В результате уровень многомерной бедности во Вьетнаме снизился с 9,88 % (2015) до 3,73 % (2019). В стране почти 3 млн бедных и малоимущих людей получили бесплатные полисы медицинского страхования. В 2020 г. правительство должно было представить Национальному собранию для утверждения инвестиционной политики Национальную целевую программу социально-экономического развития этнических меньшинств и населения, проживающего в горных районах, чтобы определить необходимые для этого ресурсы и быстрее инвестировать в целевое сокращение бедности. Государственные программы помощи бедным в различных формах привели к снижению уровня бедности в стране в среднем на 1,43 % в год. Реформа сферы медицинского обследования и лечебных процедур создаёт максимально благоприятные условия для доступа участников медицинского страхования к качественным медицинским услугам. В 2019 г. израсходовано около 32 300 млрд донгов (около 1,4 млн долл.), что составляет примерно 35 % медицинских расходов, на поддержку малоимущих и льготных категорий граждан, участвующих в медицинском страховании, что к июню 2020 г. обеспечило охват этим видом страхования почти 89 % населения⁵.

Что касается свободы слова, печати, киберпространства и социальных сетей, то их государство гарантирует на уровне идеологии и политики, обеспечивает им техническую базу. В настоящее время во Вьетнаме насчитывается 858 типографий, 105 электронных новостных агентств, 207 веб-сайтов информационных агентств. В 2018 г. Национальное собрание СРВ обнародовало Закон о кибербезопасности (вступил в силу с 1 января 2019 г.). Закон гарантирует

⁵ В 1993 г. количество людей, участвующих в медицинском страховании, составляло всего лишь 3,8 млн человек (5,4 % населения).

право доступа к информации вьетнамцам и иностранцам, живущим и работающим во Вьетнаме. Сегодня в стране присутствуют крупные информационные агентства и газеты, такие как CNN, BBC, TV5, NHK, DW, Australia Network, KBS, Bloomberg и др. Через киберпространство вьетнамцы имеют доступ к новостям и статьям зарубежных информационных агентств и прессы, сайтам, работающим во Вьетнаме. Закон о кибербезопасности определяет принцип верховенства закона Вьетнама при уважении и обеспечении прав человека (ст. 4). Согласно отчёту интернет-исследовательской организации We Are Social, среди примерно 96,9 млн жителей СРВ в январе 2020 г. насчитывалось 68,17 млн пользователей Интернета (70 %) и до 65 млн пользователей социальных сетей (67 % населения). С такими показателями Вьетнам является одной из ведущих стран Юго-Восточной Азии по использованию Интернета и социальных сетей⁶.

Масштабы образования на всех уровнях и по всем дисциплинам продолжают увеличиваться, удовлетворяя растущие потребности населения в обучении. 63 провинции и города добились универсализации дошкольного образования для пятилетних детей и для начального образования.

Сохраняющиеся трудности

Фактически Вьетнам в течение долгого времени был слаборазвитой страной, пережившей много войн, истощавших экономику и разрушавших окружающую среду, ограничивавших ресурсы, что влияло на реализацию многих целей социальной политики, связанных с правами человека. В последнее время, добиваясь положительных результатов социально-экономического развития, Вьетнам предпринял усилия по решению проблем в области прав человека. Однако успехи в этой области все ещё ограничены. Кроме того, уровень социально-экономического развития различается по регионам и группам населения. Сказывается нехватка ресурсов для развития, особенно в проведении политики по поддержке и гарантированию прав социально незащищённых и уязвимых слоев общества. Риски изменения климата, стихийных бедствий, эпидемий и другие нетрадиционные проблемы безопасности, от которых сильно страдают уязвимые слои, остаются серьёзной проблемой для Вьетнама. Некоторые устаревшие обычаи и подходы мешают женщинам и ущемленным группам, к которым относятся дети, инвалиды и этнические меньшинства, активно защищать свои права. Все ещё существует традиция верховенства мужчин и неуважения к женщинам, сохраняется домашнее насилие, особенно среди людей с низким уровнем образования. Эти проблемы затрагивают каждого гражданина в плане осуществления своих прав, а также ставят перед государственными органами задачи по разработке и реализации политики, направленной на улучшение материальной и духовной жизни людей. Несмотря на значительные усилия государства, скромным остаётся охват населения нынешней системой социального обеспечения, что препятствует более полному осуществлению экономических, социальных и культурных прав людей.

Несмотря на то что образованию в области прав человека уделялось внимание и оказывалось содействие, все ещё существует определённое непонимание соответствующих требований. Содержание обучения в области прав человека является примитивным, практически оставаясь на уровне предоставления информации и изложения правовых норм. С другой стороны,

⁶ В среднем в Юго-Восточной Азии доля пользователей Интернета и социальных сетей составляет 66 % и 63 % соответственно (<https://wearesocial.com/digital-2020>).

законодательная база по правам человека во Вьетнаме всё ещё не безупречна. Возможности применения закона ограничены, а осведомлённость правоохранительных органов невысока. При этом необходимые и достаточные условия для обеспечения эффективного применения закона не всегда полностью гарантированы, что повлияло на достижение поставленных целей и исполнение международных конвенций. Эти вызовы не только напрямую влияют на каждого жителя, но и распыляют ресурсы страны, снижают эффективность политики стимулирования и содействия обеспечению гражданских и политических прав.

Заключение

Во Вьетнаме сравнительно давно осознаны реалии прав человека, ратифицировано много международных конвенций, касающихся прав человека, и выработаны свои взгляды по данному вопросу. Подходы и политика Ханоя в области прав человека совпадают с общепринятыми представлениями международного сообщества. Практика решения гражданских, политических, экономических, культурных и социальных вопросов во Вьетнаме с очевидностью это демонстрирует.

Однако, из-за различия его подходов и оценок с западными, многие виды деятельности в СРВ по-прежнему считаются не соответствующими стандартам прав человека. Таким образом, Вьетнаму предстоит обратить внимание на решение этой задачи, чтобы удовлетворять общим условиям международного права в области прав человека. Но следует все же сохранять хорошие традиционные гуманитарные ценности Вьетнама.

К тому же отношения между странами должны опираться на равенство и независимость политических институтов. Ценности, концепции и стандарты прав человека в одной стране не могут навязываться другой стране, измеряться или оцениваться первой, даже если принуждать «критикуемую» страну это делать. Государствам необходимо следовать общим стандартам прав человека, которые признаёт международное сообщество. Различия и устранение этих различий – это объективный, научный и непредвзятый взгляд на то, как принести людям свободу и счастье.

Список литературы

Бритов И.В. Грозит ли Вьетнаму «цветная революция»? // Азия и Африка сегодня, 2021, № 6. С. 27–34.

Мазырин В.М. Реформы переходного периода во Вьетнаме (1986–2006): направления, динамика, результаты. М.: Ключ-С, 2007.

Цветов А.П., Цветов П.Ю. Общественные протесты во Вьетнаме: созревание гражданского общества или пролог «цветной революции»? // Вьетнамские исследования. 2018. Т. 2. № 3. С. 5–17.

Цветов П.Ю. Новая конституция Вьетнама: усиливается акцент на права человека и гражданина // Азия и Африка сегодня. 2014. № 6. С. 20–23.

Бảo vệ và thúc đẩy quyền con người ở Việt Nam. Sách trắng về quyền con người ở Việt Nam. Bộ Ngoại giao Việt Nam. [Защищать и развивать права человека во Вьетнаме. Белая книга по правам человека во Вьетнаме. Министерство иностранных дел Вьетнама]. Tr. 7–8. URL: <https://pbgdpl.moj.gov.vn/> (дата обращения: 05.03.2021).

Caο Đức Thái. Thành tựu nhân quyền của Việt Nam là to lớn, vững chắc - không ai có thể phủ nhận được [Као Дык Тхай. Никто не может отрицать значительных и постоянных достижений Вьетнама в области прав человека] // Tạp chí Quốc phòng toàn dân, 28.01.2019. URL: <http://tapchiquptd.vn/vi/>

Chu An. Hoạt động tôn giáo ở Việt Nam: Sôi động, đa dạng và tự do trong khuôn khổ pháp luật [*Тю Ан.* Религиозная деятельность во Вьетнаме: активная, разнообразная и свободная, в правовых рамках] // Báo Quốc tế, 07.07.2020. URL: <https://baoquocte.vn/>

Chu Hồng Thanh. Quyền con người và Luật quốc tế về quyền con người [*Тю Хонг Тхань.* Права человека и международное законодательство о правах человека]. Hà Nội: Nxb. Chính trị Quốc gia, 1997. Tr. 23.

Đội lốt “theo dõi nhân quyền” can thiệp vào công việc nội bộ của Việt Nam là trái công ước quốc tế [Вмешательство во внутренние дела Вьетнама под прикрытием «мониторинга прав человека» противоречит международным конвенциям] // *Quân đội nhân dân*, 10.02.2020. URL: <https://www.qdnd.vn/>

Giao Cong Vu. Constitutional Debate and Development on Human Rights in Vietnam // Asian Journal of Comparative Law, Vol. 11, Special Issue 2: Special Issue on Vietnamese and Comparative Constitutional Law, December, 2016. P. 235–262.

Hà Kim Ngọc. Việt Nam tham gia và thực hiện các cam kết quốc tế về quyền con người [*Ха Ким Нгок.* Вьетнам присоединяется к международным обязательствам в области прав человека и выполняет их] // Báo quốc tế, 18.12.2015. URL: <https://baoquocte.vn/>

Hoàng Nam. Tăng cường công tác đối ngoại, đấu tranh chống lợi dụng vấn đề dân tộc, tôn giáo, nhân quyền, góp phần bảo đảm ổn định và phát triển bền vững chế độ chính trị ở nước ta [*Хоанг Нам.* Укреплять международные отношения, бороться против злоупотреблений в использовании этнических, религиозных вопросов и вопросов прав человека, способствовать обеспечению стабильности и устойчивого развития политического режима в нашей стране] // Tạp chí Cộng sản, 10.11.2020. URL: <https://www.tapchicongsan.org.vn/>

Hồng Diệp, Diệp Trương. Việt Nam tiếp tục hoàn thiện hệ thống pháp luật bảo đảm quyền con người [*Хонг Диен, Зиен Чыонг.* Вьетнам продолжает совершенствовать правовую систему для обеспечения прав человека] // Thông tấn xã Việt Nam, 10.12.2019. URL: <http://mod.gov.vn/wps/portal/>

Hồng Quang. Các thành tựu nhân quyền của Việt Nam là không thể phủ nhận [*Хонг Кыанг.* Vietnam's human rights achievements are undeniable] // Nhân dân, 15.12.2020. URL: <https://nhandan.com.vn/>

Minh Duyên. Việt Nam đạt nhiều thành tựu về quyền con người [*Минь Зюен.* Вьетнам имеет много достижений в области прав человека] // Thông tấn xã Việt Nam, 14.12.2019. URL: <http://hdll.vn/vi/>

Nguyễn Đăng Dung, Vũ Công Giao, Lã Khánh Tùng. Giáo trình lý luận và pháp luật về quyền con người (tái bản lần thứ hai) [*Нгуен Данг Зунг, Ву Конг Зяо, Ла Кхань Тунг.* Учебник теории и права в области прав человека (издание второе)]. Hà Nội: Nxb. Chính trị Quốc gia, 2015.

Những bước tiến trong vấn đề nhân quyền ở Việt Nam [Прогресс в области прав человека во Вьетнаме] // Xây dựng Đảng, 11.12.2020. URL: <http://www.xaydungdang.org.vn/>

Quy định của pháp luật về giáo dục hiện nay liên quan đến tổ chức tôn giáo. Ban tôn giáo chính phủ [Действующие правовые положения об образовании, связанные с религиозными организациями. Государственного комитета по делам религий]. URL: <http://btgcp.gov.vn/nguyen-cuu-khoa-hoc-va-trao-doi-y-kien/quy-dinh-cua-phap-luat-ve-giao-duc-hien-nay-lien-quan-den-to-chuc-ton-giao-postL4rnOZ4G.html> (дата обращения: 05.03.2021).

Quyết định 1072/QĐ-TTg thành lập Ủy ban Quốc gia về Chính phủ điện tử, có hiệu lực thi hành kể từ ngày 28/8/2018 [Решение 1072 / QĐ-TTg об учреждении Национального комитета по электронному правительству, вступившее в силу с 28 августа 2018 г.] // Báo Chính phủ, 28.08.2018. URL: <http://baochinhphu.vn/>

Salemink O. Homo Sanctus: Religious Contestations and the Sanctification of Heritage and Human Rights in Vietnam. In: *The Secular Sacred*. Palgrave Politics of Identity and Citizenship Series. Springer International Publishing, 2020.

Thành Trung. Đảm bảo nhân quyền trong giai đoạn hiện nay [Тхань Чунг. Обеспечение прав человека в настоящий период] // Tư pháp Hà Tĩnh, 28.08.2020. URL: <http://tuphap.hatinh.gov.vn/>

Tỉ lệ đại biểu quốc hội nữ khóa XV cao nhất từ trước đến nay [В Национальном собрании 15-го созыва самый высокий процент женщин-депутатов за всю историю] // Tuổi trẻ, 10.06.2021. URL: <https://tuoitre.vn/>

Tran Thi Minh Tuyet. Awareness of Democracy and the Democratization Process in Vietnam during the Doi Moi Period: Situation to Solutions. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 2019. Т. 3. № 4. С. 18–27.

Авторы:

Нгуен Ань Кыонг, к. полит. н., доцент, зам. декана факультета политических наук, Университет общественных и гуманитарных наук, Ханойский государственный университет. ORCID: 0000-0003-0687-4430. E-mail: nguyenanhcuong@ussh.edu.vn

До Тхи Хиен, к. полит. н., преподаватель, факультет политической теории, Хошиминский промышленный университет, Вьетнам. ORCID: 000-0002-9093-8566. Email: dothihien@iuh.edu.vn

Нгуен Динь Кыонг, к. полит. н., преподаватель, Донгтхапский университет, Вьетнам. ORCID: 000-0001-5600-8907. Email: ndcuonght@gmail.com

Продвижение статьи:

Дата поступления: 01.08.2021

Дата поступления в переработанном виде: 08.12.2021

Принята к печати: 12.12.2021

HUMAN RIGHTS IN VIETNAM – A CURRENT REALITY

Nguyen Anh Cuong, Do Thi Hien, Nguyen Dinh Cuong¹

Abstract. The article is based on recognized human rights standards, using concrete examples in real life, thus showing the actual picture of human rights in Vietnam today. Vietnam is willing to cooperate and strives to realize the values in the *Declaration of Human Rights of the United Nations in 1948* and other international conventions on human rights. It tries to answer questions about human rights in Vietnam: Why is the human rights situation in the country making much progress, although the US still regularly puts Vietnam on the list of countries particularly concerned about human rights? Most importantly, this colorful picture will delve into human rights values that Vietnamese people are enjoying. With vivid images, the article also points out the difficulties that Vietnamese people are going through to join the international community to be more aware of the human rights issues that they actively address.

Keywords: The Communist Party of Vietnam, common values, human rights values in Vietnam, human rights practice in Vietnam.

For citation: Nguyen Anh Cuong, Do Thi Hien, Nguyen Dinh Cuong (2021). Human Rights in Vietnam – A Current Reality. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 5 (4): 26–44.

Introduction

Human rights in Vietnam are often understood as natural and inherent human needs and interests. That is recognized and protected in national laws and international legal agreements. [Nguyễn Đăng Dung *et al.* 2015: 40] Human rights are the ability to exercise natural and objective privileges of human, as a person and as a member of society, guaranteed by a system of national policies, laws, and international legal agreements on human values in material relations, physical, cultural, spiritual, freedom and development needs [Chu Hồng Thanh 1997: 23]. With this in mind, it is clear to Vietnam that no country has the right to judge another state on the human rights situation if it is not based on broad recognition by international conventions. Therefore, in the process of integration, the Communist Party of Vietnam and the State of Vietnam pay special attention to dialogue and international cooperation to narrow differences, increase understanding in the approach to human rights in Vietnam [Bộ ngoại giao 2018: 7–8].

When studying the reality of the human rights situation in Vietnam in recent times, many foreigners and Vietnamese have also done research related to the human rights situation in Vietnam. The outstanding research work of V.M. Mazyrin has pointed out many issues concerning civil liberties and human rights. According to Mazyrin, "despite serious limitations, compliance with civil rights and liberties in Vietnam has improved" and said that "the norms of liberal democracy, established by Western human rights defenders consider it natural, but their demands are not relevant to the local population" [Mazyrin 2007: 88]. In our opinion, although the above perception has acknowledged the progress and

¹ The authors received financial support from the VNU University of Social Sciences and Humanities, Hanoi for the research, and publication of this article.

improvement of the human rights situation in Vietnam, it is perhaps no longer appropriate because up to nowadays, those remarks existed 14 years ago. Therefore, this article with specific examples, updated positively, will have many new insights into the reality of the human rights situation in Vietnam today.

It can be seen right in the *Russian Journal of Vietnamese Studies*, the article by A.P. Tsvetov and P.Yu. Tsvetov when referring to “the public protests in Vietnam that took place in its largest cities.... These protests in the context of the civil society development as evidence of increased activity of public forces in the country under the influence of new opportunities to mobilize them for protests, including through social networks” [Tsvetov, Tsvetov 2018: 16]. This article of Tsvetovs has raised the question of whether the public reaction in Vietnam is a manifestation of the human right to freedom or the limitations of the State on human rights. In another approach, we focus extra on the first value – the manifestation of the right to freedom. Human rights in Vietnam must be more liberal. So we will analyze the issue in more detail in this article.

Other articles such as by Tsvetov P.Yu. “The new constitution of Vietnam: growing emphasis on human and civil rights” [Tsvetov 2014] or by Britov I.V. “Is Vietnam threatened by a ‘color revolution’?” [Britov 2021] although do not directly address human rights issues in Vietnam, they mention tools to ensure progress on human rights issues in Vietnam. And that is also the basis for the stable and sustainable development of Vietnam. That is the constitution of Vietnam and the ruling Communist Party of Vietnam.

For the values of human rights in Vietnam, Tran Thi Minh Tuyet has analyzed the achievements and limitations in democratization [Tran Thi Minh Tuyet 2019-2: 18-27]. In addition, we can see that the research works reflect the human rights situation sporadically, such as the study of Mother Goddess worship (Tín ngưỡng thờ Mẫu) in Vietnam to make human rights claims [Salemink 2020: 129-154]. Or very specialized research on the human rights situation in Vietnam as reflected in the constitution [Giao Cong Vu 2017: 235–262].

Such studies will not be exhaustive, nor will they reproduce vivid human rights activities in Vietnam. Therefore, to provide more awareness about human rights in the country, the article will analyze human rights recognized in the international community, expressed in the United Nations conventions on civil, political, economic, cultural, and social rights. With that analytical framework, this article will partly contribute to human rights activities carried out in Vietnam.

This article, moreover, also contributes to a clear answer to the questions that some Western countries often ask specifically about human rights in Vietnam: Do Vietnamese people have freedom of speech? Press freedom? In Vietnam, is there oppression of ethnic minorities or disadvantaged groups in society? Do Vietnamese people have freedom of religion?

Civil and political rights

The current Vietnam Constitution approved by the National Assembly in 2013 marks a crucial step in awareness of human rights as well as the responsibilities of organizations and individuals to recognize, respect, protect, and guarantee human rights and citizen rights in all fields.

The 2013 Constitution has 11 chapters, 120 articles.² In particular, the chapter on human rights, common rights, and obligations of citizens is the chapter with the highest number of articles, including 36 articles (from article 14 to 49). That is an important chapter because it concerns the relationship between citizens and state agencies. From 2014 to the end of November 2019, the National Assembly amended, supplemented, and promulgated more than 100 new laws and ordinances related to the warranty of human rights and civilian rights under the 2013 Constitution. The considerable achievements in legislation and law enforcement that Vietnam has achieved in more than 30 years of implementing the renovation are the factors that protect law so that everyone has the opportunity and favorable conditions to enjoy human rights.

The 2015 Penal Code institutionalizes the policy of increasing the applicability of sanctions. It does not deprive freedom but limits the imprisonment penalty and institutionalizes the policy of restricting the application of the death penalty. The principle of presumption of innocence states that no one is convicted twice for the same crime, litigation in a trial is guaranteed. The 2015 Civil Code has added general principles on the establishment, implementation, and protection of civil rights, stipulating the responsibilities of courts and other competent agencies in protecting the civil rights of individuals and legal entities [Thành Trung: 28.08.2020].

All above decrees comply with the 2013 Constitution, in which there are two basic principles as follows: firstly, “The State ensures and promotes the rights to mastery; recognizes, respects, protects, and guarantees human and citizen rights; realizes the goal of rich people, strong country, democracy, justice, civilization, ... (Article 3); secondly, “The Communist Party of Vietnam closely associated with the People, serves the People, is subject to the supervision by the people, and is accountable to the People for its decisions” (Article 4).

Notably, the revised content and new laws have shown new perceptions and views of the State of Vietnam in the field of human rights. For example, *the Law on Beliefs and Religions (2016)* not only simplifies licensing procedures for religious practices, canon law, and religious rituals but ensures the rights of all religious persons. They are Vietnamese citizens or foreigners, whether free men or serving sentences [Cao Đức Thái: 28.01.2019].

Along with efforts to improve the domestic legal system, Vietnam also strengthens international cooperation to protect and promote human rights. Vietnam became a member of 7/9 essential international conventions on human rights. It is the Covenant on Civil and Political Rights (1982); Convention on Economic, Social and Cultural Rights (1982); Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women (1982); Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination (1982); Convention on the Rights of the Child (1990); Convention on the Rights of Persons with Disabilities (2015); Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (2015). In addition, Vietnam also joined many other international treaties related to protecting human rights and international humanitarian law and the International Labor Organization (ILO) conventions on human rights and international humanitarian charter, and the protection of worker rights [Hà Kim Ngọc: 18.12.2015]. These conventions are all codified in the Vietnamese legal system.

² The constitutional legacy has been reflected in each constitution in Vietnam since the 1946 Constitution, 1959 Constitution, 1980 Constitution, 1992 Constitution, and 2013 Constitution.

Vietnam commits to comply with international treaties to which Vietnam is a member. It reflects *the Constitution, the Law on International Treaties, and the Law on Promulgation of Legal Documents*. If a domestic legal document and an international treaty have different provisions on the same issue, the provisions of that international treaty shall apply, except for the Constitution (Article 6. *Law of International Treaties*).

Vietnam seriously implements the Universal Periodic Review (UPR);³ actively participates in many important UN mechanisms on human rights such as the Peoples' Rights Council for the 2014–2016 term, the Socioeconomic Council for the 2016–2018 term. In addition to dialogues with all UN members within the framework of the UPR, Vietnam has also conducted dialogue or bilateral consultations with several partners interested in human rights. In the five years alone (from 2015 to 2020), Vietnam has had six human rights dialogues with the US, five with the EU, three with Norway, and four with Switzerland [Hoàng Nam: 10.10.2020]. These dialogues aim to exchange views and learn from each other to further enhance the enjoyment of rights by people in each country. The activity has contributed to helping other countries better understand Vietnam's interests. It includes differences, priorities and explores cooperation opportunities in human rights.

In 2019, at the Human Rights Council, Vietnam, together with Bangladesh and the Philippines, introduced the Resolution on the rights of disabled people with 49 co-sponsors. As a society representing ASEAN voice in Human Rights Council's events on women rights, Vietnam also introduced related initiative. Vietnam is considered a core member of the Human Rights Council in promoting the settlement of human rights.

During their tenure as a nonpermanent member of the United Nations Security Council in 2008–2009, Vietnam chaired and pushed for the adoption of Security Council Resolution 1889 on the role of women in the postwar period. Building on that result, Vietnam expected to host several important events related to this content, especially about the role of women in negotiation, peace-building, postwar reconstruction [Hồng Điệp, Diệp Trương: 10.12.2019].

In addition, Vietnam is studying the possibility of joining some human rights conventions, such as the International Convention for the Protection of All Persons from Enforced Disappearance (CPED), the International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of their families (ICRMW). As for the optional Protocols of the Convention, Vietnam will continue to study and consider them in the coming time.

The people's right to rule is reflected in the right to vote and stand for election. The results of the 15th National Assembly (term of 2021–2026) election have shown this. There were 69,243,604 voters (99.60% of the total number) who went to the polls. The structure of elected delegates reflects the right to choose deputies. The specific results are following: of the 499 delegates, ethnic minorities are represented by 17.84% of delegates, young delegates under 40 years old by 9.42%; non-Party members

³ UPR has been regulated by the United Nations Human Rights Council since 2008. It is a periodical (every 4-5 years) review mechanism on the protection and promotion of human rights in all UN member states, in the spirit of equality and constructive dialogue. Vietnam has participated in the UPR and fully implemented the recommendations from the previous reporting sessions. *The Third Periodic Universal Report* (first time, 2009; second time, 2014) clearly shows its views on human rights issues in Vietnam. In the Third Report (January 22, 2019), Vietnam first clarified the implementation of the recommendations from the Second report. In October 2018, Vietnam had implemented 175 out of 182 (96.2%). The seven recommendations remaining are considered for implementation at the appropriate time.

by 2.81%. For the first time in the National Assembly terms, the percentage of National Assembly deputies who are women is 30.26%, the highest ever [Tỉ lệ đại biểu quốc hội: 10.07.2021]. In addition, the people's right to participate state management is reflected in the voices of their representatives in the National Assembly. In recent terms, the National Assembly sessions televised live for the citizens to watch; question-and-answer sessions are of particular interest for them. Hot issues are discussed directly in the hall between delegates and relevant ministry leaders [Cao Đức Thái: 28.01.2019].

The rapid growth of organizations, associations, and clubs proves that rights to freedom of assembly and association are respected and guaranteed. The number of dignitaries, monks, and professional religious activists is constantly increasing year by year. Religions approved by the State of Vietnam have the right to establish schools, the right to training institutions for dignitaries, publish scriptures, participate in social activities. Vietnam has 41 organizations belonging to 16 religions, 29,977 total worshipping facilities, 55,839 total dignitaries [Ban tôn giáo chính phủ 2020].

With 13.2 million religious followers accounting for 13.7% of the total population, this is both a resource and a good source of capital.⁴ There are more than 8,000 religious festivals every year, attracting a lot of believers, and the masses. As of 2018, there are 12 newspapers and magazines related to religion. Most religious organizations have their websites [Chu An: 07.07.2020]. In 2008, 2014, 2019, the United Nations chose Vietnam as the venue for successful holding of the Great Buddha Birthday etc.

The establishment of religious organizations reflects the State's interest for consistent exercising the right to freedom of belief and religion. And it affirms that Vietnam does not discriminate between people of some religion or beliefs. It does not discriminate against any religion endogenous or transmitted from abroad, whether it is a long-established or a newly recognized religion. Moreover, the religious freedom of ethnic minorities is always guaranteed [Chu An: 07.07.2020].

In the context of the 4.0 industrial revolution, to ensuring human rights, citizenship, promoting economic and social development, Vietnam has established a National Committee on e-Government [Quyết định 1072/QĐ-TTg: 28.08.2018] to provide online public services. It improves the efficiency of receiving feedbacks and recommendations from people and businesses. And officials, agencies, and organizations listen to opinions and solve all legitimate needs of the people [Hồng Quang: 05.12.2020].

Economic, cultural, and social rights

After seven years (since 2007) as an observer at the Human Rights Council, Vietnam was elected to the United Nations Human Rights Council for the 2014-2016 term with 184/193 valid votes. Become the country receiving the highest number of votes among the 14 selected countries [Những bước tiến: 11.12.2020].

In all economic sectors, qualified persons are helping to participate in the development process. [Minh Duyên 2019] In 2019, Vietnam first appeared in the group of 60 creative economies of the world [Đội lốt “theo dõi nhân quyền”: 10.01.2020].

One of the remarkable human rights achievements is that Vietnam has paid attention to promoting, protecting, and ensuring fundamental rights for vulnerable groups in society. Thus, the

⁴ According to the statistics announced by the Central Population and Housing Census Steering Committee on December 29, 2019. Retrieved on 20.03.2020 from URL: <http://baochinhphu.vn/Tin>. However, according to stats of the Government Committee for Religious Affairs, as of June 2017, Vietnam has about 25.3 million followers, accounting for 27% of the country's population. Retrieved on 20.06.2020 from URL: <http://btgcp.gov.vn/>.

multidimensional poverty rate in Vietnam decreased from 9.88% (in 2015) to 3.73% (in 2019). There are nearly 3 million poor and disadvantaged people in the country granted free health insurance cards. In 2020, the Government will submit to the National Assembly for approval of the investment policy of the National Target Program for Socioeconomic Development in ethnic minority and mountainous areas to prioritize resources, invest in target poverty reduction faster. State programs help the poor in different forms have resulted in the average poverty of the whole country decreased by about 1.43 per/year. The reform of medical examination and treatment procedures creates the most favorable conditions for participants of health insurance to access high-quality medical services. 2019 spent about 32,300 billion VND (accounting for medical expenses about 35%) to support the poor and policy beneficiaries participating in health insurance, contributing to the health insurance coverage rate of nearly 89% of the population by June 2020.⁵

In terms of freedom of speech, press, cyberspace, and social networks, the State guarantees ideology, politics, and technical basis (invested by the State). Currently, Vietnam has 858 printing press companies, 105 electronic news offices, 207 websites of general information of press agencies. In 2018, the National Assembly of Vietnam promulgated the Law on Cybersecurity (effective January 1, 2019). This law guarantees the right to access information for Vietnamese and foreigners who live and work in Vietnam. In Vietnam today, there are major news agencies and newspapers such as CNN, BBC, TV5, NHK, DW, Australia Network, KBS, Bloomberg... Through cyberspace, Vietnamese people today can access news, articles from foreign news agencies, and the press, websites operating in Vietnam. The Law on Cybersecurity defines the rule of law principle of Vietnam while respecting and ensuring human rights (Article 4). According to a report by internet research organization – We Are Social, Vietnam population of approximately 96.9 million people, January 2020, there are 68.17 million internet users, accounting for 70% of the residents, and up to 65 million social network users, accounting for 67% of the population. With this rate, Vietnam is one of the leading countries in Southeast Asia in internet and social network usage.⁶

In education, the scale of education continues to increase at all levels and disciplines, meeting the growing learning needs of the people. Sixty-three provinces and cities have achieved universalization of preschool education for five-year-old children. And universalization of primary education.

Continuing difficulties

In fact, for a long time, Vietnam has been an underdeveloped country, having to face many wars that drain the economy, destroy the environment, and have resources that affect the implementation of many goals in social policy related to human rights. Recently, along with positive socioeconomic development results, Vietnam has made efforts to address human rights issues. However, resources are still limited in ensuring human rights. Moreover, the level of socioeconomic development is not uniform across regions and population groups. Vietnam is facing the problem of a shortage of resources for evolution, especially in carrying out the policies to support and guarantee the rights of disadvantaged and vulnerable groups in society. The risks of climate change, natural disasters, epidemics, and other nontraditional security issues, which the vulnerable groups are troublesome hit, remain a significant

⁵ The number of people participating in health insurance was only 3.8 million (5.4% of the population) in 1993.

⁶ Average internet and social media users in Southeast Asia are 66% and 63%, <https://wearesocial.com/digital-2020>.

challenge for Vietnam. Some outdated customs and practices hinder women and vulnerable groups such as children, people with disabilities, and ethnic minorities from actively protecting their rights. The ideology of respecting men and disrespecting women, home violence still exists, especially in places with low educational attainment. These problems affect each citizen in enjoying their rights, also challenge state agencies in formulating and implementing policies to improve the material and spiritual life of people. Along with the lack of resources, despite many efforts, the coverage of the current social security system is still modest, affecting the full enjoyment of economic and social, and cultural rights of the people.

Although human rights education has been paid attention to and promoted, there is still a particular gap to compare the requirements. The content of teaching on human rights is still elementary. Almost stop at providing information and content of legal regulations. On the other hand, the legal framework on human rights in Vietnam is still perfect. The capacity to organize the application of the law is still limited, and the understanding and awareness of law enforcement are not high. While the necessary and sufficient conditions to ensure the effective implementation of the law are not always thoroughly guaranteed, which has affected the achievement of the set objectives and affected the performance of the international law and conventions. These challenges do not only directly affect each resident but also disperse the resources of the country. Reduce the effectiveness of policies to encourage and promote the development of civil and political rights.

Conclusion

Vietnam has had a moderately early awareness of human rights, ratified many international conventions related to human rights, and has its views. The views and policies on human rights coincide with the common perceptions of the international community. The practice of civil, political, economic, cultural, and social issues in Vietnam has clearly shown that.

However, due to different approaches and assessments, many activities in Vietnam are still considered to have not met human rights standards. So, Vietnam needs to pay attention to the path and settlement to satisfy the general conditions of international human rights. And still, bring the good traditional humanitarian values of Vietnam.

Therefore, in relations between countries, political institutions should have equality and independence. The values, concepts, and standards of human rights in one country cannot apply or measured, or assessed in another country. Even if force another country to follow. What states need to follow are common human rights standards that are accepted by the international community. Differences and resolving those differences need an objective, scientific, and biased view toward bringing freedom and happiness to people.

References

Bảo vệ và thúc đẩy quyền con người ở Việt Nam. Sách trắng về quyền con người ở Việt Nam. Bộ Ngoại giao Việt Nam. [*Protect and promote human rights in Vietnam. White Paper on Human Rights in Vietnam*. Ministry of Foreign Affairs of Vietnam]. Tr. 7–8. Retrieved on March 5, 2021 from URL: <https://pbgdpl.moj.gov.vn/>

Britov I.V. Grozit li V'etnamu «cvetnaya revolyuciya»? [Is Vietnam threatened by a "color revolution"?] *Aziya i Afrika segodnya*, 6: 27–34.

Cao Đức Thái (2019). Thành tựu nhân quyền của Việt Nam là to lớn, vững chắc - không ai có thể phủ nhận được [Vietnam's human rights achievements are great and solid - no one can deny it]. *Tạp chí Quốc phòng toàn dân*, January 28. URL: <http://tapchiquptd.vn/vi/>

Chu An (2020). Hoạt động tôn giáo ở Việt Nam: Sôi động, đa dạng và tự do trong khuôn khổ pháp luật [Religious activities in Vietnam: Exciting, diverse and free within the legal framework]. *Báo Quốc tế*, July 7. URL: <https://baoquocte.vn/>

Chu Hồng Thanh (1997). *Quyền con người và Luật quốc tế về quyền con người* [Human rights and international human rights law]. Hà Nội: Nxb. Chính trị Quốc gia. P. 23.

Đội lột “theo dõi nhân quyền” can thiệp vào công việc nội bộ của Việt Nam là trái công ước quốc tế [Under the guise of "monitoring human rights" to interfere in Vietnam's internal affairs is against international conventions] (2020). *Quân đội nhân dân*, February 10. URL: <https://www.qdnd.vn/>

Giao Cong Vu (2016). Constitutional Debate and Development on Human Rights in Vietnam. *Asian Journal of Comparative Law*, Vol. 11, Special Issue 2: Special Issue on Vietnamese and Comparative Constitutional Law, December, p. 235–262.

Hà Kim Ngọc (2015). Việt Nam tham gia và thực hiện các cam kết quốc tế về quyền con người [Vietnam joins and implements international commitments on human rights]. *Báo quốc tế*, December 18. URL: <https://baoquocte.vn/>

Hoàng Nam (2020). Tăng cường công tác đối ngoại, đấu tranh chống lợi dụng vấn đề dân tộc, tôn giáo, nhân quyền, góp phần bảo đảm ổn định và phát triển bền vững chế độ chính trị ở nước ta [Strengthen foreign affairs, fight against taking advantage of ethnic, religious and human rights issues, contributing to ensuring the stability and sustainable development of the political regime in our country]. *Tạp chí Cộng sản*, November 10. URL: <https://www.tapchicongsan.org.vn/>

Hồng Điệp, Điệp Trương (2019). Việt Nam tiếp tục hoàn thiện hệ thống pháp luật bảo đảm quyền con người [Vietnam continues to improve the legal system to ensure human rights]. *Thông tấn xã Việt Nam*, December 10. URL: <http://mod.gov.vn/wps/portal/>

Hồng Quang (2020). Các thành tựu nhân quyền của Việt Nam là không thể phủ nhận [Vietnam's human rights achievements are undeniable], *Nhân dân*, December 15. URL: <https://nhandan.com.vn/>

Mazyrin V.M. (2007). *Reformy perekhodnogo perioda vo V'etname (1986–2006): napravleniya, dinamika, rezul'taty* [The transition reforms in Vietnam (1986–2006): directions, dynamics and results]. M.: Kluch-S.

Minh Duyên (2019). Việt Nam đạt nhiều thành tựu về quyền con người [Vietnam has many achievements on human rights]. *Thông tấn xã Việt Nam*, December 14. URL: <http://hdll.vn/vi/>

Nguyễn Đăng Dung, Vũ Công Giao, Lê Khánh Tùng (2015). *Giáo trình lý luận và pháp luật về quyền con người* (tái bản lần thứ hai) [Textbook of human rights theory and law (second edition)]. Hà Nội: Nxb. Chính trị Quốc gia.

Những bước tiến trong vấn đề nhân quyền ở Việt Nam [Progress on human rights in Vietnam] (2020). *Xây dựng Đảng*, December 11. URL: <http://www.xaydungdang.org.vn/>

Quy định của pháp luật về giáo dục hiện nay liên quan đến tổ chức tôn giáo. Ban tôn giáo chính phủ [Current legal provisions on education related to religious organization. Government Committee for Religious Affairs]. Retrieved on March 5, 2021 from URL: <http://btgcp.gov.vn/ngghien-cuu-khoa->

hoc-va-trao-doi-y-kien/quy-dinh-cua-phap-luat-ve-giao-duc-hien-nay-lien-quan-den-to-chuc-ton-giao-postL4rnOZ4G.html

Quyết định 1072/QĐ-TTg thành lập Ủy ban Quốc gia về Chính phủ điện tử, có hiệu lực thi hành kể từ ngày 28/8/2018 [Resolution 1072/QĐ-TTg establishing the National Committee on e-Government, effective from August 28, 2018]. *Báo Chính phủ*, August 28. URL: <http://baochinhphu.vn/>

Salemink O. (2020). Homo Sanctus: Religious Contestations and the Sanctification of Heritage and Human Rights in Vietnam. In: *The Secular Sacred*. Palgrave Politics of Identity and Citizenship Series. Springer International Publishing.

Thành Trung (2020). Đảm bảo nhân quyền trong giai đoạn hiện nay [Ensuring human rights in the current period]. *Tư pháp Hà Tĩnh*, August 28. URL: <http://tuphap.hatinh.gov.vn/>

Tỉ lệ đại biểu quốc hội nữ khóa XV cao nhất từ trước đến nay [The highest percentage of female members of the 15th National Assembly ever]. *Tuổi trẻ*, June 10. URL: <https://tuoitre.vn/>

Tran Thi Minh Tuyet (2019). Awareness of democracy and the democratization process in Vietnam during the Doi moi period: situation to solutions. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 3 (4): 18–27.

Tsvetov A.P., Tsvetov P.Yu. (2018). Public protests in Vietnam: the maturation of civil society or the prologue for a “color revolution”? *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 3: 5–17.

Tsvetov P.Yu. (2014). Novaya konstituciya V'etnama: usilivaetsya akcent na prava cheloveka i grazhdanina [Vietnam's new constitution: increasing emphasis on human and citizen rights]. *Aziya i Afrika segodnya*, 6: 20–23.

Authors:

Nguyễn Anh Cường, Ph.D. (Political Sciences), Associate Professor, Vice Dean of the Faculty of Political Science, University of Social Sciences and Humanities, Vietnam National University, Hanoi. ORCID: 0000-0003-0687-4430. E-mail: nguyenanhcuong@ussh.edu.vn

Đỗ Thị Hiền Ph.D. (Political Sciences), Lecturer, Faculty of Political Theory, Industrial University of Ho Chi Minh City, Vietnam. ORCID: 000-0002-9093-8566. Email: dothihien@iuh.edu.vn

Nguyễn Đình Cường, (Political Sciences). Lecturer of Dong Thap University. ORCID: 000-0001-5600-8907. Email: ndcuonght@gmail.com

Article history:

Received: August 1, 2021.

Received in revised form: December 8, 2021.

Accepted: December 12, 2021.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.54631/VS.2021.54-45-70

ВЛИЯНИЕ COVID-19 НА ЭКОНОМИКУ ВЬЕТНАМА

Ле Хай Бинь, Ха Тхань Лам

Аннотация. Эпидемия COVID-19 уже привела к значительным изменениям во всех аспектах экономической жизни Вьетнама. Имея экономику с высокой степенью открытости, СРВ поддерживает обширные торговые отношения со многими партнёрами. В условиях глобальной пандемии экономика страны серьёзно пострадала. Поэтому в настоящей статье основное внимание уделяется анализу воздействия пандемии на такие экономические аспекты, как рост валового внутреннего продукта, внешняя торговля, туризм, уровень безработицы и деятельность предприятий, а также перспективам восстановления экономики Вьетнама.

Ключевые слова: COVID-19, Вьетнам, экономика.

Для цитирования: Ле Хай Бинь, Ха Тхань Лам. Влияние COVID-19 на экономику Вьетнама // *Вьетнамские исследования*. 2021. Т. 5. № 4. С. 45–70.

Введение

Эпидемия COVID-19 началась в декабре 2019 г. в г. Ухань, Китай, и в марте 2020 г. была объявлена ВОЗ пандемией. В настоящее время, когда она распространяется по всему миру, неся миллионы смертей, в мире насчитывается 20 млн инфицированных. Пандемия привела к изоляции многих экономик как развитых стран, так и развивающихся и как следствие – к их стагнации.

По состоянию на 19 ноября 2021 г. во Вьетнаме было зарегистрировано 1065469 подтверждённых случаев COVID-19: 881593 пациента вылечились, 23476 умерли. При четвёртой вспышке с 27 апреля количество новых случаев инфицирования составило 1060394 [Cổng thông tin điện tử Bộ Y tế 2021]. Однако это число будет продолжать резко расти, потому что во Вьетнаме течение эпидемии продолжает оставаться весьма сложным, особенно в южных городах и провинциях.

В статье даётся обзор влияния пандемии COVID-19 на такие показатели экономики, как рост ВВП, объем внешней торговли, приток туристов, уровень безработицы и активности предприятий. рассматриваются некоторые перспективы экономики Вьетнама. С учётом такого подхода статья может стать справочным материалом для других исследований, связанных с этой проблемой. Для достижения указанных выше целей и исследовательских задач статья выполнена на основе обобщения результатов исследований, изложенных в нескольких работах, статьях и документах.

Обзор литературы

Пандемия COVID-19 оказала негативное воздействие на мировую экономику, что привело к глобальному кризису. Люди попадают в отчаянное положение, когда компании закрываются из-за перебоев в спросе и предложении. Следовательно, пандемия – это не только проблема здоровья, но и социально-экономическая проблема, которая сдерживает глобальную повестку дня устойчивого развития [Nicola 2020; Pirouz 2020]. По мере того как состояние экономик ухудшается, мировые торговые потоки будут сокращаться в основном из-за шока спроса и предложения. На мировом рынке спрос на товары первой необходимости по сравнению с предложением может продолжать расти (что вызовет дальнейший рост цен), однако вскоре спрос на второстепенные товары, скорее всего, будет снижаться (даже при более низких ценах) [Barua 2020].

Строгие меры по сдерживанию распространения коронавируса серьёзно сказываются на экономике во всем мире. Так, режим изоляции повлиял на производительность труда рабочих из-за ограничений, вследствие которых они вынуждены работать дома, а не на рабочем месте. Кроме того, ограничение количества людей, находящихся в общественных местах, введение запретов на туристические поездки и ограничения на посещение исторических и культурных достопримечательностей оказали негативное влияние на гостиничный и туристический бизнес, где большинство предприятий заявило о 10-кратном сокращении своей деятельности [Fernandes 2020]. Особенно это касается секторов туризма и развлечений, которые пережили спад, и большинство их сотрудников лишились источника дохода из-за увольнений или сокращения штата. Это привело к снижению ими потребления, что, в свою очередь, привело к закрытию многих предприятий [Ghosh 2020]. В большинстве стран произошло резкое снижение экономического роста, что ведёт к сокращению их валового внутреннего продукта (ВВП).

В силу сложившихся обстоятельств мировая экономика будет, возможно, не в состоянии смягчить негативные последствия пандемии. Тем не менее правительства разных стран разработали стратегию восстановления с помощью комплекса мер по стимулированию экономики (например, вливание средств в производство) для облегчения тяжёлого положения граждан и спасения их жизней. Существенно, что план реагирования является важной мерой экономического стимулирования, и правительства всех стран приступили к его осуществлению, чтобы остановить экономический спад, вызванный пандемией COVID-19 [Vitenu-Sackey, Barfi 2021]. Основные пакеты мер стимулирования опираются на денежно-кредитную и налоговую политику и направлены на здравоохранение, поддержку ликвидности банков, в сферу услуг и обрабатывающую промышленность, на поддержку потребления домашних хозяйств, снижение потерь от временного прекращения работы [Bayer, Born, Luetticke et al. 2020; Cheng, Barcelo, Hartnett et al. 2020; Elgin, Basbug, Yalaman 2020].

В отличие от негативного воздействия локдауна на фондовые рынки других стран [Baig et al. 2021; Eleftheriou, Patsoulis 2020], введение локдауна во Вьетнаме оказало значительное положительное влияние на динамику отечественных акций [Dao 2020]. Согласно Bloomberg [Giang 2020], основной причиной выдающихся результатов вьетнамского фондового рынка в период локдауна является полное доверие инвесторов действиям вьетнамского правительства по борьбе с распространением вируса. Кроме того, поскольку в то время разумная стоимость выгодных акций инвесторов была привлекательной, иностранные инвесторы решили вернуться на вьетнамский фондовый рынок.

Во Вьетнаме доля семей, доход которых снизился в результате COVID-19 (66,7 %) [Tran 2020], выше, чем в Индии (45,6%) [Keelery 2020] и странах G7 (31 %) [Duffin 2020],

пострадавших от пандемии больше всего. Наряду с этим замедление экономической активности влияет не только на спрос, но и на производство и прибыльность экспорта [Lam, Bui 2020].

Кроме того, социальное дистанцирование, ограничение въезда и другие меры, принятые во многих странах, в том числе во Вьетнаме, привели к беспрецедентному снижению притока зарубежных посетителей в СРВ – в 3,5 раза по сравнению с показателем 2019 г. (12,9 млн) [Dao 2020]. Из-за этого ряд отелей и ресторанов обанкротился или временно закрылся, потребительский спрос снизился, а цепочка поставок (ЦП) была прервана. Результатом спада производства является так называемый шок предложения. Нарушение цепочки поставок, вызванное закрытием производственных баз, может иметь эффект домино, так как приведёт к сокращению объёмов производства других фирм и в целом затронет большое количество компаний.

Обзор вьетнамской экономики за девять месяцев 2021 г.

ВВП Вьетнама за девять месяцев 2021 г. увеличился только на 1,42 % по сравнению с темпами роста за тот же период 2020 г. и оказался намного ниже показателей 2018 и 2019 гг. – 7,05 % и 6,77 % соответственно [GSO 9/2018, 9/2019, 9/2020, 9/2021]. На фоне такой динамики экономики в целом показатели роста сельского, лесного и рыбного хозяйств составили 2,74 %, что дало 23,52 % общего роста ВВП; промышленность и строительство выросли на 3,57 %, дав 98,53 %; показатели сектора услуг, напротив, снизились на 0,69 %, «уронив» объем ВВП на 22,05 % [GSO 9/2021].

Инфляция находится под контролем вьетнамского правительства. Ее базовый показатель в среднем за девять месяцев 2021 г. вырос на 0,88 % по сравнению с аналогичным периодом 2020 г., что почти на 2 п.п. ниже роста в 2019–2020 гг. и на 0,48 п.п. ниже, чем в 2018–2019 гг. Индекс потребительских цен (ИПЦ) в сентябре 2021 г. снизился на 0,62 п.п. по сравнению с предыдущим месяцем и вырос на 2,06 п.п. по сравнению с июнем 2020 г. В среднем за указанный период 2021 г. ИПЦ вырос на 1,82 % по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. – самый низкий рост с 2016 г.¹ [GSO 9/2021].

Внешний товарооборот в сентябре 2021 г. оценивается в 53,5 млрд долл. В целом за девять месяцев 2021 г. этот показатель составил 483,17 млрд долл., из них экспортные поставки – 240,52 млрд долл., а импортные – 242,65 млрд долл. Торговый баланс за указанный период 2021 г. сведен с дефицитом в 2,13 млрд долл. [GSO 9/2021].

Негативные последствия

Индекс деловой активности (PMI) чётко показывает влияние последней волны пандемии COVID-19 на промышленный сектор Вьетнама, поскольку в зонах карантина компании вынуждены закрываться, что приводит к резкому падению объёмов производства и новых заказов для всего производственного сектора. В целом PMI колеблется в большей степени, чем в период 2018–2019 гг., когда пандемия ещё не разразилась. До 2020 г. PMI оставался на уровне 53 пунктов, после чего претерпел кардинальные изменения. В мае 2020 г. индекс деловой активности в обрабатывающей промышленности Вьетнама достиг дна, упав более чем наполовину после резкого падения в течение нескольких месяцев подряд (рис. 1).

¹ Средний темп роста ИПЦ по итогам 9 месяцев 2021 г. оказался ниже в сравнении с аналогичным периодом предыдущей пятилетки 2016–2020 гг., а именно 1,82 % против 2,07 %, 3,79 %, 3,57 %, 2,5 % и 3,85 % по годам соответственно.

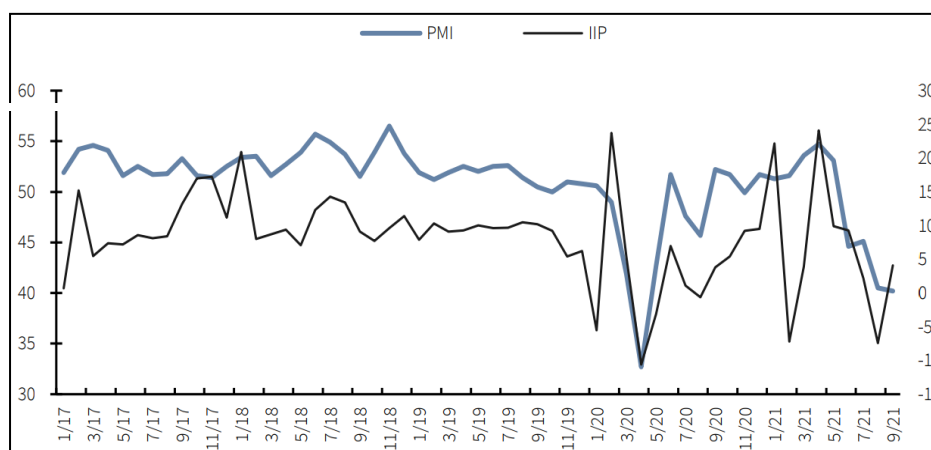


Рис. 1. Колебания индекса промышленного производства (ИП – правая шкала) и индекса деловой активности (PMI – левая шкала). *Source:* [Triển vọng: 28.10.2021]

Примечательно, что показатели восстановились со второй половины 2020 г., однако с апреля 2021 г. наблюдается тенденция к снижению, когда очередная вспышка пандемии стала самой сильной из ранее зарегистрированных во Вьетнаме. PMI снизился с 44,6 пункта в июне до 40,5 и 40,2 пункта в августе и сентябре соответственно.

Точно так же после двух месяцев изоляции в соответствии с Директивой правительства №16 индекс промышленного производства (ИП) снизился с 9,3 п. в июне до минус 7,4 и 4,1 п. в августе и сентябре соответственно (рис. 1). При этом общий объем розничных продаж также упал с 374,7 трлн до 279,8 трлн и 308,8 трлн донгов соответственно

В сентябре 2021 г. отрасль пассажирских перевозок продолжала испытывать трудности. Из-за четвертой волны пандемии COVID-19 во многих населённых пунктах было введено социальное дистанцирование. Ограничения на поездки значительно сократили активность передвижения. За девять месяцев пассажиропоток обнаружил умеренное снижение на 607 млн чел. по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. Примечательно, что этот показатель за 2021 г. меньше, чем за 2019 и 2018 гг., на 46,8 и 41,4 % соответственно (рис. 2).

Поскольку Вьетнам продолжает принимать меры по борьбе с COVID-19, а также по предотвращению распространения его варианта Дельта, он ещё не открыт для международного туризма. В силу этого посетителями страны в основном являются иностранные эксперты и технические работники, занимающиеся проектами во Вьетнаме. В целом за девять месяцев 2021 г. число зарубежных гостей достигло всего 114,5 тыс., что в 33 раза меньше по сравнению с тем же периодом 2020 г., причём 85,83 % из них составляли посетители из Азии (рис. 4). По сравнению с показателем 2019 г., до появления COVID-19, количество зарубежных туристов, приехавших во Вьетнам за девять месяцев 2021 г., снизилось более чем в 100 раз, что свидетельствует о серьёзном негативном эффекте пандемии (рис. 3).

Резкое снижение потока местных и иностранных туристов создало трудности для туристической отрасли. При этом выручка от туризма и туристических услуг за девять месяцев 2021 г. составила около 202,3 млн долл., что в 7,28 раза ниже показателя за доковидный 2019 г. [GSO 9/2019, 9/2021]. Между тем выручка в секторе гостиничного и ресторанного обслуживания за указанный период нынешнего года составила 12307,6 млн долл., снизившись на 35,72% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. [GSO 9/2018, 9/2021].

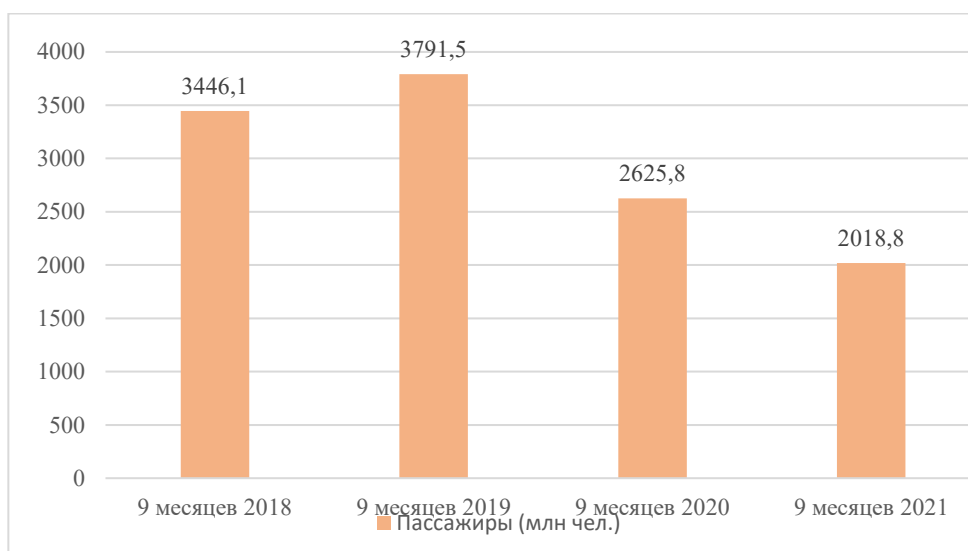


Рис. 2. Сравнение пассажиропотока в СРВ за 2018–2021 гг. (период 9 месяцев)

Источник: GSO 9/2018, 9/2019, 9/2020, 9/2021

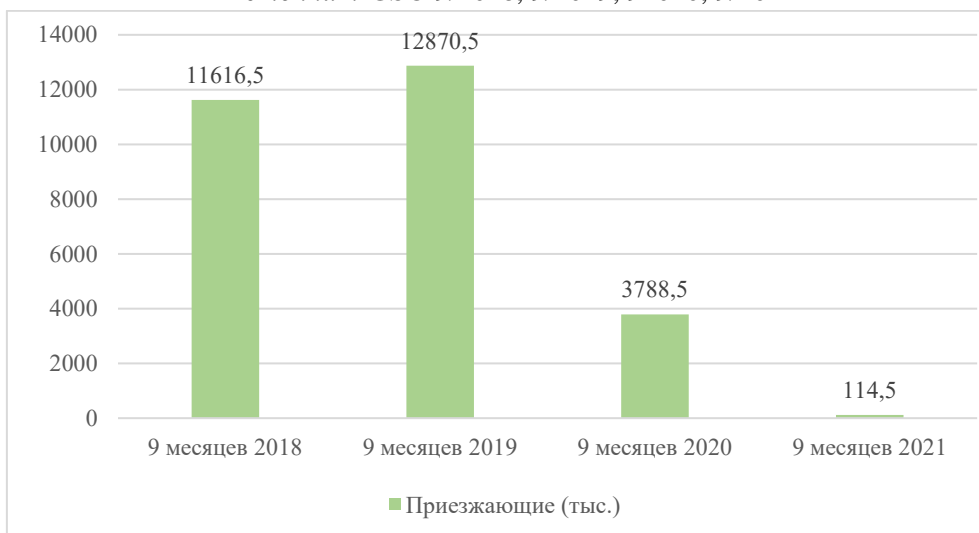


Рис. 3. Количество зарубежных гостей, посетивших Вьетнам за девять месяцев

Источник: GSO 9/2018, 9/2019, 9/2020, 9/2021

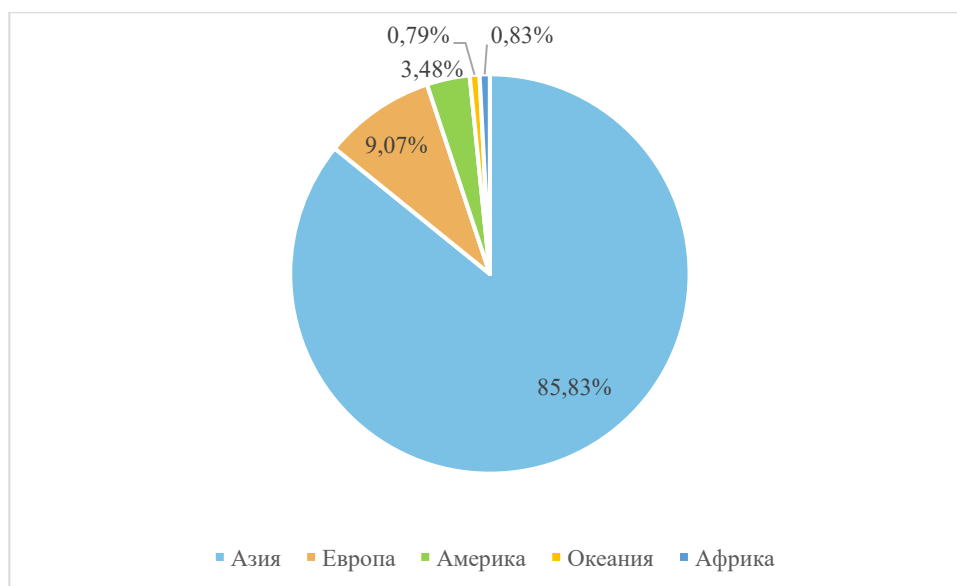


Рис. 4. Регионы, из которых прибыли во Вьетнам зарубежные посетители за девять месяцев 2021 г. Источник: GSO 9/2021

Несмотря на дополнительные меры по поддержке экономики во время эпидемии, за 9 месяцев 2021 г. вынуждены были приостановить работу на неопределённое время либо совсем прекратили свою деятельность в ожидании процедуры закрытия бизнеса и завершили эту процедуру 90,3 тыс. предпринимателей, что на 78,5 % больше по сравнению с аналогичным периодом 2019 г., т. е. до COVID-19. Этот показатель оказался также выше периода 2020 г., когда пандемия находилась на ранней стадии. Большинство предпринимателей, завершивших процедуру, были заняты в сфере оптовой и розничной торговли, ремонта автомобилей и мотоциклов, в производстве и строительстве (рис. 5).

Из-за сильных всплесков эпидемии COVID-19 в некоторых населённых пунктах, а также с закрытием многих предприятий ухудшилась ситуация с работой и занятостью во втором и третьем кварталах 2021 г. По сравнению с первым кварталом количество работающих в экономике уменьшилось. Кроме того, уровень безработицы и неполной занятости среди лиц трудоспособного возраста вырос с первого квартала 2020 г. до самого высокого уровня и оценивался за девять месяцев 2021 г. в 2,91 и 3,04 % соответственно (табл. 1)².

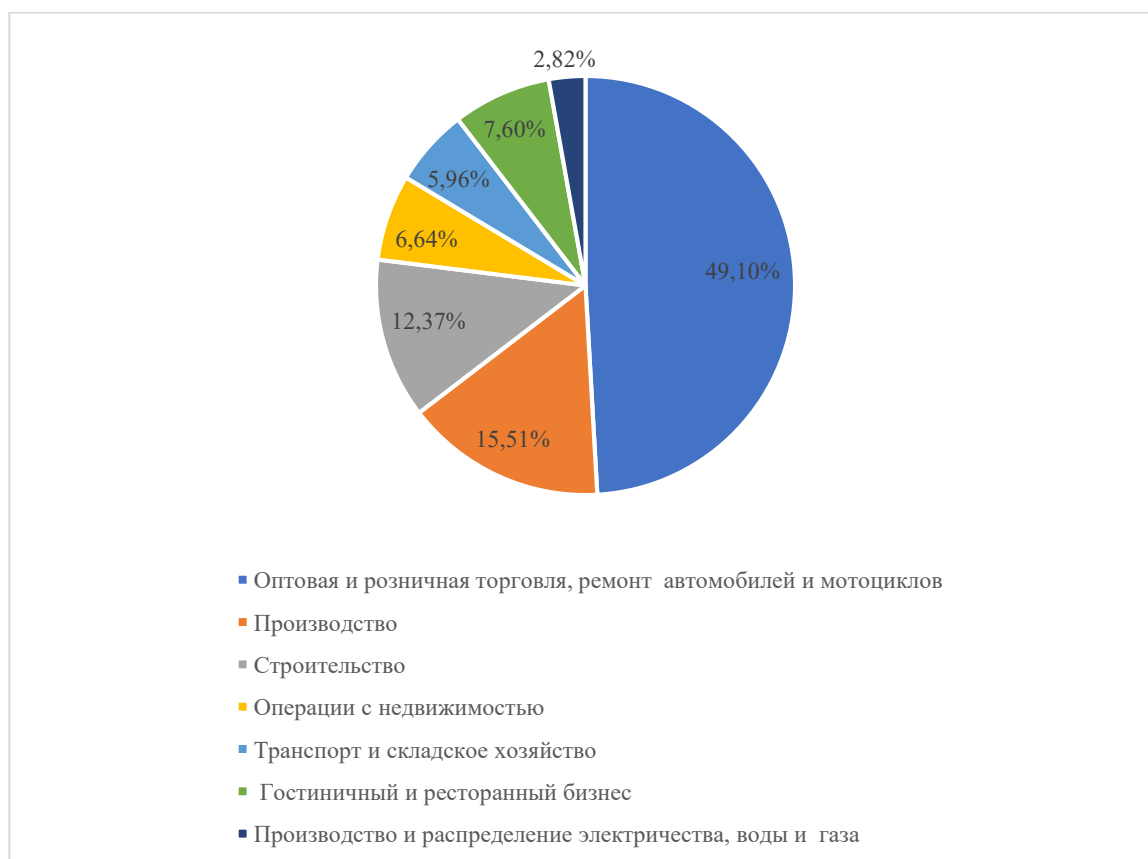


Рис. 5. Предприниматели, завершившие процедуру ликвидации за девять месяцев 2021 г. по видам деятельности. *Источник:* GSO 9/2021

² Уровень безработицы в трудоспособном возрасте в I квартале 2020 г. составил 2,34 %, во II квартале – 2,85 %, в III квартале – 2,73 %; в IV квартале – 2,63%, в I квартале 2021 г. – 2,42 %, во II квартале – 2,62 %, а в III квартале – 3,72%. Уровень неполной занятости в трудоспособном возрасте в I квартале 2020 г. составил 1,98 %, во II квартале – 2,98 %, в III квартале – 2,72 %, в IV квартале – 1,82 %, в I квартале 2021 г. – 2,20 %, во II квартале – 2,60 %, а в III квартале – 4,39 %.

Таблица 1. Уровень безработицы и неполной занятости в СРВ за 9 месяцев 2021 г. (%)

	Всего	Города	Сельские районы
Уровень безработицы среди лиц трудоспособного возраста	2,91	3,78	2,39
Уровень безработицы среди молодёжи	7,85	10,62	6,54
Уровень неполной занятости	3,04	3,00	3,07

Источник: GSO

В условиях эпидемии COVID-19 традиционные распространители страховых продуктов – агенты, банки и т. д., продолжают сталкиваться с трудностями, поэтому для страхования ущерба сотрудничают с крупными страховыми компаниями, продвигая формы внедрения онлайн страховых продуктов для привлечения клиентов. Страховой бизнес показал раазнонаправленный рост, выручка от страховых премий всего рынка за первые три квартала 2021 г. оказалась на 1 % меньше, чем за аналогичный период 2020 г., и на 7 % ниже уровня роста в 2019 г. [GSO 9/2021].

Благоприятные моменты

Пандемия COVID-19 не только создаёт огромные проблемы для экономики и негативно влияет на благосостояние людей, выявляет слабые и уязвимые места, но и открывает различные возможности для ряда социально-экономических секторов. Онлайн-образование, электронный банкинг и электронная коммерция – отрасли, достигшие во время пандемии неожиданных успехов. 26 марта 2020 г. Министерство образования и подготовки кадров (МОЕТ) выпустило инструкции по онлайн-преподаванию в сети Интернету и на телевидении, а также правила, обеспечивающие качество преподавания, проверку и оценку результатов 2019/20 учебного года. Выросли платформы цифрового банкинга и электронных платежей. В докладе Национальной платёжной системы (NAPAS) говорится, что во время пандемии 45 коммерческих банков через NAPAS использовали мобильные банковские приложения, через которые осуществлялось около 2,8 млн транзакций в среднем в день.

Изобретение вакцины от COVID-19 является важным событием, ускоряющим восстановление экономики развитых стран, в том числе крупных партнёров Вьетнама. За девять месяцев 2021 г. СРВ добилась впечатляющих успехов во внешней торговле. В целом за этот период экспортный товарооборот страны оценивается в 240,52 млрд долл., что на 23,8 % больше показателя за аналогичный период 2019 г. Из них на внутреннее производство приходится 62,72 млрд долл. (увеличение на 5,3 % к 2019 г.), что составляет 26,1 % от общего экспортного оборота. В форме прямых иностранных инвестиций (ПИИ), включая нефтедобычу, поступило 177,8 млрд долл. – на 32 % больше того же периода 2020 г., что составило 73,9 % общего капиталонакопления. За рассматриваемый период 2021 г. был экспортирован 31 товар на сумму более 1 млрд долл., что составляет 92,5 % от общего экспортного оборота. Из них шесть товаров достигли экспортного оборота более 10 млрд долл., что составляет 63,2 % [GSO 9/2021, 9/2021].

Что касается товарной структуры вьетнамского экспорта в указанный период, то в ней лидирующие позиции занимали топливо и минеральное сырьё, продукция сельского, лесного хозяйства и рыболовства при том, что абсолютно преобладали товары обрабатывающей промышленности (рис. 6.). По сравнению со структурой экспорта 2019 г. практически не

произошло никаких изменений, в то время как общая стоимость резко выросла с 194,3 млрд до 240,52 млрд долл.



Рис. 6. Товарная структура экспорта Вьетнама за девять месяцев 2021 г.

Источник: GSO 9/2021

Что касается географии вьетнамского экспорта, то за первые девять месяцев 2021 г. Соединённые Штаты были крупнейшим экспортным рынком с товарооборотом 69,8 млрд долл., что на 27,6 % больше, чем за тот же период 2020 г. Следующим был рынок Китая с 38,5 млрд долл., где рост составил 18,3 %. Экспорт в ЕС вырос на 16,6 % – до 28,8 млрд долл., в страны АСЕАН на 21,2 % – до 20,6 млрд долл., в Южную Корею на 11,4 % – до 16,1 млрд долл., Японию на 5,1 % – до 14,7 млрд долл. (рис. 7). По сравнению с данными за 2019 г. на прежнем месте остались только США и АСЕАН. При этом стоимость экспорта Вьетнама в Корею превысила показатель Японии, а данные по Китаю превысили данные по ЕС.

По всем формам экономической деятельности объём розничных продаж товаров за указанный период 2021 г. составил 122,6 млрд долл., что равняется 82,5 % от общего объёма розничных продаж потребительских товаров и услуг. Несмотря на то что выручка по-прежнему высока, отрасль розничной торговли сталкивается с трудностями в связи со значительным снижением продаж по сравнению с 2020 г. и данными периода до COVID (рис. 8).

В 2021 г. производственная и деловая активность экономики стала постепенно восстанавливаться. После снижения Государственным банком Вьетнама в 2020 г. процентных ставок спрос на кредиты со стороны предприятий и населения обнаружил тенденцию к росту. По состоянию на сентябрь 2021 г. рост кредитования экономики достиг 7,17 %, что на 2 % больше, чем показатель за тот же период 2020 г. [GSO 9/2020, 9/2021]. Принимая во внимание, что фондовый рынок развивался стабильно, общая мобилизация капитала для экономики за девять месяцев 2021 г. оценивалась в 12,8 млрд долл., что на 12 % больше по сравнению с тем же периодом 2020 г. [GSO 9/2020, 9/2021].

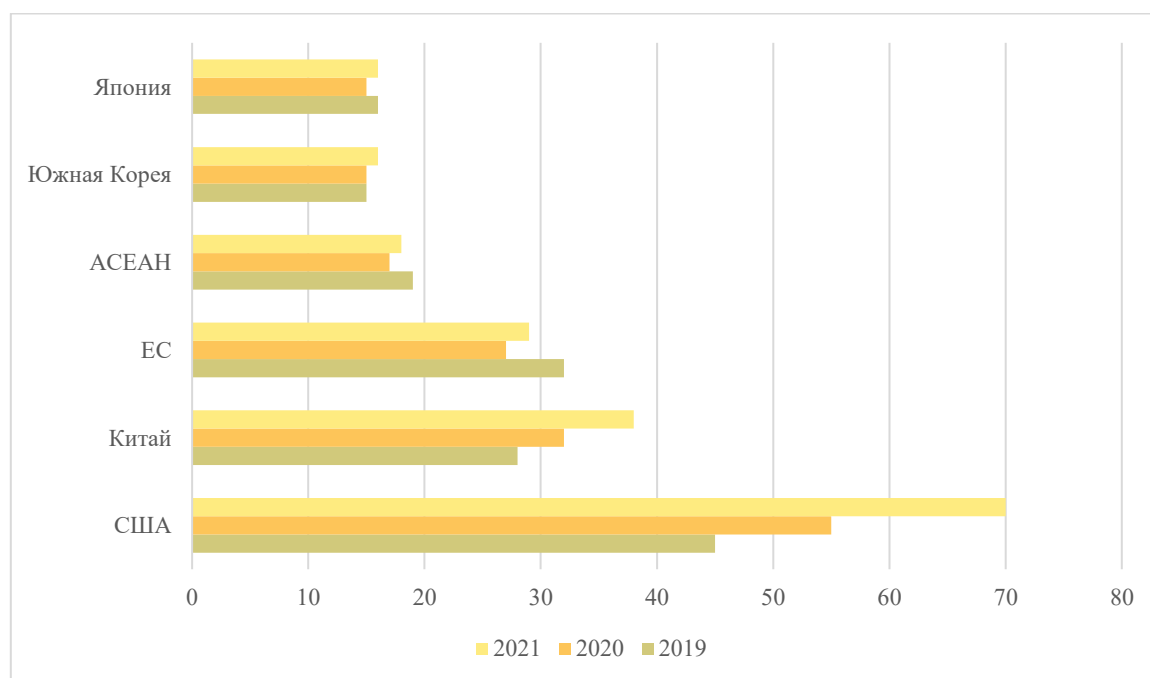


Рис. 7. Крупнейшие экспортные рынки Вьетнама за первые девять месяцев 2019–2021 гг.
 Источник: GSO 9/2021

Перспективы

Пандемия ускорила возникшие тенденции по перемещению производства ряда компаний и усилению их временной поддержки. Япония, США и другие развитые страны склонны перемещать свои производства из Китая обратно в свои страны или другие регионы, включая Вьетнам и страны АСЕАН. Эта тенденция дала новые возможности для сотрудничества СРВ с развитыми странами, увеличила шансы на перестройку цепочек поставок и снижение зависимости от Китая и некоторых традиционных рынков.

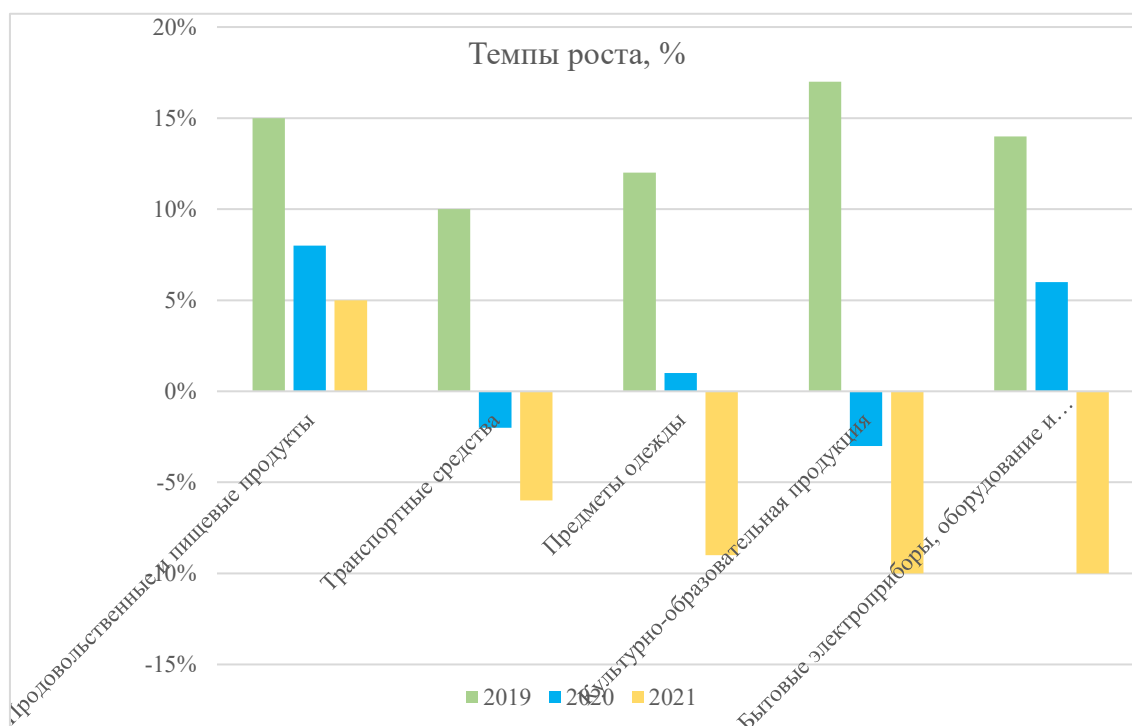


Рис. 8. Темпы роста розничных продаж групп товаров за девять месяцев 2019-2021 гг.

Источник: GSO 9/2021

В апреле 2020 г. Япония выделила 2,2 млрд долл. на рекордную программу экономической поддержки, чтобы помочь своим производителям вывести производство из Китая, поскольку пандемия коронавируса нарушила цепочки поставок между основными торговыми партнёрами. В июле Министерство экономики, торговли и промышленности Японии объявило о переводе первой партии из 87 японских компаний из Китая в Юго-Восточную Азию и в свою страну. 57 проектов из них отправятся в Японию, а 15 компаний в качестве пункта базирования выберут Вьетнам [Japan reveals: 17.07.2020].

В контексте восстановления потребительского спроса в развитых странах, особенно на продукты обработки и производства, как и традиционные товары (текстиль, изделия из дерева и морские продукты), ожидается, что экспорт останется основной движущей силой экономики Вьетнама в 2021 году, наряду с такими факторами, как привлечение ПИИ и выделение государственных инвестиций. Экспорт продолжил оставаться ярким пятном в последнем квартале 2021 г. Выделим следующие четыре причины роста экспорта Вьетнама за первые три квартала и его сохранения до конца 2021 г.:

во-первых, продвигается программа вакцинации при отказе от «нулевого уровня роста экономики в условиях пандемии». Таким образом, крупные экономики вновь открываются, что приводит к увеличению спроса на импортные товары и услуги;

во-вторых, с постепенным вступлением в силу подписанных соглашений о свободной торговле (СРТПР, EVFTA, UKFTA, RCEP и др.) вьетнамские экспортёры постепенно осознают конкурентные преимущества, извлекая выгоду из более высоких предпочтений;

в-третьих, цена экспортных товаров, особенно ведущих видов продукции Вьетнама (чугун и сталь, товары сельского и лесного хозяйства, рыболовства и т. д.), имеет тенденцию к росту, что является важной движущей силой увеличения стоимости экспорта;

и последнее, но не менее важное: восстановление производственного сектора на фоне смягчения правил социального дистанцирования, постепенного установления контроля над эпидемией и ускорения программы вакцинации от COVID-19.

Однако сохраняется риск замедления роста экспорта из-за двух основных факторов: 1) всплеск заболевания, особенно в промышленных зонах и крупных городах, отрицательно влияющих на производственные мощности; 2) нехватки судов, отсутствия порожних контейнеров и повышения фрахтовых ставок морских перевозок, поскольку отсутствуют признаки того, что эти проблемы скоро разрешатся.

С другой стороны, внутреннему спросу трудно восстановиться, так как пандемия все ещё является основным фактором, снижающим перспективы экономического роста в последние месяцы 2021 г. и в дальнейшем.

Город Хошимин, экономический центр Вьетнама, дающий более 20 % ВВП страны в год, изо всех сил пытается бороться с продолжающейся четвёртой вспышкой COVID-19. Не только Хошимин, но и многие соседние провинции применяют социальное дистанцирование из-за пандемии. Поэтому ожидается, что рост ВВП упадёт с 6,5 до 2,5 % за год [Triển vọng: 28.10.2021].

Прогноз инфляции на 2021 г. также снижен с 3,8 до 3,0 % [там же], что отражает слабый внутренний спрос из-за воздействия пандемии в сочетании со снижением товарных цен после сильного восходящего тренда с начала и до середины года, например, цен на свинину.

Заключение

Проведенное нами исследование помогло выявить как негативные, так и позитивные последствия пандемии COVID-19 и перспективы роста экономики Вьетнама.

Поскольку четвёртая волна COVID-19 началась в апреле 2021 г. и в последнее время продолжает распространяться по стране, почти во всех городах ужесточены правила социального дистанцирования и ограничения на поездки, особенно в г.Хошимине и провинциях, в которых сосредоточены промышленные зоны, таких как Бакзянг, Бакнинь и Биньзыонг. Эти меры помогают контролировать ситуацию, однако они отрицательно сказались на экономике как отдельных регионов, так и Вьетнама в целом. Производство и новые заказы в производственном секторе сократились, о чем свидетельствует снижение индекса деловой активности и индекса промышленного производства. Пассажирский транспорт и туризм также столкнулись с трудностями. Всё это привело к закрытию предприятий во многих секторах, включая перерабатывающую и обрабатывающую промышленность, транспорт и складское хозяйство, а также гостиничное и ресторанное обслуживание. Как следствие, за девять месяцев уровень безработицы и неполной занятости во Вьетнаме резко вырос.

Тем не менее в течение этого периода в экономике Вьетнама проявились некоторые благоприятные моменты. Вьетнам достиг нового впечатляющего рекорда во внешней торговле. Во время пандемии через мобильные и онлайн-банковские приложения 45 коммерческих банков, входящих в систему NAPAS, совершались миллионы транзакций в день. Розничная продажа товаров и услуг также восстановилась, в отличие от значительного её снижения в 2020 г. И последнее, но не менее важное: благодаря действиям Государственного банка Вьетнама по снижению процентных ставок спрос на кредиты со стороны предприятий и населения постепенно увеличивался. Страховой бизнес и фондовый рынок также показали рост.

В перспективе пандемия даёт Вьетнаму возможности для перестройки цепочек поставок и снижения зависимости от некоторых традиционных рынков, включая Китай. Ожидается, что благодаря программе вакцинации и соглашениям о свободной торговле внешний товарооборот будет расти, наряду с притоком ПИИ, перекрывающим размер государственных инвестиций.

Однако вспышки заболеваний, нехватка судов, отсутствие порожних контейнеров и повышение фрахтовых ставок могут стать важными факторами, замедляющими рост экспорта. Также трудно восстановить внутренний спрос, потому что пандемия по-прежнему сопряжена с множеством потенциальных рисков, несмотря на широкое применение вакцин. В целом прогнозируется снижение роста ВВП до 2,5 % в 2021 г., а инфляции – до 3,0 %.

Список литературы

Baig A., Butt H. A., Haroon O. et al. Deaths, Panic, Lockdowns and US Equity Markets: The Case of COVID-19 Pandemic // Finance Research Letters. Elsevier. 2021. Vol. 38 (C). DOI: 10.2139/ssrn.3584947.

Barua S. COVID-19 pandemic and world trade: some analytical notes. SSRN. 16.04.2020. DOI: 10.2139/ssrn.3577627.

Bayer C., Born B., Luetticke R. et al. The Coronavirus Stimulus Package: How Large is the Transfer Multiplier? Center for Economic Policy Research. April 2020. URL: https://cepr.org/active/publications/discussion_papers/dp.php?dp no=14600

Cheng C., Barcelo J., Hartnett A.S. et al. COVID-19 Government Response Event Dataset (Coronet v. 1.0) // Nature Human Behaviour. 2020. Vol. 4. No. 7. P. 756–768.

Цông thông tin điện tử Bộ Y tế. Sáng 19/11: Gần 4.500 bệnh nhân COVID-19 nặng đang điều trị; TP.HCM chuẩn bị cho tình huống F0 tăng trở lại [Портал Минздрава. Утро 19 ноября: проходят лечение около 4500 пациентов с тяжелой формой COVID-19; Хошимин готовится к ситуации, когда количество

подтверждённых случаев снова увеличивается]. URL: https://moh.gov.vn/tin-tong-hop//asset_publisher/k206Q9qkZOqn/content/sang-19-11-gan-4-500-benh-nhan-covid-19-nang-ang-ieu-tri-tp-hcm-chuan-bi-cho-tinh-huong-f0-tang-tro-lai (дата обращения: 25.07.2021)

Dao L.T.A., Gan C. The Impact of the COVID-19 Lockdown on Stock Market Performance: Evidence from Vietnam // *Journal of Economic Studies*. 2020. Vol. 48. No. 4. P. 836–851. URL: <https://www.emerald.com/insight/0144-3585.htm>

Dao T.B., Barysheva G.A., Tran T.B.N. The Impact of the COVID-19 Pandemic on Socioeconomic Development: A Case Study of Tourism Services, Textile and Garment Industry in Vietnam // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2020. No. 486. P. 439–446.

Duffin E. Opinion of Adults in G7 Countries of the Expected Impact of the COVID-19 Pandemic on their Household Income as of March 2020. URL: <https://www.statista.com/statistics/1107322/covid-19-expected-impact-household-income-g7> (дата обращения: 23.07.2021)

Eleftheriou K., Patsoulis P. COVID-19 Lockdown Intensity and Stock Market Returns: A Spatial Econometrics Approach. University Library of Munich. 25.05.2020.

Elgin C., Basbug G., Yalaman A. Economic Policy Responses to a Pandemic: Developing the COVID-19 Economic Stimulus Index. Columbia University, 2020.

Fernandes N. Economic Effects of Coronavirus Outbreak (COVID-19) on the World Economy. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3557504, 22.03.2020.

General Statistics Office of Vietnam (GSO) (9/2018). Socioeconomic situation in the third quarter and nine months of 2018. URL: <https://www.gso.gov.vn/en/data-and-statistics/2019/05/report-social-and-economic-situations-in-the-third-quarter-and-9-months-of-2018/> (дата обращения: 30.10.2021).

General Statistics Office of Vietnam (GSO) (7/2021). Kinh tế 6 tháng đầu năm 2021 tăng trưởng khá bất chấp dịch COVID-19 diễn biến phức tạp [Экономика в первые 6 месяцев 2021 года росла неплохо, несмотря на сложное развитие пандемии COVID-19]. URL: <https://www.gso.gov.vn/du-lieu-va-so-lieu-thong-ke/2021/07/kinh-te-6-thang-dau-nam-2021-tang-truong-kha-bat-chap-dich-covid-19-dien-bien-phuc-tap/> (дата обращения: 30.10.2021).

General Statistics Office of Vietnam (GSO) (9/2019). Socioeconomic situation in the third quarter and nine months of 2019. URL: <https://www.gso.gov.vn/en/data-and-statistics/2019/10/report-social-and-economic-situation-in-the-3rd-quarter-and-the-9-months-of-2019/> (дата обращения: 30.10.2021).

General Statistics Office of Vietnam (GSO) (9/2020). Socio-economic situation in the third quarter and nine months of 2020. URL: <https://www.gso.gov.vn/en/data-and-statistics/2020/10/social-and-economic-situation-in-the-3rd-quarter-and-9-months-of-2020/> (дата обращения: 30.10.2021).

General Statistics Office of Vietnam (GSO) (9/2021). Socioeconomic situation in the third quarter and nine months of 2021. URL: <https://www.gso.gov.vn/en/data-and-statistics/2021/10/socio-economic-situation-in-the-third-quarter-and-nine-months-of-2021/> (дата обращения: 30.10.2021).

Ghosh I. The Road to Recovery: Which Economies are Reopening? // *Visual Capitalist*. 28.05.2020. URL: <https://www.visualcapitalist.com/the-road-to-recovery-which-economies-are-reopening-covid-19>

Giang N.K. Vietnam Stocks Become the World's Best after Extreme Turmoil in March. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-14/from-extreme-turmoil-vietnam-stocks-become-world-s-best> (дата обращения: 28.07.2021).

Ha Thanh Lam, Bui Van Huyen. Impacts of COVID-19 Outbreak on Vietnam's Foreign Trade // *The Russian Journal of Vietnamese Studies*. 2020. T. 2. No. 4. P. 27–37. DOI: 10.24411/2618-9453-2020-10031

Japan Reveals 87 Projects Eligible for 'China Exit' Subsidies // *Nikkei Asia*. 17.07.2020. URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/Japan-reveals-87-projects-eligible-for-China-exit-subsidies>

Impact on Household Income Due to the Coronavirus (COVID-19) in India from February to April 2020. URL: <https://www.statista.com/statistics/1111510/india-coronavirus-impact-on-household-income/> (дата обращения: 25.07.2021).

Nicola M., Alsafi Z., Sohrabi C. et al. The Socioeconomic Implications of the Coronavirus Pandemic (COVID-19): A Review // International Journal of Surgery. 2020. Vol. 78. P. 185–193. DOI: 10.1016/j.ijssu.2020.04.18.

Pirouz B., Haghshenas S.S., Piro P. Investigating a Serious Challenge in the Sustainable Development Process: Analysis of Confirmed Cases of COVID-19 (a New Type of Coronavirus) through a Binary Classification Using Artificial Intelligence and Regression Analysis // Sustainability. 2020. Vol. 12. No. 6. P. 2427. DOI: 10.3390/su12062427

Tran B.X., Nguyen H.T., Le H.T. et al. Impact of COVID-19 on Economic Well-Being and Quality of Life of the Vietnamese during the National Social Distancing // Frontiers in Psychology. 11.09.2020 г. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.565153

Triển vọng kinh tế vĩ mô Quý 4/2021 [Макроэкономический прогноз на 4 квартал 2021 г.] // KB Securities. 28.10.2021. URL: [https://www.kbsec.com.vn/pic/Service/KBSV_KTVM_4Q2021%20\(2\).pdf](https://www.kbsec.com.vn/pic/Service/KBSV_KTVM_4Q2021%20(2).pdf)

Vitenu-Sackey P., Barfi R. The Impact of Covid-19 Pandemic on the Global Economy: Emphasis on Poverty Alleviation and Economic Growth // Finance Research Letters. 2021. Vol. 8. No 1. P. 32–43. DOI: 10.18488/journal.29.2021.81.32.43

Авторы:

Ле Хай Бинь, к. э. н., бывший ректор Дипломатической академии Вьетнама. ORCID: 0000-0002-4233-3175. E-mail: maiphuongchu@ftu.edu.vn

Ха Тхань Лам, к. э. н., зам. декана факультета мировой экономики, Дипломатическая академия Вьетнама. ORCID: 0000-0002-2174-555X. E-mail: lamthanhha@dav.edu.vn

Продвижение статьи:

Дата поступления: 23.07.2021

Дата поступления в переработанном виде: 25.11.2021

Принята к печати: 07.12.2021

VIETNAM ECONOMY UNDER THE IMPACT OF COVID-19

Le Hai Binh, Ha Thanh Lam

Abstract. The COVID-19 pandemic has already produced considerable changes in all aspects of an economy. Being an economy with a high degree of trade openness, Vietnam has maintained extensive trade relations with many partners. In the context of a global pandemic, Vietnam's economy has been severely affected. Therefore, this article focuses on analyzing the impact of the COVID-19 outbreak on the aspects such as gross domestic product (GDP) growth, foreign trade, tourism, unemployment rate, and enterprises' operation, and raising some prospects of Vietnam's economy

Keywords: Covid-19, Vietnam, economy.

For citation: Le Hai Binh, Ha Thanh Lam (2021). Vietnam Economy under the Impact of COVID-19. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 5 (4): 45–70.

Introduction

The COVID-19 pandemic started outbreaking in Wuhan City, China in December 2019 and was declared as a global pandemic by the WHO in March 2020. The pandemic is now affecting worldwide, causing millions of deaths and other 20 million infected cases. The pandemic has led to the closure of many economies, both developed and developing ones, and stagnation, as a result.

As of November 19, 2021, Vietnam recorded 1,065,469 confirmed cases of COVID-19: 881,593 patients have been cured, 23,476 died. In which, in the 4th outbreak from April 27, the number of new infected is 1,060,394 cases [Cổng thông tin điện tử Bộ Y tế 2021]. However, this number will continue to increase dramatically because this epidemic is still very complicated in Vietnam, especially in southern cities and provinces.

The article contributes to giving an overview of the COVID-19 pandemic impact on such aspects as GDP growth, foreign trade, tourism, unemployment rate, and enterprises' operation. Simultaneously, the article also raises some prospects of Vietnam's economy. On that basis, the article can become a reference source for other studies related to this issue.

To serve the purposes and research tasks mentioned above, the article is carried out based on synthesizing research results of several related works, articles, and documents.

Literature review

The COVID-19 pandemic has aggravated the economic impact, leading to a global crisis. People are losing their lives when companies have closed due to the interruption in demand and supply. Therefore, the pandemic is not only a health problem but also a socioeconomic problem that restrains the global sustainable development agenda [Nicola 2020; Pirouz 2020]. As far as economies suffer, world trade flows will decline, mainly due to demand and supply shocks. In the world market, although the demand for essential commodities relative to the supply may continue to rise (further increase in prices), shortly, the demand for nonessential ones will further decline (even with lower prices) [Barua 2020].

Simultaneously, strict measures to curb the spread of the virus are seriously affecting economies worldwide. Strict policies like lockdown have affected the productivity of workers because of

restrictions to work from home, not in the workplace. In addition, the limitation on the number of people gathering in public, imposition of travel bans and restrictions on tourist attraction site visits have exerted a negative impact on the hotel and tourism industry where most businesses declared a decline to only 10% in their activities [Fernandes 2020]. Especially, most businesses rest on social engagements. To be more specific, the tourism and entertainment sectors have suffered downturns, which most of their employees could not make a living due to layoffs or redundancy. This led to a decline in their consumption of casualties and increased the uncertainty of people's consumption, which resulted in many business closures [Ghosh 2020]. Instead, most countries are expected to witness a sharp decrease in economic growth, thereby reducing their gross domestic product (GDP).

Inevitably, it may not be possible to mitigate the adverse effects of the pandemic on the global economy. Nevertheless, governments of various countries have formulated economic recovery strategies, such as injecting funds into the economy through a stimulus package to alleviate the plight of citizens and save lives. Crucially, the response plan is an important economic stimulus measure, and governments around the world are embarking on these measures to curb the deterioration of human development and economic downturn caused by the COVID-19 pandemic [Vitenu-Sackey, Barfi 2021]. The main stimulus packages launched by the government include monetary and fiscal policies focused on healthcare, liquidity support for banks, service and manufacturing industries, household consumption, alleviation of the cost of layoffs [Bayer, Born, Luettticke et al. 2020; Cheng, Barcelo, Hartnett et al. 2020; Elgin, Basbug, Yalaman 2020].

By contrast to the adverse effect of the prelockdown period on stock returns in Vietnam and the negative impacts of lockdown on the stock markets of other countries [Baig et al. 2021; Eleftheriou, Patsoulis 2020], lockdown in Vietnam had a significant and positive influence on Vietnam's stock performance [Dao2020]. According to Bloomberg [Giang 2020], the fundamental reason for the outstanding performance of the Vietnamese stock market during the lockdown period is that investors have full confidence and trust in the Vietnamese government's actions to combat the spread of the virus. In addition, because the reasonable value of the investors' favorable stocks was attractive at the time, investors decided to return to the Vietnamese stock market.

In Vietnam, the percentage of Vietnamese families reporting a reduction in income as a result of COVID-19 (66.7%) [Tran 2020] was higher than that of India (45.6%) [Keelery 2020] and G7 countries (31%) [Duffin 2020], which were the most severely affected. Along with this, the slowdown in economic activity is affecting not only the demand but also the production and profitability of exports [Lam, Bui 2020].

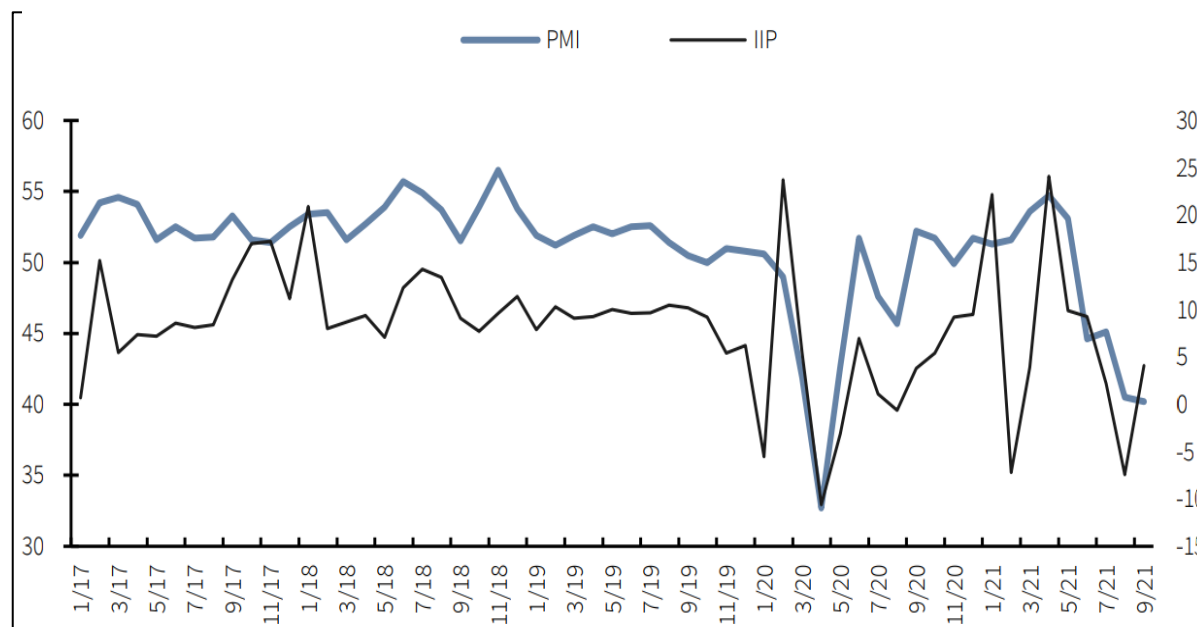
Furthermore, social distance, immigration restrictions, and other measures, which many countries have taken, including Vietnam, have led to an unprecedented decline in the number of foreign visitors to Vietnam by 3,5 times compared to the figure for 2019 (12.9 million visitors) [Dao 2020]. Due to this decrease, a series of hotels and restaurants went bankrupt or temporarily closed, consumer demand declined and the supply chain (SC) was interrupted. The result of the manufacturing slowdown is the so-called supply shock. The disruption to the supply chain caused by the closure of production bases may have a domino effect, reducing the output of other companies, and affecting more companies.

Overview of Vietnam economy in the nine months of 2021

The GDP in the nine months of 2021 increased only by 1.42%, compared to the growth rate of the nine months of 2020, and much lower than that of 7.05% and 6.77% of the same period in 2018 and 2019 [GSO 9/2018, 9/2019, 9/2020, 9/2021]. In the general growth rate of the whole economy, the

agriculture, forestry, and fishery sector increased by 2.74%, contributing 23.52% to the overall growth; the industry and construction sector increased by 3.57%, contributing 98.53%; the service sector losing 0.69%, decreasing by 22.05% [GSO 9/2021].

Inflation is under control, average core inflation in nine months of 2021 increased by 0.88% over the same period in 2020, which was nearly 2% lower than the growth of 2019-2020 and 0.48% lower than that of 2018–2019. The consumer price index (CPI) in September 2021 decreased by 0.62% compared to the previous month and increased by 2.06% compared to June 2020. On average, in the nine months of 2021, CPI increased by 1.82% over the same period in 2020, the lowest increase since 2016¹ [GSO 9/2021].



Graph 1. The Index of Industrial Production (IIP) and the Purchasing Managers Index (PMI).

Source: [Triển vọng kinh tế: 28.10.2021]

The total import and export turnover of goods in September 2021 is estimated at 53.5 billion USD. Generally, for 9 months of 2021, the total export and import turnover of goods reached 483.17 billion USD, of which export turnover was 240.52 billion USD, import turnover was 242.65 billion USD. The trade balance in the 9 months of 2021 was estimated to have a trade deficit of 2.13 billion USD [GSO 9/2021].

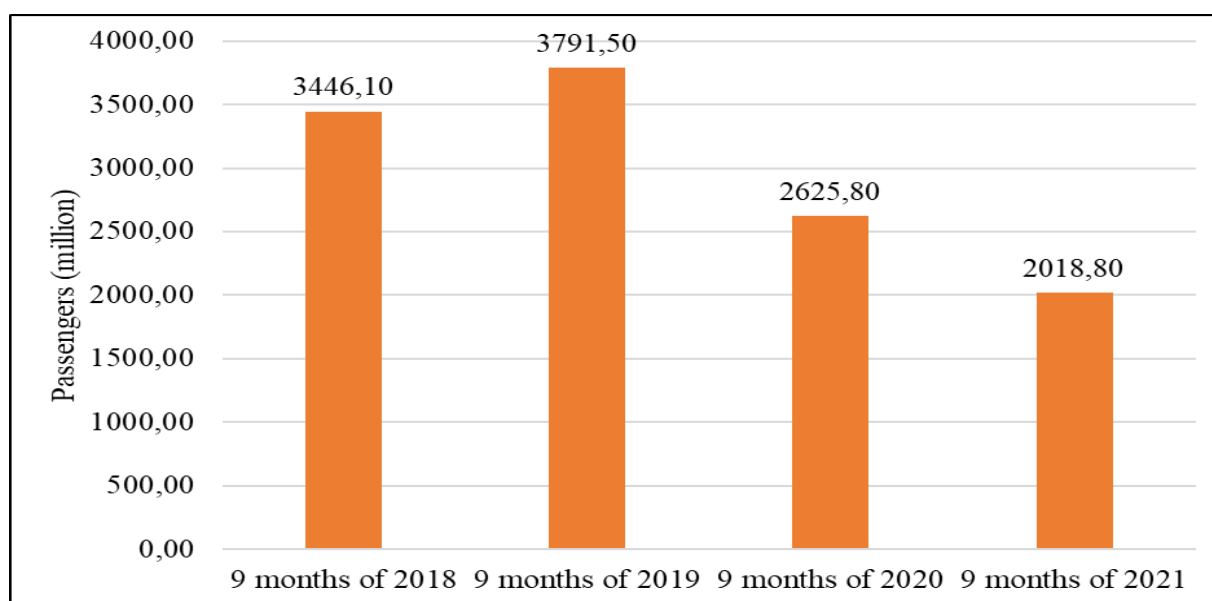
Negative impacts

The Purchasing Managers Index (PMI) clearly shows the impact of the latest wave of the Covid-19 pandemic on Vietnam's manufacturing sector as companies have to close down in quarantined areas, resulting in a sharp drop in output and new orders for the entire manufacturing sector. On the whole, the PMI witnessed more fluctuation than it did between 2018 and 2019, when the pandemic had not broken out. Before 2020, the PMI remained at the same level of 53. Afterward, the index got dramatic changes. In 2021, the PMI for Vietnam's manufacturing industry bottomed out in March, ending a streak of over 50 points of this index for consecutive months (Graph 1). Notably, although the data achieved recovery since the last half of 2020, it has shown a downward trend since April 2021, when

¹ The average CPI growth rate of nine months increased compared to the same period of the previous year in 2016–2021: 2.07%; 3.79%; 3.57%; 2.5%; 3.85%; 1.82%, respectively.

the pandemic started the biggest ever outbreak recorded in Vietnam. PMIs decreased from 44.6 points in June to 40.5 points and 40.2 points in August, September, respectively. Similarly, after 2 months of separation according to Directive 16, the Index of Industrial Production (IIP) decreased from 9.3% in June to -7.4% and 4.1% respectively in August and September; while the total retail sales also decreased from 374.7 trillion to 279.8 trillion and 308.8 trillion respectively (Graph 1).

In September 2021, the passenger transport industry continued to face difficulties. Due to the fourth outbreak of the COVID-19 pandemic, many localities implemented social distancing. Travel restrictions significantly reduced the number of passengers. In nine months of 2021, the data showed a moderate decrease of 607 million passengers compared to that in the same period of 2020. Notably, the figure for 2021 was 46.8% and 41.4% less than that of 2019 and 2018 in turn (Graph 2).

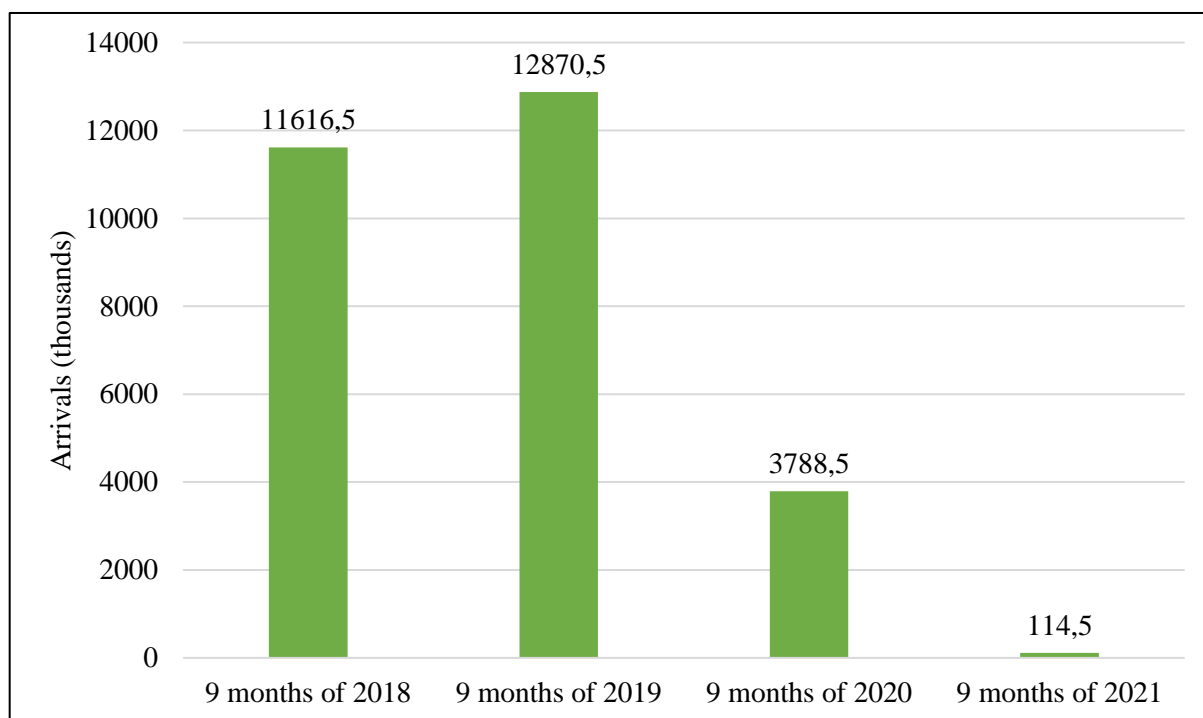


Graph 2. The general number of passengers transported in 9 months of 2018–2021.

Source: GSO 9/2018, 9/2019, 9/2020, 9/2021

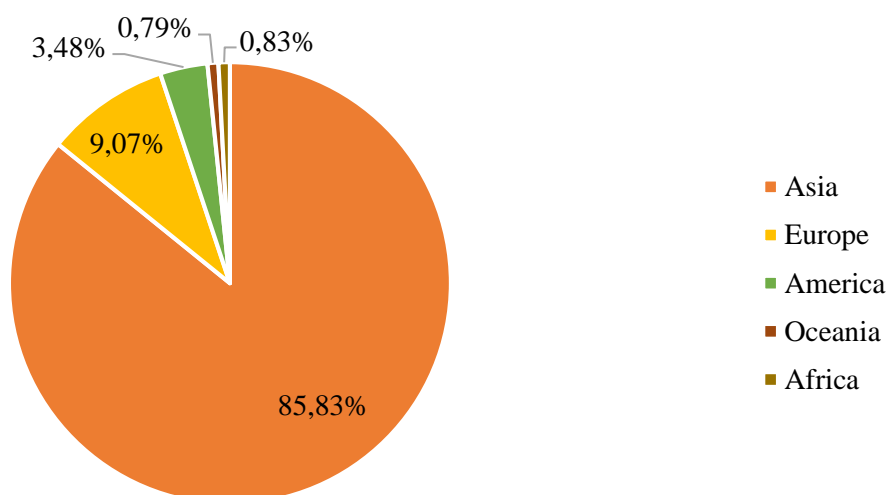
Because Vietnam continues to implement measures to control the COVID-19 as well as preventing the spread of Delta variant, it has not yet opened to international tourism, so the number of visitors is mainly foreign experts and technical workers on projects in Vietnam. Generally, in the nine months of 2021, foreign visitors to Vietnam reached 114.5 thousand arrivals, falling by 97% over the same period of 2020. Compared to the number of 2019, when the COVID-19 has not yet emerged, the number of foreign tourists who came to Vietnam in nine months of 2021 witnessed a decline of over 100 times, showing the severe impact of the pandemic (Graph 3).

Among 114.5 thousand arrivals, visitors from Asia accounted for nearly 85.83% of the total number of foreigners (Graph 4). Despite this, the total figure dropped by 97% compared to the same period of 2020 [GSO 9/2020, 9/2021].



Graph 3. The number of foreign visitors coming to Vietnam in 9 months of 2018–2021.

Source: GSO 9/2018, 9/2019, 9/2020, 9/2021



Graph 4: Foreign visitors to Vietnam according to geographic areas in 9 months of 2021.

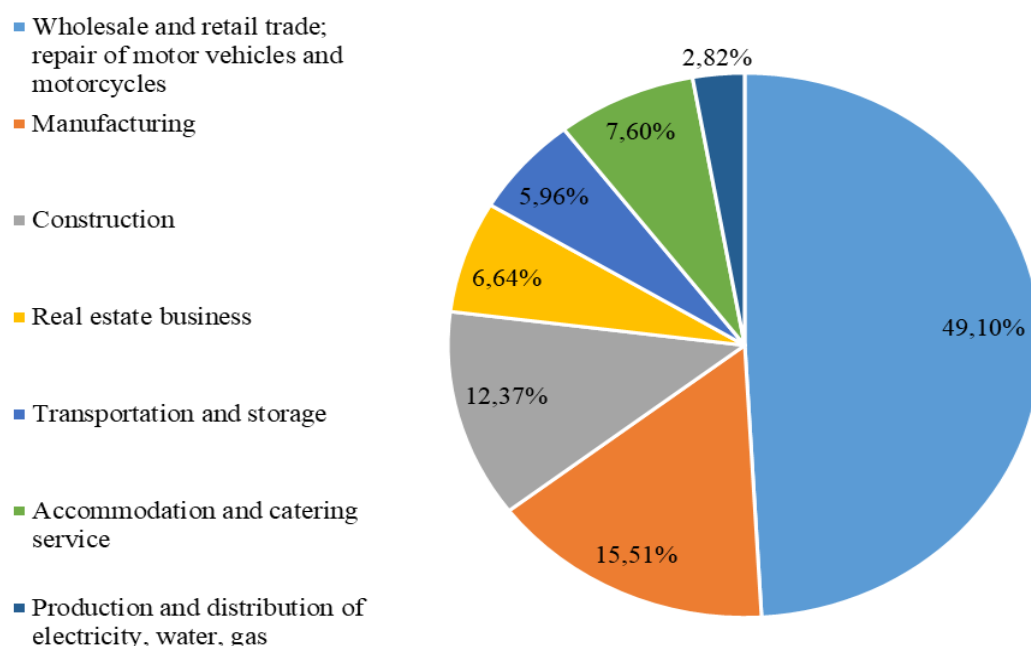
Source: GSO 9/2021

The serious decrease in the number of domestic and foreign tourists has also caused difficulties for the tourism industry. In which, revenue from tourism and travelling services in the nine months of 2021 reached about 202.3 million USD. Compared to the pre-COVID data of 2019, the figure for 2021 was 7.28 times lower [GSO 9/2019, 9/2021].

Meanwhile, revenue from accommodation and food services in 9 months of this year was at 12,307.6 million USD, decreasing by 35.72% over the same period of 2019 [GSO 9/2018, 9/2021].

Although many measures have been implemented to hold out during the epidemic, as of the end of September 2021, there were 90.3 thousand enterprises which suspended their business for a certain time, stopped operations waiting for dissolution procedures, and completed dissolution procedures, an increase of 78.5% compared to the data of the same period of 2019 – the pre-COVID era. The number was also higher than the same period of 2020, in the early days of the pandemic. Out of these 90.3 thousand enterprises, enterprises completing dissolution procedures focused on certain fields mainly were on the wholesale, retail, repair of cars and motorcycles, manufacturing enterprises, and construction enterprises (Graph 5).

Due to the complicated outbreaks of the COVID-19 pandemic in some localities along with the closure of many enterprises, the labor and employment situation in the second and third quarters of 2021 was affected. The number of workers in the economy decreased compared to the first quarter. Moreover, the unemployment and underemployment rate in working-age increased to the highest level since the first quarter of 2020². The unemployment rate of people of working age was estimated at 2.91%, while the underemployment rate of workers in nine months of 2021 was at 3.04% (Table 1).



Graph 5: Enterprises completed dissolution procedures 9 months 2021 by kinds of activity.

Source: GSO 9/2021

² The unemployment rate of working age in the first quarter of 2020 was 2.34%; the second quarter of 2020 was 2.85%; the third quarter of 2020 was 2.73%; the fourth quarter of 2020 was 2.63%; the first quarter of 2021 was 2.42%; The second quarter of 2021 was 2.62% and the third quarter of 2021 was 3.72%.

The underemployment rate in the working-age group in the first quarter of 2020 was 1.98%; the second quarter of 2020 was 2.98%; the third quarter of 2020 was 2.72%; the fourth quarter of 2020 was 1.82%; the first quarter of 2021 was 2.20%; the second quarter of 2021 was 2.60% and the third quarter of 2021 was 4.39%.

**Table 2: Unemployment and underemployment rate in Vietnam
in 9 months of 2021 (%)**

	Total	Urban area	Rural area
Unemployment rate at labor age	2.91	3.78	2.39
Unemployment rate of youth	7.85	10.62	6.54
Underemployment rate	3.04	3.00	3.07

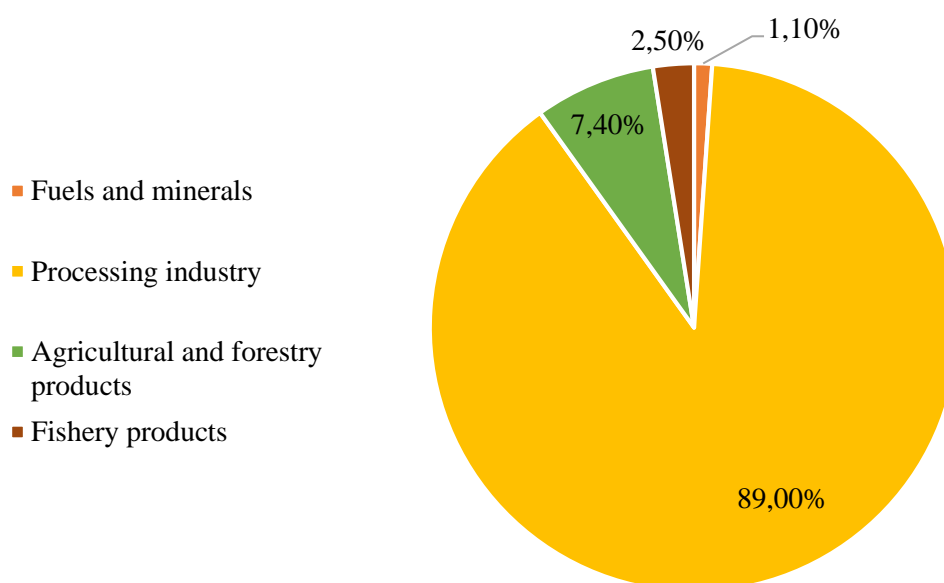
Source: General Statistics Office of Vietnam

In the context of the complicated and prolonged COVID-19 pandemic, traditional insurance product distribution channels such as agents, banks, etc. continue to face difficulties, non-life insurance companies have cooperated with large insurance enterprises, promoting forms of online insurance product introduction to attract customers. The insurance business grew positively, insurance premium revenue of the whole market in nine months of 2021 was 1% lower than that was in the same period of 2020, and even 7% lower than the growth level of 2019 [GSO 9/2021].

Bright points

The COVID-19 pandemic not only poses huge challenges to the economy and people's well-being, exposes the country's weaknesses and vulnerabilities in economic development, but also creates various opportunities for some socioeconomic sectors. Online education, e-banking, and e-commerce are industries that have achieved unexpected success during the epidemic. At the beginning of the outbreak, the Ministry of Education and Training (MOET) issued on March 26, 2020, promptly, instructions for teaching through the Internet and TV channels during student absences and regulations to ensure the quality of teaching, inspection, and evaluation of the 2019–2020 academic year results. Digital banking and electronic payment platforms are also growing. The National Payment Service (NAPAS) report stated that in COVID-19 pandemic mobile banking, online banking applications of 45 commercial banks were used through NAPAS, with an average of nearly 2.8 million transactions per day.

Despite the bad news of the pandemic, the invention of the COVID-19 vaccine is a milestone event that boosts the recovery of developed economies, including our partners. Since then, Vietnam has recorded some impressive achievements in foreign trade for nine months of 2021. Generally, in the nine months of 2021, Vietnam's export turnover of goods was estimated at 240.52 billion USD, 23.8% higher than the figure for the same period of 2019. Of which, the domestic economic sector reached 62.72 billion USD, increasing by 5.3% over the data in 2019 and accounting for 26.1% of total export turnover. FDI sector (including crude oil) attained 177.8 billion USD, going up by 32% higher than it was over nine months of 2020 and making up for 73.9%. In nine months of 2021, there were 31 products with export turnover of over one billion USD, contributing 92.5% to the total export turnover. In which, six products with export turnover of over 10 billion USD, accounting for 63.2% [GSO 9/2019, 9/2021].



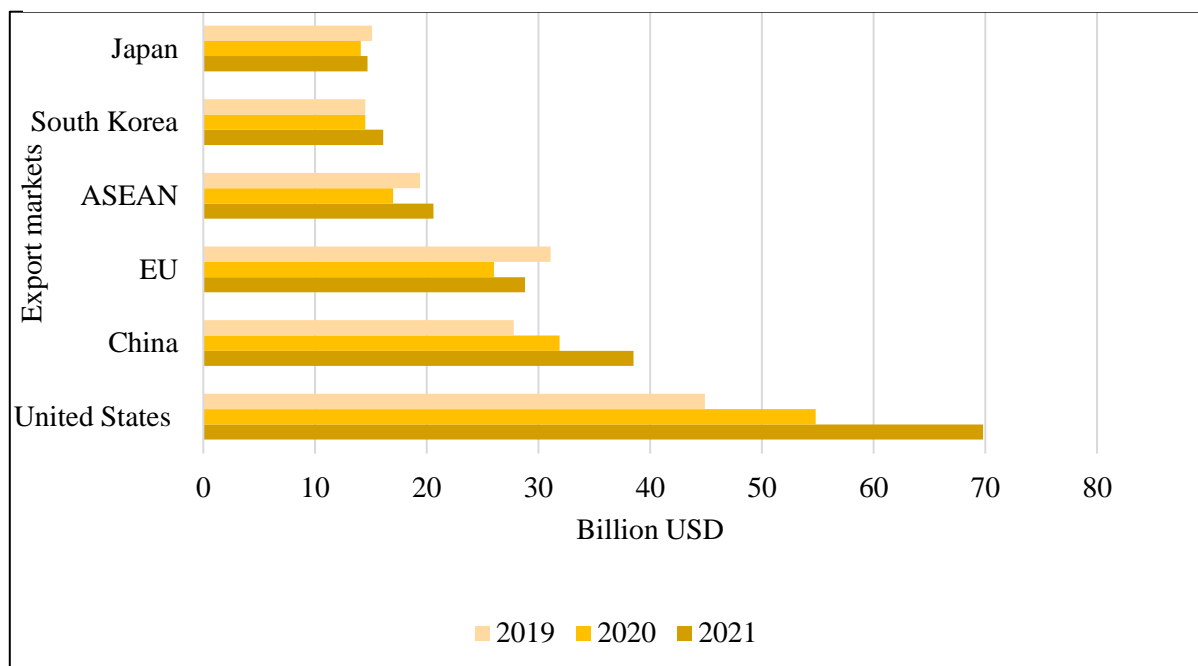
Graph 6: Vietnam's structure of export commodities in 9 months of 2021.

Source: GSO 9/2021

Regarding the structure of export goods in nine months, main products included the group of fuels and minerals, the group of processing industry, agricultural and forestry products, and fishery products (Graph 6). Compared to the export structure of 2019, there was hardly any change while the total value witnessed a sharp increase from 194.3 billion USD to 240.53 billion USD.

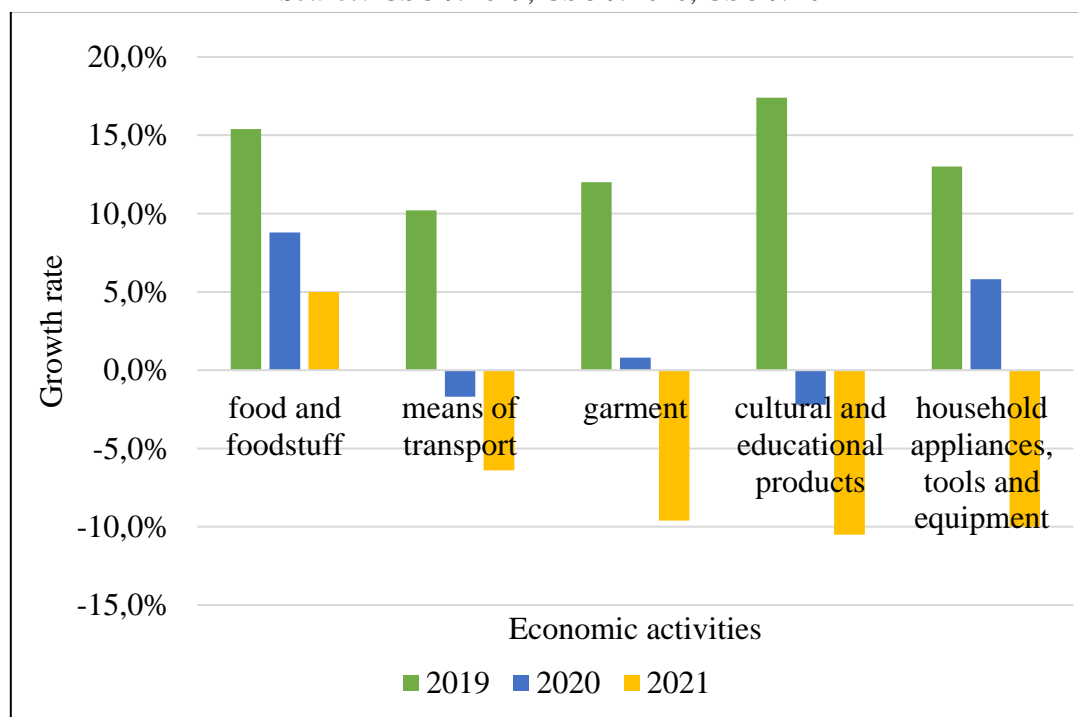
Regarding the commodity export market in the first nine months of 2021, the United States was Vietnam's largest export market with a turnover of 69.8 billion USD, a growth of 27.6% over the same period of 2020. The following was China market with 38.5 billion USD, going up by 18.3%. The EU with 28.8 billion USD, rose by 16.6%. ASEAN market with 20.6 billion USD, an increase of 21.2%. South Korea with 16.1 billion USD, an increase of 11.4%. Japan with 14.7 billion USD, increased by 5.1%. (Graph 7). Compared to the data of 2019, only the largest market and the fourth one, which were the US and ASEAN, remained its order. Whilst, Vietnam's export value to Korea exceeded the figure for Japan and the data for China was also over that of the EU.

By economic activities, retail sales of goods in the nine months of 2021 reached 122.6 billion USD, accounting for 82.5% of the total retail sales of consumer goods and services. Although it has still experienced a high revenue, retail industry is facing difficulty with a significant decrease in sales compared to 2020 and the pre-COVID data (Graph 8).



Graph 7. Vietnam's largest export markets over the first 9 months of 2019-2021

Source: GSO 9/2019, GSO 9/2020, GSO 9/2021



Graph 8. The growth rate of retail sales of product groups in 9 months of 2019-2021

Source: GSO 9/2019, 9/2020, 9/2021

Production and business activities of the economy are gradually recovering, credit demand of businesses and people tends to increase when the State Bank of Vietnam implements interest rate cuts in 2020. As of September 2021, the growth credit of the economy reached 7.17% compared to the end of 2020, which was 2% more than the growth of the same period in 2019 [GSO 9/2019, 9/2020, 9/2021]. Whereas, the stock market developed stably with the total capital mobilization for the

economy in nine months of 2021 estimated at 12.8 billion USD, up 12% compared to the same period of 2020 and even over the figure for nine months of 2019 [GSO 9/2019, 9/2020, 9/2021].

Prospects

The pandemic has accelerated recent trends in the company's manufacturing relocation and back-shoring behavior. Japan, the United States, and developed countries tend to shift their manufacturers from China back to their own countries or other regions, including Vietnam and ASEAN countries. This trend provides Vietnam with opportunities for cooperation with developed countries, creating great chances in reshaping supply chains and reducing dependency on China and some traditional markets.

In April 2020, Japan allocated 2.2 billion US dollars for its record economic support program to help their manufacturers move production out of China, as the coronavirus pandemic has disrupted supply chains between major trading partners. In July 2020, the Ministry of Economy, Trade, and Industry of Japan announced the first batch of 87 Japanese companies to shift from China to Southeast Asia and Japan. 57 projects will go to Japan while 15 companies choose Vietnam as their destination [Japan reveals: 17.07.2020].

In terms of export growth, in the context of the recovery of consumer demand in developed countries, especially in the field of processing and manufacturing, along with traditional fields (textiles, wood, and marine products), it is expected to be the main driving force supporting the economy in the last six months of the year, besides other motivations such as attracting FDI capital, disbursing public investment.

Export continues to be a bright spot in the last quarter of 2021. The driving force for Vietnam's export to grow in nine months and to remain in the rest of 2021, comes from four reasons:

Firstly, the vaccine program, as well as the condition of *no "zero Covid"* is being promoted. Thus, major economies reopen, leading to an increase in demand for imported goods and services.

Secondly, with signed *FTAs* gradually coming into effect (CPTPP, EVFTA, UKFTA, RCEP...), domestic exporters are gradually grasping competitive advantages when benefiting from higher levels of preferential tariffs.

Thirdly, the price of export goods, especially Vietnam's competitive products (iron and steel, agro-forestry-fishery, rice, etc.) tend to increase, which is an important driving force to increase export value.

Last but not least, the recovery of the manufacturing sector when social distancing regulations are eased, when the epidemic is gradually controlled, the Covid-19 vaccination program is accelerated.

However, the risk of slow export growth can come from two main factors: i) *disease outbreaks*, especially in industrial zones and big cities, negatively affecting production capacity; ii) *the shortage of ships, the lack of empty containers, and the increase in sea freight rates* have not shown any signs of being resolved soon.

On the other hand, it is difficult for domestic demand to recover because the epidemic still has been complicated, which is the main factor that lowers the economic growth prospects of the last months in 2021.

Ho Chi Minh City, which is the so-called economic center of Vietnam with yearly GRDP accounting for over 20% of GDP, is straining to fight against the ongoing 4th Covid-19 outbreak. Not only Ho Chi Minh City but also many neighboring provinces are applying social distancing as a consequence of the pandemic. Therefore, GDP growth is forecasted to fall from 6.5% to only 2.5% [KB Securities 2021].

Forecasted inflation for 2021 is also lowered from 3.8% to 3.0% [KB Securities 2021], reflecting weak domestic demand due to the impact of the pandemic combined with the decline in commodity prices after a strong uptrend from the beginning to the middle of the year, while hog prices continued their downward trend.

Conclusion

Our research helped to identify both negative and positive impacts of the COVID-19 pandemic and raised the outlook of Vietnam's economy.

With the 4th wave of Covid-19 starting from April 2021 and showing signs of complicated spread in recent times, almost all cities have to apply social distancing and travel restriction, especially in Ho Chi Minh City, the economic locomotive of the country, and the provinces that focus on industrial zones such as Bac Giang, Bac Ninh, and Binh Duong. These measures, although they help to control the disease, have negatively affected regional economies in particular and Vietnam's economy in general. Output and new orders in manufacturing sector declined, representing the decrease in the PMI and IIP. Passenger transport and tourism also faced difficulties. This led to the closure of businesses in many fields, including processing and manufacturing industry, transportation and warehousing, and accommodation and catering services. As a consequence, unemployment and underemployment rate in Vietnam over nine months has sharply increased.

Though, there were still some bright sides to Vietnam's economy during nine months of 2021. It is worth noting that Vietnam has achieved a new impressive record in foreign trade. During the COVID-19 pandemic, mobile banking, online banking applications of 45 commercial banks, which were used through NAPAS, were reported million transactions per day. Retail sales of goods and services also experienced recovery, as opposed to its significant decrease in 2020. Last but not least, thanks to the implementation of the State Bank of Vietnam in cutting interest rates, credit demand of businesses and people increased gradually. The insurance business and stock market also grew positively.

Considering the outlook, the pandemic provides Vietnam with opportunities for reshaping supply chains and reducing dependency on some traditional markets, including China. Thanks to the vaccine program and FTAs, foreign trade, along with FDI capital, disbursing public investment, is also expected to grow.

However, disease outbreaks, the shortage of ships, the lack of empty containers, and the increase in sea freight rates may become important factors that will slow down export growth. Likewise, it is difficult for domestic demand to recover because the epidemic still has many potential risks, in spite of vaccine cover. In general, GDP growth in 2021 is forecasted to fall to 2.5% and inflation may decrease to 3.0%.

References

- Baig A., Butt H. A., Haroon O. et al. (2021). Deaths, Panic, Lockdowns and US Equity Markets: The Case of COVID-19 Pandemic. *Finance Research Letters, Elsevier*, 38 (C). DOI: 10.2139/ssrn.3584947.
- Barua S. (2020). *COVID-19 pandemic and world trade: some analytical notes*, April 16. DOI: 10.2139/ssrn.3577627.
- Bayer C., Born B., Luetticke R. et al. (2020). *The Coronavirus Stimulus Package: How Large is the Transfer Multiplier?* Center for Economic Policy Research, April. URL: https://cepr.org/active/publications/discussion_papers/dp.php?dp no=14600
- Cheng C., Barcelo J., Hartnett A.S. et al. (2020). COVID-19 Government Response Event Dataset (Coronet v. 1.0). *Nature Human Behaviour*, 4 (7): 756–768.

Công thông tin điện tử Bộ Y tế. *Sáng 19/11: Gần 4.500 bệnh nhân COVID-19 nặng đang điều trị; TP.HCM chuẩn bị cho tình huống F0 tăng trở lại* [Portal of the Ministry of Health. *Morning of November 19: Nearly 4,500 severe COVID-19 patients are being treated; Ho Chi Minh City prepares for the situation where F0 increases again*]. Retrieved on 25.07.2021 from URL: https://moh.gov.vn/tin-tong-hop//asset_publisher/k206Q9qkZOqn/content/sang-19-11-gan-4-500-benh-nhan-covid-19-nang-ang-ieu-tri-tp-hcm-chuan-bi-cho-tinh-huong-f0-tang-tro-lai

Dao L.T.A., Gan C. (2020). The Impact of the COVID-19 Lockdown on Stock Market Performance: Evidence from Vietnam. *Journal of Economic Studies*, 48 (4): 836–851. URL: <https://www.emerald.com/insight/0144-3585.htm>

Dao T.B., Barysheva G.A., Tran T.B.N. (2020). The Impact of the COVID-19 Pandemic on Socioeconomic Development: A Case Study of Tourism Services, Textile and Garment Industry in Vietnam. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 486: 439–446.

Duffin E. (2020). *Opinion of Adults in G7 Countries of the Expected Impact of the COVID-19 Pandemic on their Household Income as of March 2020*. Retrieved on 23.07.2021 from URL: <https://www.statista.com/statistics/1107322/covid-19-expected-impact-household-income-g7>

Eleftheriou K., Patsoulis P. (2020). *COVID-19 Lockdown Intensity and Stock Market Returns: A Spatial Econometrics Approach*. University Library of Munich, May 25.

Elgin C., Basbug G., Yalaman A. (2020). *Economic Policy Responses to a Pandemic: Developing the COVID-19 Economic Stimulus Index*. Columbia University.

Fernandes N. (2020). *Economic Effects of Coronavirus Outbreak (COVID-19) on the World Economy*. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3557504, March 22.

General Statistics Office of Vietnam (GSO) (7/2021). *Kinh tế 6 tháng đầu năm 2021 tăng trưởng khá bất chấp dịch COVID-19 diễn biến phức tạp* [The economy in the first 6 months of 2021 grew quite well despite the complicated developments of the COVID-19 epidemic]. Retrieved on 30.10.2021 from URL: <https://www.gso.gov.vn/du-lieu-va-so-lieu-thong-ke/2021/07/kinh-te-6-thang-dau-nam-2021-tang-truong-kha-bat-chap-dich-covid-19-dien-bien-phuc-tap/>

General Statistics Office of Vietnam (GSO) (9/2018). *Socioeconomic situation in the third quarter and nine months of 2018*. Retrieved on 30.10.2021 from URL: <https://www.gso.gov.vn/en/data-and-statistics/2019/05/report-social-and-economic-situations-in-the-third-quarter-and-9-months-of-2018/>

General Statistics Office of Vietnam (GSO) (9/2019). *Socioeconomic situation in the third quarter and nine months of 2019*. Retrieved on 30.10.2021 from URL: <https://www.gso.gov.vn/en/data-and-statistics/2019/10/report-social-and-economic-situation-in-the-3rd-quarter-and-the-9-months-of-2019/>

General Statistics Office of Vietnam (GSO) (9/2020). *Socio-economic situation in the third quarter and nine months of 2020*. Retrieved on 30.10.2021 from URL: <https://www.gso.gov.vn/en/data-and-statistics/2020/10/social-and-economic-situation-in-the-3rd-quarter-and-9-months-of-2020/>

General Statistics Office of Vietnam (GSO) (9/2021). *Socioeconomic situation in the third quarter and nine months of 2021*. Retrieved on 30.10.2021 from URL: <https://www.gso.gov.vn/en/data-and-statistics/2021/10/socio-economic-situation-in-the-third-quarter-and-nine-months-of-2021/>

Ghosh I. (2020). The Road to Recovery: Which Economies are Reopening? *Visual Capitalist*, May 28. URL: <https://www.visualcapitalist.com/the-road-to-recovery-which-economies-are-reopening-covid-19/>

Giang N.K. (2020). *Vietnam Stocks Become the World's Best after Extreme Turmoil in March*. Retrieved on July 28 from URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-14/from-extreme-turmoil-vietnam-stocks-become-world-s-best>

Ha Thanh Lam, Bui Van Huyen (2020). Impacts of COVID-19 Outbreak on Vietnam's Foreign Trade. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*, 4 (4): 27–37. DOI: 10.24411/2618-9453-2020-10031

Japan Reveals 87 Projects Eligible for 'China Exit' Subsidies. *Nikkei Asia*, 17.07.2020. URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/Japan-reveals-87-projects-eligible-for-China-exit-subsidies>

Impact on Household Income Due to the Coronavirus (COVID-19) in India from February to April 2020. Retrieved on 25.07.2021 from URL: <https://www.statista.com/statistics/1111510/india-coronavirus-impact-on-household-income/>

Nicola M., Alsafi Z., Sohrabi C. et al. (2020). The Socioeconomic Implications of the Coronavirus Pandemic (COVID-19): A Review. *International Journal of Surgery*, 78: 185–193. DOI: 10.1016/j.ijssu.2020.04.18

Pirouz B., Haghshenas S.S., Piro P. (2020). Investigating a Serious Challenge in the Sustainable Development Process: Analysis of Confirmed Cases of COVID-19 (a New Type of Coronavirus) through a Binary Classification Using Artificial Intelligence and Regression Analysis. *Sustainability*, 12 (6) : 2427. DOI: 10.3390/su12062427.

Tran B.X., Nguyen H.T., Le H.T. et al. (2020). Impact of COVID-19 on Economic Well-Being and Quality of Life of the Vietnamese during the National Social Distancing. *Frontiers in psychology*, September 11. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.565153

Triển vọng kinh tế vĩ mô Quý 4/2021 [Macroeconomic forecast for the 4th quarter of 2021]. *KB Securities*, 28.10.2021. URL: [https://www.kbsec.com.vn/pic/Service/KBSV_KTVM_4Q2021%20\(2\).pdf](https://www.kbsec.com.vn/pic/Service/KBSV_KTVM_4Q2021%20(2).pdf)

Vitenu-Sackey P., Barfi R. (2021). The Impact of Covid-19 Pandemic on the Global Economy: Emphasis on Poverty Alleviation and Economic Growth. *Finance Research Letters*, 8 (1): 32–43. DOI: 10.18488/journal.29.2021.81.32.43

Authors:

Le Hai Binh, Ph.D. (Economics), Former Vice President of Diplomatic Academy of Vietnam. ORCID: 0000-0002-4233-3175. E-mail: maiphuongchu@ftu.edu.vn

Ha Thanh Lam, Ph.D. (Economics), Vice Dean, World Economy Faculty, Diplomatic Academy of Vietnam. ORCID: 0000-0002-2174-555X. E-mail: lamthanhha@dav.edu.vn

Article history:

Received: July 23, 2021

Received in revised form: November 25, 2021

Accepted: December 7, 2021

DOI: 10.54631/VS.2021.54-71-86

ИЗУЧЕНИЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ВО ВЬЕТНАМЕ: РОЛЬ ИНСТИТУТА КОНФУЦИЯ Н.В. Селезнёва

Аннотация: Страны Юго-Восточной Азии всегда были и остаются одним из приоритетных регионов китайской внешней политики как в силу географической близости, так и в силу давних исторических и культурных связей и сформировавшихся в настоящем на их основе новых форм экономического и торгового сотрудничества. Вьетнам тесно взаимодействует со своим северным соседом не только по партийной линии, но и в торгово-экономической, сельскохозяйственной, туристической, образовательной, медицинской и других сферах, что естественным образом предполагает активное и широкомасштабное освоения китайского языка. Китай, в свою очередь, заинтересован в поддержании и усилении своего положительного имиджа среди стран Юго-Восточной Азии. Именно по этой причине он применяет на данной территории различные механизмы и инструменты несилового воздействия, получившие название «культурной мягкой силы». Одним из таких инструментов являются институты (классы) Конфуция, которые рассматриваются Китаем как площадки распространения китайского языка и культуры за рубежом. Хотя внешне кажется, что в вопросе изучения китайского языка Вьетнам и Китай движутся навстречу друг другу, реальная ситуация демонстрирует неторопливость вьетнамской стороны включаться в китайскую инициативу. Ханой стремится держать эту ситуацию под контролем и не позволяет китайской стороне расширять сеть институтов Конфуция на своей территории. Анализ ситуации с изучением китайского языка во Вьетнаме также демонстрирует, что роль Института Конфуция в деле преподавания китайского языка не столь значительна, как хотелось бы Китаю, а активные действия китайской стороны порождают во вьетнамском обществе антикитайские настроения.

Ключевые слова: вьетнамо-китайские отношения, «культурная мягкая сила», инструменты мягкой силы, Институт Конфуция, китайский язык, Вьетнам, Китай.

Для цитирования: Селезнёва Н.В. Изучение китайского языка во вьетнаме: роль Института Конфуция // *Вьетнамские исследования*. 2021. Т. 5. № 4. С. 71–86.

Введение

На протяжении длительного периода истории Вьетнам испытывал на себе мощное культурное влияние Китая, которое Пекин хотел бы сохранить и в настоящем. Юго-Восточная Азия (ЮВА) – это тот регион, где Китай раньше всего начал применять инструменты культурной дипломатии и «культурной мягкой силы». Несиловое воздействие Китая на страны ЮВА, и в частности на СРВ, не раз становилось объектом внимания российских и зарубежных исследователей (см. работы Г.М. Локшина, Д.В. Мосякова, С.К. Песцова, А.М. Бобыло, Л.Р. Рустамовой, В.М. Jain, J.D. Schmidt, Lu Fang, Zeng Zheng, Yang Hongjuan и др.).

Одним из инструментов «мягкой силы» Китая являются институты (классы) Конфуция, прежде учреждаемые по всему миру под патронажем и с одобрения Госсовета КНР и рассматриваемые китайцами не только как образовательные и культурные центры, но и как неофициальные дипломатические площадки. О значимости ЮВА для Китая говорит тот факт, что конец 2018 г. в девяти из 11 стран ЮВА насчитывалось 37 институтов и 17 классов

Конфуция [Chen Lu 2020: 45]. Однако, несмотря на серьёзную политическую и финансовую поддержку сети Институтов Конфуция от китайского правительства, далеко не всегда их деятельность является эффективной и способствует укреплению китайской «мягкой силы». Актуальность выбранной проблематики заключается в том, что в научный оборот вводятся данные об изучении китайского языка во Вьетнаме, и впервые на русском языке предпринимается попытка охарактеризовать роль и значение Института Конфуция в продвижении «мягкой силы» Китая на территории СРВ. Выбранный ракурс исследования позволяет продемонстрировать, что далеко не всегда действия Китая по продвижению своего варианта культурно-образовательного сотрудничества приемлемы для других стран (не только развитых, но и развивающихся). Они могут вызывать как положительные, так и отрицательные реакции в обществе, что видно на примере общественного мнения по поводу деятельности Института Конфуция в СРВ.

Государственную политику в отношении преподавания и изучения китайского языка в СРВ можно рассматривать в качестве одного из маркеров двусторонних отношений. На протяжении последних десятилетий отношения между соседями были достаточно напряжёнными, сопровождались территориальными конфликтами в Южно-Китайском море и подогреваются антикитайскими настроениями во вьетнамском обществе. Однако при этом между странами налицо тесное партийное, торгово-экономическое и гуманитарное сотрудничество. Такие парадоксальные отношения, по мнению Г.М. Локшина, обусловлены тем, что «главная забота вьетнамского руководства заключается в том, как использовать все рычаги дипломатии, экономических отношений и военных связей для сохранения своей автономии и независимости, чтобы не оказаться целиком втянутым в орбиту китайской политики» [Локшин 2013: 82].

Изучение китайского языка во Вьетнаме: современное состояние

После нормализации отношений с Китаем в 1991 г. во Вьетнаме начали активно изучать китайский язык. Вьетнамские школьники в качестве первого иностранного языка в основном изучают английский, но могут выбрать и другие языки, где есть условия для их преподавания. Министерством образования и профессионального обучения СРВ предпринимались попытки перевести китайский язык в статус первого иностранного и начать его изучение с 3-го класса [Tiếng Trung: 12.07.2021], но не увенчались успехом. Сейчас китайский как первый иностранный язык в основном изучается с 6-го по 12-й класс в рамках 7-летней образовательной программы [Там же]. В 2016 г. китайский язык изучался в 46 городских центрах девяти провинций, в основном сосредоточенных в северных приграничных районах, а общее число школьников, изучающих китайский язык, составляло 12 тыс. (ср.: русский язык изучает всего 1200 школьников, а японский – 25 тыс. [Tiếng Nga: 12.07.2021]).

Несмотря на то что ряд вьетнамских специалистов выступает за необходимость изучения китайского языка в школе начиная с первой (младшей) ступени, большинство экспертов считает, что пилотные проекты министерства образования являются несвоевременными и необоснованными. При этом часто говорится о необходимости изучения китайской письменности на третьей ступени средней школы, поскольку около 70 % вьетнамской лексики составляют слова с китайскими корнями, которые надо знать, чтобы понять родной язык и национальную литературу и которые на протяжении столетий записывались иероглифами [Đay chữ Hán: 13.07.2021].

Для того чтобы стимулировать изучение китайского языка в во вьетнамских школах, Посольство КНР в СРВ проводит регулярные награждения стипендиями учеников начальных и средних классов, изучающих китайский язык. Так, в 2019 г. было вручено 40 таких стипендий в размере 3,5 млн донгов каждая (150 долл.) [Там же], что составляет примерно половину средней заработной платы по стране.

В системе высшего образования китайский язык представлен достаточно широко: более чем 40 вузов Вьетнама имеют институты, факультеты и кафедры китайского языка, в 76 вузах есть специальности по его изучению. Подготовка бакалавров со знанием китайского языка осуществляется в основном для переводческой, торгово-экономической и туристической отраслей [Danh sách: 12.07.2021]. Помимо этого, в ряде вузов Вьетнама китайский язык может быть выбран в качестве второго иностранного или предмета по выбору, что существенно расширяет возможности подготовки отраслевых специалистов. Для поступления на программы с изучением китайского языка в большинстве вузов не требуется сдавать экзамен по китайскому языку [Các trường đào tạo: 14.07.2021].

Кроме того, вьетнамские вузы активно сотрудничают с китайскими, и на сегодняшний день действуют разнообразные совместные программы по подготовке бакалавров и магистров по схеме «1+4», «1+3», «2+2», «3+2» и др. [Chen, Xu 2015: 54]. Подготовка в рамках совместных программ осуществляется в соответствии с планом набора вьетнамского министерства образования. Кроме того, между правительствами СРВ и КНР подписано соглашение о совместном проведении краткосрочных курсов повышения квалификации по китайскому языку для руководящих кадров СРВ, правительственных чиновников, а также по различным направлениям сотрудничества Китай – АСЕАН [Nguyen Thu Huong 2017: 15].

Ежегодно за счёт китайских правительственных стипендий в Китае обучается порядка 130 человек в магистратуре и докторантуре [Nguyen Thu Huong 2017: 14] по таким направлениям, как язык и литература, наука и технологии, управление, внешняя торговля, международные отношения, антропология, дизайн [Yuenan xuesheng: 20.06.2021]. Советник по вопросам культуры Посольства КНР во Вьетнаме Пэн Шитуань заявил, что в 2018 г. 2 тыс. вьетнамских студентов, что составило 18 % от их общего числа в Китае, получили различные китайские правительственные стипендии. [Yuenan 79 ming: 08.08.2019]. Между тем, заявки на получение китайских правительственных стипендий подаются через департамент международного сотрудничества Министерства образования СРВ и контролируются им [Thông báo tuyển sinh: 12.07.2021].

Китай заинтересован в привлечении вьетнамских студентов на обучение, поскольку рассматривает это как одну из возможностей нейтрализации антикитайских настроений во Вьетнаме. Однако по данным Министерства образования КНР, число вьетнамских студентов, обучающихся в Китае, нестабильно (табл. 1). Резкое падение количества студентов в 2014–2016 гг. объясняется обострением вьетнамо-китайских отношений [2014 niandu: 25.06.2021]. Между тем, если сравнивать с другими странами ЮВА, количество вьетнамских студентов в Китае существенно ниже, чем, например, в Японии. Так, по данным Министерства образования Японии, в 2019 г. в университетах и школах страны обучались 73 389 вьетнамцев [Zairi waiguo: 25.06.2021]. В 2020 г. в Китае число студентов из Вьетнама составило 13 549 [Vietnamese students of Chinese: 15.11.2021], однако большинство из них было недовольно качеством онлайн-образования и вынуждено приостановить или прекратить обучение.

Таблица 1. Количество вьетнамских студентов, обучающихся в КНР

Год	2009	2011	2012	2014	2015	2016	2018	2020
Кол-во	12 247	13 549	13 038	10 658	10 031	10 639	11 299	13 549

Составлено по: отчеты и сообщения Министерства образования КНР и другие источники

Кроме того, помимо континентального Китая, китайский язык и культуру во Вьетнаме активно продвигает и Тайвань. В Ханое действует Тайбэйское экономическое и культурное бюро (ТЕСО), которое через Министерство образования Тайваня ежегодно направляет преподавателей китайского языка во вьетнамские школы и университеты, продвигает изучение традиционной иероглифики, своих методов тестирования китайского языка и привлечения вьетнамских студентов для получения образования на Тайване [Planting Seeds: 20.07.2017]. Данные программы пользуются популярностью среди вьетнамских студентов. Так, согласно статистике тайваньского правительства, в 2019 г. на Тайване обучался 17 421 вьетнамский студент [Everington: 28.12.2020], что даже превосходит их число в континентальном Китае.

Китайские исследователи отмечают, что во Вьетнаме сформировалась своя система подготовки китаистов, которая практически не нуждается в участии китайской стороны [Zhao Hongxia 2014: 506]. Однако целесообразность учреждения Института Конфуция во Вьетнаме китайские исследователи мотивируют многочисленными проблемами. Это, например, перегруженность состава учебных групп, низкий уровень образования преподавателей китайского языка, отсутствие единых программ и стандартов, разрозненность учебной литературы по китайскому языку, низкий уровень материально-технического оснащения, отсталость методик преподавания, отсутствие специализированных курсов китайского языка высокого уровня (напр., древнекитайского языка) и др. [Chen, Xu 2015: 52]. Китайские исследователи придают большое значение той роли, которую должен играть Институт Конфуция в деле продвижения китайского языка и культуры во Вьетнаме. Однако реальные факты это не подтверждают.

Учреждение Института Конфуция при Ханойском университете: китайские мечты и вьетнамская реальность

В октябре 2013 г. во время визита премьер-министра КНР Ли Кэцзяна во Вьетнам и его встречи с премьер-министром Нгуен Тан Зунгом было принято решение об учреждении Института Конфуция в Ханойском университете (ХГУ). Вуз-партнёром с китайской стороны выступил Гуансийский педагогический университет. Как отмечает До Тхань Ван (китайское имя 杜青云), учреждению Института Конфуция во Вьетнаме предшествовал длительный переговорный процесс, который был остановлен в октябре 2006 г. из-за недоверия обеих сторон и отсутствия достаточных контактов [Du 2009: 42]. Церемония открытия Института Конфуция состоялась в декабре 2014 г., первое культурное мероприятие было проведено лишь в сентябре 2015 г., а фактические занятия начались в апреле 2016 г., когда прибыл первый китайский преподаватель [Lu Fang 2019: 22]. Таким образом, можно сделать вывод, что вьетнамская сторона не торопилась с запуском Института Конфуция, происходившим на фоне острой конфронтации с Пекином после ввода китайской буровой платформы в СЭЗ СРВ в Южно-Китайском море.

До Тхань Ван отмечает два момента, оказавшие существенное влияние на то, что Институт Конфуция при Ханойском университете был учрежден только в 2014 г. Первой

причиной является само название, вызывающее негативный отклик в душах вьетнамцев. Несмотря на то что развитие Вьетнама было тесно связано с конфуцианским учением, вместе с ним, однако, пришли и такие принципы, как пренебрежение женщинами и деление общества на верхи и низы. Среди вьетнамцев бытует представление, что институты Конфуция будут распространять конфуцианское учение, именно поэтому и происходит его отторжение. К тому же вьетнамцев беспокоит вопрос национальной идентификации. До Тхань Ван полагает, что они опасаются реставрации системы образования на основе иероглифической письменности [Du 2009: 49]. Вьетнамскую общественность также беспокоит тот факт, что с работой Института Конфуция ещё острее проявятся проблемы культурной ассимиляции и неспособности вьетнамской культуры противостоять китайской [Thanh Phương: 21.10.2013].

В ходе исследования факторов размещения Институтов Конфуция в странах ЮВА Цэн Чжэн и Ян Хунцюань [Zeng, Yang 2017] установили, что на фоне других стран ЮВА Вьетнам имеет, казалось бы, достаточно оснований в пользу этого процесса. *Во-первых*, Вьетнам имеет большой товарооборот с КНР (занимает 5-е место среди стран ЮВА). *Во-вторых*, он является второй по привлекательности страной, после Таиланда, для китайских туристов. *В-третьих*, доля этнических китайцев от числа местного населения по сравнению с другими странами ЮВА очень низка и составляет менее 5% [Zeng, Yang, 2017: 70], что примерно соответствует вьетнамским источникам, которые говорят о 1,5 млн этнических китайцев [Lịch sử di cư: 29.12.2020]. Между тем в СРВ не наблюдалось не только расширения сети институтов Конфуция, но и сам процесс учреждения единственного института шёл достаточно медленно.

Учреждению во Вьетнаме Института Конфуция предшествовала и череда возмущений в интеллигентской среде [Hung: 01.07.2021]. Так, доктор Нгуен Ня, эксперт по китайско-вьетнамским отношениям, сказал вьетнамской службе ВOA, что Пекин хочет проявить свою «мягкую силу» через культурные влияния: «Во время культурной революции Китай разрушил конфуцианство и теперь хочет возродить его, чтобы повлиять на соседние страны... Этот шаг не идёт на пользу Вьетнаму» [Trung Nguyen: 31.10.2013]. Рассмотрение Института Конфуция в качестве актора продвижения и насаждения китайской культуры среди вьетнамской молодёжи характерно для многих вьетнамских экспертов. Так, сотрудник Института изучения хан-нома в Ханое доктор Нгуен Суан Диен считает, что деятельность по преподаванию китайского языка и культуры является лишь ширмой, за которой спрятана дальнейшая культурная и идеологическая агитация в пользу современного Китая [Thanh Phương: 21.10.2013].

Журналистка издания The Diplomat Хюинь Тхук Ви пишет, что учреждение Института Конфуция в Ханое было способом отвлечения внимания от более серьезных проблем вьетнамско-китайских отношений, смещением фокуса внимания на менее болезненную гуманитарную повестку [Huỳnh Thục Vy: 24.11.2013]. Автор публикации также считает, что появление Института Конфуция ничего особенного не добавит в распространение китайского языка и культуры во Вьетнаме, поскольку наличие прочных связей в различных областях между двумя странами – это уже достаточное основание для изучения китайского языка вне зависимости от наличия или отсутствия Института Конфуция в стране. Автор рассматривает учреждение Института Конфуция как очередную демонстрацию «мягкой силы» Китая в контексте его «жесткой силы», которую он навязывает вьетнамскому правительству.

В 2019 г. на церемонии, посвящённой 5-летию юбилею Института Конфуция Ханойского университета, советник по образованию Посольства Китая во Вьетнаме заявил, что Институт Конфуция должен стать платформой для построения образовательного сотрудничества между двумя странами и, начав с Ханойского университета, распространиться

на весь Вьетнам [Yuenan Henei: 01.07.2021]. Однако реальная ситуация говорит о том, что планы китайской стороны вряд ли осуществимы, поскольку только Ханойским университетом заключено 50 соглашений с различными вузами Китая [Viện Khổng Tử: 12.07.2021], и значение Института Конфуция в интернационализации высшего образования Вьетнама крайне незначительно.

На 2019 г. в Институте Конфуция при Ханойском университете китайский язык преподаётся в рамках дополнительного образования на языковых курсах. Штат Института Конфуция включает директоров с вьетнамской и китайской сторон, секретаря и трёх преподавателей, направленных китайской стороной [Lu Fang 2019: 22]. В сообщении портала «Вьетнам Плюс» отмечается, что в 2019 г. обучение на различных курсах в Институте Конфуция прошли 1770 человек [Confucius Institute in Vietnam: 01.07.2021]. На первом экзамене HSK (HSKK), проходившем в Институте Конфуция Ханойского университета в январе 2020 г., общее число успешно его сдавших составило 1250 человек. Экзаменационный пункт при Институте Конфуция в ХГУ не является единственным [Thi HSK ở đâu?: 01.07.2021].

Если говорить о проводимых мероприятиях, то они немногочисленны [Nguyen Thu Huong 2017: 21] и в основном представлены тремя видами: культурные мероприятия, посвящённые китайским традиционным праздникам и обычаям, языковые конкурсы и собственно курсы китайского языка и отдельных аспектов китайской культуры (каллиграфия, танец и др.). В количественном отношении тон задают именно культурные мероприятия, а преподавание китайского языка носит вспомогательный характер [Nguyen Thu Huong 2017: 4]. Аналогичную оценку дают и китайские исследователи. Так, Лю Фан из офиса Института Конфуция при Гуансийском университете в своём исследовании отмечает, что в 2014–2017 гг. в Институте Конфуция при Ханойском университете было проведено лишь 19 культурных мероприятий [Lu Fang 2019: 22].

Влияние Института Конфуция при Ханойском университете достаточно слабое и ограничивается в основном самим университетом. Так, среди опрошенных 180 человек 73 % респондентов ответили, что что-то слышали об Институте Конфуция, но только 11 % выразили желание принять участие в культурных мероприятиях, а 44 % согласились с возможностью поучаствовать [Nguyen Thu Huong 2017: 22].

Заключение

На основе проведенного нами исследования можно констатировать, что роль Института Конфуция как площадки по продвижению китайского языка и китайской культуры во Вьетнаме не столь значительна, как хотелось бы Китаю. Институт Конфуция при Ханойском университете не обладает людскими ресурсами, которые бы покрывали потребности в изучении китайского языка даже в самом университете. Значимость самих курсов китайского языка и культурных мероприятий, проводимых Институтом Конфуция, незначительна; сами мероприятия немногочисленны и местными СМИ практически не освещаются. Институт Конфуция не является единственным пунктом для сдачи сертификационного экзамена на знание китайского языка (HSK). Несмотря на то что в СРВ сохраняется высокий спрос на изучение китайского языка, вьетнамские студенты проходят обучения в Китае не столько по стипендиям Института Конфуция, сколько по различным правительственным стипендиальным программам и за счёт личных средств. Вьетнам удовлетворяет свои потребности в подготовке специалистов со знанием китайского языка посредством межрегионального сотрудничества с китайскими вузами, в основном находящимися в приграничных с Вьетнамом районах. Кроме

того, не следует забывать о существенной роли Тайваня в деле преподавания китайского языка и культуры во Вьетнаме.

Между тем учреждение Института Конфуция во Вьетнаме (особенно на фоне обострения отношений) отражает усилия Китая по продвижению своей «мягкой силы». С другой стороны, согласие вьетнамской стороны на открытие Института Конфуция можно воспринимать как попытку правительства СРВ гармонизировать то, что не гармонизируется. Следует также отметить, что Институт Конфуция не только не вносит существенного вклада в продвижение китайского языка в СРВ, но и в некоторой степени является причиной очередной волны антикитайских настроений и бурных дискуссий во вьетнамском обществе.

Список литературы

Локишин Г.М. Вьетнамо-китайские отношения: тирания географии и здравый смысл // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2013, № 21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vietnamo-kitayskie-otnosheniya-tiraniya-geografii-i-zdravyy-smysl> (дата обращения: 03.07.2021).

2014 niandu laihua liuxuesheng diaocha baogao [Отчет об изучении иностранных студентов в Китае за 2014 г]. URL: <https://www.eol.cn/html/lhlx/content.html> (дата обращения: 25.06.2021).

Các trường đào tạo ngôn ngữ Trung – Top 13 trường xuất sắc nhất [Школы китайского языка - 13 лучших]. URL: <https://duhoc.eaut.edu.vn/cac-truong-dao-tao-ngon-ngu-trung-tot-nhat> (дата обращения: 14.07.2021) (на вьет. языке).

Chen Lu. Dongnanya kongzi xueyuan fenbu yu shuliang de yingxiang yinsu yanjiu // Wenxue jiaoyu, 2020 (6): 44-49 [Чэнь Лу. Изучение факторов, влияющих на размещение и количества Институты Конфуция в Юго-Восточной Азии] // Вэньсюэ Цзяюй, 2020 (6). С. 44-49) (на кит. языке).

Chen Shufeng, Xu Cailing. Yuenan hanyu guoji tuiguang celue yanjiu [Чэнь Шуфэн, Сю Цяйлин. Исследование стратегии международного продвижения китайского языка во Вьетнаме] // Chuxiaong shifan xueyuan, xuebao, 2015. Vol. 30. No. 4. P. 51–55 (на кит. языке).

Confucius Institute in Vietnam Fosters Vietnam-China Cultural Exchange. URL: <https://en.vietnamplus.vn/confucius-institute-in-vietnam-fosters-vietnamchina-cultural-exchange/165524.amp> (дата обращения: 01.07.2021).

Danh sách các trường đại học có ngành Ngôn ngữ Trung Quốc [Список университетов с преподаванием китайского языка]. URL: <https://thongtintuyensinh.net/danh-sach-cac-truong-dai-hoc-co-nganh-ngon-ngu-trung-quoc.html> (дата обращения: 12.07.2021).

Day chữ Hán thay tiếng Anh vì những lẽ sau... [Обучение китайским иероглифам вместо английского по следующим причинам...]. URL: <https://vietnamnet.vn/vn/giao-duc/khoa-hoc/day-chu-han-thay-tieng-anh-vi-nhung-le-sau-324496.html> (дата обращения: 13.07.2021).

Du Qingyun. Cong jieshoufang de jiaodu kan kongzi xueyuan yu zhongguo wenhua waijiao – yi dongnanya diqu weilie [До Тхань Ван. Рассмотрение Института Конфуция с точки зрения принимающей стороны и китайская культурная дипломатия – на примере региона ЮВА]. Fudan daxue, 2009. 83 p. URL: <https://www.doc88.com/p-0857386292056.html?s=rel&id=4> (дата обращения: 01.07.2021) (на кит. языке).

Everington K. Vietnamese students in Taiwan increase by 330% over 3 years // Taiwan News, 28.12.2020. URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/4088611>

Hung P.N. Intellectuals and Activists against the Confucius Institute, Beijing's Way to "Assimilate" Vietnam URL: <http://www.asianews.it/news-en/Intellectuals-and-activists-against-the-Confucius-Institute,-Beijing%E2%80%99s-way-to-%E2%80%9CAssimilate%E2%80%9D-Vietnam-34549.html> (дата обращения: 01.07.2021).

Huỳnh Thục Vỹ. Vietnam's Confucius Institute Distraction // The Diplomat, 24.11.2013. URL: <https://thediplomat.com/2013/11/vietnams-confucius-institute-distraction>

Lịch sử di cư, văn hóa, tính cách người Hoa ở Việt Nam [История миграции, культура и характер китайцев во Вьетнаме]. URL: <https://khamphalichsu.com/nguoi-hoa-o-viet-nam-n193.html> (дата обращения: 15.11.2021).

Lu Fang. Yuenan kongzixueyuan wenhua huodong chutan ji chuanbo celue fenxi [Люй Фан. Предварительный анализ культурных мероприятий и стратегии распространения Института Конфуция во Вьетнаме] // Jiaoyu guancha. 2019. No. 13. P. 22–24 (на кит. языке).

Nguyen Thu Huong (Yuan Qiuchun). Zhong Yue wenhua jiaoliu xianzhuang yanjiu ji fazhan jianyi. Liaoning shifan daxue [Нгуен Тху Хыонг. Исследование современного состояния китайско-вьетнамского культурного обмена и рекомендации развития], 2017. 61 p. (на кит. языке).

Planting Seeds: Mandarin Education in Vietnam // Taiwan Panorama, 20.07.2017. URL: <https://nspp.mofa.gov.tw/nspp/news.php?post=118413&unit=410&unitname=Stories&postname=Planting-Seeds:-Mandarin-Education-in-Vietnam>

Thanh Phuong. Viện Khổng Tử hay cuộc xâm lăng văn hóa Trung Quốc? [Тхань Фыонг. Институт Конфуция или китайское культурное вторжение?] // RFI, 21.10.2013. URL: <https://www.rfi.fr/vi/vietnam/20131021-vien-khong-tu-hay-cuoc-xam-lang-van-hoa-cua-trung-quoc>

Thi HSK ở đâu? Tổng hợp địa điểm thi HSK tại Việt Nam [Где сдать HSK? Сводная информация о местах проведения экзаменов HSK во Вьетнаме]. URL: <https://tuhocitiengtrung.vn/thi-hsk-o-dau/> (дата обращения: 01.07.2021).

Thông báo tuyển sinh đi học tại Trung Quốc năm 2021 [Уведомление о зачислении на обучение в Китай в 2021 г.]. URL: http://icd.edu.vn/372/thong-bao-tuyen-sinh-di-hoc-tai-trung-quoc-nam-2021.html/BPF/vi-VN/CMS_Cat/Thong-Tin-Tuyen-Sinh/CMS_Detail/1905 (дата обращения: 12.07.2021).

Tiếng Nga, tiếng Trung đang được dạy ở Việt Nam như thế nào? [Как во Вьетнаме преподают русский и китайский языки?]. URL: <https://vietnamnet.vn/vn/giao-duc/tuyen-sinh/tieng-nga-tieng-trung-dang-duoc-day-o-vietnam-nhu-the-nao-337213.html> (дата обращения: 12.07.2021).

Tiếng Trung thành ngoại ngữ thứ nhất: Bộ GD-ĐT lên tiếng [Китайский как первый иностранный язык: мнение Министерства образования и подготовки кадров]. URL: <https://datviet.trithuccuocsong.vn/chinh-tri-xa-hoi/giao-duc/tieng-trung-thanh-ngoai-ngu-thu-nhat-bo-gd-dt-len-tieng-3319332> (дата обращения: 12.07.2021).

Trung Nguyen. Chinese Confucius Institute Project Raises Concern in Vietnam // VOA, 31.10.2013. URL: <https://www.voanews.com/east-asia/chinese-confucius-institute-project-raises-concern-vietnam>

Viện Khổng Tử tại Việt Nam [Институт Конфуция во Вьетнаме]. URL: https://www.rfa.org/vietnamese/in_depth/concerning-about-confucius-institute-in-vn-ml-12302014075038.html (дата обращения: 12.07.2021).

Vietnamese Students of Chinese Universities Yearn to Resume Offline Classes. URL: <https://e.vnexpress.net/news/life/trend/vietnamese-students-of-chinese-universities-yearn-to-resume-offline-classes-4374269.html> (дата обращения: 15.11.2021).

Yuenan 79 ming xuesheng huo 2019 nian zhongguo zhengfu jiangxuejin [79 студентов выиграли стипендию правительства Китая в 2019 г.] // Xinhuaawang, 08.08.2019. URL: http://www.xinhuanet.com/2019-08/08/c_1124854207.htm (на кит. языке).

Yuenan henei daxue kongzi xueyuan qingzhu chengli 5 zhounian [Институт Конфуция ЮЭ при Ханойском университете отмечает 5-летний юбилей] // Xinhuaawang, 16.12.2019. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2019-12/16/c_1125349612.htm (на кит. языке).

Yuenan xuesheng: qu zhongguo liuxue shi wo de mengxiang [Учеба в Китае - моя мечта] // Renminwang, 1.08.2018. URL: https://www.sohu.com/a/247003863_114731 (дата обращения: 20.06.2021) (на кит. языке).

Zai ri waiguo liuxuesheng chao 31 wan yuenan xuesheng renshu weiju dier [Япония занимает второе место по количеству иностранных студентов с более чем 310 тыс. вьетнамских студентов]. URL: <https://cn.qdnd.vn/cid-6153/7224/nid-570014.html> (дата обращения: 25.06.2021) (на кит. языке).

Zeng Zheng, Yang Hongjuan. Dongnanya diqu kongzi xueyuan fenbu ji yingxiang yinsu fenxi [Цэн Чжэн, Ян Хунцзяоань. Анализ факторов и размещения Институтов Конфуция в ЮВА] // Yunnan shifan daxue xuebao (duiwai hanyu jiaoxue ji yanjiu ban). 2017. Vol. 15. No. 3. P. 63–71 (на кит. языке)

Zhao Hongxia. Guanyu yuenan gaoxiao hanyu jiaoxue de yixie xikao – lizu Yunnan dili youshi kaikuo yuannan wenhua shichang [Чжао Хунся. Некоторые размышления о преподавании китайского языка в высшей школе

Вьетнама – географические преимущества Юньнани для освоения вьетнамского рынка культуры] // Ren wen sheke. 2014. P. 504-506 (на кит. языке).

Автор:

Селезнёва Наталья Викторовна, к.филол.н., доцент, кафедра международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет. E-mail: xie-ling@yandex.ru

Продвижение статьи:

Дата поступления: 06.07.2021

Дата поступления в переработанном виде: 08.12.2021

Принята к печати: 20.12.2021

LEARNING CHINESE IN VIETNAM: THE ROLE OF THE CONFUCIUS INSTITUTE

N.V. Selezneva

Abstract: Southeast Asian countries have always been one of the priority regions of the Chinese foreign policy due both to the geographic proximity and to the long historical and cultural connections and new forms of economic and trade cooperation which have been formed on that basis. Vietnam supports close interaction with its northern neighbour not only in the Party matters, but also in the trade and economic, agricultural, tourism, educational, medical, and other spheres. Naturally, this suggests intense learning of the Chinese language on a large scale. China, in its turn, is interested in maintenance and increase of its positive image among the countries of Southeast Asia. That is why China applies various methods and tools of nonforce pressure, which are known as “cultural soft power”. One of these tools is the Confucius Institute (Classes). China considered it the site of promotion of the Chinese language and Chinese culture abroad. From the outside, Vietnam and China appear to move toward each other in the matter of teaching and learning Chinese, but the reality shows that the Vietnamese side is not hastening to join the Chinese initiative, striving to control the situation, and does not let the Chinese side expand the Confucius Institutes network in Vietnam. Also, the analysis of the situation has shown the insignificant role of the Confucius Institutes in teaching the Chinese language.

Keywords: Sino-Vietnamese relations, cultural soft power, tools of soft power, Confucius Institute, the Chinese language, Vietnam, China.

For citation: Selezneva N.V. (2021). Learning Chinese in Vietnam: The Role of the Confucius Institute. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 5 (4): 71–86.

Introduction

For centuries Vietnam experienced strong cultural influence of China, and China would like to retain the situation. Southeast Asia is the region where China began to apply the tools of cultural diplomacy and “cultural soft power”. Nonforce pressure of China on SEA countries often attracted attention of Russian and foreign researchers (*see* works by G.N. Lokshin, D.V. Mosyakov, S.K. Pestsov, A.M. Bobylo, L.R. Rustamova, B.M. Jain, J.D. Schmidt, Lu Fang, Zeng Zheng, Yang Hongjuan etc.).

One of the tools of China’s “soft power” are the Confucius Institutes (Classes), which used to be established worldwide under the auspices and with the approval of the PRC State Council. The Chinese consider them to be not only educational and cultural centers, but also informal diplomatic sites. SEA importance for China is shown with the fact that at the end of 2018 nine of eleven SEA countries had 37 Confucius Institutes and 17 Classes [Chen Lu 2020: 45]. However, in spite of serious political and finance support of the Confucius Institute network from the Chinese Government, their activity is sometimes far from efficient and does not contribute to fortifying the Chinese “soft power”. This Russian article is the first attempt to describe the role and importance of the Confucius Institutes in the promotion of China’s “soft power” on the territory of the Socialist Republic of Vietnam (SRV). The data on the situation of teaching the Chinese language in Vietnam are being introduced in scientific circulation, which is of great importance in comprehending the nature of educational and humanitarian relationships between the SRV and the PRC.

The author has used a broad range of Vietnamese, Chinese, and English sources. Both general and special methods have been applied to their analyses.

Teaching Chinese in Vietnam: The Current State

The state policy concerning teaching and learning Chinese in the SRV, can be considered a marker of the bilateral relations. During recent decades, the relations between the neighbors have been strained enough, accompanied with territorial conflicts in the South China Sea and roused with anti-Chinese moods in society. However, there exists close Party, trade, economic and humanitarian cooperation between the countries. Such paradoxical relations, in G.M. Lokshin's opinion, have been caused with "the main care of the Vietnamese leadership to use all the key factors of diplomacy, economic relations and military connections to reserve their autonomy and independence and to avoid being involved into the orbit of the Chinese policy" [Lokshin 2013: 82].

The normalization of the relations with China having been achieved in 1991, the Vietnamese began actively learn Chinese. Vietnamese pupils usually learn English as the first foreign language, but they can choose other languages, if there are conditions for their teaching. The SRV Ministry of Education and Training made attempts to transfer Russian and Chinese in the status of the first foreign languages to begin their learning from the third grade [Tiếng Trung: 12.07.2021], but in vain. Now, Chinese is usually learned as the first foreign language from the 6th to 12th grades in the scope of the full seven years course [Ibid.]. In 2016, the Chinese language was learned in 46 centers of 9 provinces concentrated chiefly in the northern border regions, the total number of students learning Chinese was 12 thousand (cf. Russian is learned by but 1200 students, and Japanese by 25 thousand [Tiếng Nga: 12.07.2021]).

A number of Vietnamese specialists advocate the necessity to learn Chinese at school beginning from the first (junior) grade, but most experts consider the pilot projects of the Ministry of Education untimely and groundless. At the same time, they often mention the necessity to learn Chinese script at the third grade of High School, because about 70% of lexica are Vietnamese words with Chinese roots necessary to understand native tongue and national literature, which used Chinese characters for centuries [Dạy chữ Hán: 13.07.2021].

To stimulate learning Chinese at school, the Embassy of the PRC in the SRV regularly awards grants to the pupils of primary and middle classes learning Chinese. In 2019, there were awarded 40 such grants each of 3.5 mln dongs (150 dollars) [Ibid.], i.e., about a half of the average salary in the country.

The Chinese language is represented in the system of higher education widely enough – more than 40 Vietnamese higher education institutions have Chinese institutes, departments and chairs. And 76 higher education institutions train specialists in the Chinese language. Bachelors speaking Chinese are usually trained for interpretation, as well as for trade and economic spheres and tourism industry [Danh sách: 12.07.2021]. Besides, in Vietnam a number of higher education institutions teach Chinese as the second foreign language or as an optional subject, which significantly enhance the capacity of training sectoral experts. To join the Chinese language courses, one should not, as usual, take exams in this language [Các trường đào tạo: 14.07.2021].

Besides, Vietnamese higher education institutions actively collaborate with Chinese ones. Nowadays, there are various joint programs for training bachelors and masters according to the scheme "1+4", "1+3", "2+2", "3+2" etc. [Chen, Xu 2015: 54]. The training in the scope of joint programs is carried out in accordance with the enrollment plan of the Vietnamese Ministry of Education. Besides, the SRV and the PRC have signed the agreement to provide the Chinese joint

short courses and further training for the senior management of the SRV, government officials, as well in various spheres of China – ASEAN cooperation [Nguyen Thu Huong 2017: 15].

Annually, about 130 persons are trained at the expense of Chinese government grants for magistracy and doctorate in China [Nguyen Thu Huong 2017: 14] in such spheres as language and literature, science and technology, management, foreign trade, international relations, design [Yuenan xuesheng: 06.20.2021]. Peng Shituan, Cultural Councilor of the PRC Embassy in Vietnam stated that in 2018 2000 Vietnamese students had received various Chinese Government grants, i.e., 18% of the total number of Vietnamese students in China [Yuenan 79 ming: 25.06.2021]. Claims for Chinese government grants are presented through the Department of international cooperation of the SRV Ministry of Education and are under its control [Thông báo tuyển sinh: 12.07.2021].

China is interested in attaching Vietnamese students to learn, considering it to be one of the opportunities to neutralize anti-Chinese moods in Vietnam. However, the data of the PRC Ministry of Education show that the number of Vietnamese students learning in Vietnam is not stable (Table 1). In 2014–2016, the number of the students sharply decreased, due to the strain of Sino-Vietnamese relations [2014 niandu: 25.06.2021]. Meanwhile, as compared to other SEA countries, the number of Vietnamese students in China is significantly less than, for instance, in Japan. According to the Ministry of Education of Japan data, in 2019 in universities and schools of the country there learned 73389 Vietnamese [Zairi waiguo: 25.06.2021]. Despite COVID-19 pandemic, in 2020 13,549 students from Vietnam learned in China [Vietnamese students of the Chinese: 15.11.2021], but mostly they were not content with the quality of online teaching and were forced to take a pause of to cut short their studies.

Table 1. The Quantity of the Vietnamese Students Learning in the PRC

Year	2009	2011	2012	2014	2015	2016	2018	2020
Quantity	12247	13549	13038	10658	10031	10639	11299	13549

Compiled from reports and statements of the PRC Ministry of Education and other sources

Besides, The Chinese language and culture in Vietnam are actively promoted not only by mainland China, but also by the Taiwan. Taipei economic and cultural bureau (TECO) functions in Hanoi. Annually, through the Ministry of Education of Taiwan, it sends Chinese teachers to Vietnamese schools and universities, promotes study of traditional hieroglyphics, their testing methods of Chinese and methods to attract Vietnamese students to be educated in Taiwan [Planting Seeds: 06.25.2021]. Also, these programs are popular among Vietnamese students. Thus, according to the statistics of Taiwan government, in 2019 17,421 Vietnamese students learned in Taiwan [Everington: 28.12.2020]. So, the number of the Vietnamese students learning in Taiwan is even higher than those who learns in mainland China.

Chinese researchers mention that their own system of training Sinologists has been formed in Vietnam, which does not need the participation of the Chinese side at all [Zhao Hongxia 2014: 506]. However, the expediency to establish the Confucius Institute in Vietnam is motivated with numerous problems by Chinese researchers. They are the problems of Chinese teaching, such as overcrowding of learning groups, low educational level of Chinese teachers, lack of uniform programs and standards, fragmentation of Chinese manuals, low level of logistical support, backwardness of teaching methods, lack of specialized Chinese courses of higher level (for example of ancient Chinese) etc. [Chen, Xu 2015: 52]. Chinese researchers attach great importance to the Confucius Institute role which it must perform in promoting the Chinese language and Chinese culture in Vietnam. But the reality does not sustain this view.

The Establishment of the Confucius Institute at Hanoi University:

Chinese Dreams and the Vietnamese Reality

In October 2013, during the PRC Premier Li Keqiang's visit to Vietnam and his meeting with the Premier Nguyen Tan Dung, the decision was made to establish the Confucius Institute at Hanoi University, the partner institution from the Chinese side was Guangxi Normal University. Do Thanh Van (Chinese 杜青云), mentions that the establishment of the Confucius Institute in Vietnam was preceded with a lasting negotiating process, which was halted in October 2006 due to mutual distrust and lack of sufficient contacts [Du 2009: 42]. The opening ceremony took place in December 2014, the first cultural event was held in September 2015, and lessons began in April 2016, when the first Chinese teacher arrived [Lu Fang 2019: 22]. So, it is to conclude that the Vietnamese side did not hasten to launch the Confucius Institute on the background of acute confrontation with Beijing after the drilling platform commissioning in the SRV Free Economic Zone in the South China Sea.

Do Thanh Van mentions two moments which contributed to establishing of the Confucius Institute at Hanoi University as late as 2014. She believes *the primary cause* was the name itself which had been negatively perceived by the Vietnamese. Vietnam's development was closely connected with Confucianism, but simultaneously it introduced such principles like scorn of women and the social division into rulers and ruled. The Vietnamese think that the Confucian Institutes will propagate Confucianism and therefore reject them. *Secondly*, the Vietnamese are concerned with the question of national identity. Do Thanh Van believes that the Vietnamese fear the restauration of hieroglyphic educational system [Du 2009: 49]. Also, the Vietnamese public worries that the Confucius Institute will sharpen the problems of cultural assimilation and the incapacity of Vietnamese culture to oppose the Chinese one [Thanh Phuong: 21.10.2013].

Investigating the factors of the Confucian Institutes location in SEA countries Zeng Zheng and Yang Hongquan [Zeng, Yang 2017] found that at the background of other SEA countries Vietnam seems to have sufficient grounds in favor of this process. *First*, Vietnam has a high level of trade with the PRC (it is the fifth among the SEA countries). *Second*, it is the second country after Thailand, attractive for Chinese tourists. *Third*, the percentage of the ethnic Chinese in the local population is very low compared with other SEA countries (less than 5%) [Zeng, Yang 2017: 70], Vietnamese sources [Lịch sử di cư: 15.11.2021] evidence 1.5 mln ethnic Chinese. Meanwhile, the network of the Confucian Institutes in Vietnam did not expand; moreover, the process of establishing the only Institute was slow enough.

The establishment of the Confucius Institute in Vietnam was preceded with a sequence of revolts among intellectuals [Hung: 01.07.2021]. So, Doctor Nguyen Nia, expert in Sino-Vietnamese relations, told the Vietnamese service of VOA, that Beijing desires to show his soft power through the cultural influence. During the Cultural Revolution China destroyed Confucianism and now is going to restore it to influence other countries... This step is disadvantageous for Vietnam [Trung Nguyen: 31.10.2013]. Numerous Vietnamese experts consider the Confucius Institute as the actor of promotion and dissemination of Chinese culture among the Vietnamese youth. Doctor Nguyen Xuan Dien, a research fellow of the Institute of Hán-Nôm Studies in Hanoi, believes that teaching the Chinese language and Chinese culture is but the screen hiding the further cultural and ideological agitation in favor of current China [Thanh Phuong: 21.10.2013].

A journalist of "The Diplomat" considers the establishment of the Confucius Institute in Hanoi to have been a way to distract attention from more serious problems of Sino-Vietnamese relations, transferring the focus to less painful humanitarian agenda [Huỳnh Thục Vy: 24.11.2013]. The author

of the publication writes that the appearance of the Confucius Institute will add nothing to the dissemination of the Chinese language and culture in Vietnam, because the existence of strong links in various spheres of the two countries is the significant reason for learning Chinese irrespective of whether the Confucius Institute is present in the country or not. She considers the establishment of the Confucius Institute to be another demonstration of China's "soft power" in the context of its "rigid power", which is thrust to the Vietnamese government by China.

In 2019, at the ceremony dedicated to the 5th anniversary of the Confucius Institute at Hanoi University, the Educational Councilor of the PRC Embassy in Vietnam declared that the Confucius Institute was to become the platform for building educational cooperation between the two countries and, beginning from Hanoi University was to spread throughout Vietnam. [Yuenan Henei: 16.12.2019]. However, the reality evidences that the plans of the Chinese side can hardly be realized, because Hanoi University alone has signed 50 agreements with different higher education institutions of China [Viện Không Tử: 12.07.2021] and the Confucius Institute in the matter of internationalization of Vietnam's higher education is of insignificant importance.

In 2019, the Confucius Institute at Hanoi University taught the Chinese in the scope of additional education at the language courses. The personnel of the Confucius Institute consisted of directors from the Vietnamese and Chinese sides, a secretary and three teachers having been sent by the Chinese side [Lu Fang 2019: 22]. The information on the "Vietnam Plus" portal mentioned that in 2019 1770 persons learned at various courses of the Confucius Institute [Confucius Institute in Vietnam: 01.07.2021]. The total number of those who successfully passed the first exam HSK (HSKK) at the Confucius Institute, was 1250 persons. That was not the only examination point at the Confucius Institute. [Thi HSK ở đâu? : 01.07.2021].

Ongoing activities are scarce [Nguyen Thu Huong 2017: 21] and, usually of the three kinds: cultural activities devoted to traditional Chinese feasts and customs, language contests and Chinese courses proper including also some aspects of Chinese culture (calligraphy, dance etc.,). Numerous cultural activities set the tone and Chinese teaching is auxiliary [Nguyen Thu Huong, 2018: 4]. The same is the assessment by Chinese researchers. Liu Fang from the Confucius Institute office at Guangxi University notes in his research that in 2014-2017 the Confucius Institute at Hanoi University held but 19 cultural activities [Lu Fang 2019: 22].

The influence of the Confucius Institute at Hanoi University is rather weak and limited usually with the University itself. Of 180 respondents only 73% said that they had heard something of the Confucius Institute, 11% desired to participate in cultural activities, but 445 agreed to the opportunity to participate [Nguyen Thu Huong 2017: 22].

Conclusion

Based on our research, it is to be concluded that the role of the Confucius Institute as a site for promotion the Chinese language and Chinese culture in Vietnam is extremely insignificant. The Confucius Institute at Hanoi University does not possess human resources, which could satisfy needs in the Chinese study even at Hanoi University. The importance of the Chinese courses proper and cultural activities held by the Confucius Institute is not significant, the activities are scarce and receive no coverage in the local mass media. The Confucius Institute is not the only point for passing the Chinese certification exam (HSK). There is high demand for learning the Chinese language in the SRV, but Vietnamese students prefer to learn it not on the grants of the Confucius Institute, but on various government grant programs or on private means. Vietnam satisfies his needs in preparing specialists speaking Chinese through the interregional cooperation with Chinese higher education

institutions, usually located on the borderline with Vietnam. Besides, one should remember a significant role of Taiwan in the matter of teaching Chinese and Chinese culture in Vietnam.

Meanwhile, the establishment of the Confucius Institute in Vietnam (especially at the background of the strained relations) reflects the efforts of China in the promotion of its “soft power”. On the other hand, the agreement of the Vietnamese side to open the Confucius Institute may be perceived as an attempt of the SRV government to harmonize what cannot be harmonized. Also, it is noteworthy that the Confucius Institute not only had any contribution to the promotion of the Chinese language in the SRV, but to some degree served a new cause of the growth of anti-Chinese moods and violent discussions in Vietnamese society.

References

2014 niandu laihua liuxuesheng diaocha baogao (2015). Retrieved on 25.06.2021 from URL: <https://www.eol.cn/html/lhlx/content.html>. (In Chinese)

Các trường đào tạo ngôn ngữ Trung – Top 13 trường xuất sắc nhất [Top 13 Mandarin Chinese Schools]. Retrieved on 14.07.2021 from URL: <https://duhoc.eaut.edu.vn/cac-truong-dao-tao-ngon-ngu-trung-tot-nhat>

Chen Lu (2020). Dongnanya kongzi xueyuan fenbu yu shuliang de yingxiang yinsu yanjiu [Study of the factors of the location and number of Confucius Institutes in Southeast Asia]. *Wenxue jiaoyu*, 6: 44–49. (In Chinese)

Chen Shufeng, Xu Cailing (2015). Yuenan hanyu guoji tuiguang celue yanjiu [Study of the factors influencing the location and number of Confucius Institutes in Southeast Asia]. *Chuxiaong shifan xueyuan xuebao*, 30 (4): 51–55. (In Chinese).

Confucius Institute in Vietnam fosters Vietnam-China cultural exchange. URL: <https://en.vietnamplus.vn/confucius-institute-in-vietnam-fosters-vietnamchina-cultural-exchange/165524.amp>, 16.12.2019.

Danh sách các trường đại học có ngành Ngôn ngữ Trung Quốc [List of universities teaching Chinese]. Retrieved on 12.07.2021 from URL: <https://thongtintuyensinh.net/danh-sach-cac-truong-dai-hoc-co-nganh-ngon-ngu-trung-quoc.html>

Đạy chữ Hán thay tiếng Anh vì những lẽ sau... [Learning Chinese characters instead of English for the following reasons...]. Retrieved on 13.07.2021 from URL: <https://vietnamnet.vn/vn/giao-duc/khoa-hoc/day-chu-han-thay-tieng-anh-vi-nhung-le-sau-324496.html>

Du Qingyun (2009). Cong jieshoufang de jiaodu kan kongzi xueyuan yu zhongguo wenhua waijiao – yi dongnanya diqu weilie [Consideration of the Confucius Institute from the point of view of the host side and Chinese cultural diplomacy - on the example of the Southeast Asia]. *Fudan daxue*, 2009. 83 p. URL: <https://www.doc88.com/p-0857386292056.html?s=rel&id=4>. (In Chinese)

Huỳnh Thực Vy. Vietnam's Confucius Institute Distraction. *The Diplomat*, 24.11.2013. URL: <https://thediplomat.com/2013/11/vietnams-confucius-institute-distraction/>

Everington K. (2020). Vietnamese students in Taiwan increase by 330% over 3 years. *Taiwan News*, 28.12.2020. URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/4088611>

Lịch sử di cư, văn hóa, tính cách người Hoa ở Việt Nam [Migration history, culture and character of Chinese people in Vietnam]. Retrieved on 15.11.2021 from URL: <https://khamphalichsu.com/nguoi-hoa-o-viet-nam-n193.html>

Lokshin G.M. (2013) V'etnamo-kitaiskie otnosheniya: tiraniya geografii i zdravyy smysl [Vietnam-China Relations: Tyranny of Geography and Common Sense]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*. Retrieved on 03.07.2021 from URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vietnamo-kitayskie-otnosheniya-tiraniya-geografii-i-zdravyy-smysl>

Lu Fang (2019). Yuenan kongzixueyuan wenhua huodong chutan ji chuanbo celue fenxi [Preliminary analysis of cultural events and dissemination strategy of Confucius Institute in Vietnam]. *Jiaoyu guancha*, (13): 22–24 (In Chinese)

Nguyen Thu Huong (2017). Zhong Yue wenhua jiaoliu xianzhuang yanjiu ji fazhan jianyi [Study of the Current State of Sino-Vietnamese Cultural Exchange and Development Recommendations]. *Liaoning shifan daxue*. 61 p. (In Chinese)

Hung P.N. *Intellectuals and Activists against the Confucius Institute, Beijing's Way to “Assimilate” Vietnam*. Retrieved on 01.07.2021 from URL: <http://www.asianews.it/news-en/Intellectuals-and-activists->

against-the-Confucius-Institute,-Beijing%E2%80%99s-way-to-%E2%80%9Cassimilate%E2%80%9D-Vietnam-34549.html

Planting Seeds: Mandarin Education in Vietnam. *Taiwan Panorama*, 20.07.2017. URL: <https://nspp.mofa.gov.tw/nspp/news.php?post=118413&unit=410&unitname=Stories&postname=Planting-Seeds:-Mandarin-Education-in-Vietnam>

Thanh Phương. Viện Khổng Tử hay cuộc xâm lăng văn hóa Trung Quốc? [Confucius Institute or Chinese Cultural Invasion?]. *RFI*, 21.10.2013. URL: <https://www.rfi.fr/vi/viet-nam/20131021-vien-khong-tu-hay-cuoc-xam-lang-van-hoa-cua-trung-quoc>

Thi HSK ở đâu? Tổng hợp địa điểm thi HSK tại Việt Nam [Where to take HSK? Summary of HSK Locations in Vietnam]. Retrieved on 01.07.2021 from URL: <https://tuhocvientrung.vn/thi-hsk-o-dau>

Thông báo tuyển sinh đi học tại Trung Quốc năm 2021 [Notice of enrollment to study in China in 2021]. Retrieved on 25.06.2021 from URL: http://icd.edu.vn/372/thong-bao-tuyen-sinh-di-hoc-tai-trung-quoc-nam-2021.html/BPF/vi-VN/CMS_Cat/Thong-Tin-Tuyen-Sinh/CMS_Detail/1905

Tiếng Nga, tiếng Trung đang được dạy ở Việt Nam như thế nào? [How are Russian and Chinese languages taught in Vietnam?]. Retrieved on 12.07.2021 from URL: <https://vietnamnet.vn/vn/giao-duc/tuyen-sinh/tieng-nga-tieng-trung-dang-duoc-day-o-viet-nam-nhu-the-nao-337213.html>

Tiếng Trung thành ngoại ngữ thứ nhất: Bộ GD-ĐT lên tiếng [Chinese as a First Foreign Language: The Opinion of the Ministry of Education and Training]. Retrieved on 25.06.2021 from URL: <https://datviet.trithuccuocsong.vn/chinh-tri-xa-hoi/giao-duc/tieng-trung-thanh-ngoai-ngu-thu-nhat-bo-gd-dt-len-tieng-3319332>

Trung Nguyen. Chinese Confucius Institute Project Raises Concern in Vietnam. *VOA*, 31.10.2013. URL: <https://www.voanews.com/east-asia/chinese-confucius-institute-project-raises-concern-vietnam>

Viện Khổng Tử tại Việt Nam [Confucius Institute in Vietnam]. Retrieved on 12.07.2021 from URL: https://www.rfa.org/vietnamese/in_depth/concerning-about-confucius-institute-in-vn-ml-12302014075038

Vietnamese students of Chinese universities yearn to resume offline classes. Retrieved on 15.11.2021 from URL: <https://e.vnexpress.net/news/life/trend/vietnamese-students-of-chinese-universities-yearn-to-resume-offline-classes-4374269.html>

Yuenan 79 ming xuesheng huo 2019 nian zhongguo zhengfu jiangxuejin [79 students won 2019 Chinese government scholarship]. *Xinhua*, 08.08.2019. URL: http://www.xinhuanet.com/2019-08/08/c_1124854207.htm. (In Chinese)

Yuenan henei daxue kongzi xueyuan qingzhu chengli 5 zhounian [Confucius Institute at Hanoi University celebrates 5th anniversary]. *Xinhua*, 16.12.2019. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2019-12/16/c_1125349612.htm. (In Chinese)

Yuenan xuesheng: qu zhongguo liuxue shi wo de mengxiang [Studying in China is my dream]. *Renmin*, 01.08.2018. URL: https://www.sohu.com/a/247003863_114731. (In Chinese)

Zai ri waiguo liuxuesheng chao 31 wan yuenan xuesheng renshu weiju dier [Japan has the second highest number of international students with over 310,000 Vietnamese students]. Retrieved on 25.06.2021 from URL: <https://cn.qdnd.vn/cid-6153/7224/nid-570014.html>. (In Chinese)

Zeng Zheng, Yang Hongjuan (2017). Dongnanya diqu kongzi xueyuan fenbu ji yingxiang yinsu fenxi [Analysis of factors and location of Confucius Institutes in Southeast Asia]. *Yunnan shifan daxue xuebao (duiwai hanyu jiaoxue ji yanjiu ban)*, 15 (3): 63-71. (In Chinese)

Zhao Hongxia (2014). Guanyu yuenan gaoxiao hanyu jiaoxue de yixie xikao – lizu Yunnan dili youshi kaikuo yuenan wenhua shichang [Some Reflections on Teaching Chinese in Graduate School of Vietnam - Yunnan's Geographic Advantages for Expanding the Vietnamese Cultural Market]. *Ren wen sheke*: 504–506. (In Chinese)

Author:

Selezneva Natalia V., Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University. E-mail: nguyenttbinh@yahoo.com

Article history:

Received: July 6, 2021

Received in revised form: December 8, 2021

Accepted: December 20, 2021

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

DOI: 10.54631/VS.2021.54-87-105

ПРАВИТЕЛИ-ТЮА НГУЕН, ТОРГОВЛЯ И КУЛЬТУРНЫЙ ОБМЕН В ЮЖНОМ ВЬЕТНАМЕ¹ В XVI-XVIII вв.

Ву Тхи Сюен

Аннотация. XVI–XVIII вв. были бурным периодом вьетнамской истории. Это было время раздела между Севером (Дангнгоай) и Югом (Дангчонг) и гражданской войны между правителями-*тюа* Чинь и правителями-*тюа* Нгуен. Но это также было время интенсивного культурного обмена и активной международной интеграции средневековых феодальных вьетнамских государств. Обладая чётким видением и эффективными стратегиями морской торговли, правители-*тюа* Нгуен активно способствовали культурному и экономическому обмену в регионе и за его пределами. Центральную роль в этом играли морские порты на побережье Южного Вьетнама. Настоящее исследование представляет собой попытку дать картину динамичной торговой среды в Тхуанкуанге – самой большой провинции в этой части страны, а также критически оценить политику интеграции князей Нгуен.

Ключевые слова: Южный Вьетнам (Дангчонг), правители-*тюа* Нгуен, культурный обмен, международная торговля.

Для цитирования: Ву Тхи Сюен. Правители-*тюа* Нгуен, торговля и культурный обмен в Южном Вьетнаме в XVI-XVIII вв. // *Вьетнамские исследования*. 2021. Т. 5. № 4. С. 87–105.

Введение

Акультурация, несомненно, является важным элементом в становлении и развитии национальной идентичности каждой страны. Будучи одной из двух крупнейших цивилизаций, наиболее типичных для Востока, Китай оказал сильное влияние на вьетнамскую культуру². Очевидно, что институциональное, политическое и социокультурное сходство между Вьетнамом и Китаем было результатом этой акультурации³. Однако Вьетнам уверенно

¹ Автор называет северную часть Вьетнама «Тонкин», а южную «Кохинхина», хотя эти новые термины утвердились с французской колонизацией только во второй половине XIX в. В связи с этим редакция заменила их на Северный и Южный Вьетнам соответственно. К объекту исследования автор также применяет термин Тхуанкуанг, используя обобщённое название двух крупнейших провинций Юга – Тхуанхоа и Куангнам. – *Прим. ред.*

² Британский историк Арнольд Тойнби считал, что китайские отличительные черты столь выражены, что некоторые страны (например, Вьетнам, Япония, Северная Корея) могут быть отнесены к категории «цивилизаций-сателлитов» Китая. Три цивилизации – Вьетнама, Японии и Северной Кореи – поразительно похожи на китайскую, однако они смогли сохранить свою местную культуру [Toynbee 2002: 61].

³ Подробнее см.: Woodside A. Vietnam and the Chinese model: A comparative study of Nguyễn and Ch'ing civil government in the first half of the nineteenth century. Harvard University Press, 1971; Tsuboi Yoshiharu. Nước Đại Nam đối diện với Pháp và Trung Hoa (1847–1885). Hà Nội: Nxb. Tri thức & Nhã Nam, 2018.

сохранял свою независимость на протяжении тысячелетней истории, и вьетнамцы приложили огромные усилия для своей экспансии на юг.

Столетняя экспансия на Юг была вызвана, *во-первых*, перенаселённостью дельты Красной реки, а *во-вторых*, стратегией выведения вьетнамских феодальных государств из-под влияния Севера. Учёные также называют это процессом «декультуризации китайской культуры». Эта экспансия не исчерпывалась географическим и территориальным измерением; скорее, она открывала для Вьетнама большие возможности принять новые ценности Юга. Период XVI–XVIII вв. был связан с трагическим разделением между Северным и Южным Вьетнамом, между правителями-*тюа* Чинь и правителями-*тюа* Нгуен, но он также известен как время самой значительной территориальной экспансии в истории страны (рис. 1).



Рис. 1. Разделение Вьетнама на Северный (Дангнгоай) и Южный (Дангчонг), карта 1757 г.

Источник: Википедия

Стратегическое видение правителей-*тюа* Нгуен (1558–1777), проявившееся в проведении последовательной политики открытых дверей и морской торговли, полностью изменило политическую ситуацию, и они начали осуществлять устойчивую экспансию, независимую от Северного Вьетнама (Дангнгоай). Учитывая благоприятные условия для прибрежного экономического обмена и значительные преимущества региональной и международной интеграции, в Южном Вьетнаме был создан благоприятный климат для динамичного экономического и культурного сотрудничества. Впервые в истории вьетнамская культура определялась новыми факторами, такими как привнесение азиатских и западных черт, а не только китайским влиянием. Правители-*тюа* Нгуен, несмотря на то что они правили в более позднее время, сыграли ключевую роль в возрождении древнего наследия тямов [Wheeler 2006].

Южный Вьетнам с его особым путём становления и развития привлёк большое внимание учёных всего мира. Ряд новаторских исследований позволил по-новому взглянуть на роль династии Нгуен в истории Вьетнама. Среди них следует назвать исследование Ли Таны «*Кохинхина Нгуенов: Южный Вьетнам в 17–18 вв.*» [1998]. В этой академической работе, предлагающей разноплановый подход к вьетнамской истории, критически

рассматривается вклад правителей-*тьюа* Нгуен в политическое и социально-экономическое развитие Вьетнама периода феодализма. Однако в своей работе Ли Тана подробно не рассматривает культурный обмен между Южным Вьетнамом и другими частями мира.

Помимо работ иностранных учёных (Кейт Тейлор [Taylor 2002], Чарльз Уиллер [Wheeler 2006], Эндрю Харди [Hardy 2008]), немало важных исследований на эту тему написано вьетнамскими авторами. Например, опубликованный в 1991 г. сборник трактатов о древнем городе Хойан (Đô thị cổ Hội An⁴) [1991], самом значительном городе эпохи правителей-*тьюа* Нгуен, или материалы конференции, посвящённой правителям-*тьюа* Нгуен и роли династии Нгуен в истории Вьетнама в XVI–XIX вв. [2008]. Среди других выдающихся работ можно назвать «Культурные связи Востока и Запада в Кохинхине в период династии Нгуен» Дао Хунга [2008], в которой дана критическая оценка отношения властей Тхуанкуанга к западным странам; «Рождение империи Нгуенов» – монографию Алексея Рябинина [1988], в которой вопросы культурного обмена в период правления династии Нгуен исследованы недостаточно. Вышеупомянутые пробелы дали возможность автору настоящего исследования представить картину динамичного культурного обмена и интеграции в Южном Вьетнаме и провести критическую переоценку политики, проводимой правителями-*тьюа* Нгуен в течение 200-летнего периода их правления.

Расцвет международной торговли в Южном Вьетнаме

Богатые природные ресурсы и благоприятные для торговли географические условия позволили жителям Центрального Вьетнама с древних времён вести активную деятельность на море, компенсируя этим слабость своей аграрной экономики. Неслучайно тямы, жившие на землях, завоёванных позднее Нгуенами, веками были известны как успешные торговцы не только в Юго-Восточной Азии, но и в международных коммерческих кругах [Trần Quốc Vượng 1985]. Показателем уровня экономического развития этого народа служат великолепные ступы, бесценное наследие его культуры. Экономический рост тямского государства был связан не только с ведением сельского хозяйства, но и с наличием богатых лесных ресурсов, а также с хорошими отношениями с партнёрами [Hardy 2008].

Пришедшие на землю со славной историей, созданной тьями, правители-*тьюа* Нгуен установили свой сильный режим⁵. *Век коммерции* [Reid 1993] помог им интенсивно развивать международную торговлю, особенно морскую. Благодаря благоприятным внутренним и внешним условиям правители-*тьюа* Нгуен превратили «призрачную страну» в процветающий экономический регион. Они создали строгую фискальную и денежную систему [Đại Nam Thực lục 2002: 165], сделавшую успешной торговлю в морских портах, которая приносила значительную прибыль в отличие от аграрной экономики. По словам британского купца Томаса Боуиера, прибывшего в Южный Вьетнам в правление правителя-*тьюа* Нгуен Фук Тю (1691–1725), из азиатских стран доставлялись разнообразные товары, в том числе: лист бетеля, красное дерево, краски, перламутр, слоновая кость, олово, свинец, рис (из Сиама); орпимент,

⁴ National Committee for International Conferences on Hội An Ancient Town. Hội An Ancient Town. Hanoi: Social Science Publishing House, 1991.

⁵ Большинство учёных согласны с тем, что культура тямов оказала сильное влияние на правление князей Нгуен. См.: Li Tana. Nguyễn Cochinchina Southern Vietnam in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Southeast Asia Program Publications Cornell University Ithaca. New York, 1998; Taylor K.W. Surface Orientations in Vietnam: Beyond Histories of Nation and Region // The Journal of Asian Studies. Vol. 57. No. 4. Nov. 1998. P. 960–961; Lieberman V. Strange Parallels Southeast Asia in Global Context, c. 800 – 1830. Vol. I. Integration on the Mainland. Cambridge University Press, 2003. P. 413–414.

тонкинский стиракс, амомум, воск, краска, перламутр, красное дерево, канифоль, кожа буйвола, кожа и сухожилия оленя, слоновая кость, рог носорога (из Камбоджи); серебро, эвкалипт, орех бетель, красное лекарство (из Батавии); серебро, сера, морские ракушки, табак. Распространёнными товарами из Южного Вьетнама были: золото, железо, шёлк, текстиль, агар, сахар, квасцы, птичьи гнезда, перец, хлопок и т. д. [цит. по: Thành Thế Vũ 1961: 227].

Наряду с влиянием *века коммерции* значительное воздействие на развитие торговли в Южном Вьетнаме оказали изменения в политике Китая и Японии. После почти 200 лет (1371–1567) запрета на морскую торговлю минские власти разрешили китайским судам заходить в порты Юго-Восточной Азии, но ограничили торговлю с Японией. Следовательно, на японском рынке наблюдалось заметное отсутствие китайских товаров. У японских купцов не было другого выбора, кроме как пересечь море и добраться до рынков Юго-Восточной Азии. В этом случае правительство сёгуната выдавало так называемое письмо *сюинсэн*, известное как «разрешение с красной печатью» (1592–1634), чтобы узаконить торговые отношения с регионом и покупать там китайские товары. Благодаря смягчению правил всё больше и больше японских торговцев прибывало в порты Юго-Восточной Азии, в основном расположенные на 10-й параллели северной широты, такие как древний город Хойан, Пномпень, Аюттхая и Манила, куда китайские товары привозились для торговли [Ikuta 1991: 256]. Интересно, что порт Хойан был весьма привлекательным местом для японцев. Растущее здесь число сюинсэнов дало основание Христофоро Борри, итальянскому миссионеру, жившему в 1618–1621 гг. на Юге Вьетнама, прийти к выводу, что «китайцы и японцы составляли большинство купцов в Кохинхине» [Borri 1998: 90].

В рамках внутриазиатской торговой сети Южный Вьетнам быстро стал для китайцев важным перекрёстком. В отношении стратегического расположения Тхуанкуанга историк и литратор Ле Куи Дон, живший в Южном Вьетнаме в 1770-е годы, отмечал: «Тхуанкуанг граничит с Куангнамом, южная часть которого находится рядом с другими торговыми регионами, и морской путь до Фуцзяни и Гуандуна занимает всего три или четыре дня. Вот почему здесь швартуются почти все торговые суда» [Lê Quý Đôn 2007: 299]. В одном из французских документов также сообщалось: «Поскольку китайцы больше не интересуются европейскими товарами, следует изменить торговые стратегии, например, путём смещения акцента на рынки Кохинхины. Когда сюда приходит французское торговое судно, они должны закупить в Хойане такие товары, как сахар, слоновая кость, железное дерево, золото, а затем перевезти их в Гуандун. Следовательно, бизнесу нужны сотрудники с хорошим китайским, чтобы купить золото зимой, потому что в это время цена намного ниже по сравнению с сезоном дождей. Тогда бизнес будет в высшей степени прибыльным» [цит. по: Phan Du 1974: 67–68].

В течение XVI–XVII вв. Северный и Южный Вьетнам считались стратегическими рынками внутриазиатской торговой сети для западных стран [Việt Nam trong hệ thống 2007]. Исследование показало, что Дайвьет был динамичным участником международного торгового рынка благодаря партнёрству между правителями-*тюа* Чинь и Ост-Индской компанией (ОИК) и между правителями-*тюа* Нгуен и западными странами [Hoàng Anh Tuấn 2007]. Хотя власти Южного Вьетнама ещё были не в состоянии наладить прочные торговые отношения с голландцами и британцами, как это сделали власти Северного Вьетнама, появление европейских купцов в прибрежных провинциях Юга либо с торговыми целями, либо в целях религиозного миссионерства, несомненно, оказало положительное социокультурное влияние на Тхуанкуанг. Затем прибрежные районы Южного Вьетнама стали для ОИК важными

пунктами для ведения бизнеса (закупки товаров, ремонта судов, получения пресной воды) или выхода в Южно-Китайское море. В сложной торговой сети Южный Вьетнам превратился из межрегионального в международное связующее звено, наиболее ярким примером чего является активная деятельность порта Хойан.

Культурный обмен в Южном Вьетнаме

Различия в экономическом и культурном фоне сделали правителей-*тьюа* Нгуен и иммигрантов с Севера «иностранцами» в глазах жителей Юга. В первые дни установления своего нового режима они столкнулись с трудностями, пытаясь «завоевать сердца людей». То, как правители-*тьюа* Нгуен пересмотрели свою основную роль, ясно отразило их трансцендентное видение. Например, правитель-*тьюа* Нгуен Хоанг (1558–1613) был известен своей открытостью и приспособляемостью к культуре Тхуанкуанга, хотя получил образование в конфуцианской среде. Вместо того, чтобы навязывать стереотипный и жёсткий подход конфуцианства, он практиковал буддизм как основополагающую идеологию новой власти. И действительно, буддийские ценности сострадания и терпимости точно соответствовали образу жизни недавно поселившихся иммигрантов.

В 1601 г., через год после возвращения из Дангнгоая [Taylor 2005], правитель-*тьюа* Нгуен Хоанг построил пагоду Тхиенму⁶ на берегу Ароматной реки, подтвердив роль буддизма на Юге. Его преемники придерживались этой политики и сделали буддизм основной религией региона. То, что культовая пагода была построена на видном месте между тямскими ступами [Trần Quốc Vương 1998: 413], ярко демонстрирует стратегическую политику религиозной интеграции. Фактически пагода Тхиенму стала тогда крупнейшим центром буддизма на Юге.

Кроме того, в политике правителя-*тьюа* Нгуена была чётко продемонстрирована готовность принять новую, пришедшую со стороны культуру. В течение XVI–XVIII вв. Тхуанкуанг, как отмечалось ранее, не только служил важным торговым центром, но и стал местом культурного обмена. Что ещё более важно, правители-*тьюа* Нгуен весьма активно выбирали своих торговых партнёров. Огромное количество сюинсэнов олицетворяли здесь тесное сотрудничество с Японией. Мудрым решением правителей-*тьюа* Нгуен было предоставление возможности японским купцам поселиться в Хойане [Vũ Minh Giang 1991]. Дипломатические письма правителей-*тьюа* Нгуен правительству сёгуната и брак вьетнамской принцессы и японского купца символизировали великую дружбу Вьетнама и Японии [Phan Thanh Hải 2007: 222–253]. В течение первых 30 лет XVII в. Япония стала одним из крупнейших партнёров властей Тхуанкуанга. Но указ Сакоку⁷ (1639–1853), действие которого длилось более 200 лет и олицетворяло изоляционистскую внешнюю политику японского сёгуната Токугава, значительно повлиял на рынки Юго-Восточной Азии и торговые порты Тхуанкуанга, где жили и вели свой бизнес многие японцы.

В этом контексте правители-*тьюа* Нгуен переключили внимание на нового стратегического партнёра – Китай. Учитывая географическую близость к Вьетнаму и их многолетний опыт ведения бизнеса, китайские купцы активно участвовали в торговой деятельности в Южном Вьетнаме, затем им было разрешено постоянно поселяться в Хойане. Из доклада, отправленного 28 марта 1642 г. в голландскую Ост-Индию Франсиско Грозмоном,

⁶ В 1601 г. князь Нгуен Хоанг решил построить пагоду. Он выяснил, что географические условия общины Хакхэ (уезд Хыонгча) идеально подходят для его намерений благодаря красивому ландшафту и любопытным историям, связанным со светлым будущим страны [Đại Nam Thực lục 2002: 35].

⁷ Изоляционистская внешняя политика сёгуната Токугава понизила статус японцев в Хойане.

проведшим в Хойане более 10 лет, выясняется, что в городе проживало от 4 до 5 тыс. китайцев, в то время как число японцев составляло всего лишь 40–50 человек, то есть было меньше примерно в 100 раз [Chingho 2002: 299]. Китайские торговцы сыграли большую роль в передаче в земли правителей-*тьюа* Нгуен культурных ценностей (например, через предметы, связанные с образованием, такие как книги и канцелярские принадлежности). Влияние китайской культуры и образа жизни хорошо заметно в современных жилых районах, где когда-то обосновались китайские торговцы, например в Хойане⁸ и Сайгоне. Япония, ранее являвшаяся основным торговым партнёром Тхуанкуанга, была вынуждена уступить место китайским торговцам, которые быстро заняли заметное положение на торговых рынках региона.

Дипломатическая политика заключалась в том, чтобы позволить китайцам исследовать южные части региона Тхуанкуанг. После свержения династией Цин (1644–1911) династии Мин (1368–1644) правитель-*тьюа* Нгуен Фук Тон (1648–1687) разрешил китайским беженцам (во главе с Чан Тхыонг Сюеном) переселиться на Юг Вьетнама [Lê Quý Đôn 2007: 76–77]. В 1698 г. была создана провинция Зядинь. Затем правитель-*тьюа* Нгуен Фук Чу разделил её на более мелкие административные районы, включая Тханьха (в Чанбиене) и Миньхыонг (в Фиенчане) [Đại Nam Thực lục 2002: 111]. Беженцам из Китая было разрешено жить здесь, что наложило на вьетнамскую культуру свой отпечаток, заметный и по сей день.

Тхуанкуанг являлся регионом, где традиционная культура Северо-Восточной Азии пересекалась с западными ценностями. Правители-*тьюа* Нгуен придавали большое значение дипломатическому и торговому партнёрству с западными странами, особенно с Португалией, это помогло им усилить их военную и техническую мощь. Британский торговец Томас Боуиер был искренне поражён морской мощью правителя-*тьюа* Нгуен Фук Тю в период 1695–1696 гг., имевшего «200 боевых кораблей, на каждом из которых находилось от 16 до 22 пушек; 500 небольших судов, рассчитанных на 40–44 гребца; 100 кораблей на 50–75 гребцов (три из них – европейского производства). Все корабли были построены на верфях правителя-*тьюа* Нгуена, на самой известной из которых насчитывалось до 4000 рабочих, и они могли построить корабль грузоподъёмностью 4000 тонн» [Phạm Văn Thủy 2020: 506–523].

Запад был известен своим позитивизмом и технологическим прогрессом, поэтому местные власти были готовы принять и изучить новые западные технологии. Например, в то время были популярны изобретения в области медицины и технологии изготовления часов, поэтому князья Нгуен умели хорошо пользоваться часами для определения времени и скорости. В 1711 г. все дороги в Ботинь были оснащены часами, чтобы можно было рассчитывать географические расстояния. В феврале 1731 г. князь Нгуен попросил глав трёх департаментов (Нгуен Ван Дао, Нгуен Ван Тиня, Нгуен Ван Диена) проехать по национальным дорогам и определить их точное расстояние [Đại Nam Thực lục 2002: 126–141]. Что касается новой политики в области медицины, это был первый случай работы западных специалистов

⁸ По словам китайского купца, этот торговый порт – идеальное место для ведения бизнеса. Для обмена можно использовать все виды товаров, например, ткани разных видов, лекарства, серебро, золото, канцелярские товары (бумагу, ручки, чернила, украшения и т. д.), мебель, фрукты (лимоны, груши, яблоки, апельсины и т. д.), продукты питания (яйца, тофу, пирожные, грибы, имбирь, муку и т. д.). [Le Quy Don. Op. cit. P. 295–296].

в области здравоохранения⁹. Первым личным врачом правителя-*тьюа* Нгуен Фук Кхоата стал Иоганн Коффлер¹⁰.

Признание западной культуры проявилось в принятии христианства и появлении национальной письменности (*chữ quốc ngữ*) [Đào Hùng 2008: 536–538]. Власти Тхуанкуанга были осторожны в отношении доминирования иностранной культуры и религии (что проявлялось в ряде непоследовательных шагов в политике), однако миссионеры прилагали большие усилия для внедрения своей, западной культуры. Самым выдающимся из них был Александр де Род [Nguyễn Thiện Giáp 2017: 114], внёсший значительный вклад в развитие вьетнамского языка. Он отметил в своем дневнике: «У меня был отличный компаньон, мальчик, который в течение трех недель подряд учил меня тоновым знакам родного языка и тому, как их читать. Сначала у нас не было общего языка, на котором мы могли бы общаться, но он был настолько смыслён, что понимал, что я имею в виду. Он активно изучал новый язык, и его ум и память действительно поразили меня. С тех пор он стал нашим большим сторонником» [De Rhodes 1994: 56].

Таким образом, торговые порты Юга стали воротами для пересечения культур Востока и Запада. Большинство торговых портов в регионе Тхуанкуанг играли важную роль в развитии коммерческой деятельности, в процессе которой люди из Китая, Японии и западных стран могли встречаться и обмениваться своими самобытными традициями и культурой. В работе французского учёного и журналиста Шарля Майбона «Европейцы в Аннаме» есть такое описание: «Часто деятельность торговых бирж в Хойане осуществляется по случаю лунного Нового года. Местные жители продают свои высококачественные товары, такие как шёлк, ценные породы дерева для изготовления мебели, агар, сахар, мускус, корица, перец, рис. В свою очередь китайские и европейские купцы привозят сюда прекрасный фарфор, серебряные монеты, оружие, серу, свинец, сплав «тутенак» (цинк, медь и железо) и многие другие товары. Обмен длится с февраля по сентябрь, что составляет около шести или семи месяцев. Затем торговцы доставляют местные товары к себе на родину» [Maybon 2006: 33].

Заключение

В XVI–XVII вв. торговые порты, расположенные на побережье региона Тхуанкуанг, стали воротами для социально-экономического и культурного обмена. Хойан считался крупнейшим портом этого региона в XVI–XVII вв., а экспансия на юг в XVIII–XIX вв. создала возможности для строительства новых портов, таких как Сайгон и Куинён. Это был период самого активного в истории Вьетнама обмена между восточной и западной культурами и их интеграции. Международная торговая среда с разнообразной коммерческой и религиозной деятельностью в Южном Вьетнаме была создана стратегической политикой социально-экономического развития, проводимой властями Тхуанкуанга.

В отличие от благоприятных для развития сельского хозяйства условий Севера, Юг был наделён многочисленными преимуществами в отношении торговли, которые, по мнению правителей-*тьюа* Нгуен, были прочной базой для экономического роста. С помощью открытой

⁹ Подробнее см.: *Đoàn Văn Quynh. Các thầy thuốc Tây y dưới thời chúa Nguyễn // Tạp chí Nghiên cứu Huế. 2002. Т. 3. Т. 83–84.*

¹⁰ Иоганн Коффлер (родился 19 апреля 1711 г. в Праге). В 1739 г. он отправился на Гоа, затем 26 июля 1740 г. в Макао. Прибыв в Южный Вьетнам, он стал известен своими медицинскими познаниями. В 1747 г. был назначен врачом при королевском дворе под именем Нием (что означает «талантливый и внимательный профессионал»).

политики, благоприятствующей международным торговцам, правители-*тьюа* Нгуен дали новую жизнь рынкам, давно существовавшим в королевстве Тямпа. Поощрялся культурный обмен между Южным Вьетнамом и другими частями мира. Присутствие в этом регионе большого количества китайцев и японцев было наглядным проявлением хороших отношений между государствами.

На протяжении веков Япония была важным партнёром Вьетнама. Тесная дружба между двумя народами возникла в результате длительных отношений. Несмотря на то что японцы присутствовали в Тхуанкуанге в течение недолгого времени, японская культура произвела положительное впечатление на вьетнамцев.

В то же время торговые отношения между южной частью Вьетнама и западными купцами кажутся успешными. Одна из причин кроется в политике местных властей, считавшейся прагматичной, особенно после 1672 г., когда снизился спрос на используемое в гражданской войне между Севером и Югом западное оружие. В какой-то степени правители-*тьюа* Нгуен не могли в полной мере воспользоваться преимуществами западных технологий (например, в кораблестроении, производстве оружия, медицинских технологиях). Тем не менее европейцы оставили величайшее наследие – свои религиозные и языковые ценности, воспринятые вьетнамцами в результате длительного межкультурного общения. Кроме того, для правительства, имеющего дело с западными странами, это было хорошим уроком соблюдения баланса между национальными и экономическими интересами.

В заключение следует отметить, что в XVI–XVIII вв. вьетнамское феодальное общество стало свидетелем тесной интеграции и культурного обмена между Востоком и Западом. Благодаря разнонаправленной открытой политике в области торговли на региональном и международном уровнях правители-*тьюа* Нгуен открыли для Вьетнама новый путь в мир. Это показывает важность сочетания коммерческой деятельности и культурного обмена в национальном экономическом развитии.

Список литературы

- Рябинин А.Л.* Рождение империи Нгуенов. М.: Наука, 1988.
- Borri C.* Xứ Đàng Trong năm 1621 [Южный Вьетнам в 1621]. Nxb. Tp. Hồ Chí Minh, 1998.
- Chingho A.Ch.* Historial Notes on Hội An (Faifo). Chapter 2 / *John E. Wills and Jr.* Eclipsed Entrepôts of the Western Pacific: Taiwan and Central Vietnam, 1500–1800 (The Pacific World: Lands, Peoples and History of the Pacific, 1500–1900). Vol 5. Ashgate Variorum, 2002.
- Đại Nam Thực lục [Правдивые записи Великого Юга]. Viện sử học. T. I. Hà Nội: Nxb. Giáo dục, 2002.
- Đào Hùng.* Giao lưu văn hoá Đông – Tây ở Đàng Trong thời chúa Nguyễn [ДАО ХУНГ. Культурный обмен в Кохинхине в период правителей Нгуенов] // Kỷ yếu hội thảo Chúa Nguyễn và vương triều Nguyễn trong Lịch sử Việt Nam, từ thế kỷ XVI đến thế kỷ XIX [Материалы конференции «Правители Нгуены и династия Нгуен в истории Вьетнама с шестнадцатого по девятнадцатый век»]. Н.: Nxb. Thế Giới, 2008.
- De Rhodes A.* Hành trình và truyền giáo [Путешествие и миссия]. Hồ Chí Minh, 1994.
- Đoàn Văn Quýnh.* Các thầy thuốc Tây y dưới thời chúa Nguyễn [ДАОАН ВАН КУИНЬ. Западные врачи в эпоху правителей Нгуенов] // Tạp chí Nghiên cứu Huế. Tập 3. 2002.
- Hardy A.* Eaglewood and the Economic History of Champa and Central Vietnam / *Hardy A., Cucarzi M., Zolese P.* Champa and the Archaeology of Mỹ Sơn (Vietnam). Singapore: NUS Press, 2008.
- Hoàng Anh Tuấn.* Silk for Silver: Dutch-Vietnamese Relations, 1637–1700. Brill, 2007.
- Ikuta Shigeru.* Vai trò của các cảng thị vùng ven biển Đông Nam Á từ thế kỷ 2 TCN đến đầu thế kỷ 19 [Роль прибрежных торговых портов в Юго-Восточной Азии со II в. до н.э. до XIX в.] // Đô thị cổ Hội An. Н.: Nxb. Khoa học Xã hội, 1991.

- Lê Quý Đôn*. Phủ biên tạp lục [*Ле Куи Дон*. Собрание хроник умиротворенного рубежа]. Н.: Nxb. Khoa học Xã hội, 2007.
- Li Tana*. Cochinchina and the Socio-economic History of Vietnam in the 17th and 18th Century. Н.: Nxb. Trẻ, 1999.
- Li Tana*. Nguyễn Cochinchina Southern Vietnam in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Ithaca, NY: Southeast Asia Program Publications, Southeast Asia Program, Cornell University, 1998.
- Lieberman V.* Strange Parallels Southeast Asia in Global Context, c. 800–1830. Vol. I. Integration on the Mainland. Cambridge University Press, 2003.
- Maybon Ch.B.* Những người Châu Âu ở nước An Nam [Европейцы в Аннаме]. Н.: Nxb. Thế giới, 2006.
- Nguyễn Thiện Giáp*. Lược sử Việt ngữ học [*Нгуен Тхуен Зяп*. История вьетнамской лингвистики] Н.: Nxb. Tri Thức, 2017.
- Nguyễn Văn Kim, Nguyễn Quang Ngọc* (chủ biên). Biển với lục địa vai trò và mạng lưới giao lưu ở lưu vực các dòng sông Miền Trung [*Нгуен Ван Ким, Нгуен Куанг Нгок* (ред.). Море и материк: роль и торговые сети в бассейнах рек Центрального Вьетнама]. Н.: Nxb. Đại học Quốc gia Hà Nội, 2018.
- Phạm Văn Thủy*. Thủy quân Việt Nam thế kỷ XVII, XVIII và đầu XIX qua các nguồn sử liệu phương Tây [*Фам Ван Тхюу*. Вьетнамский флот в XVII, XVIII и начале XIX вв. по западным историческим источникам] // Người Việt với biển [Вьетнамцы и море] / Nguyễn Văn Kim chủ biên. Н.: Nxb. Thế giới, 2020.
- Phan Du*. Quảng Nam qua các thời đại [*Фан Зу*. Куангнам в разные периоды]. Đà Nẵng: Nxb. Cổ học tùng thư, 1974.
- Phan Thanh Hải*. Quan hệ giữa Việt Nam và Nhật Bản thế kỷ XVI–XVII nhìn từ 35 bức văn thư ngoại giao [*Фан Тхань Хай*. Отношения между Вьетнамом и Японией в XVI–XVII вв. из 35 дипломатических писем] // Việt Nam trong hệ thống thương mại châu Á thế kỷ XVI – XVII [Вьетнам в азиатской торговой системе XVI–XVII вв.]. Н.: Nxb. Thế giới, 2007.
- Reid A.* Southeast Asia in the Age of Commerce, 1450–1680. Vol. 2: Expansion and Crisis. New Haven: Yale University press, 1993.
- Taylor K.W.* Nguyễn Hoàng và bước khởi đầu cuộc Nam tiến [Правитель Нгуен Хоанг и его экспансия на юг] // Journal of Xưa và Nay. No. 104. November 2002.
- Taylor K.W.* Surface Orientations in Vietnam: Beyond Histories of Nation and Region // The Journal of Asian Studies. Vol. 57. No. 4. November 1998.
- Thành Thế Vỹ*. Ngoại thương Việt Nam hồi đầu thế kỷ XVII, XVIII và đầu XIX [*Тхань Тхе Ви*. Внешняя торговля Вьетнама в начале XVII, XVIII и XIX вв.]. Н.: Nxb. Nghiên cứu Lịch sử, 1961.
- Toynbee A.* Nghiên cứu về lịch sử – Một cách thức diễn giả [Исторические исследования: интерпретативный анализ]. Н.: Nxb. Thế giới, 2002.
- Trần Quốc Vượng*. Văn hoá Huế trên dặm (đường) dài lịch sử [*Чан Куок Вьонг*. Культура Хюэ в ее долгой истории] / *Trần Quốc Vượng*. Việt Nam cái nhìn địa văn hoá [*Чан Куок Вьонг*. Вьетнам с геокультурной точки зрения]. Н.: Nxb. Văn hóa các dân tộc – Tạp chí Văn hóa Văn nghệ, 1998.
- Trần Quốc Vượng*. Chiêm cảng Hội An với cái nhìn về biển của người Chăm và người Việt [*Чан Куок Вьонг*. Порт Хойан глазами вьетнамцев и тямов] // Kỷ yếu hội thảo khoa học về khu phố cổ Hội An 23–24.07.1985 [Материалы конференции по древнему городу Хойан 23–24.07.1985], 1985.
- Tsuboi Yoshiharu*. Nước Đại Nam đối diện với Pháp và Trung Hoa (1847–1885) [Дайнам в столкновениях с Францией и Китаем (1847–1885 гг.)]. Н.: Nxb. Tri thức, 2018.
- Việt Nam trong hệ thống thương mại châu Á thế kỷ XVI–XVII. Trường Đại học Khoa học Xã hội và Nhân văn, ĐHQG HN [Вьетнам в азиатской торговой системе XVI–XVII вв. Университет общественных и гуманитарных наук Ханойского государственного университета]. Н.: Nxb. Thế giới, 2007.
- Vũ Minh Giang*. Người Nhật, Phố Nhật và di tích Nhật Bản ở Hội An [*Бу Минь Зянг*. Японцы, японский город и японские реликвии в Хойане] // Đô thị cổ Hội An [Древний город Хойан]. Н.: Nxb. Khoa học Xã hội, 1991.

Wheeler Ch. One Region, Two Histories: Cham Precedents in the History of the Hội An Region // *Nhung Tuyet Tran, Reid A.* Vietnam Borderless Histories. The University of Wisconsin Press, 2006.

Woodside A. Vietnam and the Chinese Model: A Comparative Study of Nguyễn and Ch'ing Civil Government in the First Half of the Nineteenth Century. Harvard University Press, 1971.

Автор:

Ву Тхи Сюйен, н. с., Центр вьетнамского языка и культуры, Университет общественных и гуманитарных наук, Ханойский государственный университет. E-mail: xuyenvt@vnu.edu.vn

Продвижение статьи:

Дата поступления: 31.08.2021

Дата поступления в переработанном виде: 29.11.2021

Принята к печати: 15.12.2021

NGUYEN LORDS WITH TRADING ACTIVITIES AND INTERNATIONAL CULTURAL EXCHANGE IN SOUTH VIETNAM¹ DURING THE SIXTEENTH TO EIGHTEENTH CENTURIES

Vu Thi Xuyen

Abstract. The 16th – 18th centuries were widely known as a fascinating period of Vietnamese history. It was characterized by the division between North (*Đàng Ngoài*) and South of the country (*Đàng Trong*) and the civil war accordingly between the Trinh Lords and the Nguyen Lords. It also witnessed the most vibrant cultural exchange and integration of feudal states in Vietnamese medieval times. With their well-defined vision and effective maritime trade strategies, the Nguyen Lords have actively promoted cultural and economic exchange in the region and to the world. The seaports along the coast of South Vietnam have become a central gateway for these activities. The current research is an attempt to give a vivid picture of the dynamic trading environment in Thuan Quang – the biggest province in this part of the country. A critical reassessment of the Nguyen Lords' integration policies will also be presented.

Keywords: South Vietnam (*Đàng Trong*), Nguyen Lords, cultural exchange, international trade.

For citation: Vu Thi Xuyen (2021). Nguyen Lords with Trading Activities and International Cultural Exchange in South Vietnam during the Sixteenth to Eighteenth Centuries. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 5 (4): 87–105.

Introduction

Acculturation is undoubtedly an essential element in the establishment, development and national identity building of every country. As one of the two biggest civilizations and most typical of the Orient's, China has strongly exerted its influence on Vietnamese culture². Obviously, institutional and political, socio-cultural similarities between Vietnam and China have been resulted from this “acculturation”³. However, that Vietnam has resolutely preserved their independence throughout the thousand-year history and that they made great effort for their Southward expansion is an inspiring story.

The century-long Southward expansion has been driven by firstly the overpopulation of the Red River Delta, and secondly by the “strategy” of getting the Northern influence out of Vietnamese feudal states. This is also referred by scholars as the process of “deculturalizing the Chinese culture”. This Southward expansion was not limited to geographical or territorial extent, rather, it offered great opportunities for the Viet to accept new values from the South. While the 16th - 18th century period

¹ The author calls the northern half of Vietnam Tonkin, and the southern Cochinchina, although these new terms were brought by French colonization only in the second half of the 19th century. Therefore, the editorial board replaced them with North and South Vietnam, respectively. The author also applies the term Thuan Quang to the object of study - a generalized name for the two largest provinces of the South - Thuan Hoa and Quang Nam – Editors.

² Arnold Toynbee argued that Chinese attributes are so marked that some nations (like Vietnam, Japan, North Korea) can be categorized as “satellite civilizations” of China. Although the three civilizations of Vietnam, Japan and North Korea bear striking similarities to China's, they could subtly retain their own local culture [Toynbee 2002: 61].

³ Read more at: Woodside A. *Vietnam and the Chinese model: A comparative study of Nguyen and Ch'ing civil government in the first half of the nineteenth century*. Harvard University Press, 1971; Tsuboi Yoshiharu. *Nước Đại Nam đối diện với Pháp và Trung Hoa (1847–1885)*. Hà Nội: Nxb. Tri thức & Nhã Nam, 2018.

has been attached to a tragic division between North and South Vietnam, between the Trinh Lords and Nguyen Lords, it was also known as the most significant territorial expansion ever (Fig.1).



Fig. 1. Division of Vietnam into North (Đàng Ngoài) and South (Đàng Trong), 1757 map.

Source: Wikipedia

With a great strategic vision shown in a series of open and maritime trading policies, the Nguyen Lords (1558–1777) have reversed a passive political situation into a robust expansion which was independent from Tonkin (*Đàng Ngoài*). Given a favorable condition for coastal economic exchange and considerable advantages for regional and international integration, South Vietnam has opened up a dynamic climate for cultural and economic cooperation. For the first time in history, Vietnamese culture was defined by new factors such as Japanese, Asian and Western traits other than Chinese influence. The Nguyen Lords, despite being the later emperors, have played their pivotal role in revitalizing the earlier legacies of the Cham people [Wheeler 2006].

South Vietnam, with its distinctive ways of establishment and development compared to traditional culture, has received much attention from scholars worldwide. A number of ground-breaking researches have brought new perspectives on the role of the Nguyen dynasty in Vietnamese history. Among which was the study on *Nguyễn Cochinchina: Southern Vietnam in the Seventeenth and Eighteenth Centuries* by Li Tana [1998]. This academic work, as a multifaceted view into Vietnamese history, has critically discussed the contribution of the Nguyen Lords to the political and socio-economic context of Vietnamese feudal times. The cultural exchange between South Vietnam and other parts of the world, however, have not been treated with much detail in Li Tana's work.

Apart from foreign scholars (i.e. Keith Taylor [Taylor 2002], Charles Wheeler [Wheeler 2006], Andrew Hardy [Hardy 2008]), there have been a substantial number of important researches of the same topic by local authors. For example, a collection of treatises on *Hội An Ancient Town (Đô thị cổ Hội An⁴)* [1991] – the most significant one during the Nguyen Lords period, published in 1991, or conference proceedings about *Nguyen Lords and the Nguyen Dynasties in Vietnamese history since*

⁴ National Committee for International Conferences on Hội An Ancient Town. Hội An Ancient Town. Hanoi: Social Science Publishing House, 1991.

the 16th to 19th century [2008]. Other outstanding works include: *Cultural communication in Cochinchina during the Nguyen Lords period* by Dao Hung [2008] which gave a critical evaluation about Thuan Quang government's attitude towards Western countries; *The Foundation of the Nguyen Dynasty* – a monograph by Alexey Ryabinin [1988], in which the issues of cultural exchange during the Nguyen Lords period and the Nguyen Dynasty in general have been under researched. The above gaps have brought a new path for the current study to present a vivid picture of the dynamic cultural exchange and integration in South Vietnam, accordingly give a critical reassessment on the policies adopted by the Nguyen Lords during the 200-year period.

A dynamic trading network with diversified activities in South Vietnam

Rich natural resources and geographically favorable conditions for trading have enabled the Viet people in the Central region to boost maritime activities since ancient times, making up for their rudimentary agrarian economy. It is no coincidence that, Champa people – the predecessors living in the kingdom of Nguyen lords, were known as active merchants in the Southeast Asian and international trade network for centuries [Trần Quốc Vượng 1985]. Their strong economic development was reflected in the magnificent stupas – also their invaluable heritage and such growth was attributed to not only agricultural activities but also forest resources and good international relationship between the Cham people and their counterparts [Hardy 2008].

Being founded in the land with “a glorious history” built by the Cham people, the Nguyen Lords have favorably established their powerful regime⁵. *The age of commerce* [Reid 1993] also helped them accelerate the international trade, especially the maritime one. Thanks to their making full advantages of these ideal internal and external conditions, the Nguyen Lords have turned the “haunted land” into a thriving economic region. They set up a rigorous fiscal and monetary system [Đại Nam Thực lục 2002: 165] to facilitate the commercial activities in the coastal ports, yielding substantial profits to make up for the agrarian economy. According to Thomas Bowyear, a British merchant who came to the South Vietnam since the time of Lord Nguyen Phuc Chu (1691–1725), there were a variety of goods shipped from Asian countries, including: betel leaf, red wood, paint, mother-of-pearl, ivory, tin, lead, rice (from Siam); orpiment, styrax tonkinensis, amomum, wax, paint, mother-of-pearl, red wood, pine resin, buffalo skin, deer skin and tendon, ivory, rhino horn (from Cambodia); silver, eucalyptus, betel nut, red medicine (from Batavia); silver, sulphur, seashell, tobacco, deer tendon. Common types of goods from the South Vietnam were: gold, iron, silk, textile, agarwood, sugar, alum sugar, bird's nest, pepper, cotton, etc. [quoted from Thành Thế Vỹ 1961: 227].

Along with the influence of the *Age of Commerce*, the changes in trading policies of China and Japan – the two big Northeastern countries – have considerably commercial activities in the South Vietnam. After nearly 200 years (1371–1567) of maritime trade embargo, the Ming government allowed Chinese boats to reach Southeast Asian territory but contained the trading with Japan. Consequently, the Japanese market witnessed a notable absence of Chinese goods. Japanese merchants had no other choice but crossed the sea to reach Southeast Asian markets. In that case, Shogunate government issued the so-called Shuinsen, literally known as Red-Sealed Permit (1592–1634), to legalize the trading relationship with the region and to purchase Chinese goods there.

⁵ It was agreed by most scholars that Cham culture exerted its strong influence on the reign of Nguyen Lords. See: Li Tana. *Nguyen Cochinchina*. Op cit.; Taylor K.W. (1998). *Surface Orientations in Vietnam: Beyond Histories of Nation and Region*. *The Journal of Asian Studies*., 57 (4): 960–961; Lieberman V.(2003). *Strange Parallels Southeast Asia in Global Context, c. 800–1830*. Vol. I. Integration on the Mainland. Cambridge University Press: 413–414.

Thanks to the liberalization, more and more Japanese traders arrived Southeast Asian ports, mostly located in the 10th parallel North, such as Hoi An ancient town, Phnom Penh, Ayutthaya and Manila where Chinese goods were brought for trading [Ikuta 1991: 256]. Interestingly, Hoi An port stood out as an attractive destination for the Japanese. The growing number of Shuinsen here explained why Christophoro Borri, an Italian missionary working in the South Vietnam (1618–1621) concluded that “Chinese and Japanese people made up the majority of merchants in Cochinchina” [Borri 1998: 90].

Within the intra-Asian trading network, the South Vietnam quickly became an important intersection for Chinese people. On the strategic location of Thuận Quảng, Lê Quý Đôn who lived in the South Vietnam (1770s) stated that: “Thuận Quảng shares borders with Quang Nam whose Southern part is next to other trading regions, its maritime route is only three or four-day far from Fu Jian and Guang Dong. That’s why almost all of merchant ship docked here” [Lê Quý Đôn 2007: 299]. It was also reported in a French document that: “As Chinese people are no longer interested in European goods, the trading strategies must be changed, for example, by shifting the focus on Cochinchina market. When the French merchant ship came here, they must purchase such goods as sugar, ivory, ironwood, gold in Hoi An, then shipped them to Guang Dong. Hence, the business needed employees with good Chinese to make the purchase of gold in winter because the price is much lower as compared to other monsoon seasons. Then the business will earn full profits” [quoted from Phan Du 1974: 67–68].

During the 16th–17th centuries, both North and South Vietnam were seen as strategic markets for the Intra-Asian trading network of the Western countries [Việt Nam trong hệ thống thương mại 2007]. Research revealed that the Dai Viet was a dynamic member [Hoàng Anh Tuấn 2007] in the international trading market, reflecting in the partnership between the Trinh Lords and East India Company (EIC), or between the Nguyen Lords and Western countries. Although the South Vietnamese government was not yet able to build up a strong commercial relationship with the Dutch or the British as government in the North did, the emergence of European merchants in the coastal provinces of the Southern part, either with the purpose of trading or religious indoctrination, undoubtedly had exerted positive socio-cultural influence on the land of Thuan Quang. The coastal areas of the South Vietnam then became an important gateway for East India Company to do their business (i.e., purchasing goods, repairing ship, taking freshwater) or to reach South China Sea. In such an intricate trading network, the South Vietnam turned itself from an inter-regional link to an international one, with dynamic activities in Hoi An port as the most striking example.

A review of cultural exchange activities in the South Vietnam

Differences in economic and cultural background have made the Nguyen Lords and the immigrants from the North the “foreigners” in the eyes of the people in the South. During the early days of establishing their new regime, they were faced with tough challenges in “winning people’s heart”. The way the Nguyen Lords redefined their pivotal role clearly presented their transcendent vision. For example, Lord Nguyen Hoang (1558–1613), despite being educated in the Confucian environment, was known for his openness and adaptability to the culture of Thuan Quang land. Instead of imposing a somewhat stereotypical and rigid approach of Confucianism, he practiced Buddhism as the founding ideology for the new government. Indeed, the Buddhist values of compassion and tolerance exactly fitted the lifestyle of newly settled immigrants.

In 1601, after one year returning from Đàng Ngoài [Taylor 2005], Lord Nguyen Hoang built Thien Mu Pagoda ⁶ on the bank of the Perfume River (*sông Hương*), affirming the role of Buddhism in the South. His successors followed his ideology and made Buddhism the primary religion. That the iconic pagoda built on the central location of Champa stupas [Trần Quốc Vượng 1998: 413] vividly demonstrated his strategic policy on religious integration. In fact, Thien Mu Pagoda then became the biggest Buddhism center in the South.

Furthermore, the Nguyen Lords' willingness to accept newly imported culture was clearly shown in his policies. During the 16th–18th centuries, Thuan Quang, as discussed earlier, not only served as an important commercial hub, but also became a destination for cultural exchange. More importantly, the Nguyen Lords were very proactive in choosing their trading partners. The huge number of Shuinsen here represented their strong partnership with Japan. As a wise choice, the Nguyen Lords gave opportunities for Japanese merchants to settle in Hội An [Vũ Minh Giang 1991]. The diplomatic letters [Phan Thanh Hải 2007: 222–253] from the Nguyen Lords to the Shogunate government or the marriage between Vietnamese princess and Japanese merchant both symbolized the great Vietnam – Japan friendship. During the first 30 years of the 17th century, Japan has become one of the biggest partners of Thuan Quang authority. However, the more than 200-year Sakoku Decree⁷ (1639–1853), also known as the isolationist foreign policy of the Japanese Tokugawa shogunate, has significantly affected Southeast Asian markets and Thuan Quang trading ports where many Japanese were living and doing their business.

In that context, the Nguyen Lords shifted their focus to the new strategic partner, China. Given the geographical proximity to Vietnam and their long experience in business doing, Chinese merchants had actively participated in the trading activities in the South Vietnam, then they were allowed to permanently settle in Hoi An. The report sent to Dutch East Indies on March 28, 1642 by Francisco Groemon who lived in Hoi An for more than 10 years, revealed that there were 4,000–5,000 Chinese people in Hoi An while that of Japanese only reached 40 to 50 people, which means that the former outnumbered the latter by roughly 100 times [Chingho 2002: 299]. The emergence of Chinese merchants also reflected their role in transmitting great cultural values (i.e., via educational products like books and stationery) to the land of the Nguyen Lords. The influence of Chinese culture and lifestyle was shown clearly in the current residential areas where Chinese merchants once settled, such as Hoi An⁸ and Sài Gòn. Japan, previously Thuan Quang's principal trading partner, had to give way to Chinese merchants who quickly occupied a remarkable position in the trading markets of Thuan Quang region.

One of the most outstanding diplomatic policies was to allow Chinese people to explore the Southern parts of Thuan Quang region. In the context of Qing Dynasty (1644–1911) overthrowing the Ming (1368–1644), Lord Nguyen Phuc Tan (1648–1687) gave permission for Chinese refugees (with Tran Thuong Xuyen as the leader) to explore the Southern territory [Lê Quý Đôn 2007: 76–77].

⁶ In 1601, Lord Nguyen Hoang decided to build a pagoda. He learnt that the geographical condition of Ha Khe commune (Huong Tra district) would nicely fit his intention thanks to its beautiful landscape and interesting stories related to the bright future of the country [Đại Nam Thực lục 2002: 35].

⁷ The isolationist foreign policy of the Japanese Tokugawa shogunate lowered the status of Japanese people in Hội An.

⁸ According to a Chinese merchant, this commercial port is an ideal place for doing business. All kinds of products can be used for exchange, i.e., cloth of different types, medicine, silver, gold, stationery (paper, pen, ink, decoration...), furniture, fruits (lemon, pear, apple, orange...), food (egg, tofu, cake, mushroom, ginger, flour...). Le Quy Don. Op. cit. P. 295–296.

In 1698, the administration of Gia Dinh province was established. Lord Nguyen Phúc Chu then divided them into smaller administrative regions including Thanh Ha (in Tran Bien) and Minh Huong (in Phien Tran) [Đại Nam Thực lục 2002: 111]. The Qing people were allowed to reside here, leaving their mark on Vietnamese culture until now.

Thuan Quang is seen as the region where traditional culture of Northeastern Asia and Western values intersect. The diplomatic and commercial partnership with Western countries, especially Portugal was attached great importance by the Nguyen Lords. This helped enhancing the military and technological power for the Lords. Thomas Bowyear, a British merchant was genuinely amazed by the naval strength of Lord Nguyen Phuc Chu's during the 1695–1696 period, with “200 battleships, each of which has 16 to 22 cannons; 500 small boats of 40 to 44 rowers; 100 boats of 50 to 75 rowers (three of them are European made). All the ship were built by Lord Nguyen's workshop, the most outstanding one having up to 4,000 workers and they could be able to make a 4,000-ton ship” [Phạm Văn Thủy 2020: 506–523].

Western culture is famous for their upholding positivism and technological advance so the local authorities were willing to accept and explore the new technologies brought by the West. For example, medical inventions and watch-making techniques were popular at that time so Nguyen Lords were very familiar with using watch to estimate travel time and speed. In 1711, all the roads in Bo Chinh were equipped with clocks to help calculating geographical distances. In February 1731, Lord Nguyen asked three Department Heads (Nguyen Van Dao, Nguyen Van Tinh, Nguyen Van Dien) to travel in the national highways to calculate the accurate distance [Đại Nam Thực lục 2002: 126–141]. Regarding new medical policies, it was the first time ever Western health professionals⁹ to be employed in the feudal courts. Jean Koffler¹⁰ was the first personal doctor for Lord Nguyen Phuc Khoat.

The acceptance of Western culture has been presented in the practice of Christianity and the emergence of national language script [Đào Hùng 2008: 536–538] (also known as “chữ quốc ngữ”). Although the local authority of Thuan Hoa province was cautious about the dominance of foreign culture and religion (shown in a series of inconsistent policies), many missionaries made great efforts introducing their Western culture. The most eminent one was Alexandre de Rhode [Nguyen Thiện Giáp^{2017: 114}] who made significant contributions to the Vietnamese language. He wrote in his dairy: “I had a great companion, a boy who spent three continuous weeks teaching me the native language's tone marks and how to read it. We did not have any common language to communicate at first, but he was so smart that he could understand what I mean. He was proactive in learning the new language and his intelligence and memory really amazed me. Since then, he became our great supporters” [De Rhodes 1994: 56].

In summary, commercial ports have become the gateway for Oriental and Western cultural intersection. Most of the trading ports along Thuan Quang region played essential roles in facilitating various commercial activities where people from China, Japan and Western countries could meet and exchange their distinctive tradition and culture. It was cited from “*European people in Annam*” that: “Oftentimes, the trading exchange activities in Hoi An are held on the occasion of Lunar New Year.

⁹ Read more at: Đoàn Văn Quỳnh (2002). Các thầy thuốc Tây y dưới thời chúa Nguyễn. *Tạp chí Nghiên cứu Huế*, 3: 83–84.

¹⁰ P. Johann Koffler (born in 19 April, 1711 in Prag). In 1739 he went to Goa, then to Macau on 26 July, 1740. After he came to Cochinchina, he became well-known for his medical competency. In 1747, he was assigned as a royal court's doctor named “Nhiem” (which means “a talented and careful professional”)

Local people sell their high-quality goods, such as silk, fine wood for making furniture, agarwood, sugar, musk, cinnamon, pepper, rice. In return, Chinese and European merchants bring here fine china, silver coins, weapons, sulphur, lead, “toutenaque” alloy (zinc, copper, and iron) and many other types of goods. The exchange may last from February to September, which is around six or seven months. Then the local products will be brought to the merchants’ home” [Maybon 2006: 33].

Conclusion

During the 16th and 17th century, the trading ports stretching along the territory of Thuan Quang region have become gateways for socio-economic and cultural exchange. Hoi An was considered the biggest port of this region in the 16th–17th centuries and the Southward expansion in the 18th–19th centuries has opened the way for newly emerging ones such as Sai Gon and Quy Nhon. Simply put, this is the period of strongest exchange and integration between Oriental and Western culture in Vietnamese history. An international trading environment with various commercial and religious activities in the South Vietnam has been driven by strategic policies in socio-economic development by the authority of Thuan Quang.

Unlike the North with favorable conditions for agricultural development, the South was endowed with multiple commercial advantages which were seen by the Nguyen Lords as a solid base for economic expansion. With a variety of open trading policies which favour international merchants, the Nguyen Lords have revitalized the long-standing vibrant markets in Champa Kingdom. Accordingly, the exchange of culture between the South Vietnam and other parts of the world has been promoted. An enormous number of Chinese and Japanese people in the region demonstrated the good relations between the states. For ages, Japan has been an important partner of Vietnam. The bilateral relation and intimate friendship between two nations originated from the long-lasting relationship. Despite their presence in Thuan Quang and for a short period, Japanese heritage has left positive impression on Vietnamese people. This reaffirms the significance of strategic and diplomatic policies in the national development and integration with the world.

Meanwhile, the commercial relationship between the south part of Vietnam and Western merchants seem less satisfactory. One of the reasons lies in the local government’s policies which were seen as somewhat “pragmatic”, especially after 1672 when there was lower demand for Western weapons to serve the civil war between the North and the South. To some extent, the Nguyen Lords could not fully take advantages of Western technologies (i.e., ship-building, weapon manufacturing, medical techniques). Nonetheless, the greatest heritage left by Western people is their religious and language value which was brought by a long period of inter-cultural communication. Furthermore, it is a good lesson for the government working with Western countries that the balance between national interest and economic interest should be prioritized.

In conclusion, the sixteenth to eighteenth centuries of Vietnamese feudal society witnessed strong integration of Oriental and Western cultural exchange. With various open trade policies at regional and international levels, the Nguyen Lords in the South and the Trinh Lords in the North have opened a new path for Vietnam to the world. This reinforces the role of combining commercial activities and cultural exchange in the national economic development. In the world of globalization, no country would be the outsider of what is going on. It is undeniable that the government’s policies are of paramount importance to the integration of each nation.

References

- Borri C. (1998). *Xứ Đàng Trong năm 1621 [South Vietnam in 1621]*. Nxb. Tp. Hồ Chí Minh, Chingho A.Ch. Historial Notes on Hội An (Faifo). Chapter 2, in: John E. Wills and Jr. Eclipsed. Entrepôts of the Western Pacific: Taiwan and Central Vietnam, 1500–1800 (The Pacific World: Lands, Peoples and History of the Pacific, 1500–1900). Vol 5. Ashgate Variorum, 2002.
- Đại Nam Thực lục [Veritable Records of the Great South] (2002). Viện sử học. T. I. Hà Nội: Nxb. Giáo dục.
- Đào Hùng (1998). Giao lưu văn hoá Đông – Tây ở Đàng Trong thời chúa Nguyễn [Cultural Communication in Cochinchina during Nguyen Lords period], in: *Kỷ yếu hội thảo Chúa Nguyễn và vương triều Nguyễn trong Lịch sử Việt Nam, từ thế kỷ XVI đến thế kỷ XIX [Proceedings of the conference “The Nguyễn Lords and the Nguyễn Court in the History of Vietnam from the Sixteenth to Nineteenth Centuries”]*. H.: Nxb. Thế Giới.
- Đoàn Văn Quýnh (2002). Các thầy thuốc Tây y dưới thời chúa Nguyễn [Western Medical Doctors in the Nguyen Lords Period]. *Tạp chí Nghiên cứu Huế*, 3.
- Hardy A. (2008). Eaglewood and the Economic History of Champa and Central Vietnam, in: Hardy A., Cucarzi M., Zolse P. *Champa and the Archaeology of Mỹ Sơn (Vietnam)*. Singapore: NUS Press.
- Hoàng Anh Tuấn (2007). *Silk for Silver: Dutch-Vietnamese Relations, 1637–1700*. Brill.
- Ikuta Shigeru (1991). Vai trò của các cảng thị vùng ven biển Đông Nam Á từ thế kỷ 2 TCN đến đầu thế kỷ 19 [The Role of Coastal Trading Ports in Southeast Asia since the 2nd Century BC to the 19th Century], in: *Đô thị cổ Hội An*. H.: Nxb. Khoa học Xã hội.
- Lê Quý Đôn (2007). *Phủ biên tạp lục [Miscellaneous Chronicles of the Pacified Frontier]*. H.: Nxb. Khoa học Xã hội.
- Li Tana. *Xứ Đàng Trong - lịch sử kinh tế xã hội Việt Nam thế kỷ 17–18 [Cochinchina and the Socio-economic History of Vietnam in the 17th and 18th Centuries]*. H.: Nxb. Trẻ, 1999.
- Lieberman V. (2003). *Strange Parallels Southeast Asia in Global Context, c. 800 – 1830*. Vol. I. *Integration on the Mainland*. Cambridge University Press.
- Maybon Ch.B. (2006). *Những người Châu Âu ở nước An Nam [European People in Annam]*. H.: Nxb. Thế giới.
- Nguyễn Thiện Giáp (2017). *Lược sử Việt ngữ học [A Summary of Vietnamese Language System]* H.: Nxb. Tri Thức.
- Nguyễn Văn Kim, Nguyễn Quang Ngọc (chủ biên) (2018). *Biển với lục địa vai trò và mạng lưới giao lưu ở lưu vực các dòng sông Miền Trung [Sea and Mainland: Role and Exchanging Networks in Basins of Rivers in Central Vietnam]*. H.: Nxb. Đại học Quốc gia Hà Nội.
- Phan Du (1974). *Quảng Nam qua các thời đại [Quang Nam through Different Periods]*. Đà Nẵng: Nxb. Cổ học tùng thư.
- Phan Thanh Hải (2007). Quan hệ giữa Việt Nam và Nhật Bản thế kỷ XVI–XVII nhìn từ 35 bức văn thư ngoại giao, trong Việt Nam trong hệ thống thương mại châu Á thế kỷ XVI–XVII [Relations between Vietnam and Japan in the 16th – 17th Centuries Seen from 35 Diplomatic Letters, in Vietnam in the Asian Trading System in the 16th – 17th Centuries], in: *Việt Nam trong hệ thống thương mại châu Á XVI–XVII [Vietnam in the 16th – 17th Centuries Asian Trading System]*. H.: Nxb. Thế giới.
- Phạm Văn Thủy (2020). Thủy quân Việt Nam thế kỷ XVII, XVIII và đầu XIX qua các nguồn sử liệu phương Tây [Vietnamese Navy in the 17th, 18th and Early 19th Centuries through Western Historical Sources], in: *Người Việt với biển [Vietnamese with the Sea]*, Nguyễn Văn Kim chủ biên. H.: Nxb. Thế giới.
- Reid A. (1993). *Southeast Asia in the Age of Commerce, 1450–1680*. Vol. 2: Expansion and Crisis. New Haven: Yale University press.
- De Rhodes A. (1994). *Hành trình và truyền giáo [Journey and Mission]*. Hồ Chí Minh.
- Ryabinin A.L. (1988). *Rozhdenie imperii Nguyenov [The Foundation of the Nguyen Dynasty]*. M.: Nauka. (In Russian)

Taylor K.W. (1998). Surface Orientations in Vietnam: Beyond Histories of Nation and Region. *The Journal of Asian Studies*, 57 (4), November.

Taylor K.W. (2002). Nguyen Hoàng và bước khởi đầu cuộc Nam tiến [Lord Nguyen Hoang and His Early Southward Expansion]. *Journal of Xưa và Nay*, 104, November.

Thành Thế Vỹ (1961). *Ngoại thương Việt Nam hồi đầu thế kỷ XVII, XVIII và đầu XIX* [The Landscape of Vietnam's Foreign Trade in the Early 17th, 18th and 19th Centuries]. H.: Nxb. Nghiên cứu Lịch sử.

Toybee A. (2002). *Nghiên cứu về lịch sử – Một cách thức diễn giả* [History Studies: An Interpretative Analysis]. H.: Nxb. Thế giới.

Trần Quốc Vượng. Chiêm cảng Hội An với cái nhìn về biển của người Chăm và người Việt [Hoi An port in Perspective of Viet People and Champa People], in: *Kỷ yếu hội thảo khoa học về khu phố cổ Hội An 23–24.07.1985* [Conference Proceedings on Hoi An Ancient Town 23–24.07.1985], 1985.

Trần Quốc Vượng (1998). Văn hoá Huế trên dặm (đường) dài lịch sử [Hue Culture in Its Long History], in: Trần Quốc Vượng. *Việt Nam cái nhìn địa văn hoá* [Vietnam from a Geo-Cultural Perspective]. H.: Nxb. Văn hóa các dân tộc – Tạp chí Văn hóa Văn nghệ.

Tsuboi Yoshiharu (2018). *Nước Đại Nam đối diện với Pháp và Trung Hoa (1847–1885)* [Dai Nam Is Facing France and China (1847–1885)]. H.: Nxb. Tri thức.

Việt Nam trong hệ thống thương mại châu Á thế kỷ XVI–XVII (2007). Trường Đại học Khoa học Xã hội và Nhân văn, ĐHQG HN [Vietnam in the 16th – 17th Centuries Asian Trading System. University of Social Sciences and Humanities, Vietnam National University, Hanoi.]. H.: Nxb. Thế giới.

Vũ Minh Giang. Người Nhật, Phố Nhật và di tích Nhật Bản ở Hội An [Japanese People, Japanese Town and Japanese Relics in Hoi An], in: *Đô thị cổ Hội An* [Hoi An Ancient Town]. H.: Nxb. Khoa học Xã hội, 1991.

Wheeler Ch. (2006). One Region, Two Histories: Cham Precedents in the History of the Hoi An Region, in: Nhung Tuyet Tran, Reid A. *Vietnam Borderless Histories*. The University of Wisconsin Press.

Woodside A. (1971). *Vietnam and the Chinese Model: A Comparative Study of Nguyen and Ch'ing Civil Government in the First Half of the Nineteenth Century*. Harvard University Press.

Author:

Vũ Thị Xuyên, Researcher, Center for Vietnamese language and culture, University of Social Sciences and Humanities, Vietnam National University, Hanoi. E-mail: xuyenvt@vnu.edu.vn

Article history:

Received: August 31, 2021

Received in revised form: November 29, 2021

Accepted: December 15, 2021

DOI: 10.54631/VS.2021.54-106-130

СИМВОЛИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЦВЕТА ВЬЕТНАМСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОСТЮМА АОЗАЙ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ТОЛКОВАНИЯ

Ю.Д. Минина

Аннотация. Данная работа является попыткой проанализировать символику цвета традиционного вьетнамского костюма *аозай*, а также выявить и охарактеризовать основные причины и особенности преобразований в данной сфере. Символическая модель цвета рассматривается в контексте языка, социально-исторических и культурных процессов.

Основное внимание уделяется женскому традиционному костюму, поскольку он подвергся гораздо более масштабным изменениям, чем мужской, и имеет гораздо более широкую сферу использования в наши дни.

Ключевые слова: Вьетнам, культура Вьетнама, история костюма, символика цвета.

Для цитирования: Минина Ю.Д. Символическая модель цвета вьетнамского национального костюма аозай: исторические предпосылки и толкования // *Вьетнамские исследования*. 2021. Т. 5. № 4. С. 106–130.

Введение

Исследование, посвященное историческому развитию традиционного вьетнамского костюма, особенностям его орнаментации и символике цвета, до сих пор не увидело свет в рамках *отечественного* востоковедения. Тем не менее существует ряд работ, помогающих подступиться к данной теме с точки зрения теории и методологии. Основные труды на русском языке, содержащие описание конструктивных форм вьетнамской одежды и украшений, опубликованы этнографами А.И. Мухлиновым [Мухлинов 1977: 80–110] и Е.В. Ивановой [Иванова 2002]. Большое значение имеет статья российского литературоведа-вьетнамиста Н.И. Никулина, затрагивающая вопросы восприятия национального и европейского костюма в XVIII–XIX вв. [Никулин 2006: 388–400].

Зарубежные авторы обращались к проблеме истории вьетнамской одежды и ткачества заметно чаще [Elmore 1997; Nhi T. Lieu 2000; Leshkovich 2003: 79–115; Guillemot, Larcher-Goscha 2014; Howard 2016], однако многие темы, касающиеся телесной культуры и ключевых аспектов её восприятия, остаются вне фокуса их внимания. Среди исследований на *вьетнамском* языке следует выделить труды художника Чинь Куанг Ву [Trịnh Quang Vũ 2007; 2011], его ученицы Доан Тхи Тинь [Đoàn Thị Tinh 2006; 2010], историка Чан Куанг Дыка [Trần Quang Đức 2013]. Заслуживает внимания работа исследовательницы Фам Тхао Нгуен [Phạm Thảo Nguyên 2018], посвящённая вопросу эволюции и модернизации женского *аозая*.

В отечественной *синологии* также ощущается острая нехватка работ, посвящённых истории развития национальной одежды ханьцев и малых народов Китая. Крупнейшее на данный момент исследование структуры и символики китайского костюма увидело свет более сорока лет назад [Сычёв, Сычёв 1975]. Важный вклад в изучение данной темы внесла российский китаевед М.Е. Кравцова [Кравцова 2004; 2010].

Работы *англоязычных* [Priest, Simmons 1934; Steele, Major 1999; Finnane 2008] и *китайских* [Ань Юйин, Ян Линь 2005; Су Жина 2008; Гао Чуньмин 2009] авторов по данной теме весьма многочисленны и охватывают широкий круг вопросов, начиная от древнейших типов костюма и украшений и заканчивая влияниями традиционной культуры на производство и дизайн современной китайской одежды.

Задача данного исследования – анализ символического наполнения цветовой гаммы и орнаментации национального вьетнамского костюма *аозай*, а также изменений, произошедших в данной сфере телесной культуры *киней* в новейшее время. Предпринимается попытка расширить тематику и методологию исследований в этой области вьетнамоведческих исследований посредством междисциплинарного подхода, привлекая как исторический, культурологический, религиоведческий, так и языковой материал, что позволит, как мы надеемся, более глубоко и полно изучить процессы развития вьетнамского общества.

Национальный костюм *аозай* занял место самой широко используемой традиционной одежды вьетнамцев лишь в XX в. Вплоть до 1930-х годов во Вьетнаме были распространены костюмы свободного туникообразного кроя – такие, как *ао зя лань*, *ао ты тхан* и *ао нам тхан* (рис. 1) [Đoàn Thị Tinh 2006: 99–118]. Обязательными элементами плечевой одежды являлись длинные полуприлегающие или широкие рукава, воротник-стойка, шаровидные пуговицы. В 30-е годы XX в. известные вьетнамские художники и модельеры, среди которых были Ле Фо и Нгуен Кат Тьонг (псевдоним Ле Мур), принимали активное участие в модернизации национального костюма и его популяризации среди молодежи. За основу для своих экспериментов они взяли вышеназванные традиционные костюмы, а также наряд, который можно встретить в исторических и литературных источниках под весьма расплывчатым названием *аозай* (букв. «длинная одежда») [Cung Dương Hằng 2009: 37–38]. Ле Фо и Кат Тьонг сконцентрировали своё внимание на женской тунике, сделав её покроем уже, изящнее, тем самым подчеркнув изгибы фигуры, что полностью противоречило конфуцианским представлениям о теле и сфере телесного вообще. Изменения в плане конструкции *аозая* и его восприятия обществом были столь существенны, что, на наш взгляд, имеет смысл говорить о принципиально новом костюме. При этом покрой мужского костюма не подвергся значительным метаморфозам¹.

Женский *аозай* был представлен широкой общественности в качестве материального воплощения новой эпохи, предполагающей диалог древней вьетнамской культуры с Западом и европейскими понятиями о красоте. Длинная туника с двумя полами, однотонные штаны прямого кроя и конусообразная шляпа *нон бай тхо*² не только стали своеобразной «визитной карточкой» Вьетнама, но и символом преемственности традиций. На базе модернизированного *аозая*, воплотившего в себе архаичные черты национального вьетнамского костюма, заимствованные элементы китайской одежды, влияние европейской моды и не в последнюю очередь ставшего результатом авторского творчества, и будет рассмотрена символическая модель цвета.

¹ Подробнее о сфере использования костюма *аозай* см.: Минина Ю.Д. Сфера использования традиционного вьетнамского костюма в конце XX – начале XXI в. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М.: ИВ РАН. 2016. № 30. С. 175–187.

² Нон бай тхо (вьет. nón bài thơ) – букв. «поэтический нон», конусообразный головной убор из пальмовых листьев, между слоями которых вставляют газетные страницы или полоски бумаги со стихами.



Рис.1. Девушка в костюме *ао ты тхан* с головным убором *нон куай тхао*. Северный Вьетнам, конец XX в. Фото из открытых источников

Символическая модель цвета во Вьетнаме

Решение задач, касающихся символики цвета в одежде, напрямую связано с господством во Вьетнаме религиозного синкретизма. Смешение и взаимодействие различных по своей сути символических моделей буддизма, конфуцианства, даосизма и народных вьетнамских верований породили сложную, нетривиальную ситуацию в сфере материальной культуры. Все вышеназванные религиозные учения в большей или меньшей степени оказали влияние на символику цвета вьетнамской одежды. Определённые представления о символике и интерпретации того или иного цвета занимают такие прочные позиции во вьетнамской культуре, что они практически полностью оказались воплощены и в новом национальном костюме.

Так, современный *аозай* красного цвета стал использоваться в качестве свадебного наряда – как мужского, так и женского, что полностью отвечает представлениям, господствовавшим на территории ареала китайской культуры на протяжении многих веков, а именно концепции пяти цветов – кит. *у сэ* – в рамках теории *у син*, модели пяти первоэлементов [Кравцова 2004: 365]. Данная философская концепция была заимствована вьетнамцами в период китайской зависимости (I–X вв.), однако это касалось лишь императорского двора и элиты; простонародная культура, по всей видимости, воспринимала философию *у син* опосредованно и бессистемно.

Каждый из элементов классификации *у син* представлен как нечто, неразрывно связанное с остальными составляющими (сторона света – сакральное животное – время года – цвет и т. д.), то есть «стихии» можно рассматривать как набор неких первопринципов, посредством «резонирования» с которыми организуются элементы «того же рода».

За каждым из пяти цветов у *сэ* стоит целый хроматический ряд, для которого он является родовым. Многие цвета в китайской символической системе не совпадают с теми, которые европейцы подразумевают под переводными эквивалентами.

Красный цвет (родовой) – кит. *хун*, ханвьет. *хонг* (hồng) – связан с праздничной атрибутикой, особенно со свадебной обрядностью, женским началом, культом плодородия, семантикой понятия «красота» первоэлементов [там же: 366]. Другой цвет этого хроматического ряда – кит. *чи*, ханвьет. *сить* (xích), вьет. *до* (đỏ) – в зависимости от контекста имеет такие эквиваленты, как «красный», «алый», «рыжий», «бурый». Лексема *чи* в китайском языке часто замещает *хун*, что соответствующим образом повлияло на особенности употребления лексем *хонг* (hồng) и *до* (đỏ) во вьетнамском. Цвет *чи* – один из пяти цветов теории у *сэ* и символически связан с югом, солнцем, мужским началом, удачей, радостью, вследствие чего красные одежды, головные уборы, обувь и украшения рассматриваются китайцами и вьетнамцами как маркеры исключительности события, пожелание счастья (рис. 2).

В современном вьетнамском языке применительно к свадебному одеянию употребляются обе лексемы – *хонг* (hồng) и *до* (đỏ) [Đoàn Thị Tình 2006: 153–154].



Рис. 2. Свадебные костюмы *аозай*, тюрбаны *кхан донг*. Северный Вьетнам, начало XXI в.
Фото из открытых источников

Кит. *хуан*, ханвьет. *хоанг* (hoàng), вьет. *ванг* (vàng) – жёлтый [цвет] (также золотой), связан с символикой центра, земли, императора и с идеей государственности [Кравцова 2004: 165–166]. Во вьетнамском языке лексема *хоанг* (hoàng) чаще используется как показатель принадлежности к императорской семье или же для обозначения различной императорской атрибутики, а не в качестве самостоятельного цветового определения: например, *хоанг ан* (hoàng ân) – «императорская милость»; *хоанг ко* (hoàng cô) – «принцесса»; *хоанг бао* (hoàng bảo) – «императорские одежды» и т. д. [Глебова, Соколов 2008: 290–291].

Символическое значение жёлтого цвета как императорского прослеживается в древних мифологических традициях и прежде всего связано с мифическим императором-демиургом Хуан-ди, который в конце жизни вознёсся на Небо на жёлтом (золотом) драконе. Жёлтый дракон – кит. *Хуан лун*, – по всей видимости, соединил в себе черты сакрального животного (первопредка и тотема китайцев) и самого императора Хуан-ди, став своеобразной символической квинтэссенцией идеи верховной власти.

Вслед за императорами Китая правители Вьетнама также начали носить халаты с изображениями жёлтых драконов – вьет. *зонг ванг* (*gòng vàng*) [Trần Quang Đức 2013: 34–35]. Халаты *лонг бао* – вьет. *long bào*, букв. «одежды дракона», – практически полностью сходные с китайскими *лун пао*, вьетнамские монархи использовали в качестве торжественного одеяния вплоть до свержения монархии в 1945 г.

Закон запрещал лицам, не принадлежащим к императорской семье, носить одежду жёлтого цвета. Это предписание касалось и оттенков, входящих в хроматический ряд, для которого этот цвет является родовым. Самый ранний из известных историкам документ, касающийся данного вопроса, относится к 1182 г. Император Ли Као Тонг (1173–1210) «запретил всем людям носить одежды жёлтого цвета» [цит. по: Trần Quang Đức 2013: 42]. Частота, с которой приходилось «обновлять» это высочайшее повеление, говорит о том, что вьетнамский народ не испытывал к жёлтому цвету такого пиетета, как ханьцы и императорский двор Дайвьета (1054–1400, 1428–1804), стремившийся окружить себя сакральной символикой власти, которая была выстроена по образу и подобию китайской. Вьетнамская средневековая летопись «*Дай вьет шы ки тоан тхы*» («Полное собрание исторических записок Дайвьета») содержит ряд записей, посвящённых императорским указам, касающимся регламентации цветовой символики. В 1448 г. император Ле Нян Тонг «отдал высочайшее повеление Министерству церемоний вновь огласить запрет на ношение одежды жёлтого цвета, поскольку любовь простолудинов к роскоши перешла все мыслимые границы» [там же]. В 1916 г. император Кхай Динь (1885–1925) также озаботился проблемой несоблюдения своими подданными символики цвета в одежде: «Еще в дни, когда я был принцем, мне приходилось наблюдать, как многие простолудины осмеливаются носить одежду жёлтого цвета, а сие есть нарушение закона. Посему наделяю высочайшей императорской властью Канцелярию Тхыатхиен (то есть канцелярию столичного округа, г. Хюэ. – Ю.М.) повсеместно распространить указ, с сего момента запрещающий простонародью носить одежды жёлтого цвета, а также цветов и оттенков, близких к жёлтому, дабы сохранялось соответствующее разделение» [Đông Khánh, Khải Định chính yếu 2010: 431].

Простолудины, имевшие возможность шить одежду жёлтого цвета в силу своего достатка, делали это, несмотря на официальные предписания. Пренебрежение, с которым вьетнамцы относились к императорским указам, запрещавшим ношение одежды жёлтого цвета, говорит о многом. По всей видимости, даже зависимость от северных династий, продлившаяся без малого тысячелетие, не смогла привить простому народу уважительного отношения к регламентации одежды по ханьскому образцу. Те элементы символической модели цвета в одежде, которые ассоциировались с северной оккупацией и насильственно насаждались сверху в рамках ритуала, даже спустя сотни лет после начала китайской зависимости, воспринимались как иноземные. Кроме того, жёлтый цвет издревле ассоциировался у вьетнамцев с богатством, удачей, добрыми предзнаменованиями и во все времена был очень любим как знатью, так и простым народом. В XIX в. зажиточные

горожанки носили костюмы *ао зя лань* (традиционная плечевая одежда т-образного кроя с длинным рукавом и широким воротом) и *аозай* жёлтого, бледно-жёлтого, лимонного цвета, несмотря на то что к этому времени жёлтые одеяния использовались императорской семьей на протяжении многих веков [Cung Dương Hằng 2009: 36].

Чёрный цвет – кит. *хей*, ханвьет. *хак* (hắc), вьет. *ден* (đen) – в соответствии с символической базой пяти стихий ассоциируется с севером, священной чёрной черепахой, учёностью, образованием, интеллектуальными достижениями. Если говорить о концепции *инь* и *ян*, то чёрный цвет связывается с идеей чего-либо сокрытого, неявного, изменчивого [Кравцова 2004: 368].

Чёрный и тёмно-синий цвета широко использовались в костюме вьетнамских учёных-конфуцианцев. Однако чёрный цвет в контексте традиционной вьетнамской одежды существовал и независимо от концепции *усин*. Наряду с коричневым он являлся одним из наиболее распространенных как для женской одежды, так и для мужской. Красители, с помощью которых добивались чёрного или тёмно-серого оттенка ткани, были дешёвы и легки в получении, тёмная одежда немаркая и, как считают некоторые вьетнамские исследователи костюма, была приятна глазу простого человека, поскольку напоминала о плодородной земле [Cung Dương Hằng 2009: 37–38].

В рамках теории *у син* цвета сине-зелёной гаммы связываются с Востоком и приобретают соответствующие символические трактовки. Цвета данного хроматического ряда ассоциируются с растительностью, возрождением жизни, весной, молодостью, благоприятным начинанием, стихией воды и женским началом.

Иероглиф *цин* – ханвьет. *тхань* (thanh), вьет. *сань* (xanh), а также вьет. *лам* (lâm), – по всей видимости, изначально трактовался как зелёный цвет, цвет древесной листвы, однако с помощью него могут обозначаться самые различные оттенки зелёного и голубого спектра [Hán Việt từ điển 2004–2015: 12.01.2020]. Во вьетнамском языке элемент *тхань* (thanh) входит в целый ряд семантически близких двуслогов-китаизмов. Сине-зелёный цвет стал синонимом молодости, невинности, чистоты: *тхань ниен* (thanh niên) – «молодежь»; *тхань суан* (thanh xuân) – «юношеский», «невинный», «молодой»; *тхань тхюу* (thanh thủy) – «прозрачная вода» [Глебова, Соколов 2008: 610].

Поскольку зелёный цвет олицетворяет женское начало, любые сочетания зелёного и красного (символа ухаживаний, вступления в брачный возраст и свадебных празднеств) имеют эротическую символику. Особенно часто в рамках поэтической традиции образ молодой и желанной девушки создается с помощью описаний красных лучей солнца, скользящих по зелёной воде, а также красных бутонов цветов среди зелёной листвы. Эти образы можно увидеть в четверостишии вьетнамского поэта Нго Ван Фу.

Гибискус

Фонарик алеет среди листьев зелёных,
 Душа его кротостью древней полна.
 Цветка лепесток – точно нон наклонённый,
 Нежный румянец – его глубина [Нго Ван Фу 2017: 94].

Сине-зелёная гамма является наиболее сложной с колористической точки зрения, так как охватывает весь спектр зелёных и синих цветов, а также частично серый и чёрный цвета. Во вьетнамском языке вне контекста и без соответствующих уточнений невозможно понять,

о каком оттенке идет речь, поэтому часто можно встретить такие устойчивые пояснения, как «древесная листва» (lá cây), «небесный покров» (da trời) и т. д., следующие непосредственно за лексемой, с помощью которой обозначается цвет.

Еще один опорный цвет данного хроматического ряда – кит. *люй*, ханвьет. *люк* (lục), вьет. *сань* (xanh) или *сань биек* (xanh biếc) – зелёный, бирюзовый, голубоватый; чаще всего он используется как обозначение цвета различной растительности, морской воды, неба [Кравцова 2004: 367].

Одежды цвета *люк* и *тхань* широко использовались во Вьетнаме с древних времён как знатью, так и простолюдинами. В эпоху династии Поздние Ли (1009–1225), то есть в период активных внутриполитических реформ, последовавших за окончательным изгнанием войск империи Сун с вьетнамских территорий (938) и длительной борьбы за объединение страны, большое внимание уделялось упорядочиванию императорской и чиновничьей атрибутики [Trần Quang Đức 2013: 49–52]. В это время были заложены и получили дальнейшее развитие основные принципы регламентации одежды, которые впоследствии стали считаться традиционными и просуществовали вплоть до середины XX в.

Во времена династии Возрожденные Ле (1533–1788) одеяния сине-зелёного цвета носили чиновники шестого, седьмого ранга и городские чиновники (различались лишь ранговые нашивки); голубой с чёрным костюм полагался уездным чиновникам, а также чиновникам девятого ранга [там же: 49–52]. В эпоху последующих династий наблюдалось сходное соответствие ранга и цвета одежды.

Простой народ также любил одежду синих, голубых, зелёных оттенков. Известно, что и мужчины, и женщины во времена династии Поздние Ли любили носить халаты с широкими рукавами цвета *люк*. Зелёный пояс и полосы зелёной ткани – обязательный элемент многих деревенских костюмов, в том числе и костюма *ао ты тхан*.

В начале XX в. вьетнамские женщины надевали нежно-голубые платья *ао зя лань* и *аозай*, чередуя с платьями контрастных оттенков – одно поверх другого. Платья цвета зелёной листвы вьетнамки надевают крайне редко из чисто эстетических соображений, поскольку ярко-зелёный цвет «делает лицо жёлтым» и визуально придает коже более тёмный оттенок, что считается нежелательным.

Белый цвет – кит. *бай*, ханвьет. *бать* (bạch), вьет. *чанг* (trắng) – согласно модели у *син* связан с символикой Запада, осени как времени упадка и угасания, сакральным животным белым тигром и стихией металла. Белый цвет нередко трактуется как цвет траура, скорби, дурных предзнаменований, связанных с близкой смертью или бедствиями, однако такое понимание символики *бай* даже в рамках у *син* нельзя считать исчерпывающим. Осень ассоциировалась у китайцев с белым зерном риса, соответствующее толкование дает текст древнейшего китайского словаря «Эръя»: «Осень – это белые закрома» [цит. по: Сычёв, Сычёв 1975: 22]. В то же время Запад, связанный с белым цветом, а точнее цветом луны *юэ бай*, – это не только место, где садится, «умирает» солнце, но и Страна мёртвых, куда отправляются души усопших.

Существует мнение, что белый цвет был принят как траурный по причине того, что издревле в знак скорби по умершему надевали одежду из грубого некрашеного полотна, что символизировало аскезу, воздержание от мирских благ. Здесь, по-видимому, стоит говорить о белом цвете как об отсутствии цвета как такового.

Во Вьетнаме обычай носить белую одежду во время похорон и траура известен по крайней мере начиная с эпохи правления династии Поздние Ли (1009–1225) [Đoàn Thị Tình 2006: 158]. В разное время и для каждого случая, будь то церемония похорон, церемония поминаения первого года и последующих лет, существовали различные виды костюмов, однако все они были сшиты из грубой бесцветной ткани. В наши дни траурные одежды включают в себя плащ с капюшоном из полупрозрачной марли, который надевается на чёрную одежду (как правило, западного образца), а также отрез белой плотной материи шириной около 30 см и длиной более 1 м, которую наматывают на голову на манер тюрбана.

Орнаменты и изображения сакральных животных

Несмотря на то что модернизированный *аозай* с самого начала был благодатной почвой для экспериментов современных модельеров, этот костюм также явился одним из способов сохранить традиционную эстетику орнаментации национальной одежды. Для украшения туники (особенно женской) нередко используются древнейшие вьетнамские орнаменты, узоры, изображения священных животных.

Из восьми священных животных *бат ват* – вьет. *bát vật*, – почитаемых вьетнамцами (дракон, единорог, черепаха, феникс, карп, летучая мышь, журавль, тигр), дракон, по видимому, чаще прочих изображается на тунике *аозая* – как на мужской, так и на женской [Nguyễn Văn Ký 2004: 27–28]. Дракон, символ власти, процветания и благополучия, составляет пару фениксу, что трактуется как выражение концепции *инь* и *ян*. Нередко на женском *аозае* можно увидеть изображения журавля (в разных трактовках – цапли, аиста) – символ мира, счастья и добрых предзнаменований, а на мужском (что характерно и для китайского костюма) – орнамент в виде иероглифа «долголетие», вписанный в одну или несколько окружностей [Сычёв, Сычёв 1975: 77]. Часто этот знак помещается в закольцованный узор, сплетённый из пяти изображений летучих мышей, которые также связаны с пожеланием счастья.

Самый древний орнамент, который можно встретить на тунике *аозая*, – это изображения дисков донгшонских барабанов, ритуальных предметов эпохи бронзы (I тыс. до н. э.). Диск культового барабана представлял собой концентрическую модель Вселенной с солнцем-звездой в центре, миром мёртвых, миром живых, миром людей и животных, где с помощью рисунков фиксировался культ, отношения между членами общины, способы ведения хозяйства и объекты поклонения [Деопик 1994: 31–32]. Рисунок в виде барабанов, как правило, состоит из стилизованных изображений двух или трёх дисков, располагается вертикально и покрывает тунику от линии пояса до конца передней полы.

Изменения в рамках символической модели цвета одежды

Важнейшие перемены, затронувшие символическую модель цвета костюма *аозай*, оказались связаны со способами демонстрации достатка и социального статуса, которые претерпели кардинальные изменения в первые десятилетия XX в. Наряду с качеством ткани и отделкой, важнейшим маркером социального статуса и показателем материального благополучия являлось количество костюмов, надетых единовременно, – в особенности, если речь шла о женской одежде. Степень социальной активности и вовлечённости вьетнамской женщины XVIII–XIX вв. в экономическую жизнь страны была довольно высока. В обязанности женщины входило посещение рынка, встреча гостей, забота о родственниках, поддержание добрососедских отношений, подготовка религиозных и семейных праздников и многое другое, что подразумевало частое появление на людях. Наряд женщины

рассматривался как материальное выражение достатка и социального положения её отца, супруга или сына (рис. 3).



Рис. 3. Женщины из зажиточной семьи в костюмах *áo nam tхан*. Северный Вьетнам, 1910–1920 гг. Фото из открытых источников

В то время как, согласно описаниям вьетнамского католического священника Филиппе Биня (1759–1832), бедным крестьянам едва удавалось обеспечить себя хотя бы одним комплектом одежды [Binh 1968: 34], люди состоятельные носили несколько туник (или халатов) – одну поверх другой. Зажиточные вьетнамки XIX – начала XX в. надевали три, семь или девять туник *áo* *zay* одновременно. Молодые девушки предпочитали верхние костюмы светлых оттенков (кремового, голубого, розового), а замужние женщины старшего возраста носили туники тёмных цветов – коричневого, чёрного, фиолетового [Cung Dương Hằng 2009: 36]. Нижние туники, как правило, были ярких, контрастных оттенков: светло-жёлтого – вьет. *mỡ gà*, – насыщенного розового (цвета лotosовых лепестков) – вьет. *cánh sen*, – лимонного – вьет. *vàng chanh*, – голубого, лазурного – вьет. *hồ thủy* – и т. д. Полы нижних туник были видны лишь во время движения, что создавало эффект цветовых переливов. Кроме того, ряд пуговиц от ворота к подмышечной впадине зачастую оставляли не застегнутым, чтобы продемонстрировать оттенки и фактуры нижних одежд. В первые десятилетия XX в. этот обычай начал постепенно исчезать, что было связано с падением цен на ткани. К середине XX в. многослойность одежды как показатель достатка и социального статуса полностью потеряла актуальность.

Свою роль в сфере восприятия традиционной цветовой символики сыграла отмена государственных законов, регламентировавших использование тех или иных костюмов для различных сословий. После отречения императора Бао Дая и упразднения монархии в 1945 г. императорские предписания по поводу одежды потеряли официальную силу и, что примечательно, довольно быстро оказались забыты, поскольку в основном касались чиновничества. Состоятельные люди, и прежде не соблюдавшие закон, запрещавший носить костюмы жёлтого цвета, теперь могли делать это, не нарушая воли правителя.

Однако основной причиной изменений трактовки символики цвета в одежде стало знакомство вьетнамцев с европейским костюмом и постепенное восприятие ими различных элементов западной индустрии моды. Зажиточные вьетнамские горожанки начала XX в. подражали француженкам, а затем и некоему обобщённому образу современной европейки.

Без сомнения, самые разительные перемены в контексте сферы применения и, следовательно, в плане смысловой трактовки в XX в. претерпел белый цвет. В 20-е годы XX в. белый *аозай* полуприлегающего кроя стал использоваться в принципиально новом качестве – его избрали формой для многих женских учебных заведений после того, как эта практика была введена в старшей школе для девочек «Донг Кхань» в г. Хюэ, открывшейся в 1917 г. [Lê Quang Két 2015: 14.01.2020]. Белый цвет платья стал ассоциироваться с невинностью, молодостью, опрятностью и ученичеством. В отличие от костюмов тёмных расцветок, так популярных среди крестьян, белый *аозай* требовал особой аккуратности в обращении и стал своеобразным «табелем о поведении» (рис. 4).



Рис. 4. Девушка в современном костюме *аозай*. Северный Вьетнам, начало XXI в.
Фото из открытых источников

В середине 1950-х годов невесты в Северном Вьетнаме, следуя европейской моде, начали надевать белые *аозай* на церемонии бракосочетания [Đoàn Thị Tình 2006: 155–156]. Свадебный костюм невесты чаще всего состоял из туники прилегающего покроя белого, кремового или нежно-розового цвета, белых прямокройных штанов и белых туфель на высоком каблуке. Волосы укладывали на европейский манер – завивали мелкими кудрями, закрепляли заколками-зажимами или оставляли распущенными, что считалось неприемлемым еще несколько десятилетий назад [Nguyễn Văn Kú 2004: 27–28].

На Юг мода на белые свадебные наряды для девушек и костюмы западного образца для мужчин пришла как минимум десятилетием раньше. В начале 1980-х годов южанки впервые надели белые европеизированные платья с пышными юбками и фатой. Менталитет южан, тяготевших к иностранной моде (и вообще к иностранным новинкам), способствовал быстрой

ассимиляции чужеродных для вьетнамской культуры элементов материальной культуры [Cung Dương Hằng 2009: 39–40].

В начале XXI в. в свадебной церемонии стали использоваться женские костюмы, занимающие некое промежуточное положение между традиционным костюмом *аозай* и европейским подвенечным платьем белого цвета. Такой наряд, как правило, сохраняет характерные черты кроя обеих частей костюма – широких штанов и туники, – однако рукава и воротник нередко подвергаются значительным изменениям. Кроме того, вместе с белым *аозаем* может использоваться фата [Xu hướng] áo dài cưới: 14.01.2020].

Восприятие белого цвета как цвета свадебного наряда прочно укоренилось среди молодёжи больших городов Вьетнама – Ханоя, Хошимина, Хайфона, Дананга, Нячанга. Тот факт, что белый цвет появляется в свадебной церемонии именно в контексте национального, а не европейского костюма, заслуживает особого внимания. Ассимиляция элементов чужеродной культуры в данном случае происходит посредством включения его в нечто привычное, трактуемое обществом как традиционное, исконно вьетнамское. Нередки случаи, когда жених и невеста предстают перед семьёй и гостями в двух нарядах – и в западных костюмах, и в свадебных *аозаях* традиционно красного или насыщенного розового цвета.

К концу XX в. во Вьетнаме сложились универсальные для всех регионов страны представления о цвете туники *аозая* в соответствии со сферой использования костюма, возрастом и полом владельца. Считается, что девушкам 14–18 лет больше всего подходят костюмы нежных пастельных оттенков. Девочки и незамужние девушки до 25–27 лет отдают предпочтение ярким цветам и орнаментам. Женщины старше 50 лет появляются на праздниках и официальных мероприятиях в бархатных туниках фиолетового, чёрного, коричневого цвета, украшенных вышивкой и аппликациями [Những mẫu áo dài: 12.01.2020].

На рубеже XX–XXI в. *аозай* стал активно использоваться в качестве униформы работниц сферы услуг – официанток, персонала отелей, туристических гидов. Как правило, это однотонные костюмы голубого, лимонно-жёлтого, розового цвета без декора и орнаментации.

С уверенностью можно говорить о том, что, будучи живым и органично функционирующим элементом материальной культуры, *аозай* продолжает развиваться; непрерывным изменениям подвергается и его символическая модель цвета, тесно связанная с особенностями декорирования.

Список литературы

Ань Юйин, Ян Линь. Чжунго миньцзянь фуши ишу [Искусство китайского национального костюма и декора]. Бэйцзин: Чжунго цингунъе чубань шэ, 2005 (на кит. языке).

Гао Чуньмин. Чжунго лидай фуши ишу [История китайского искусства костюма и декора]. Бэйцзин: Чжунго циньянь чубань шэ, 2009 (на кит. языке).

Глебова И.И., Соколов А.А. Từ điển Việt – Nga [Вьетнамско-русский словарь]. Hà Nội: Nxb. Thế giới, 2008.

Деопик Д.В. История Вьетнама. Ч.1. М.: Изд-во МГУ, 1994.

Иванова Е.В. Одежда и украшения народов Юго-Восточной Азии. Опыт сравнительно-типологического исследования. СПб.: МАЭ РАН, 2002.

Кравцова М.Е. История культуры Китая. СПб.: Планета музыки, Лань, 2011.

Кравцова М.Е. Мировая художественная культура. История искусства Китая. СПб.: Лань; Триада, 2004.

- Минина Ю.Д. Сфера использования традиционного вьетнамского костюма в конце XX – начале XXI в. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М.: ИВ РАН. 2016. № 30. С. 175–187.
- Мухлинов А.И. Одежда народов Вьетнама и Лаоса // Одежда народов Зарубежной Азии. Вып. XXXII. Л.: Наука, 1977. С. 80–110.
- Нго Ван Фу. Облака и хлопок. Избранная поэзия / пер. с вьет. Ю.Д. Минина. СПб.: Гиперион, 2017.
- Никулин Н.И. К проблеме знаковости культур: вьетнамский и европейский костюмы в свете представлений XVIII – начала XIX в. // Слово и мудрость Востока: литература, фольклор, культура: к 60-летию акад. А. Б. Куделина. М.: Наука, 2006. С. 388–400.
- Су Жина. Шаошу миньцзу фуши [Костюм и декор национальных меньшинств]. Бэйцзин: Чжунго шэньхуэй чубань шэ, 2008 (на кит. языке).
- Сычев Л.П., Сычев В.Л. Китайский костюм. Символика. История. Трактовка в литературе и искусстве. М.: Восточная литература, 1975.
- [Xu hướng] áo dài cưới cô dâu chú rể đẹp sang trọng nhất 2020 [Самые роскошные трендовые аозай для жениха и невесты в 2020 г.] // Ngôi Sao Wedding. URL: <https://ngoisaowedding.com/ao-dai-cuoi-2881> (дата обращения: 14.01.2020).
- Bình Ph. Sách sổ sang chép các việc [Бинь Ф. Книга записей разных дел]. Đà-lạt: Viện đại học Đà-lạt, 1968.
- Cung Dương Hằng. Chiếc áo dài của phụ nữ Việt Nam – từ truyền thống đến hiện đại [Кунг Зыонг Ханг. Вьетнамский женский костюм ао зай – от традиции к современности] // Tạp chí Văn hóa dân gian. 2009. № 4. Tr. 36–38.
- Đoàn Thị Tình. Trang phục Thăng Long – Hà Nội [Доан Тхи Тинь. Одежда жителей Тханглонга – Ханоя]. Hà Nội: Nxb. Hà Nội, 2010.
- Đoàn Thị Tình. Trang phục Việt Nam (Dân tộc Việt) [Доан Тхи Тинь. Вьетнамский костюм (одежда собственно вьетнамцев)]. Xb lần thứ 2 có bổ sung. Hà Nội: Mỹ Thuật, 2006.
- Đồng Khánh, Khải Định chính yếu [Основные записи эпохи правления государей Донг Кхана и Кхай Диня] / Nguyễn Văn Nguyên dịch. Hà Nội: Nxb. Thời Đại, 2010.
- Elmore M. Ao Dai Enjoys A Renaissance Among Women: In Vietnam, A Return to Femininity. New York Times, 17.09.1997. URL: <http://www.nytimes.com/1997/09/17/news/17iht-saodai.t.html>
- Finnane A. Changing Clothes in China: Fashion, History, Nation. New York: Columbia University Press, 2008.
- Guillemot F., Larcher-Goscha A. La colonisation des corps. De l'Indochine au Vietnam [Гуймо Фр., Ларше-Госча А. Колонизация тел. От Индокитая до Вьетнама]. Paris: Editions Vendémiaire, coll. Chroniques, 2014.
- Hán Việt từ điển [Словарь ханвьета]. (Thiều Chửu. Hán Việt tự điển, HN.: Nxb. Văn hóa thông tin, 2009; Trần Văn Chánh. Từ điển Hán Việt. TP Hồ Chí Minh: Nxb. Trẻ, 1999; Nguyễn Quốc Hùng. Hán Việt tân từ điển. Sài Gòn: Nxb. Khai Trí, 1975). URL: <http://hvdic.thivien.net/> (дата обращения: 12.01.2020).
- Howard M.C. Textiles and Clothing of Việt Nam: A History. Jefferson, North Carolina: McFarland & Company, 2016.
- Lê Quang Kết. Đồng Khánh ngày xưa... [Ле Куанг Кет. Донгкхань в прошлом...] // Tạp chí Sông Hương, 17.07.2015. URL: <http://www.tapchisonghuong.com.vn/hue/p0/c107/n20291/Dong-Khanh-ngay-xua.html> (дата обращения: 14.01.2020).
- Leshkovich A.M. The Ao Dai Goes Global: How International Influences and Female Entrepreneurs Have Shaped Vietnam's National Costume // Re-Orienting Fashion: The Globalization of Asian Dress. / ed. by Niessen S., Leshkovich A. M., Jones C. Oxford and New York: Berg, 2003. P. 79–115.
- Nguyễn Văn Ký. Cắt tóc ngắn [Нгуен Ван Ки. Короткие причёски]. Tạp chí Xưa và nay. 2004. № 157, 158 (1, 2). Tr. 27–28.

Nhi T. Lieu. Remembering the Nation Through Pageantry: Femininity and the Politics of Vietnamese Womanhood in the Hoa Hào Áo Dài Contest // *Frontiers* 21. No. 1/2 (2000). P. 127–151.

Những mẫu áo dài cho người lớn tuổi sang trọng quý phái [Роскошные модели аозай для людей старшего возраста] // Cho thuê áo dài, 2021. URL: <http://chothueaodai.com.vn/nhung-mau-ao-dai-cho-nguoi-lon-tuoi-sang-trong-quy-phai> (дата обращения: 12.05.2021).

Phạm Thảo Nguyên. Áo dài Lemur và bối cảnh phong hóa & ngày nay [Фам Тхао Нгуен. Аозай Лемура; нравы и обычаи и современность]. TP Hồ Chí Minh: Công ty TNHH Văn hoá Khai Tâm, 2018.

Priest A., Simmons P. Chinese textiles: an introduction to the study of their history, sources, technique, symbolism, and use. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1934.

Steele V., Major J.S. China Chic: East Meets West. New Haven and London: Yale University Press, 1999.

Trần Quang Đức. Ngàn năm áo mũ [Чан Куанг Дык. Тысячелетняя история одежды и головных уборов]. Hà Nội: Nxb. Thế giới; Công ty Văn hóa và Truyền thông Nhã Nam và tác giả Trần Quang Đức, 2013.

Trịnh Quang Vũ. Lịch sử trang phục các triều đại phong kiến Việt Nam [Чинь Куанг Ву. История одежды эпохи феодальных династий Вьетнама]. Hà Nội: Nxb. Văn hóa thông tin, 2007.

Trịnh Quang Vũ. Trang phục triều Lê – Trịnh [Чинь Куанг Ву. Костюм в эпоху правления династий Ле – Чинь]. Hà Nội: Nxb. Từ điển Bách khoa, 2011.

Автор:

Минина Юлия Дмитриевна, преподаватель Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ, Москва. ORCID: 0000-0002-3737-9478. E-mail: yminina@hse.ru

Продвижение статьи:

Дата поступления: 25.05.2021

Дата поступления в переработанном виде: 05.11.2021

Принята к печати: 16.12.2021

SYMBOLISM OF COLOUR OF THE VIETNAMESE NATIONAL GARMENT ÁO DÀI: HISTORICAL FOUNDATIONS, DEVELOPMENT AND INTERPRETATIONS

Iu.D. Minina

Abstract. This paper is an attempt to analyze the color symbolism of traditional Vietnamese *áo dài* costume, as well as to identify and characterize the main reasons and peculiarities of transformations in this sphere. The symbolic model of color is considered in the context of language, socio-historical and cultural processes.

The focus is on women's traditional costume, as it has undergone far more extensive changes than men's and has a much broader scope of use today.

Keywords: Vietnam, Vietnamese culture, history of costume, color symbolism.

For citation: Minina Iu.D. (2021). Symbolism of Colour of the Vietnamese National Garment Áo Dài: Historical Foundations, Development and Interpretations. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 5 (4): 106–130.

Introduction

A study dedicated to the historical development of traditional Vietnamese costume, peculiarities of its ornamentation and color symbolism has not yet seen the light of day in the *national* oriental studies. Nevertheless, there are several works that help to approach this subject in terms of theory and methodology. The main Russian-language works describing the structural forms of Vietnamese clothing and ornaments were published by A. I. Mukhlinov [Mukhlinov 1977: 80–110] and E.V. Ivanova [Ivanova 2002]. Of great importance is the article of the Russian literary scholar N.I. Nikulin, specialist in Vietnamese studies, touching upon the issues of perception of national and European costume in the 18th - 19th cc. [Nikulin 2006: 388–400].

Foreign authors have addressed the issue of the history of Vietnamese clothing and weaving notably more frequently [Elmore 1997], [Nhi T. Lieu 2000], [Leshkowich 2003: 79-115], [Guillemot, Larcher-Goscha 2014], [Howard 2016], but many topics concerning body culture and key aspects of its perception remain outside the focus of their attention. Among the studies in *Vietnamese*, the works of artist Trịnh Quang Vũ [Trịnh Quang Vũ 2007; 2011], his student Đoàn Thị Tình [Đoàn Thị Tình 2006; 2010], historian Trần Quang Đức [Trần Quang Đức 2013] should be highlighted.

The work of researcher Phạm Thảo Nguyên [Phạm Thảo Nguyên 2018] on the evolution and modernization of women's *áo dài* is noteworthy.

There is also an acute shortage of works devoted to the history of the development of national dress of Han and small peoples of China in the domestic *Sinology*. The largest at the moment study of the structure and symbolism of Chinese costume saw the light more than forty years ago [Sychev, Sychev 1975]. An important contribution to the study of this topic was made by the Russian sinologist M.E. Kravtsova [Kravtsova 2004; 2010].

The works of *English* [Priest, Simmons 1934], [Steele, Major 1999], [Finnane 2008] and *Chinese* [An Yuying, Yang Lin 2005], [Su Zhin 2008], [Gao Chunming 2009] authors on the subject are very numerous and cover a wide range of issues from the earliest types of costume and decoration to the influences of traditional culture on the production and design of modern Chinese clothing.

The aim of this study is to analyze the symbolic content of the color scheme and ornamentation of the Vietnamese national costume *áo dài* and the changes that have taken place in this sphere of Kinh body culture in recent times. An attempt is made to expand the themes and methodology of research in this field of Vietnamese studies through an interdisciplinary approach, attracting both historical, cultural, religious, and linguistic material, which will, we hope, make it possible to study the developmental processes of Vietnamese society in greater depth and completeness.

It was not until the 20th century that the *áo dài* costume became the most widely used traditional dress of the Vietnamese. Up to the 1930s, the most common costumes in Vietnam were loose tunic-like suits, such as *áo giao lãnh*, *áo tứ thân* and *áo năm thân* (Fig. 1) [Đoàn Thị Tình 2006: 99–118]. The obligatory elements of the shoulder clothes were long semi-fitted or wide sleeves, a stand-up collar, and spherical buttons. In the thirties of the 20th century, well known Vietnamese artists and fashion designers, including *Lê Phổ* and *Nguyễn Trí Cát Tường* (alias Le Mur) were actively involved in the modernization of the national costume and its popularization among young people. As a basis for their experiments, they took the aforementioned traditional costumes, as well as an outfit that can be found in historical and literary sources under the very vague name of *áo dài* (lit. “long clothes”) [Cung Dương Hằng 2009: 37–38]. *Lê Phổ* and *Cát Tường* concentrated their attention on the female tunic, making its cut narrower and more elegant, thereby emphasizing the curves of the figure, which was completely contrary to Confucian notions of the body and the sphere of the corporeal in general. The changes in the design of *áo dài* and its perception by the society were so essential that, in our opinion, it makes sense to speak about a fundamentally new costume. At the same time the cut of men's costume did not undergo significant metamorphoses¹.

The women's *áo dài* was presented to the general public as the material embodiment of a new era involving a dialogue between ancient Vietnamese culture and the West and European notions of beauty. The long double-flared tunic, monochrome straight-cut trousers and cone-shaped *nón bài thơ hat* not only became the peculiar “visiting card” of Vietnam but a symbol of tradition continuity. Based on modernized *áo dài* embodying archaic features of the national Vietnamese costume, borrowed elements of Chinese clothing, the influence of European fashion and not in the least become the result of the author's creativity, and will be considered a symbolic model of color.

Symbolic model of color in Vietnam

The challenges of color symbolism in clothing are directly related to the dominance of religious syncretism in Vietnam. The mixture and interaction of different inherently symbolic models of Buddhism, Confucianism, Taoism and Vietnamese folk beliefs created a complex, non-trivial situation in the sphere of material culture. All the above-mentioned religious teachings had a greater or lesser influence on the symbolism of Vietnamese clothing colors. Certain notions of symbolism and interpretation of one or another color have such a strong position in Vietnamese culture that they were almost completely embodied in the new national costume as well.

¹ For more details about the sphere of use of *áo dài* costume see: Minina Yu.D. (2016). Sphere of use of traditional Vietnamese costume in the late XX - early XXI centuries. *Southeast Asia: Current Problems of Development*. M.: IES RAS, 30: 175–187.



Fig. 1. A girl in an *áo tứ thân* costume with *nón quai thao* headdress. North Vietnam, late 20th century.

Photo from public sources

Thus, modern red *áo dài* began to be used as a wedding attire - both male and female, which fully corresponds to the ideas that dominated in the area of Chinese culture for many centuries, namely the concept of five colors - Chinese *wuse* within the framework of the theory of *wuxing*, the model of the five primary elements [Kravtsova 2004: 365]. This philosophical concept was borrowed by the Vietnamese during the period of Chinese dependence (I–X centuries), but it concerned only the imperial court and the elite, the common people culture seemed to perceive the philosophy of *wuxing* indirectly and haphazardly.

Each of the elements of the *wuxing* classification is presented as something inextricably linked to the other components (cardinal direction – sacred animal – time of year – color, etc.), i.e. the “elements” can be seen as a set of certain first principles, by “resonating” with which the elements of “the same kind” are organized.

Behind each of the five *wuse* colors is a whole chromatic series, for which it is generic. Many colors in the Chinese symbolic system do not coincide with those that Europeans mean by their translated equivalents.

The red color (ancestric) Chinese *hóng*, Hanviet *hồng* is associated with festive attributes, especially with wedding ceremonies, feminine origin, fertility cult, semantics of the concept “beauty” of the primary elements [Ibid.: 366]. Another color of this chromatic series Chinese *chì*, Hanviet *xích*, Viet. *đỏ* has such equivalents as “red”, “scarlet”, “reddish”, “brown” depending on the context. The

lexeme *chì* in Chinese often replaces *hóng*, which accordingly influenced the peculiarities of the use of the lexemes *hồng* and *đỏ* in Vietnamese. The color *chì* is included in the five colors of the *wuse* theory and is symbolically associated with the South, the sun, masculinity, good luck, joy, therefore red clothes, headdresses, shoes, and jewelry are considered by the Chinese and Vietnamese as markers of exceptional events and wishes of happiness (Fig. 2).

In modern Vietnamese, both lexemes, *hồng* and *đỏ*, are used in relation to wedding attire [Đoàn Thị Tình 2006: 153–154].

Chinese *huáng*, Hanviet *hoàng*, Viet. *vàng* - yellow (also golden) is associated with the symbols of the Center, land, emperor, and the idea of statehood [Kravtsova 2004: 165-166]. In Vietnamese the lexeme *hoàng* is more often used as an indicator of belonging to the imperial family or to denote various imperial attributes, rather than as an independent color definition, for example: *hoàng ân* – “imperial grace”, *hoàng cô* – “princess”, *hoàng bào* – “imperial clothes”, etc. [Glebova, Sokolov 2008: 290–291].



Fig. 2. *Áo dài* wedding costumes, *Khan dong* turbans. North Vietnam, early XXI century.

Photo from public sources

The symbolic meaning of yellow color as an imperial color can be traced in ancient mythological traditions and, first of all, is connected with the mythical emperor-demiurge Huangdi, who ascended to Heaven on a yellow (golden) dragon at the end of his life. The yellow dragon in Chinese *Huáng lóng* apparently combined the features of a sacred animal (ancestor and totem of the Chinese) and Emperor Huangdi himself, becoming a kind of symbolic quintessence of the idea of supreme power.

Following the Chinese emperors, Vietnamese rulers also began to wear robes with images of yellow dragons (*rồng vàng*) [Trần Quang Đức 2013: 34–35]. The Vietnamese monarchs used *long bào* (lit. “dragon clothes”), almost entirely similar to the Chinese *lóng pào*, as ceremonial attire until the overthrow of the monarchy in 1945.

The law forbade persons not belonging to the imperial family to wear yellow clothes. This regulation also applied to the shades belonging to the chromatic line, for which this color is generic. The earliest document known to historians concerning this issue dates back to 1182. Emperor Ly Cao Tong (1173-1210) “forbade all people to wear yellow clothes” [cited in Trần Quang Đức 2013: 42]. The frequency with which this supreme command had to be “renewed” suggests that the Vietnamese people did not have the same reverence for yellow as the Han Chinese and the imperial court of Dai Viet (1054–1400, 1428–1804), which sought to surround itself with sacred symbols of power that were fashioned in the image and likeness of China. Vietnamese medieval chronicle *Đại Việt sử ký toàn thư* (“The Complete Historical Records of Dai Viet”) contains a number of records dedicated to imperial decrees on the regulation of color symbolism. In 1448, Emperor Le Nhan Tong “issued the highest command to the Ministry of Ceremonies to reissue a ban on the wearing of yellow clothes, because the commoners' love for luxury had exceeded all imaginable limits” [Ibid.] In 1916 the Emperor Khải Định (1885–1925) also worried about the problem of his subjects not respecting the symbolism of color in clothing: “In the days when I was a prince, I was to observe how many commoners dared to wear yellow clothes, and this is a violation of the law. I therefore grant the highest imperial authority to the Thua Thien Office (Huế City, Capital District Office. – Yu. M.) to distribute a decree that from now on prohibits the common people from wearing yellow clothes as well as clothes in colors and shades similar to yellow, so that a proper separation is maintained” [Đổng Khánh 2010: 431].

The commoners who had the opportunity to make yellow clothes due to their wealth did so despite the official regulations. The neglect with which the Vietnamese regarded the imperial decrees forbidding the wearing of yellow clothes speaks volumes. Apparently, even the dependence on the northern dynasties, which lasted for nearly a millennium, could not instill in the common people a respectful attitude toward the Han-style clothing regulations. Those elements of the symbolic model of color in clothing, which were associated with the northern occupation and forcibly imposed from above as part of the ritual, were perceived as foreign even hundreds of years after the beginning of Chinese dependence. Yellow has also been associated with wealth, luck and good omens and has always been a favorite color of the nobility and common people. In the 19th century, well-to-do townswomen wore *áo giao lĩnh* (a traditional shoulder-length t-shirt with long sleeves and a wide collar) and *áo dài* suits in yellow, pale yellow, and lemon colors, despite the fact that by this time yellow garments had been used by the imperial family for many centuries [Cung Dương Hằng 2009: 36].

Black color – Chinese *hēi*, Hanviet *hắc*, Viet. *đen* - in accordance with the symbolic base of the five elements is associated with the North, the sacred black turtle, learning, education, intellectual achievements. If we talk about the concept of Yin-Yang, black is associated with the idea of something hidden, implicit, changeable [Kravtsova 2004: 368].

Black and navy-blue colors were widely used in the costume of Vietnamese Confucian scholars. However, black in the context of traditional Vietnamese clothing also existed irrespective of the concept of *wuxing*. Along with brown it was one of the most common colors for both women's and men's clothing. The dyes used to achieve the black or dark-gray hue of the fabric were cheap and easy to obtain, dark clothes were not staining and, according to some Vietnamese costume researchers, were pleasing to the common man's eye because they reminded of the fertile land [Cung Dương Hằng 2009: 37–38].

In the framework of the *wuxing* theory, the colors of the blue-green scale are associated with the East and acquire appropriate symbolic interpretations. The colors of this chromatic series are associated with vegetation, revival of life, spring, youth, auspicious beginnings, the element of water and femininity.

The character *qīng*, Hanviet *thanh*, Viet. *xanh*, and Viet. *lam* appear to have been originally interpreted as green, the color of tree leaves, but it can be used to denote a variety of shades of green and blue spectrum [Hán Việt từ điển 2004–2015: 12.01.2020]. In Vietnamese, the *thanh* element is a part of several semantically similar bilingual sinicisms. Blue-green became a synonym of youth, innocence, purity: *thanh niên* – “youth”, *thanh xuân* – “youthful”, “innocent”, “young”, *thanh thủy* – “transparent water” [Glebova, Sokolov 2008: 610].

As the green color represents femininity, any combinations of green and red (a symbol of courtship, entering the age of marriage and wedding festivities) have erotic symbolism. Particularly often within the poetic tradition, the image of a young and desirable girl is created through descriptions of red sunbeams gliding over green water, and red flower buds among green foliage. These images can be seen in a quatrain by the Vietnamese poet Ngo Ban Phu.

Hibiscus

The lantern glows among the green leaves,
His soul is full of ancient meekness.
The flower petal is precisely non-tilted,
A gentle blush is its depth [Ngô Bản Phủ 2017: 94].

The blue-green scale is the most complex from a coloristic point of view as it embraces the entire spectrum of greens and blues as well as partially grey and black. In Vietnamese it is not possible to understand without context and clarification what shade is being referred to, so one often finds such frequent explanations as “tree foliage” (*lá cây*), “sky cover” (*da trời*) etc. following directly after the lexeme by which the color is designated. One more reference color of this chromatic series – Chinese. *lǜ*, Hanviet *lục*, Viet. *xanh* or *xanh biếc* – green, turquoise, bluish, most often used to denote the color of different vegetation, sea water, sky [Kravtsova 2004: 367].

The clothes of *lục* and *thanh* colors have been widely used in Vietnam since ancient times by both nobles and commoners. During the Later Ly dynasty (1009–1225), i.e., the period of active domestic political reforms that followed the final expulsion of the troops of the Song Empire from Vietnamese territories (938) and the long struggle for the unification of the country, much attention was paid to the ordering of imperial and official attributes [Trần Quang Đức 2013: 49–52]. The main principles of dress regulation were established and further developed at that time, which subsequently came to be considered traditional and lasted until the middle of the twentieth century.

In the times of the Revival Le dynasty (1533–1788) blue-green clothes were worn by officials of the sixth, seventh ranks and city officials (only the rank stripes were distinguished), blue and black suits were worn by county officials as well as officials of the ninth rank [Ibid: 49–52]. In the era of subsequent dynasties, a similar correspondence between the rank and color of clothing was observed.

The common people also liked clothes in blue, blue, and green shades. It is known that both men and women during the Later Li dynasty liked to wear robes with wide sleeves of *lục* color. A green belt and stripes of green cloth were a must in many village costumes, including the *áo tứ thân* costume.

In the beginning of the 20th century Vietnamese women wore soft blue dresses of *áo giao lân* and *áo dài* taking turns with dresses of contrasting colors one on the other. Dresses of the green leaf color are very rarely worn by the Vietnamese for purely aesthetic reasons as the bright green color “makes the face yellow” and gives a visually darker tone to the skin which is considered undesirable.

The white color – Chinese *bái*, Hanviet. *bach*, Vietnamese *trắng* - according to the *wuxing* model is associated with the symbolism of the West, autumn as a time of decline and extinction, the sacred animal white tiger and the element of metal. White is often interpreted as the color of mourning, grief, bad omens associated with near death or disaster, but this understanding of the symbolism of *bái*, even within the *wuxing* can not be considered exhaustive. The autumn was associated by the Chinese with the white grains of rice, a corresponding interpretation is given by the text of the ancient Chinese dictionary Erya: “Autumn is the white baize” [quoted from: Sychev, Sychev 1975: 22]. At the same time, the West, associated with the white color, more precisely the color of the moon *Yuè bài*, is not only the place where the sun sets, “dies”, but also the Land of the Dead, where the souls of the deceased go.

There is an opinion that white was adopted as a mourning color because since olden times, as a sign of mourning for the deceased, they wore clothes of coarse, unpainted cloth, which symbolized asceticism and abstinence from worldly goods. It seems that here we should speak of white as the absence of color as such.

In Vietnam the custom of wearing white clothes during funerals and mourning has been known at least since the Later Ly dynasty (1009–1225) [Đoàn Thị Tình 2006: 158]. At different times and for each occasion, whether it was a funeral ceremony, a commemoration ceremony of the first year and subsequent years, there were different types of costumes, but all of them were sewn from coarse colorless fabric. Nowadays, mourning clothes include a cloak with a hood of translucent gauze, which is worn over a black cloth (usually Western style), and a piece of white thick cloth about 30 cm wide and more than 1 m long, which is wrapped around the head in the manner of a turban.

Ornaments and images of sacred animals

Even though the modernized *áo dài* was a fertile ground for experiments of modern fashion designers from the very beginning, this costume was also one of the ways to preserve the traditional aesthetics of the national clothing ornamentation. The tunic (especially women's tunic) is often decorated with ancient Vietnamese ornaments, patterns, and images of sacred animals.

Of the eight sacred animals bát vật revered by the Vietnamese (dragon, unicorn, turtle, phoenix, carp, bat, crane, tiger) the dragon seems to be depicted on the *áo dài* tunic more often than others, both male and female [Nguyễn Văn Ký 2004: 27–28]. The dragon, a symbol of power, prosperity and well-being, pairs with the phoenix, which is interpreted as an expression of the concept of Yin - Yang. On a female *áo dài* one can often see images of a crane (in different interpretations - a heron, a stork) – a symbol of peace, happiness, and good omens, and on a male (which is also typical for Chinese costumes) - an ornament in the form of the hieroglyph “longevity” inscribed in one or several circles [Sychev, Sychev 1975: 77]. Often this sign is placed in a looped pattern woven of five images of bats, which are also associated with the wish of happiness.

The most ancient ornamentation that can be found on the *áo dài* tunic is the images of the discs of Dong Son drums, ritual objects of the Bronze Age (1st millennium B.C.). The disk of a cult drum was a concentric model of the Universe with the sun-star in the center, the world of the dead,

the world of the living, the world of people and animals, where images fixed the cult, relations between community members, ways of economy and objects of worship [Deopik 1994: 3132]. The drum-shaped drawing, as a rule, consists of stylized images of two or three disks, arranged vertically and covers the tunic from the waistline to the end of the front floor.

Changes within the symbolic clothing color model

The most important changes that affected the symbolic model of the color of the *áo dài* costume were related to the ways of demonstrating wealth and social status, which underwent drastic changes in the first decades of the 20th century. Along with the quality of fabric and decoration, the most important marker of social status and an indicator of material well-being was the number of suits worn at a time, especially when it came to women's clothing. The degree of social activity and involvement of Vietnamese women in the economic life of the country in the 18th.-19th. centuries was quite high. The woman's duties included going to the market, meeting guests, taking care of relatives, maintaining good neighborly relations, preparing religious and family celebrations and many other things that implied frequent appearances in public. A woman's attire was seen as a material expression of her father's, husband's or son's wealth and social status (Fig. 3).



Fig. 3. Women from a wealthy family in *áo dài* costumes. North Vietnam, 1910–1920.

Photo from public sources

While the Vietnamese Catholic priest Philippe Binh (1759–1832) described that poor peasants could hardly provide themselves with at least one set of clothes [Binh 1968 : 34], the wealthy wore several tunics (or robes) - one over the other. Prosperous Vietnamese women of the 19th and early 20th centuries wore three, seven or nine *áo dài* tunics at a time. Young girls more often wore top suits of light shades (cream, blue, pink), while married older women wore tunics of dark colors – brown, black, purple [Cung Dương Hằng 2009: 36]. The lower tunics were usually bright, contrasting shades: light yellow (Viet. *mỡ gà*), rich pink (the color of lotus petals, Viet. *cánh sen*), lemon (Viet. *vàng chanh*), blue, azure (Viet. *hồ thủy*), etc. The bottoms of the tunics were only visible during movement, which created the effect of color overflow, besides, the row of buttons from the collar to the armpit were often left unbuttoned to show the shades and textures of the undergarments. In the first decades

of the twentieth century this custom began to gradually disappear, which was due to the fall in fabric prices. By the middle of the 20th century the layered clothing as an indicator of wealth and social status had completely lost its relevance.

The abolition of state laws regulating the use of various costumes for different estates also played a role in the perception of traditional color symbolism. After the abdication of Emperor Bao Dai and the abolition of the monarchy in 1945, the imperial clothing regulations lost their official force and, notably, were quickly forgotten, as they mainly concerned the officialdom. Wealthy people who had previously disobeyed the law forbidding the wearing of yellow suits could now do so without violating the will of the governor.

However, the main reason for the changes in the interpretation of color symbolism in clothing was the familiarity of Vietnamese with the European costume and their gradual perception of various elements of the Western fashion industry. The well-to-do Vietnamese townswomen of the early 20th century imitated French women and then some generalized image of a modern European woman.

White has undoubtedly undergone the most dramatic changes in the context of application and, consequently, in terms of meaning in the twentieth century. In the 20s of the 20th century, the white *áo dài* with a semi-fitted cut started to be used in a fundamentally new way - it was chosen as the uniform for many women's educational institutions after the practice was introduced at the Dong Khanh Girls' High School in Hue City, which opened in 1917 [Lê Quang Kết 2015: 14.01.2020]. The white color of the dress became associated with innocence, youthfulness, neatness, and discipleship. Unlike dark-colored suits, so popular among peasants, white *áo dài* required special neatness in handling and became a kind of “behavioral report card” (Fig. 4).



Fig. 4. A girl in a modern *áo dài* costume. North Vietnam, early XXI century.

Photo from public sources

In the mid-50s brides in North Vietnam, following the European fashion, began to wear white *áo dài* at the wedding ceremonies [Đoàn Thị Tình 2006: 155–156]. The bride's wedding costume most often consisted of a tunic of fitted white, cream, or soft pink color, white straight cut trousers

and white high-heeled shoes. The hair was styled in the European manner: it was curled in small curls, fastened with barrettes, or left loose, which was considered unacceptable a few decades ago [Nguyễn Văn Ký 2004: 27–28].

In the South, the fashion for white wedding dresses for girls and Western-style suits for men came at least a decade earlier. In the early 1980s, Southern women first wore white Europeanized dresses with puffed skirts and veils. The mentality of southerners who gravitated toward foreign fashion (and foreign novelties in general) contributed to the rapid assimilation of material culture elements that were foreign to Vietnamese culture [Cung Dương Hằng 2009: 39–40].

In the early twenty-first century, women's costumes, which occupy some intermediate position between the traditional *áo dài* costume and the European white wedding dress, began to be used in wedding ceremonies. Such a costume, as a rule, preserves the characteristic features of the cut of both parts of the costume - wide trousers and tunic - but the sleeves and collar are often subject to significant changes. In addition, a veil may be used together with the white *áo dài* [[Xu hướng] áo dài cưới: 14.01.2020].

The perception of white as the color of wedding attire is firmly entrenched among young people in the big cities of Vietnam – Hanoi, Ho Chi Minh City, Hai Phong, Da Nang and Nha Trang. The fact that the white color appears in the wedding ceremony exactly in the context of national, not European costume, deserves special attention. The assimilation of elements of a foreign culture in this case occurs through its incorporation into something familiar, which society interprets as traditional, indigenous Vietnamese. It is not uncommon for the bride and groom to appear before the family and guests in two outfits - both in Western costumes and wedding *áo dài* traditionally red or deep pink.

By the end of the 20th century in Vietnam there were universal notions about the color of a costume's *áo dài* according to the sphere of using the costume, age, and gender of the owner. It is believed that girls 14-18 years old are best suited for suits in delicate pastel shades. Girls and unmarried maidens up to 25–27 years prefer bright colors and ornaments. Women over 50 years of age appear on holidays and official events in velvet tunics of purple, black, brown, decorated with embroidery and applique [Những mẫu áo dài: 12.01.2020].

At the turn of the XX-XXI centuries *áo dài* began to be actively used as a uniform of service sector workers - waitresses, hotel personnel, tourist guides. As a rule, they are monochrome suits of blue, lemon-yellow, pink color without decoration and ornamentation.

It is safe to say that as a living and organically functioning element of material culture, *áo dài* continues to evolve; its symbolic model of color, which is closely linked to the features of decoration, undergoes continuous changes.

References

- An Yuying, Yang Lin (2005). *Zhongguo minjian fushi yishu 2005* [The art of Chinese national costume and décor]. Beijing: China Light Industry Press. (In Chinese)
- Bình Ph. (1968). *Sách sổ sang chép các việc* [A book of various matters]. Đà-lạt: Viện đại học Đà-lạt.
- Cung Dương Hằng (2009). Chiếc áo dài của phụ nữ Việt Nam – từ truyền thống đến hiện đại [Vietnamese women's ao dai – from traditional era till nowadays]. *Tap chí Văn hóa dân gian*, 4: 36–38.
- Deopik D.V. (1994). *Istoriia V'etnama* [History of Vietnam]. Part.1. M.: MGU. (In Russian)
- Đoàn Thị Tình (2006). *Trang Phục Việt Nam (Dân tộc Việt)* [Vietnamese clothing (Viet People)], xb lần thứ 2 có bổ sung. Hà Nội: Mỹ Thuật.

Đoàn Thị Tình (2010). *Trang phục Thăng Long – Hà Nội [Costume Thang Long – Hanoi]*. Hà Nội: Nxb. Hà Nội.

Đồng Khánh, *Khải Định chính yếu [The main chronicles of Dong Khanh, Khai Dinh era]* / Nguyễn Văn Nguyên dịch. Hà Nội: Thời Đại, 2010.

Elmore M. (1997). Ao Dai Enjoys A Renaissance Among Women: In Vietnam, A Return to Femininity. *New York Times*, September 17. URL: <http://www.nytimes.com/1997/09/17/news/17iht-saodai.t.html>

Finnane A. (2008). *Changing Clothes in China: Fashion, History, Nation*. New York: Columbia University Press.

Gao Chunming (2009). *Zhongguo lidai fushi yishu [History of Chinese costume and decoration]*. Beijing: China Youth Publishing House. (In Chinese)

Glebova I.I., Sokolov A.A. (2008). *Từ điển Việt – Nga [Vietnamese-Russian dictionary]*. Hà Nội: Thế giới.

Guillemot F., Larcher-Goscha A. (2014). *La colonisation des corps. De l'Indochine au Vietnam [Colonization of bodies. From Indochina to Vietnam]*. Paris: Editions Vendémiaire, coll. Chroniques.

Hán Việt từ điển [Han Viet dictionary] [Thiều Chửu (2009). Hán Việt tự điển. HN: Văn hóa thông tin; Trần Văn Chánh (1999). Từ điển Hán Việt. TP Hồ Chí Minh: Trẻ; Nguyễn Quốc Hùng (1975). Hán Việt tân từ điển. Sài Gòn: Khai Trí]. Retrieved on 12.01.2020 from URL: <http://hvdic.thivien.net/>

Howard M.C. (2016). *Textiles and Clothing of Việt Nam: A History*. Jefferson, North Carolina: McFarland & Company.

Ivanova E.V. (2002). *Odezhda i ukrasheniya narodov Jugo-Vostochnoj Azii. Opyt sravnitel'no-tipologicheskogo issledovaniya [Clothing and adornments of the peoples of Southeast Asia. The experience of a comparative typological study]*. SPb.: MAE RAS. (In Russian)

Kravtsova M.E. (2004). *Mirovaia khudozhestvennaya kul'tura. Istoriia iskusstva Kitaia [World Art. The history of art in China]*. SPb.: Lan'; Triada. (In Russian)

Kravtsova M.E. (2011). *Istoriia kul'tury Kitaia [The history of the culture of China]*. SPb.: Planeta muzyki; Lan'. (In Russian)

Lê Quang Kết (2015). Đồng Khánh ngày xưa... [Đồng Khánh Of Old Days]. *Tạp chí Sông Hương*, July 17. URL: <http://www.tapchisonghuong.com.vn/hue/p0/c107/n20291/Dong-Khanh-ngay-xua.html>.

Leshkowich A.M. (2003). The Ao Dai Goes Global: How International Influences and Female Entrepreneurs Have Shaped Vietnam's National Costume, in: *Re-Orienting Fashion: The Globalization of Asian Dress*, ed. by Niessen S., Leshkowich A.M., Jones C. Oxford and New York: Berg. P. 79–115.

Minina Iu.D. (2016). Sfera ispol'zovaniia traditsionnogo v'etnamskogo kostiuma v kontse XX – nachale XXI v. [The sphere of using traditional Vietnamese costume in the late XX – early XXI century]. *Jugo-Vostochnaia Aziia: aktual'nye problemy razvitiia*. M.: IOS, 30: 175–187. (In Russian)

Muhlinov A.I. (1977). Odezhda narodov V'etnama i Laosa [Clothes of the peoples of Vietnam and Laos, in: *Odezhda narodov Zarubezhnoj Azii [Clothes of the peoples of Asia Abroad]*. Vol. XXIII. M: Nauka. P. 80–110. (In Russian)

Ngo Van Phu (2017). *Oblaka i khlopok. Izbrannaya poeziya [Clouds and cotton. Selected poetry]*. Translated by Iu.D. Minina. SPb.: Giperion.

Nguyễn Văn Ký (2004). Cắt tóc ngắn [Short hairstyles]. *Tạp chí Xưa và nay*, 157, 158 (1, 2): 27–28.

Nhi T. Lieu (2000). Remembering the Nation Through Pageantry: Femininity and the Politics of Vietnamese Womanhood in the Hoa Hào Ao Dai Contest. *Frontiers* 21, 1/2: 127–151.

Những mẫu áo dài cho người lớn tuổi sang trọng quý phái [Luxurious ao dai models for the elderly]. *Cho thuê áo dài*, 2021. Retrieved on 12.05.2021 from URL: <http://chothueaodai.com.vn/nhung-mau-ao-dai-cho-nguoi-lon-tuoi-sang-trong-quy-phai>.

Nikulin N.I. (2006). K probleme znakovosti kul'tur: v'etnamskij i evropejskij kostjomy v svete predstavlenij XVIII – nachala XIX v. [On the problem of cultural significance: Vietnamese and European

costumes in the light of representations of the 18th - early 19th centuries], in: *Slovo i mudrost' Vostoka: literatura, fol'klor, kul'tura: k 60-letiju akad. A. B. Kudelina* [Word and wisdom of the East: literature, folklore, culture: to the 60th anniversary of Acad. A. B. Kudelin]. M.: Nauka. P. 388–400. (In Russian)

Phạm Thảo Nguyên (2018). *Áo dài Lemur và bối cảnh phong hóa & ngày nay* [Lemur's ao dai: traditional and modern aspects]. TP Hồ Chí Minh: Công ty TNHH Văn hoá Khai Tâm.

Priest A., Simmons P. (1934). *Chinese textiles: an introduction to the study of their history, sources, technique, symbolism, and use*. New York: The Metropolitan Museum of Art.

Steele V., Major J.S. (1999). *China Chic: East Meets West*. New Haven and London: Yale University Press.

Su Rina (2008). *Shaoshu minzu fushi* [Clothing and decor of the national minorities]. Beijing: China Social Sciences Publishing House. (In Chinese)

Sychev L.P., Sychev V.L. (1975). *Kitaiskii kostium. Simvolika. Istoriia. Traktovka v literature i iskusstve* [Chinese costume. Symbolism. Story. Interpretation in literature and art]. M.: Vostochnaia literatura. (In Russian)

Trần Quang Đức (2013). *Ngàn năm áo mũ* [One thousand years of clothing and headdresses history]. Hà Nội: Thế giới; Công ty Văn hóa và Truyền thông Nhã Nam và tác giả Trần Quang Đức.

Trịnh Quang Vũ (2011). *Trang phục triều Lê – Trịnh* [Clothing during the Le –Trinh dynasties]. Hà Nội: NXB Từ điển bách khoa,.

Trịnh Quang Vũ. (2007). *Lịch sử trang phục các triều đại phong kiến Việt Nam* [History of clothing during the era of the feudal dynasties in Vietnam]. Hà Nội: NXB Văn hóa thông tin.

[Xu hướng] áo dài cưới cô dâu chú rể đẹp sang trọng nhất 2020 [The most luxurious and trendy ao dai dresses in 2020]. *Ngôi Sao Wedding*. Retrieved on 14.01.2020 from URL: <https://ngoisaowedding.com/ao-dai-cuoi-2881>

Author:

Minina Iuliia D., Lecturer, Institute for Oriental and Classical Studies, HSE University, Moscow. ORCID: 0000-0002-3737-9478. E-mail: yminina@hse.ru

Article history:

Received: May 25, 2021

Received in revised form: November 5, 2021

Accepted: December 16, 2021

ФИЛОЛОГИЯ

DOI: 10.54631/VS.2021.54-131-147

ВОСПРИЯТИЕ ТВОРЧЕСТВА И.А. БУНИНА ВО ВЬЕТНАМЕ

До Тхи Хыонг

Аннотация. Иван Бунин – первый русский писатель, ставший лауреатом Нобелевской премии по литературе. Однако знакомство вьетнамского читателя с ним состоялось довольно поздно: впервые рассказы признанного мастера слова были переведены на вьетнамский язык лишь в 1987 г. Следовательно, по сравнению с другими русскими классиками история восприятия творчества Бунина во Вьетнаме не столь продолжительна. Его произведения по-прежнему малоизвестны широкой публике, но вместе с тем за прошедшие годы писателю удалось завоевать признание у «элитарного» вьетнамского читателя. В данной статье исследуются особенности восприятия творчества Ивана Бунина (в основном его рассказов) этой категорией читателей, начиная с момента публикации его рассказов на вьетнамском языке и до настоящего времени (2019). Основой для анализа послужили статьи и исследования, посвящённые творчеству писателя, в том числе дипломные работы и магистерские диссертации студентов высших учебных заведений, а также переводы произведений Бунина на вьетнамский язык.

Ключевые слова: Иван Бунин, Нобелевская премия, Вьетнам, русская литература, «элитарный» читатель.

Для цитирования: До Тхи Хыонг. Восприятие творчества И.А. Бунина во Вьетнаме // Вьетнамские исследования. 2021. Т. 5. № 4. С. 131–147.

Введение

Имя известного русского писателя Ивана Бунина несколько раз появлялось на страницах вьетнамских газет и журналов ещё до выхода его рассказов на вьетнамском языке. Так, в статье «Крупные фигуры и Нобелевская премия по литературе в 1901–1965 гг.», опубликованной в сайгонском журнале «Литература» № 50 от 15 ноября 1965 г. [Những khuôn mặt lớn 1965], Иван Бунин впервые упоминался как мастер слова, удостоившийся Нобелевской премии по литературе в 1933 г. Наиболее полный за последние годы обзор жизни и творчества писателя, в частности лет, проведённых в эмиграции, был сделан в статье «Кто распоряжается судьбой литературного наследия Бунина?» До Куйен, вышедшей в популярном в широких читательских кругах журнале «Литература и искусство» № 13 от 31 марта 2001 г. [Đỗ Quỳên 2001]. Особое внимание в исследовании уделялось поздним произведениям писателя. Годом позже в № 12 этого журнала от 23 марта 2002 г. была опубликована весьма содержательная статья П. Халльстрёма «Иван Бунин, лауреат Нобелевской премии 1933 г. из России» (в переводе Тан Дона и Чан Вьет Хунга) [Hallström 2002], впоследствии перепечатанная в книге «Русские писатели – Нобелевские лауреаты»

[Đoàn Tử Huyền 2006]. Автором данной статьи была дана обоснованная оценка идеологического содержания, художественного своеобразия и значения рассказов Бунина в частности и его творчества в целом.

Переводы произведений Бунина на вьетнамский язык

Впервые с произведениями Ивана Бунина вьетнамский читатель познакомился в переводах Ха Нгока в 1987 г. [Bunin 1987]. Вышедший тогда сборник рассказов был переиздан в 2013 г. под названием «Тёмные аллеи» [Bunin 2013]. Год спустя после публикации первого сборника писателя Фан Хонг Зянг перевёл еще несколько его рассказов, опубликовав их в сборнике «Ли́ка» [Bunin 1988]. Данный сборник был переиздан в 2006 г. под другим названием – «Лёгкое дыхание» [Bunin 2006]. В 2002 г. во Вьетнаме вышло довольно объёмное собрание избранных сочинений Ивана Бунина, в которое вошли как стихи, так и рассказы (в том числе переведённые Ха Нгоком и Фан Хонг Зянгом) [Bunin 2002] (рис. 1). В последующие годы не переведённые ранее рассказы писателя издавались в журнале «Иностранная литература» [Bunin 2003; 2011a] и публиковались в Интернете в переводах Нгуен Тхи Ким Хиен [Bunin 2003; 2011b]. Несколько лет назад в сборнике «Грамматика любви. Избранные рассказы русских писателей XX–XXI вв.» (2017) было опубликовано еще одно блестящее произведение Бунина «Грамматика любви» в переводе Дао Туан Ань [Đào Tuấn Anh 2017]. На данный момент на вьетнамский язык переведено 34 рассказа писателя (см. Приложение). Это довольно скромная цифра, принимая во внимание тот факт, что в 13-томное полное собрание сочинений И.А. Бунина на русском языке, изданное в 2006 г., вошло 188 рассказов, которые заняли в общей сложности шесть томов.

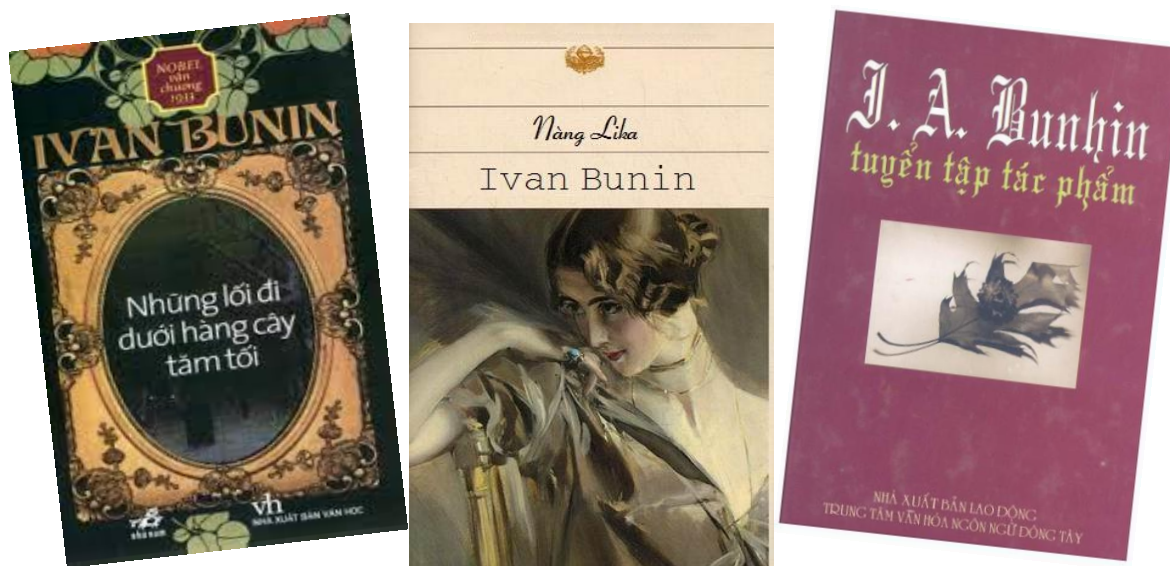


Рис. 1. Переводы произведений И.А. Бунина, изданные во Вьетнаме.

Фото из открытых источников

Изучение творчества Бунина во Вьетнаме

Несмотря на то что с момента первой публикации рассказов Ивана Бунина на вьетнамском языке прошло более 30 лет, творчество писателя во Вьетнаме изучено недостаточно глубоко. В СРВ в отличие от России и многих других стран не вышло ни одной монографии, посвящённой его художественному наследию. Исследовательские материалы о

Бунине в основном представлены краткими предисловиями к сборникам его рассказов и статьями вьетнамских авторов в литературных словарях и журналах, а также несколькими статьями зарубежных специалистов, переведёнными на вьетнамский язык. Весьма скудный обзор жизни и творчества писателя даётся и в учебниках по истории русской литературы для студентов вузов. Вероятно, причиной этого является «простота» и вместе с тем «невероятная глубина» его рассказов и стихотворений: «Для понимания произведений Бунина необходимо не только вдумчивое чтение, но и широкий кругозор, напряжение и умственных, и душевных сил, умение размышлять о России, о её прошлом, настоящем и будущем, о соотношении повседневной, “частной” жизни отдельного человека и масштабных исторических и общественных событий» [Bunin 2013: 7]. В специальном выпуске журнала «Иностранная литература», посвящённом 50-летию со дня смерти Ивана Бунина, в предисловии к разделу новеллистики и эссеистики переводчик Фам Куок Ка писал: «Величайший интеллект мыслителя-гуманиста и дар мастера слова слились в его литературном таланте, вызывая восхищение у многих великих писателей» [Bunin 2003: 5]. В этом, возможно, и состоит сложность изучения произведений Бунина для вьетнамских исследователей и литературоведов других стран.

Давая оценку творчеству писателя, многие специалисты прежде всего отмечали важную роль Ивана Бунина в развитии русской культуры и литературы Серебряного века: продолжая традиции Льва Толстого, Антона Чехова, он вместе с тем задал новые направления в развитии русского литературного творчества того времени.

В учебнике «История русской литературы» Бунин назван представителем русского критического реализма дореволюционного периода, чей «жизненный путь был гораздо труднее даже по сравнению с судьбой Куприна» [Đỗ Hồng Chung 2003: 483]. Во Введении к сборнику рассказов писателя переводчик Ха Нгок цитирует советского литературоведа О.Н. Михайлова, назвавшего творчество Бунина «целой главой в развитии русской литературы нашего столетия» [Bunin 2013: 7]. Вьетнамский исследователь Ву Конг Хао также писал: «Будет недопустимым упущением не упомянуть огромный вклад Ивана Бунина (1870–1953) как в русскую реалистическую литературу начала XX в., так и в мировую литературу в целом» [Vũ Công Hào 2008: 9]. В статье «О русской литературе после реформы», опубликованной в журнале «Литература» № 3/1995 в переводе Чан Ньо Тхина, А.Г. Соколов отмечал: «Бунинское творчество отличается высокой духовностью, оно впитало в себя квинтэссенцию Серебряного века <...> и дореволюционной литературы» [Socolov 1995: 24]. Рассуждая о роли писателя в русской литературе эмиграции, Глеб Струве назвал Ивана Бунина ее «главной гордостью», подчеркнув: «Смерть Бунина была воспринята символически как конец зарубежной литературы» [Struve 1995: 29]. Вьетнамский исследователь Фам Зя Лам в своей работе «Изменения художественного мышления в русской прозе конца XIX – начала XX в.» высказал мнение, согласно которому Бунин привнёс новый смелый опыт импрессионизма в реалистическую литературу, добавив в неё красок: «Бунин экспериментаторски объединяет реалистические традиции с новыми художественными методами и структурными принципами, близкими импрессионизму» [Phạm Gia Lâm 1997: 14]. В том же духе высказывался и литературовед До Хай Фонг в учебнике «Русская литература»: «Бунин начинал свой творческий путь с реализма в “чеховском стиле”, но к концу его пришел к направлению, близкому импрессионизму» [Đỗ Hải Phong 2015: 10-11]. Исследователь Ву Конг Хао также заметил: «Под влиянием интуитивизма Анри Бергсона произведения Бунина,

особенно в изгнании, представляют собой поток естественного и бесконечного сознания, воспроизводящего русские пейзажи и русских людей» [Vũ Công Hào 2008: 9].

Будучи одним из первых переводчиков Бунина во Вьетнаме, Фан Хонг Зянг безоговорочно включил писателя в число великих русских мастеров слова XIX–XX вв., чьи произведения входят в сокровищницу мировой литературы, наравне с Пушкиным, Лермонтовым, Достоевским, Толстым, Гоголем, Чеховым, Куприным и др. По его словам, Ивана Бунина можно считать «последним выдающимся типичным представителем русского классического реализма, принесшего в литературу вечные ценности красоты: красоты природы, души, словесного искусства и, прежде всего, человеческой жизни» [Bunin 2002: 5]. Ха Ван Лыонг в статье «Художественные особенности рассказов Ивана Бунина» [2011] также особо подчеркивал роль пейзажа в произведениях русского писателя, выделяя красоту изображения природы в качестве отличительной черты художественного стиля его психологических рассказов. Сравнивая Ивана Бунина с другими нобелевскими лауреатами по литературе, такими как Эрнест Хемингуэй и Гао Синцзянь, Дао Нгок Тьонг рассматривал его творчество сквозь призму мотива «возвращения». По его мнению, главными темами произведений писателя было возвращение на родину, возвращение к любви и возвращение в молодость в воспоминаниях, на основании чего исследователь утверждал: «В бунинских рассказах описания русской природы, русской деревни, а также русской души проникнуты мечтательными оттенками. Читая их, мы словно бы блуждаем на просторах сладостной грусти и внезапно осознаем, что находимся во сне – даже если события подаются абсолютно реалистично» [Đào Ngọc Chương 2010: 57].

Автором, являющимся почитателем русской литературы и Ивана Бунина, также написан ряд научных статей, в которых исследовались такие аспекты творчества писателя, как его чувственное восприятие, построение сюжета, персонажи и художественный стиль рассказов: «Эволюция повествования в рассказах Ивана Бунина «Господин из Сан-Франциско», «Антоновские яблоки» и «Солнечный удар» [2016b]; «Иван Бунин и русская литература Серебряного века» [2016a]; «Рассказы Ивана Бунина с культурной точки зрения» [2017]; «Место рассказов Ивана Бунина в русской новеллистике конца XIX – начала XX в.» [2018a]; «Женский персонаж в рассказах Ивана Бунина: нимфа или бунтарка?» [2018b]; «Лирическая тональность в рассказах Ивана Бунина» [2019].

Иван Бунин – художник слова

Таким образом, мы видим, что вьетнамским исследователям и переводчикам удалось оценить, сколь важное место Бунин занимает как в русской, так и в мировой литературе. При более пристальном взгляде на произведения писателя многие литературоведы делают весьма обоснованные выводы о лирическом характере бунинского повествования, придающем его рассказам уникальный узнаваемый стиль. Во Введении к сборнику рассказов И. А. Бунина Фан Хонг Зянг писал: «В очередной раз знакомя читателей с творчеством Ивана Бунина, мы выбрали для перевода рассказы, имеющие ярко выраженную лирическую тональность, можно сказать, что каждый из них – это история любви» [Bunin 2002: 11]. Ранее переводчик высказывался о «междисциплинарности» творчества писателя: «Впоследствии Бунин не стал музыкантом или художником, однако в его произведениях неизменно присутствуют визуальность – особый талант описывать пейзажи и создавать портреты – и музыкальность плавно текущей сладостной прозы, что делает его одним из немногих русских писателей,

добившихся высочайшего признания как художника слова» [Bunin 2002: 6]. В «Литературном словаре» (новое издание) исследовательница Дао Туан Ань также писала о «музыкальности» рассказов Бунина как об их отличительной черте: «К 90-м годам XIX в. стиль бунинской прозы уже оформился, её лаконичность достигалась с помощью музыкальности и ритма. Сам Бунин относился к прозе, в которой стремился достичь мелодичности и метафоричности, как к продолжению своего поэтического творчества» [Đỗ Đức Niều 2004: 172]. Разделяя точку зрения Дао Туан Ань и Фан Хонг Зянга, переводчик Ха Нгок считал, что «каждый его [Бунина] рассказ – это одновременно и проза, и поэзия» [Bunin 2013: 7].

Пожалуй, самые полные сведения об Иване Бунине содержит книга «Русские писатели – Нобелевские лауреаты», авторы которой отводят писателю-лауреату целую главу со следующими подразделами: «Биография», «Нобелевская речь и слова благодарности», «Произведения (самые известные рассказы)» и «Статья К. Паустовского об Иване Бунине». Особо стоит отметить достаточно полный список произведений Бунина, приводимый в этой книге, с указанием, какие из них были переведены на вьетнамский. Благодаря ему можно получить представление об истории восприятия творчества русского писателя во Вьетнаме. Сильное впечатление производит и речь Бунина, в которой он благодарит Шведскую академию за «прекрасный жест» – присуждение Нобелевской премии по литературе изгнаннику. А статья К. Паустовского об Иване Бунине позволяет составить исчерпывающее представление не только о духовном портрете писателя, но и о художественных особенностях и стиле бунинской прозы. Паустовский рассказывал о том, что прежде чем писать, Бунин должен был «найти звук»: «Как скоро я его нашёл, все остальное даётся само собой. <...> “Найти звук” – это найти ритм прозы и найти основное её звучание. Ибо проза обладает такой же внутренней мелодией, как стихи и как музыка» [Đoàn Tử Huyền 2006: 100]. Паустовскому очень точно удалось описать звуковое богатство бунинского языка: «Язык Бунина прост, почти скуп, чист и живописен. Но вместе с тем он необыкновенно богат в образном и звуковом отношениях – от кимвального пения до звона родниковой воды, от размеренной чеканности до интонаций удивительно нежных, от лёгкого напева до гремющих библейских проклятий, а от них – до меткого, разящего языка орловских крестьян...» [Ibid: 101].

Совсем недавно во Вьетнаме вышли две исследовательские работы о русской литературе XX в. и литературе эмиграции, достаточно полно освещающие творчество Ивана Бунина: учебник «Русская литература XX века» Ву Конг Хао и «Литература русской эмиграции: процесс, особенности и восприятие» Фам Зя Лама. Оба автора придают особое значение понятию «лиризма», выделяя его в качестве характерной черты, определяющей облик бунинских рассказов. Анализируя художественные особенности творчества Ивана Бунина, Ву Конг Хао отдельно рассматривает поэзию, рассказы о любви и роман писателя. В части, посвящённой рассказам о любви, исследователь утверждает: «Его рассказам свойственен простой сюжет, открытый неожиданный конец и неразрывное сочетание «“приземлённой повседневности” жизни и “трагической поэзии” русской души» [Vũ Công Hào 2015: 124]. Разбирая отдельные типичные произведения Бунина, Ву Конг Хао подчеркивает: «Донельзя реалистичные, рассказы тем не менее полны поэзии, лиризма высокой мысли и чувствительной души, которая любит жизнь, дорожит людьми и с трепетом замечает малейшие изменения в природе» [Vũ Công Hào 2015: 127].

«Литература русской эмиграции: процесс, особенности и восприятие» Фам Зя Лама [2015] – это действительно ценный исследовательский труд для почитателей Бунина и русской

литературы. В шестой главе, целиком посвящённой Ивану Бунину, автор утверждает, что отличительной особенностью художественного стиля его произведений является «философско-лирическая» окраска повествования. Исследователь выделяет два основных этапа творческой деятельности писателя, различающихся объектом философского лиризма: «философско-лирическое описание жизни русских людей в период до Октябрьской революции» и «философско-лирическое описание любви и ностальгии по России в период эмиграции». Каждый из этих подходов исследователь анализирует на основе наиболее типичных произведений двух этапов: 1) «Антоновские яблоки» (рассказ дооктябрьского периода) и 2) «Окаянные дни», «Роза Иерихона», «Митина любовь», «Жизнь Арсеньева», «Чистый понедельник», «Освобождение Толстого» (произведения послеоктябрьского периода).

В последние годы творчество Бунина стало темой дипломных работ и магистерских диссертаций во вьетнамских университетах. В качестве примера можно привести такие дипломные работы, как «Художественное время и пространство в рассказах Бунина» Дао Тхи Бить Тхюи [2005], «Психологизм в рассказах Ивана Бунина» До Тхи Тху Хыонг [2007], «Красота в рассказах Ивана Бунина» Бань Тхи Ле Хыонг [2009], «Любовь в рассказах Ивана Бунина» Нгуен Тхи Тхюи [2013], и следующие магистерские диссертации: «Импрессионизм в рассказах Ивана Бунина» Ха Хонг Нюнг [2005], «Символические модели в прозе Бунина» Данг Тху Хыонг [2008], «Описания в рассказах Ивана Бунина» До Тхи Тху Хыонг [2009], «Импрессионизм и женские персонажи в рассказах И.А. Бунина» Хоанг Тхи Ми [2009], «Живость описаний в рассказах Ивана Бунина в сравнении с соответствующим аспектом в рассказах Г.Г. Маркеса» Нгуен Тхи Ван Ань [2010], «Ностальгия в рассказах Ивана Бунина» Бань Тхи Ле Хыонг [2011], «Следы модернизма в прозе И. Бунина» Чан Тхи Нюнг [2014].

В вышеперечисленных дипломных работах и магистерских диссертациях упор главным образом делается на исследовании описаний (природы, предметов, персонажей) в рассказах Бунина. В диссертациях на тему импрессионизма, ностальгии и модернизма в произведениях писателя также большое внимание уделяется искусству описаний и живописности бунинской прозы. Написание данных исследовательских работ свидетельствует о силе воздействия творчества Ивана Бунина (если быть более точным, его рассказов) и его притягательности для вьетнамской молодёжи.

Заключение

Обзор существующих материалов об И. А. Бунине позволяет сделать следующий вывод: Иван Бунин – высокопочитаемый во всем мире писатель, о творчестве которого вышло множество узкоспециальных работ. Однако во Вьетнаме количество литературоведческих исследований, посвящённых признанному мастеру слова, невелико, несмотря на то что произведения Бунина переводились на вьетнамский язык с конца XX в. Первые шаги в восприятии «элитарной» вьетнамской читательской аудитории (студентов, переводчиков, исследователей) творчества русского писателя уже позволяют судить о его важном месте, роли и влиянии во Вьетнаме. По мнению автора, творчество И.А. Бунина близко вьетнамцам. Он гений, его произведения затрагивают общие проблемы человечества, но особенно ярко звучит в них тема любви к женщине и к Родине. Эти темы близки и вьетнамским читателям. Вьетнамцы сумели оценить в творчестве И.А. Бунина очарование русского пейзажа, мощь русской культуры и русского национального характера. Их привлекает мастерство писателя в

изображении глубины переживаний и чувственной стороны жизни. Творчество Бунина интересно вьетнамским читателям ещё и потому, что в нём присутствует влияние культуры Франции, где писатель провёл последние три десятка лет своей жизни. Вьетнамцам близка французская культура, поскольку эта страна оставила большой след в их истории. Поэтому работа по переводу, популяризации и исследованию художественного наследия Бунина в СРВ по-прежнему остаётся благодатной почвой, и для дальнейшего знакомства широких читательских масс с произведениями писателя необходимо больше увлечённых читателей и переводчиков.

Приложение

Рассказы И.А. Бунина, переведённые на вьетнамский язык:

1. «Антоновские яблоки» (*Những quả táo Antonov*)
2. «Мелитон» (*Meliton*)
3. «Маленький роман» (*Một truyện tình nhỏ*)
4. «Хорошая жизнь» (*Cuộc đời tươi đẹp*)
5. «Последнее свидание» (*Lần gặp gỡ cuối cùng*)
6. «Последний день» (*Ngày cuối cùng*)
7. «Худая трава» (*Cỏ gầy*)
8. «Чаша жизни» (*Chiếc cốc đời*)
9. «Сны Чанга» (*Những giấc mộng của Trang*)
10. «Господин из Сан-Франциско» (*Quý ông từ San Francisco đến*)
11. «Лапти» (*Đôi hài*)
12. «Книга» (*Sách*)
13. «Грамматика любви» (*Ngữ pháp tình yêu*)
14. «Легкое дыхание» (*Hơi thở nhẹ*)
15. «Сын» (*Đứa con trai*)
16. «В ночном море» (*Trên biển đêm khuya*)
17. «Солнечный удар» (*Say nắng*)
18. «Ида» (*Ida*)
19. «Темные аллеи» (*Những lối đi dưới hàng cây sẫm tối*)
20. «Кавказ» (*Kavkaz*)
21. «Поздний час» (*Canh khuya*)
22. «Россия» (*Russia*)
23. «Визитные карточки» (*Những tấm danh thiếp*)
24. «Таня» (*Tanhia*)
25. «В Париже» (*Ở Paris*)
26. «Галя Ганская» (*Galia Ganskaya*)
27. «Натали» (*Natali*)
28. «В одной знакомой улице» (*Ở một phố thân quen*)
29. «Холодная осень» (*Mùa thu lạnh*)
30. «Ворон» (*Côn quạ*)
31. «Качели» (*Chiếc đu*)
32. «Чистый понедельник» (*Ngày thứ Hai trong trắng*)
33. «Часовня» (*Nhà thờ*)
34. «Бернар» (*Bernard*)

Список литературы

- Bunin I. Nàng Lika [Бунин И. Лика]* / Phan Hồng Giang dịch và giới thiệu. H.: Nxb. Tác phẩm mới, Hội Nhà văn Việt Nam, 1988.
- Bunin I.A. Hơi thở nhẹ [Бунин И.А. Легкое дыхание]*. H.: Nxb. Hội Nhà văn, 2006.
- Bunin I.A. Những lối đi dưới hàng cây tăm tối [Бунин И.А. Темные аллеи]*. H.: Nxb. Văn học – Nhà Nam, 2013.
- Bunin I.A. Truyện ngắn [Бунин И.А. Рассказы]* / Nguyễn Thị Kim Hiền dịch. 2011b. URL: <http://vanhocnghethuatyenbai.gov.vn/tin-tuc/van-hoc-nuoc-ngoai/?UserKey=Chum-truyen-ngan-cua-nha-van-Nga-Ivan-Bunin-1870-1953-giai-Nobel-van-hoc-1933>
- Bunin I.A. Truyện ngắn [Бунин И.А. Рассказы]* // Tạp chí Văn học nước ngoài. 2003. Số 6. Tr. 5–111.
- Bunin I.A. Truyện ngắn [Бунин И.А. Рассказы]* // Tạp chí Văn học nước ngoài. 2011a. Số 10.
- Bunin I.A. Tuyển tập tác phẩm [Бунин И.А. Избранные сочинения]* / Phan Hồng Giang giới thiệu, Hà Ngọc, Phan Hồng Giang, Thái Bá Tân, Hữu Việt, Đoàn Tuấn dịch từ nguyên bản tiếng Nga. H.: Nxb. Lao động, 2002.
- Bunin I.A. Tuyển tập truyện ngắn [Бунин И.А. Избранные рассказы]* / Hà Ngọc dịch và giới thiệu. H.: Nxb. Văn học, 1987.
- Đào Ngọc Chương. Đề tài trở về trong truyện ngắn của Ivan Bunin, Ernest Hemingway và Cao Hành Kiện [Дào Ngọc Chương. Мотив возвращения в рассказах Ивана Бунина, Эрнеста Хемингуэя и Гао Синцзяня]* // Tạp chí Nghiên cứu Văn học. 2010. Số 1. Tr. 56–66.
- Đào Tuấn Ánh (tuyển chọn và giới thiệu). Ngữ pháp tình yêu. Tuyển truyện ngắn Nga chọn lọc thế kỷ XX–XXI [Дào Tuấn Ánh (составитель и автор предисловия). Грамматика любви. Сборник избранных русских рассказов XX–XXI вв.]*. Hồ Chí Minh: Nxb. Trẻ, 2017.
- Đỗ Đức Hiểu, Nguyễn Huệ Chi, Phùng Văn Tửu et al. (chủ biên). Từ điển văn học (bộ mới) [Литературный словарь (новое издание)]* / под. ред. До Дык Хъеу, Нгуен Хюе Ти, Фунг Ван Тыу и др.]. H.: Nxb. Thế giới, 2004.
- Đỗ Hải Phong. Giáo trình Văn học Nga [До Хай Фонг. Русская литература: учебник]*. H.: Nxb. Đại học Sư phạm Hà Nội, 2015.
- Đỗ Hồng Chung, Nguyễn Kim Định, Nguyễn Hải Hà et al. Lịch sử Văn học Nga [До Хонг Тюнг, Нгуен Ким Динь, Нгуен Хай Ха и др. История русской литературы]*. H.: Nxb. Giáo dục, 2003.
- Đỗ Quyên. Di cảo của nhà văn Bunin nằm trong tay ai [До Куиен. Кто распоряжается судьбой литературного наследия Бунина?]*. Tạp chí Văn nghệ. 2001. Số 13. Tr. 11.
- Đỗ Thị Hương. Cảm quan trữ tình trong truyện ngắn của Ivan Bunin [До Тхи Хыонг. Лирическая тональность в рассказах Ивана Бунина]* // Tạp chí Nghiên cứu Văn học. 2019. Số 1 (563). Tr. 77–91.
- Đỗ Thị Hương. Ivan Bunin trong văn học Nga Thế kỷ Bạc [До Тхи Хыонг. Иван Бунин и русская литература Серебряного века]* // Tạp chí Nghiên cứu Văn học. 2016a. Số 11 (537). Tr. 104–113.
- Đỗ Thị Hương. Nhận diện truyện ngắn Ivan Bunin trong truyện ngắn Nga cuối thế kỷ XIX đầu thế kỷ XX [До Тхи Хыонг. Место рассказов Ивана Бунина в русской новеллистике конца XIX - начала XX вв.]* // Tạp chí Lý luận, phê bình văn học, nghệ thuật. 2018a. Số 2. Tr. 111–118.
- Đỗ Thị Hương. Tiểu nữ thần hay nhân vật nữ nổi loạn trong truyện ngắn của Ivan Bunin [До Тхи Хыонг. Женский персонаж в рассказах Ивана Бунина: нимфа или бунтарка?]*. Tạp chí Văn hóa nghệ thuật. 2018b. Số 6 (408). Tr. 84–87.
- Đỗ Thị Hương. Truyện ngắn Ivan Bunin từ góc nhìn văn hóa [До Тхи Хыонг. Рассказы Ивана Бунина с точки зрения культуры]* // Tạp chí Văn nghệ quân đội. 2017. Số 7 (873). Tr.106–110.
- Đỗ Thị Hương. Từ Quý ông từ San Francisco đến Những quả táo Antonov và Say nắng nhìn về mô hình trần thuật trong truyện ngắn của Ivan Bunin [До Тхи Хыонг. Эволюция повествования в рассказах Ивана Бунина “Господин из Сан-Франциско”, “Антоновские яблоки” и “Солнечный удар”]* // Tạp chí Lý luận, phê bình văn học, nghệ thuật. 2016b. Số 2 (42). Tr. 84–92.

Đoàn Tử Huyền (chủ biên), *Nguyễn Thúy Hằng* (biên soạn). Các nhà văn Nga giải Nobel [Русские писатели, получившие Нобелевскую премию / До Тхи Хыонг ред., Нгуен Тхюи сост.]. Н.: Nxb. Lao động – Trung tâm Văn hóa Ngôn ngữ Đông Tây, 2006.

Hà Văn Lương. Một số đặc điểm của văn xuôi Ivan Bunhin [*Ха Ван Лыонг*. Художественные особенности рассказов Ивана Бунина] // Tạp chí Sông Hương. 2009. Số 185. URL: <http://tapchisonghuong.com.vn/tap-chi/c174/n3373/mot-so-dac-diem-cua-van-xuoi-ivan-bunhin.html>

Hallström P. Giới thiệu giải thưởng Nobel 1933: Ivan Bunin – Nga [*Халльстрём П.* Иван Бунин, лауреат Нобелевской премии 1933 г. из России] / Tân Đôn và Trần Việt Hùng dịch // Tạp chí Văn nghệ. 2002. Số 12. Tr. 14.

Những khuôn mặt lớn và giải thưởng văn chương Nobel 1901–1965 [Крупные фигуры и Нобелевская премия по литературе 1901–1965] // Tạp chí Văn học (Biên khảo – Văn hóa – Xã hội – Chính trị – Nghệ thuật). 1965. Số 50. Sài Gòn. Tr. 44–47.

Phạm Gia Lâm. Những chuyển biến của tư duy nghệ thuật trong văn xuôi Nga cuối thế kỷ XIX đầu thế kỷ XX [*Фам Зя Лам*. Изменение художественного мышления в русской прозе конца XIX - начала XX в.]. // Tạp chí Văn học. 1997. Số 11. Tr. 13–16.

Phạm Gia Lâm. Văn học Nga hải ngoại: Quá trình – Đặc điểm – Tiếp nhận [*Фам Зя Лам*. Литература русской эмиграции: процесс, особенности и восприятие]. Н.: Nxb. Đại học Quốc gia Hà Nội, 2015.

Socolov A. Về nền văn học Nga sau cải tổ [*Соколов А.* О русской литературе после реформы] / Trần Nho Thìn dịch // Tạp chí Văn học. 1995. Số 3. Tr. 23–26.

Struve G. Văn học Nga ở hải ngoại [Русская литература зарубежья] // Tạp chí Văn học. 1995. No. 3. Tr. 29–31, 44 (Thùy Linh tổng thuật từ Văn học Nga trong sự ruồng bỏ của G.Struve, xuất bản lần thứ hai, Paris, 1984).

Vũ Công Hào. Giáo trình Văn học Nga thế kỷ XX [*Бу Конг Хао*. Русская литература XX в.: учебник]. Н.: Nxb. Đại học Quốc gia Hà Nội, 2015.

Vũ Công Hào. Ivan Bunin – Hành trình ra đi và trở về» [*Бу Конг Хао*. Иван Бунин – исход и возвращение] // Tạp chí Khoa học Đại học Sư phạm Hà Nội. 2008. Số 2. Tr. 9–16.

Автор:

До Тхи Хыонг, к. филол. н., н. с., Институт литературы, Вьетнамская академия общественных наук. E-mail: huongvhnnvvh@gmail.com.

Продвижение статьи:

Дата поступления: 24.06.2021

Дата поступления в переработанном виде: 17.11.2021

Принята к печати: 01.12.2021

THE PERCEPTION OF I.A. BUNIN'S WORK IN VIETNAM

Do Thi Huong

Abstract. Ivan Bunin was the first Russian writer, who won the Nobel Prize in literature. However, Vietnamese readers knew him rather late: it was in 1987 that stories by the famous master of artistic language were translated into Vietnamese for the first time. So, as compared with other Russian classics, the history of perception of Bunin's work in Vietnam is not very long. His works are still little-known to a broad readership, but at the same time, the writer managed to gain recognition by “elitist” Vietnamese reader. This article analyses the features of perception of Ivan Bunin's work (on the whole, his stories) in the “elitist” Vietnamese readership, from the time of publication of his stories in Vietnamese up to 2019. The basis of the analyses are articles and researches on the writer's work, including senior theses and master's theses by graduates of higher education institutes, as well as Bunin's works' translations into Vietnamese.

Keywords: Ivan Bunin, the Nobel Prize, Vietnam, Russian literature, elitist reader.

For citation: Do Thi Huong. (2021). The Perception of I.A. Bunin's Work in Vietnam. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 5 (4): 131–147.

Introduction

The name of Ivan Bunin, a famous Russian writer, several times had appeared on the pages of Vietnamese newspapers and magazines before his stories were published in Vietnamese. Thus, the article “Prominent Writers and the Nobel Prize in Literature in 1901 – 1965”, published in Saigon “Literature” magazine (No. 50, November 15, 1965) [Những khuôn mặt lớn 1965], Ivan Bunin was for the first time mentioned as a master of artistic language, who had been awarded the Nobel Prize in literature in 1933. The most complete recent survey of the writer's life and work, in particular, of his emigration period, is the article «Who Decides the Fate of Bunin's Literary Legacy?» by Do Quyen issued in “The Art” newspaper (No. 13, March 31, 2001), read by broad audience. [Đỗ Quyen 2001]. The research paid special attention to the latest works of the writer. A year later the same newspaper (#12, March 23, 2002) published an informative article “Ivan Bunin, the Nobel Laureate of 1933 from Russia” by P. Hallström (translated by Tan Don and Tran Viet Hung) [Hallström 2002], later re-printed in the book “The Russian Writers, Nobel Laureates” [Đoàn Tử Huyền 2006]. The author of the article gave a grounded assessment of the ideas, artistic originality and importance of Bunin's stories in particular and his work in general.

For the first time Vietnamese readers got acquainted with Bunin's works translated by Ha Ngoc in 1987 [Bunin 1987]. That stories' collection was re-edited in 2013 and entitled “Dark Avenues” [Bunin 2013]. A year later Phan Giang Hoang translated several stories more and published them in the collection “Lika” [Bunin 1988]. This collection was re-edited in 2006 and entitled “The Light Breath” [Bunin 2006]. In 2002, in Vietnam there appeared rather voluminous selected works by Bunin with both poems and stories (including those translated by Ha Ngoc and Phan Hong Giang) [Bunin 2002] (Fig. 1). In the sequent years the writer's stories, which had not been translated before, were published in the “Foreign Literature” magazine [Bunin 2003; 2011a] and in Internet in translations by Nguyen Thi Kim Hien [Bunin 2003; 2011b]. Recently, in the collection “The Grammar of Love. Selected stories of Russian Writers of the 20th and 21st centuries” (2017) there was published “The Grammar of Love”, another brilliant work by Bunin, translated by Dao Tuan Anh

[Đào Tuấn Ảnh 2017]. Nowadays, 34 Bunin's stories have been translated into Vietnamese (see Application). This is a rather modest figure, when taking into account the fact that the Complete Works of I.A. Bunin in 13 volumes edited in Russian in 2006 contains 188 stories which made up six volumes in total.



Fig. 1. Translations of works by I.A. Bunin, published in Vietnam.

Photos from open sources

For the first time, stories by Ivan Bunin were published in Vietnamese more than thirty years ago, but yet the writer's work has not been studied deeply enough. In the SRV, as compared with Russia and many other countries, there have been published no monographs devoted to his literary legacy. On the whole, research-works on Bunin are represented with short prefaces to collections of his stories and with articles by Vietnamese authors in literary dictionaries and magazines, as well as with several articles by foreign specialists translated into Vietnamese. Textbooks on history of Russian literature for students of higher education institutions give a very poor survey of the writer's life and work. Probably, the reason is "the simplicity" and at the same time "the incredible depth" of his stories and poems: "the comprehension of Bunin's works demands not only for thoughtful reading, but also for broad open-mindedness, mental and spiritual concentration, ability to think of Russia, of its past, present and future, of correlation of individual daily, "private" life, and large-scale historic and social events" [Bunin 2013: 7]. In a special issue of "Foreign Literature" magazine, dedicated to the 50th anniversary since Ivan Bunin's death, translator Pham Quoc Ca wrote in the preface to the section of short stories and essays: "The greatest intellect of a humanist thinker and the gift of a master of words have merged in his literary talent admiring many great writers" [Bunin 2003: 5]. Perhaps, this is the most difficult task for Vietnamese researchers and literary critics from abroad in the study of Bunin's works.

Evaluating the writer's work, many specialists mentioned, first of all, Ivan Bunin's importance in the development of Russian culture and the Silver Age literature: continuing the traditions of Leo Tolstoy and Anton Chekhov, he at the same time, pointed new directions in the development of Russian literary process of that time.

"History of Russian literature" textbook shows Ivan Bunin a representative of Russian critical pre-revolutionary realism; his "life was much more difficult even as compared with Kuprin's life" [Đỗ Hồng Chung 2003: 483]. In the introduction to the writer's stories collection translator Ha Ngoc

cites O.N. Mikhaylov, a Soviet literary critic, who calls Bunin's work "the separate chapter in the development of Russian literature of this century" [Bunin 2013: 7]. Also, Vietnamese researcher Vu Cong Hao wrote: "It will be the greatest missed opportunity, if I do not mention Ivan Bunin's (1870–1953) great contribution to both Russian realist literature of the early 20th century and to the world literature" [Vũ Công Hào 2008: 9]. In his article "Russian Literature after the Reform" which appeared in "Literature" magazine (#3, 1995) in the translation by Tran Nho Thin, A.G. Sokolov mentioned: "High spirituality is typical of Bunin's work, which absorbed the quint-essence of the Silver Age [...] and of pre-revolutionary literature" [Sokolov 1995: 24]. In his discourse of Russian literature in emigration, Gleb Struve called Ivan Bunin its "chief pride", emphasizing: "Bunin's death was symbolically perceived as the end of the literature abroad" [Struve 1995: 29]. Vietnamese researcher Pham Gia Lam in his work "Transformations of Artistic Thought in Russian Prose in the Late 19th – Early 20th Centuries" expressed the view that Bunin had introduced a new bold experience of impressionism to realist literature, making for its colorfulness: "Bunin like an experimenter unites realist traditions and structural principles congenial to impressionism" [Phạm Gia Lâm 1997: 14]. Literary critic Do Hai Phong wrote something of the sort in "Russian Literature" textbook: "Bunin began working as a realist in "Chekhov's style", but by the end he had reached the direction close to impressionism" [Đỗ Hải Phong 2015: 10-11]. Also, the researcher Vu Cong Hao mentioned: "Influenced by Henri Bergson's intuitivism, Bunin's works, especially in the exile, are a flow of natural and infinite consciousness, reproducing Russian landscapes and Russian people" [Vũ Công Hào 2008: 9].

Phan Hong Giang, one of Bunin's first translators in Vietnam, unconditionally included the writer in the rank of great Russian masters of artistic language of the 19th and 20th centuries, whose works belong to the Treasury of world literature, equally with Pushkin, Lermontov, Dostoevsky, Tolstoy, Gogol, Chekhov, Kuprin etc. He says that Ivan Bunin can be considered "the last typical representative of Russian classic realism, having contributed to literature the eternal values of beauty: the beauty of nature, soul, literature and, first of all, of human life" [Bunin 2002: 5]. Also, Ha Van Luong in his article "The Artistic Features of Ivan Bunin's Stories"[2011] emphasized the role of landscape in the Russian writer's works, paying attention to beautiful landscapes as a distinguishing feature of the artistic style of his psychological stories. Comparing Ivan Bunin with other Nobel Laureates in literature, such as Ernest Hemingway and Gao Xingjian, Dao Ngoc Chuong saw his work through the prism of the "return" motive. In his opinion, the topics of the writer's works were the return to his Motherland, return to his love and return to his youth in memories. That is why the researcher argued: "The pictures of Russian nature, of Russian village, as well as of Russian soul in Bunin's stories are penetrated with nuances of dreams. Reading them, we feel as if wandering on the spaces of delightful sorrow and suddenly aware that we are dreaming, even when the events appear absolutely realist" [Đào Ngọc Chương 2010: 57].

This author, the worshipper of Russian literature and Ivan Bunin, wrote a number of articles, researching such aspects of the writer's work, as his sensory perception, plot building, characters and artistic style of his stories: "The Evolution of Narrative in Ivan Bunin's Stories "The Gentleman from San Francisco", "Antonov Apples", and "Sunstroke"» [2016b], "Ivan Bunin and Russian literature of the Silver Age" [2016a "Ivan Bunin's Stories from the Cultural Point of View" [2017], "The Place of Ivan Bunin's Stories among Russian Short Stories of the Late 19th – Early 20th Centuries" [2018a], "Female Characters in Ivan Bunin's Stories: Women or Rebels" [2018b], "Lyricism in Ivan Bunin's Stories" [2019].

So, we see that Vietnamese researchers and translators have managed to evaluate Bunin's importance both in Russian and in the world literature. Having analyzed the writer's works more intently, many literary critics make valid conclusions on the lyricism of Bunin's narrative, attaching unique recognizable style to his stories. In his introduction to the collection of stories by Ivan Bunin, Phan Hong Giang wrote: "Introducing Ivan Bunin's work to the readers once again, we have chosen the stories with clearly seen lyricism; every story can be called a history of love" [Bunin 2002: 11]. Earlier the translator had spoken of "interdisciplinarity" of the writer's work: "Bunin was neither a musician, nor an artist, but visuality (a special talent to create landscapes and portraits) is always present in his works, as well as the melodiousness of flowing delightful prose. That is why he is one of the few Russian writers highly recognized as the master of artistic language" [Bunin 2002: 6]. Also, the researcher Dao Tuan Anh wrote of "melodiousness" of Bunin's stories as of their typical feature ("The Literary Dictionary", new edition): "By the 1890s Bunin's prose style had been formed, its laconicism was achieved by means of melodiousness and rhythm. Bunin himself considered the prose, where he desired to achieve melodiousness and metaphors, the continuation of his poetry" [Đỗ Đức Hiếu 2004: 172]. Sharing the point of view of Dao Tuan Anh and Phan Hong Giang, translator ha Ngoc was of the opinion that "every his [Bunin's] story is both prose and poetry" [Bunin 2013: 7].

Perhaps, the most complete information on Ivan Bunin is given in the book "Russian Writers, Nobel Laureates". Its authors devote a separate chapter to the Writer-Laureate. Its subsections are as follows: "Biography", "The Nobel Speech and Acknowledgement", "Works (mostly well-known stories)", and "K. Paustovsky's Essay about Ivan Bunin". It should be specially mentioned that the book contains a rather complete list of Bunin's works emphasizing those having been translated into Vietnamese. Due to this list, one can get an idea of history of the Russian writer's work's perception in Vietnam. A strong impression is made by Bunin's speech, where he thanks the Swedish Academy for "the nice gesture", i.e., the awarding of the Nobel Prize in literature to an exile. And the article by K. Paustovsky on Ivan Bunin allows to get the exhaustive idea not only of spiritual image of the writer, but also of the artistic features and style of Bunin's prose. Paustovsky told that before writing Bunin should "have looked for the sound": "As soon as I have found it, the rest comes quite naturally. [...] "To find the sound" means to find the rhythm of the prose and to find its leitmotiv. While the prose possesses the same internal melody like poetry and music" [Đoàn Tử Huyền 2006: 100]. Paustovsky managed to describe thoroughly Bunin's rich language: "Bunin's language is simple, nearly sparing, pure and picturesque. But at the same time, it is extraordinary rich in its images and sounds, - from cymbal singing to the ringing sound of the spring water, from measured rhythm to surprisingly delicate intonations, from a light melody to thundering Biblical curses, and then - to the apt, smashing tongue of Oryol peasants..." [Đoàn Tử Huyền 2006: 101].

Recently in Vietnam there appeared two research-works on Russian literature of the 20th century and literature of emigration, with rather full information on Ivan Bunin's work. They are: "Russian Literature of the 20th Century" textbook by Vu Cong Hao and "Literature of the Russian Emigration: the Process, Features and Perception" by Pham Gia Lam. The both authors pay special attention to the concept "lyricism", separating it as a typical feature determining the image of Bunin's stories. As far as artistic features of Ivan Bunin's work are concerned, Vu Cong Hao analyses consequently his poetry, love stories, and novel. In the part devoted to the love stories the researcher argues: "Simple subject matter, open unexpected end and the indissoluble combination of "down-to-earth, daily" life and "the tragic poetry" of the Russian soul are typical of his stories" [Vũ Công Hào

2015: 124]. Analyzing separate typical works by Bunin, Vu Cong Hao emphasized: “Extremely realistic stories are nevertheless full of poetry, lyricism of high thought and sensitive soul, which is fond of life, values people and notices with tremble the tiniest changes in nature” [Vũ Công Hào 2015: 127].

“Literature of the Russian Emigration: the Process, Features and Perception” by Pham Gia Lam [2015] is indeed, a valuable research-work for Bunin’s and Russian literature worshippers. In chapter 6 devoted to Ivan Bunin, the author argues that the distinguishing feature of his artistic style is “philosophically lyric” nuance of the narrative. The researcher shows the two main stages of the writer’s work differing with the object of philosophical lyricism: “philosophically lyrical description of life and Russian people in the time before the October revolution” and “philosophically lyrical description of love and nostalgia for Russia in the years of emigration”. The researcher analyses each of these conceptions on the ground of the most typical works of these two stages: “Antonov Apples” (the story of the pre-October period) and “Cursed Days”, “The Rose of Jerico”, “Mitya’s Love”, “The Life of Arseniev”, “Pure Monday”, “The Liberation of Tolstoy” (the works of the post-October period).

Recently Bunin’s work was the theme of senior and master theses in Vietnamese universities. For example such senior theses like “Artistic Time and Space in Bunin’s Stories” by Dao Thi Bich Thuy (2005), “Psychologism in Ivan Bunin’s Stories” by Do Thi Thu Huong (2007), “Beauty in Ivan Bunin’s Stories” by Banh Thi Le Huong (2009), “Love in Ivan Bunin’s Stories” by Nguyen Thi Thuy (2013), and the following master theses: “Impressionism in Ivan Bunin’s Stories” by Ha Hong Nhung (2005), “Symbolic Models in Bunin’s Prose” by Dang Thu Huong (2008), “Descriptions in Ivan Bunin’s Stories” by Do Thi Thu Huong (2009), “Impressionism and Female Characters in I.A. Bunin’s Stories” by Hoang Thi My (2009), “Liveliness of Descriptions in Ivan Bunin’s Stories as compared with G.G. Markes’ Stories” by Nguyen Thi Van Anh (2010), “Nostalgia in Ivan Bunin’s Stories” by Banh Thi (2011), “The Traces of Modernism in I. Bunin’s Prose” by Tran Thai Nhung (2014).

The mentioned senior and master theses were mostly devoted to the research of descriptions (nature, things, characters) in Bunin’s stories. Also, the theses on impressionism, nostalgia and modernism in the writer’s works paid great attention to the art of descriptions and picturesqueness of Bunin’s prose. These research-works evidence the intense influence of Ivan Bunin’s work (or of his stories, to be exact) and his attractiveness for the Vietnamese youth.

The survey of the existing materials on I.A. Bunin allows the following conclusion: Ivan Bunin is a highly esteemed writer in the world. There have been published numerous special researches on his work. However, in Vietnam the quantity of literary studies devoted to the famous master of artistic language is not much, though Bunin’s works have been translating in Vietnamese since the end of the 20th century. The first steps in perception of the Russian writer’s work by “elitist” Vietnamese readership (students, translators, researchers) allow to assess its important place, role and influence in Vietnam. Bunin is a great writer. His works reflect general problems of mankind. But the love for a woman and to the motherland are the two brilliantly developed themes in his work. They are clear to the Vietnamese reading audience. It is patriotism that draws the two peoples together. The Vietnamese appreciate the beauty of Russian nature, the power of Russian culture and the strength of Russian national character in Bunin’s stories. The Vietnamese reader is captured with the writer’s creativity in describing deep feelings and sensuality. On the other hand, they appreciate some traces of French culture in Bunin’s work, too, while France has made a distinctive mark on

history and literary culture of Vietnam. At the same time, the translation, popularization and research of Bunin's literary legacy in the SRV is still the rich soil. The further introduction of the writer's works to broad readership demands for more enthusiasts, both readers and translators.

Application

I.A. Bunin's stories translated into the Vietnamese language

1. "Antonov Apples" (Những quả táo Antonov)
2. "Meliton" (Meliton)
3. "A Little Romance" (Một truyện tình nho nhỏ)
4. "The Good Life" (Cuộc đời tươi đẹp)
5. "The Last Rendez-Vous" (Lần gặp gỡ cuối cùng)
6. "The Last Day" (Ngày cuối cùng)
7. "Lean Grass" (Cỏ gầy)
8. "The Chalice of Life" (Chiếc cốc đời)
9. "The Dreams of Chang" (Những giấc mộng của Trang)
10. "The Gentleman from San Francisco" (Quý ông từ San Francisco đến)
11. "Bast-Shoes" (Đôi hài)
12. "The Book" (Sách)
13. "The Grammar of Love" (Ngữ pháp tình yêu)
14. "The Light Breath" (Hơi thở nhẹ)
15. "The Son" (Đứa con trai)
16. "In the Night Sea" (Trên biển đêm khuya)
17. "Sunstroke" (Say nắng)
18. "Ida" (Ida)
19. "Dark Avenues" (Những lối đi dưới hàng cây sẫm tối)
20. "Caucasus" (Kavkaz)
21. "The Late Hour" (Canh khuya)
22. "Russia" (Russia)
23. "Calling Cards" (Những tấm danh thiếp)
24. "Tanya" (Tanhia)
25. "In Paris" (Ở Paris)
26. "Galya Ganskaya" (Galia Ganskaya)
27. "Natalie" (Natali)
28. "Upon a Long-Familiar Street" (Ở một phố thân quen)
29. "Cold Autumn" (Mùa thu lạnh)
30. "The Raven" (Con quạ)
31. "The Swing" (Chiếc đu)
32. "Pure Monday" (Ngày thứ Hai trong trắng)
33. "Chapel" (Nhà thờ)
34. "Bernar" (Bernard)

References

Bunin I. (1988). *Nàng Lika [Lika]*, Phan Hồng Giang dịch và giới thiệu. H.: Nxb. Tác phẩm mới, Hội Nhà văn Việt Nam.

Bunin I.A. (1987). *Tuyển tập truyện ngắn [Selected works]*, Hà Ngọc dịch và giới thiệu. H.: Nxb. Văn học.

Bunin I.A. (2002). *Tuyển tập tác phẩm [Selected works]*, Phan Hồng Giang giới thiệu, Hà Ngọc,

- Phan Hồng Giang, Thái Bá Tân, Hữu Việt, Đoàn Tuấn dịch từ nguyên bản tiếng Nga. H.: Nxb. Lao động.
- Bunin I.A. (2003). Truyện ngắn [Stories]. *Tạp chí Văn học nước ngoài*, 6: Tr. 5–111.
- Bunin I.A. (2006). *Hơi thở nhẹ* [The Light Breath]. H.: Nxb. Hội Nhà văn.
- Bunin I.A. (2011a). Truyện ngắn [Stories]. *Tạp chí Văn học nước ngoài*, 10.
- Bunin I.A. (2011b). *Truyện ngắn* [Stories], Nguyễn Thị Kim Hiền dịch. URL: <http://vanhocnghethuatyenbai.gov.vn/tin-tuc/van-hoc-nuoc-ngoai/?UserKey=Chum-truyen-ngan-cua-nha-van-Nga-Ivan-Bunin-1870-1953-giai-Nobel-van-hoc-1933>
- Bunin I.A. (2013). *Những lối đi dưới hàng cây tăm tối* [Dark Avenues]. H.: Nxb. Văn học – Nhà Nam.
- Đào Ngọc Chương (2010). Đề tài trở về trong truyện ngắn của Ivan Bunin, Ernest Hemingway và Cao Hành Kiện [The motive of the return in the stories of Ivan Bunin, Ernest Hemingway and Gao Xinjiang] // *Tạp chí Nghiên cứu Văn học*, 1: 56–66.
- Đào Tuấn Ảnh (tuyển chọn và giới thiệu) (2017). *Ngữ pháp tình yêu*. Tuyển truyện ngắn Nga chọn lọc thế kỷ XX–XXI [The Grammar of Love. Collection of selected Russian stories of the XX–XXI centuries]. Hồ Chí Minh: Nxb. Trẻ.
- Đỗ Đức Hiểu, Nguyễn Huệ Chi, Phùng Văn Tửu, Trần Hữu Tá (chủ biên) (2004). *Từ điển văn học* (bộ mới) [Literary Dictionary (new edition)]. H.: Nxb. Thế giới.
- Đỗ Hải Phong (2015). *Giáo trình Văn học Nga* [Russian literature: textbook]. H.: Nxb. Đại học Sư phạm Hà Nội.
- Đỗ Hồng Chung, Nguyễn Kim Đính, Nguyễn Hải Hà et al. (2003). *Lịch sử Văn học Nga* [History of Russian literature]. H.: Nxb. Giáo dục.
- Đỗ Quyên (2001). Di cảo của nhà văn Bunin nằm trong tay ai [Who controls the fate of Bunin's literary heritage?]. *Tạp chí Văn nghệ*, 13: 11.
- Đỗ Thị Hường (2016a). Ivan Bunin trong văn học Nga Thế kỷ Bạc [Ivan Bunin and Russian literature of the Silver Age]. *Tạp chí Nghiên cứu Văn học*, 11 (537): 104–113.
- Đỗ Thị Hường (2016b). Từ “Quý ông từ San Francisco” đến “Những quả táo Antonov” và “Say nắng” nhìn về mô hình trần thuật trong truyện ngắn của Ivan Bunin [The evolution of the narrative in the stories of Ivan Bunin “The Gentleman from San Francisco”, “Antonov Apples” and “Sunstroke”]. *Tạp chí Lý luận, phê bình văn học, nghệ thuật*, 2 (42): 84–92.
- Đỗ Thị Hường (2017). Truyện ngắn Ivan Bunin từ góc nhìn văn hóa [Ivan Bunin's stories from a cultural point of view]. *Tạp chí Văn nghệ quân*, 7 (873): 106–110.
- Đỗ Thị Hường (2018a). Nhận diện truyện ngắn Ivan Bunin trong truyện ngắn Nga cuối thế kỷ XIX đầu thế kỷ XX [The place of Ivan Bunin's stories in Russian short stories of the late 19th – early 20th centuries]. *Tạp chí Lý luận, phê bình văn học, nghệ thuật*, 2: 111–118.
- Đỗ Thị Hường (2018b). Tiểu nữ thần hay nhân vật nữ nổi loạn trong truyện ngắn của Ivan Bunin [Female character in the stories of Ivan Bunin: nymph or rebel]. *Tạp chí Văn hóa nghệ thuật*, 6(408):84-87.
- Đỗ Thị Hường (2019). Cảm quan trữ tình trong truyện ngắn của Ivan Bunin [Lyrical tonality in the stories of Ivan Bunin]. *Tạp chí Nghiên cứu Văn học*, 1 (563): 77–91.
- Đoàn Tử Huyền (chủ biên), Nguyễn Thủy Hằng (biên soạn) (2006). *Các nhà văn Nga giải Nobel* [Russian writers who received the Nobel Prize]. H.: Nxb. Lao động – Trung tâm Văn hóa Ngôn ngữ Đông Tây.
- Hà Văn Lương (2009). Một số đặc điểm của văn xuôi Ivan Bunin [Artistic features of the stories of Ivan Bunin]. *Tạp chí Sông Hương*, 185. URL: <http://tapchisonghuong.com.vn/tap-chi/c174/n3373/mot-so-dac-diem-cua-van-xuoi-ivan-bunin.html>
- Hallström P. (2002). Giới thiệu giải thưởng Nobel 1933: Ivan Bunin – Nga [Ivan Bunin, 1933 Nobel laureate from Russia], Tân Đôn và Trần Việt Hùng dịch. *Tạp chí Văn nghệ*, 12: 14.
- Những khuôn mặt lớn và giải thưởng văn chương Nobel 1901–1965 [Big Figures and the Nobel Prize in Literature 1901–1965]. *Tạp chí Văn học (Biên khảo – Văn hóa – Xã hội – Chính trị – Nghệ thuật)*,

1965, 50: 44–47. Sài Gòn.

Phạm Gia Lâm (1997). Những chuyển biến của tư duy nghệ thuật trong văn xuôi Nga cuối thế kỷ XIX đầu thế kỷ XX [Changes in artistic thinking in Russian prose of the late 19th – early 20th centuries]. *Tạp chí Văn học*, 11: 13–16.

Phạm Gia Lâm (2015). *Văn học Nga hải ngoại: Quá trình – Đặc điểm – Tiếp nhận* [Literature of the Russian emigration: process, features and perception]. H.: Nxb. Đại học Quốc gia Hà Nội.

Socolov A. (1995). Về nền văn học Nga sau cải tổ [On Russian literature after the reform], Trần Nho Thìn dịch. *Tạp chí Văn học*, 3: 23–26.

Struve G. (1995). Văn học Nga ở hải ngoại [Russian literature abroad]. *Tạp chí Văn học*, 3: 29–31, 44 (Thùy Linh tổng thuật từ “Văn học Nga trong sự ruồng bỏ của G. Struve”), xuất bản lần thứ hai. Paris, 1984).

Vũ Công Hào (2008). Ivan Bunin – Hành trình ra đi và trở về» [Ivan Bunin - exodus and return]. *Tạp chí Khoa học Đại học Sư phạm Hà Nội*, 2: 9–16.

Vũ Công Hào (2015). *Giáo trình Văn học Nga thế kỷ XX* [Russian literature of the XX century: textbook]. H.: Nxb. Đại học Quốc gia Hà Nội.

Author:

Đỗ Thị Hương, PhD (Philology), Researcher, Institute of Literature, Vietnam Academy of Social Sciences. E-mail: huongvhnnvvh@gmail.com

Article history:

Received: June 24, 2021

Received in revised form: November 17, 2021

Accepted: December 1, 2021

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.54631/VS.2021.54-148-161

О СОСТОЯНИИ РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЁРСТВА

Обзор дискуссии в ИДВ РАН и ВАОН

В.М. Мазырин

Аннотация. В обзоре представлены организаторы, участники и основные темы дискуссий о состоянии российско-вьетнамского стратегического партнерства, проведенных в Москве ИДВ РАН и в Ханое Институтом европейских исследований ВАОН в начале декабря 2021 г. Анализируются доклады о состоянии и перспективах двустороннего сотрудничества в таких важнейших сферах, как политическая, военно-техническая, социально-экономическая, научно-техническая, культурная и образовательная. Оценки носили объективный характер: эксперты отметили как достижения, так и недостатки, показали существующие трудности и объяснили их причины, причём критический анализ превалировал. При значительном различии в подходах сторон, они пришли к общему выводу, в основе которого признание существующих серьёзных проблем в важнейших сферах отношений (особенно в торгово-экономической) и определение их нынешнего этапа как проверки на прочность в условиях нарастающего противостояния двух миров. Обсуждения в РАН и ВАОН способствовали поиску путей выведения стратегического партнерства России и Вьетнама на должный уровень.

Ключевые слова: Россия, Вьетнам, ИДВ РАН, Институт европейских исследований ВАОН, стратегическое партнерство, основные виды сотрудничества, достижения и недостатки, этап испытаний на прочность.

Для цитирования: Мазырин В.М. О состоянии российско-вьетнамского стратегического партнёрства // Вьетнамские исследования. 2021. Т. 5. № 4. С. 148–161.

1 декабря Центр изучения Вьетнама и АСЕАН (ЦИВАС) ИДВ РАН организовал дискуссию о состоянии стратегического партнёрства России и Вьетнама, приуроченную к визиту президента СРВ Нгуен Суан Фука в РФ (29.11–01.12.2021) и двадцатилетию Декларации о стратегическом партнёрстве между двумя странами. В обсуждении, проходившем в смешанном формате, приняли участие ведущие российские специалисты по Вьетнаму из научных и учебных организаций. Каждый из 12 спикеров обрисовал основные проблемы в одной из сфер двустороннего сотрудничества и ответил на вопросы модератора (руководителя ЦИВАС д. э. н., профессора В.М. Мазырина), экспертов и слушателей круглого стола.

В отличие от прежних мероприятий подобного рода, на этом не были представлены вьетнамские эксперты, что предопределило неполный характер оценок, хотя сделало дискуссию более острой. Исправить ситуацию помог параллельно проведённый в Ханое 10 декабря на ту же тему семинар «Россия глазами вьетнамских русистов: гуманитарные аспекты», организованный официальными представителями РФ в СРВ (посольство, Русский дом) и Институтом европейских исследований ВАОН. Он дал возможность сравнить понимание сторонами сложившейся ситуации и причин, которые сдерживают поступательное развитие сотрудничества. На этом мероприятии выступили высокопоставленные чиновники вьетнамского правительства (министерств, отвечающих за основные сферы взаимодействия).

Представители аналогичных российских ведомств не проявили интереса к мероприятию в ИДВ, что в целом характерно для отношения практических организаций России к научному сообществу, изучающему Вьетнам. Недавно назначенный послом РФ в СРВ Г.С. Бездетко обратился с приветственным словом к участникам круглого стола в ИДВ заочно (рис. 1). Он отметил, что «Россия и Вьетнам поддерживают политический диалог на высшем уровне, и нынешний визит в нашу страну вьетнамского президента подтверждает этот факт». Констатируя, что условия взаимодействия сторон сегодня серьезно отличаются от тех, что были в советское время, посол расценил это как стимул к повышению нашей конкурентоспособности и поиску новых точек роста.

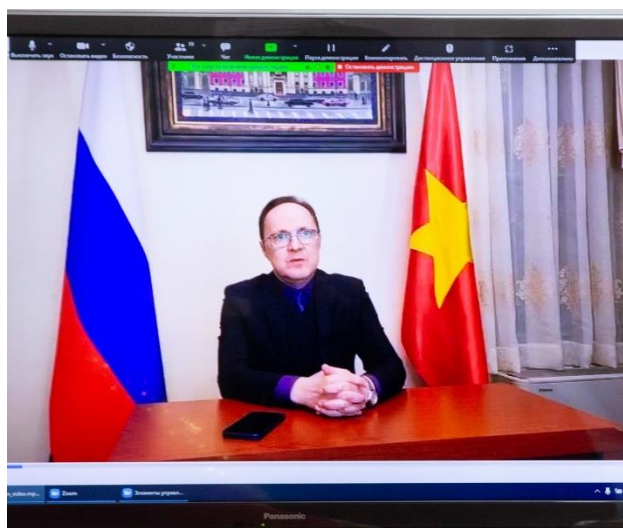


Рис. 1. Посол РФ в СРВ Г.С. Бездетко обращается с приветственным словом к участникам круглого стола. *Фото ИДВ РАН*

На первой сессии обсуждалось сотрудничество в политической и военно-технической сферах. В. н. с. ИДВ РАН Е.В. Кобелев (рис.2) дал высокую оценку политического диалога двух государств, особенно на высшем уровне, и эффективности подписанных соглашений, хотя признал, что Россия и Вьетнам укрепляют и сохраняют отношения не во всех областях. Он привёл примеры расширения проблемных зон партнёрства, нерешённых вопросов, которые тормозят развитие сотрудничества между странами. В то же время было отмечено, что стороны уделяют главное внимание базовым сферам, наиболее значимым для двусторонних отношений высокого уровня.

Эксперты объяснили внешнюю политику своих стран и их положение на международной арене. В частности, бывший ректор Ханойского университета Фам Куанг Минь отметил растущую роль Российской Федерации в Азиатско-Тихоокеанском регионе,

перспективы её возвращения на позиции мировой державы. Он также сопоставил российское понимание концепции Большого евразийского партнёрства и потребности международной интеграции СРВ.



Рис. 2. Е.В. Кобелев на круглом столе в ИДВ РАН. Фото ИДВ РАН

Зав. кафедрой истории стран Дальнего Востока СПбГУ профессор В.Н. Колотов констатировал падение значения России для вьетнамского общества. Он, в частности, сделал вывод, что во Вьетнаме – вопреки возникшему у нас представлению – появились политические силы, социальные слои, которые настроены против сохранения отношений. К этому привела смена элит, уход руководителей, связанных с РФ и знающих русский язык, и появление новых, получивших образование на Западе, что вызвало формирование новых групп влияния: торгово-промышленных, информационно-политических и др. Их вес зависит от величины товарооборота с соответствующими странами, а Россия по этому показателю не входит даже в первую десятку. В.Н. Колотов заметил, что на двусторонние отношения влияет риторика антироссийской направленности во вьетнамских СМИ и переориентация внешней политики Вьетнама в области безопасности на США. Похожий негатив в российской прессе акцентировал председатель Экспертного совета фонда «Мастерская евразийских идей» Г.П. Трофимчук, выявив «неполное и порой исторически неверное изображение жизни современного Вьетнама и его истории».

Обсудив позицию невмешательства России в территориальные споры в Южно-Китайском море (ЮКМ) (в Москве её раскрыл в. н. с. ИДВ РАН Г.М. Локшин), эксперты признали, что она воспринимается во Вьетнаме негативно, как и непризнание решения Гаагского трибунала в пользу Филиппин. В этой связи сделан вывод, что противостояние в ЮКМ осложнило российско-вьетнамские отношения. Учёные и практики СРВ дружно поддержали многостороннее урегулирование и международное «принуждение Китая к миру», оппоненты же в Москве одобрили решение России дистанцироваться от конфликта в ЮКМ. Директор Института европейских исследований (ИЕИ) Нгуен Тиен Тханг считает, ввиду различий подхода к конфликту в ЮКМ и Китаю, что РФ будет сложно повысить свою роль в ЮВА, не идя навстречу пожеланиям Вьетнама и АСЕАН по урегулированию этого конфликта.

Доцент Дипломатической академии МИД РФ П.Ю. Цветов, констатируя близость позиций РФ и СРВ на международной арене, признал, что далеко не по всем вопросам мирового и регионального развития они сходны, в том числе по некоторым чувствительным для России (например, о признании Крыма, действиях в Сирии). Эксперт приветствовал принятое по итогам переговоров Нгуен Суан Фука и В.В. Путина совместное заявление и дал

его анализ, в том числе отметил, что стороны выразили отрицательное отношение к созданию новых военно-политических блоков и применению санкций. Но, как известно, Ханой на практике не осуждает кампанию западных стран против России, как и создание против Китая полувоенных структур типа Quad и AUKUS.

Продолжая тему, профессор ВШЭ Е.А. Канаев назвал эти инициативы США «политизацией не только региональных отношений, но и глобальных проблем», объяснил мотивы поддержки Ханоем американских инициатив. Он также спрогнозировал падение центральной роли АСЕАН в регионе на фоне формирования новых военно-политических блоков в АТР с участием США. Вьетнамские эксперты, наоборот, видят угрозу принципу асеаноцентричности для региональной архитектуры отношений в укреплении позиций Китая в ЮВА и ВА. Е.А. Канаев согласился, что балансирование Ханоя между державами нельзя называть политикой неприсоединения, и признал действия США в ЮВА отрицательно влияющими на отношения России и Вьетнама.

В заключение первой сессии в Москве в. н. с. ВШЭ В.Б. Кашин оценил состояние военно-технического сотрудничества РФ и СРВ. Эксперт отметил, что в этой области у России имеются хорошие перспективы: «СРВ реализует амбициозную задачу создать современный военно-промышленный комплекс, замкнув на своей территории как можно больше производственных цепочек военного назначения, чтобы затем использовать их в качестве катализатора производства гражданской высокотехнологичной продукции. Россия готова оказывать Вьетнаму значительную помощь в передаче военных технологий. Он пояснил, в чём заключается сотрудничество в сфере морской безопасности, и показал, что оно не имеет эксклюзивного характера: США активно пытаются конкурировать с Россией в этой сфере.

Подробно участники обоих мероприятий обсудили сотрудничество в социально-экономической и научно-технической сферах, охарактеризовав его как в целом отстающее от потенциала и уровня стратегического партнёрства. Поясняя причины такого положения, Фам Куанг Минь сказал, что зачастую принятые на высоком уровне совместные решения не находят адекватного понимания и выполнения конкретными ведомствами и предприятиями. Бывший торгпред России в СРВ М.Ю. Голиков отметил низкие темпы роста взаимного товарооборота на фоне активного расширения СРВ торгово-экономических отношений с ведущими партнёрами, с чем согласились и вьетнамские коллеги (рис. 3). Был отмечен растущий дефицит торговли у РФ, увеличение доли сырьевых и продовольственных товаров в ней при падении экспорта продукции высокой переработки. Эксперты также признали, что соглашение о зоне свободной торговли (ЗСТ) между ЕАЭС и Вьетнамом за пять лет с момента вступления в силу дало результаты ниже ожидаемых, и объяснили причины этого, отметив излишек ограничительных нетарифных мер и задержки с выполнением дополнительных протоколов (со стороны СРВ).

Так, заместитель начальника Департамента европейских и американских рынков Минпромторга СРВ Нгуен Кхань Нгок обратила внимание на ряд сложностей для расширения взаимных поставок, среди них недостаточные транспортные возможности и их дороговизну (признав при этом проблемы для вьетнамских фирм использовать для ускорения поставок железную дорогу в РФ через КНР), угрозы блокировки Вашингтоном взаиморасчётов через систему СВИФТ (в ответ на которые стороны начали формировать собственные механизмы, не позволяющие пока перейти к оплате в национальных валютах), негативное влияние западных санкций на активность торговых связей.



Рис. 3. Бывший торгпред России в СРВ М.Ю. Голиков на круглом столе в ИДВ РАН.
Фото ИДВ РАН

Анализ инвестиционной практики выявил серьезные различия в оценках объёмов взаимных потоков капитала, не раскрыв причин подобного явления. Руководитель ЦИВАС В.М. Мазырин (рис. 4) привёл данные о тройном превышении прямых иностранных инвестиций (ПИИ) СРВ в российскую экономику (3 млрд долл.) при фактической стагнации российских вложений во вьетнамскую. Сотрудник же Института европейских исследований ВАОН Нгуен Тхань Лан, исходя из своей статистики, показала более взвешенную картину инвестиционного сотрудничества, хотя отметила его низкий объём.



Рис. 4. Модератор круглого стола в ИДВ РАН руководитель ЦИВАС В.М. Мазырин.
Фото ИДВ РАН

Директор Центра изучения России и стран СНГ того же института Ву Тхюи Чанг, дав общую оценку отношений диалогового партнёрства России с АСЕАН, указала сложности экономической интеграции РФ в ЮВА и недостаток фактических усилий в этом направлении в противовес заявлениям. Мнение коллеги дополнил В.М. Мазырин, добавив, что даже на наиболее успешном направлении инвестиций в СРВ – в нефтегазовой сфере – Россия испытывает ограничения как природного (снижение запасов углеводородов), так и искусственного характера (запреты китайской и американской сторон), что привело, например, к продаже активов ведущей российской компанией Роснефть. В этой связи поставлены под вопрос возможности поставки из РФ нефти и сжиженного газа, тем более что

этому противодействуют США. Российские эксперты, комментируя перспективы расширения экономических взаимосвязей и оценивая национальные интересы, подчеркнули, что стимулировать реальный подъем торгово-экономического сотрудничества способны только крупные стратегические проекты, к которым отнесено создание современной трубопроводной и железнодорожной сетей во Вьетнаме с расширением на страны АСЕАН, строительство АЭС, освоение космоса и т. п. Однако желания их запускать не проявляет вьетнамская сторона.

На нисходящие тренды во всех видах вьетнамской миграции в Россию указала зам. директора Института демографических исследований (ИДИ) РАН М.Н. Храмова, отметив, что в целом стороны не удовлетворены сотрудничеством в этой области, и объяснила, что ему мешает. Директор того же института член-корреспондент РАН С.В. Рязанцев рассказал, почему РФ не может удержать подготовленных здесь вьетнамских специалистов с высшим образованием, а также признал неготовность сторон к серьёзной угрозе массового оттока климатических мигрантов из СРВ в Россию. При этом он видит пользу сотрудничества по вопросам демографического развития, несмотря на различные тенденции и состав народонаселения двух стран, и считает, что наша помощь востребована в Ханое.

Помощник ректора РАНХиГС к. полит. н. Н.В. Шафинская критически оценила подготовку кадров со знанием русского и вьетнамского языков как во Вьетнаме, так и в России. Она сделала вывод, что все участники продвижения русского языка в СРВ действуют разрозненно и не могут достичь нужного эффекта; в РФ специалистов с вьетнамским языком недостаточно и они используются неэффективно ввиду отсутствия государственного спроса и распределения. Эксперт подтвердила, исходя из этого, что поворот России на Восток пока слабо подготовлен и организован, требует более эффективного проведения во Вьетнаме политики мягкой силы. Она предложила меры для исправления недостатков в системе подготовки и трудоустройства вьетнамоведов и русистов.

Директор ханойского филиала Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина Нгуен Тхи Тху Дат на семинаре в Ханое также акцентировала внимание на проблемах изучения русского языка в школах и вузах СРВ. Она признала, что, хотя сегодня этот процесс активизировался, сохранение основ русского языка в стране не имеет прочной базы и, значит, ясных перспектив.

Примеры и возможности сотрудничества России и Вьетнама в области науки и техники представил профессор Дальневосточного федерального университета (ДВФУ) А.Я. Соколовский. По его оценке, существенного прогресса в отношениях двух стран в этих сферах на Дальнем Востоке не наблюдается, но перспективы их развития сохраняются. В образовательном деле для вьетнамских студентов и российских вьетнамистов по-прежнему лидирует ДВФУ. Университет активно укрепляет взаимные научные связи, в том числе путем перевода и издания монографий вьетнамских авторов. Численность вьетнамской рабочей силы в Дальневосточном федеральном округе (ДФО) не увеличивается, совместные предприятия преимущественно остаются мелкими и средними.

Н. с. ЦИВАС Е.В. Никулина рассказала о других совместных проектах в гуманитарной сфере, в частности дополнила сведения об издании в России переводов вьетнамской литературы. Касаясь вопросов культурного обмена, она отметила его крайне ограниченный, спорадический характер, объективные сложности активизации. Российская сторона не проявляет особого стремления продвигать свою культурную продукцию в СРВ, а там местное население, особенно молодежь, не выражает к ней интереса и находится под растущим

влиянием западных эрзацев. Выступавшие на семинаре в Ханое эксперты, в том числе бывший директор ИЕИ ВАОН Нгуен Ан Ха, сожалели об этом ввиду большого значения для Вьетнама российских культурных ценностей и отмечали утрату соответствующей поддержки в своём обществе с уходом старших поколений, получивших образование в СССР.

На этом фоне новым перспективным направлением сотрудничества стал выпуск во Вьетнаме российской вакцины Спутник-V для решения актуальных задач борьбы с эпидемией коронавируса. Эксперты подтвердили применение в Ханое первой коммерческой партии вакцины (739 тыс. доз) и реальность производства суммарно 40 млн доз к июню 2022 г. Акцентируется достигнутая недавно в Москве договоренность о поставках медицинского оборудования и материалов, совместных научных разработках в сфере медицины.

Обсуждение состояния российско-вьетнамских отношений, прошедшее с участием учёных в Москве и Ханое, следует признать назревшим и полезным. Были обозначены как сильные, так и слабые места сотрудничества двух стран, раскрыты существующие трудности, в общем виде обозначенные президентом СРВ в ходе встречи в Кремле с президентом России. Участники выполнили поставленную задачу оценить сохраняющиеся проблемы и тем самым помочь поиску путей подъема стратегического партнёрства РФ и СРВ на должный уровень. Они единодушно призвали развивать и укреплять его, опираясь на традиции дружбы российского и вьетнамского народов, в соответствии с реалиями современной международной обстановки и новыми установками руководителей двух стран, недавно выдвинутыми в ходе переговоров в Москве.

Дискуссии в Москве и в Ханое получили освещение в СМИ:

<https://vtv.vn/video/thoi-su-19h-vtv1-04-12-2021-534091.htm>

<https://www.vietnamplus.vn/dong-luc-moi-cho-quan-he-doi-tac-chien-luoc-toan-dien-vietnga/758737.vnp>

<https://vn.sputniknews.com/20211206/nga-va-viet-nam-can-co-nhung-du-an-chung-quy-mo-lon-12756030.html>

<https://www.msn.com/vi-vn/news/world/quan-h%E1%BB%87-vi%E1%BB%87t-nam-nga-c%C3%B3-ch%E1%BA%A5t-l%C6%B0%E1%BB%A3ng-m%E1%BB%9Bi-theo-c%C3%A1c-h%C6%B0%E1%BB%9Bng-%C4%91i-r%E1%BB%99ng-kh%E1%BA%AFp/ar-AARHBWZ?li=BBr8RiP>

Автор:

Мазырин Владимир Моисеевич, д. э. н., г. н. с., руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН, профессор ИСАА МГУ. ORCID: 0000-0001-6988-0139. E-mail: mazyrin_v@mail.ru

Продвижение статьи:

Дата поступления: 12.12.2021

Принята к печати: 20.12.2021

THE STATE OF THE RUSSIAN-VIETNAMESE STRATEGIC PARTNERSHIP

(a survey of the discussions at RAS IFES and VASS)

V.M. Mazyrin

Abstract. The survey presents organizers, participants and the main themes of the discussions on the state of the Russian-Vietnamese strategic partnership, held in Moscow by RAS IFE and in Hanoi by the Institute of European Studies of VASS in early December 2021. It analyzes the reports on the state and perspectives of bilateral cooperation in the crucial spheres, such as political, military-technical, socio-economic, scientific-technical, cultural and educational ones. The evaluation was of objective character: the experts noted both the achievements and the shortcomings, showed the existing hardships and explained their causes. Criticism prevailed; the common conclusion (while the approaches of the sides differed appreciably) was the acknowledgement of still existing serious problems in the crucial spheres of relations (especially in trade-economic relations), the determination of their current stage, which is the durability test in the conditions of the two worlds' growing confrontation. The discussions in RAS and VASS have contributed to the search of the ways to rise strategic partnership of Russia and Vietnam to the appropriate level.

Keywords: Russia, Vietnam, RAS IFE, Institute of European Studies VASS, strategic partnership, main types of the cooperation, achievements and shortcomings, durability test stage.

For citation: Mazyrin V.M. (2021). The State of the Russian-Vietnamese Strategic Partnership. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 5 (4): 148–161.

On 1 December 2021, the Center for Vietnam and ASEAN Studies (IFES RAS) organized a discussion on the state of strategic partnership of Russia and Vietnam, in connection with the SRV President Nguyen Xuan Phuc's visit to the RF (29.11–1.12.2021) and the 20th Anniversary of the Declaration of Strategic Partnership between the RF and the Socialist Republic of Vietnam. Leading Russian specialists on Vietnam from academic and educational institutions participated in the discussion held in mixed format. Each of twelve speakers described the main problems in every field of bilateral cooperation and answered the Round Table moderator's [V.M. Mazyrin, Chair of CVAS, D.Sc. (Economics), Professor], experts' and attendants' questions.

Unlike former sessions of this kind Vietnamese experts did not participate in this one. Such a condition engendered incomplete evaluations, but at the same time the discussion was more intense. The identical seminar "Russia Viewed by Vietnamese Russian Philologists: Humanitarian Aspects" helped correct the situation. It was organized by official representatives of the RF in the SRV (the Embassy, the Russian House) and by the Institute of European Studies of VASS and was held on December 10. It permitted the sides to compare their comprehension of the current situation and the causes restraining the progress in the cooperation. Vietnamese government officials of high rank (of the Ministries responsible for crucial spheres of interaction) were the speakers.

The representatives of analogous Russian departments showed no interest in the discussion at IFES; such an attitude is typical of Russian practical institutions to the academic community of Vietnamese studies. G.S. Bezdetko, recently appointed the RF Ambassador in the SRV welcomed the participants of the Round Table in absentia (Fig. 1). He noted that "Russia and Vietnam maintain political dialogue at the highest level, and the current visit of the Vietnamese President to our country

confirms this fact”. Having established the fact that now the conditions of interactions of the sides significantly differ from those in the Soviet era, the Ambassador estimated it to be a stimulus for the RF to increase its competitiveness and seek for new points of growth.

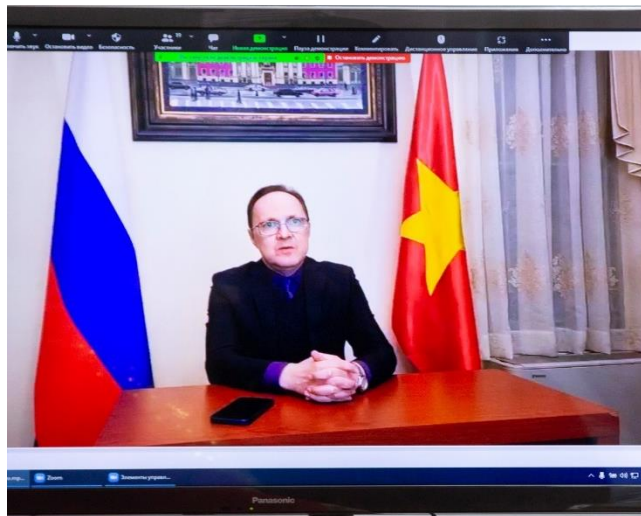


Fig. 1. RF Ambassador in the SRV G.S. Bezdetko welcomes the participants of the Round Table.
Photo by IFES RAS

The first session discussed the cooperation in political and military-technical spheres. E.V. Kobelev, Leading Researcher at IFES RAS, positively estimated the political dialogue between the two countries, in particular at the highest level, and the efficiency of the signed agreements, but he acknowledged that the relations of Russia and Vietnam are not being strengthened and maintained in every sphere (Fig. 2). He gave examples of the extension of problem areas of the partnership and unresolved issues, which hinder its development. At the same time, he noted that the sides pay great attention to the crucial spheres, the most important for the bilateral relations at the high level.



Fig. 2. E.V. Kobelev at the Round Table. *Photo by IFES RAS*

The experts described foreign policy of their countries and their situation on the world scene. Thus, Pham Quang Minh, the former rector of Hanoi University, noted the growing role of the Russian Federation in the Asia-Pacific region, the perspectives of consolidating its position of the world power. Also, he compared the Russian comprehension of “Greater Eurasian Partnership” conception and the needs of the SRV international integration.

Professor V.N. Kolotov, Head of the Chair of Far Eastern Countries History of Saint-Petersburg State University, established the decline of Russia’s importance for Vietnamese society.

In particular, he made the conclusion that in Vietnam (unlike our common perception) there have appeared political forces, social layers which are incited against the maintenance of our relations. The new elites, the departure of Russian-speaking leaders who had contacts with Russia and the emergence of the new ones, who got their education in the West, led to the formation of new pressure groups, such as trade and industry, information and political ones and others. Their weight depends on the value of commodity turn-over with appropriate countries, but Russia does not enter even the top ten for this indicator. V.N. Kolotov noted that the bilateral relations are influenced with anti-Russian rhetoric in Vietnamese mass media and re-orientation of Vietnam's foreign policy in interests of security to the US. The like negative in Russian press was emphasized by G.P. Trofimchuk, Chairman of the Expert Council of the Workshop of Eurasian Ideas Fund, who showed "partial and sometimes historically false description of current Vietnam's life and its history" in it.

Having discussed Russia's position of non-interference into territorial disputes in the South China Sea (in Moscow G.M. Lokshin, Leading Researcher of IFES RAS was the speaker), the experts acknowledged that it is perceived negatively in Vietnam, like the non-recognition of Hague Tribunal's decision in favor of the Philippines. Thus, the conclusion was made that the confrontation in the SCS complicated Russian-Vietnamese relations. Researchers and practitioners in the SRV supported the multilateral regulation and international "coercion of China to peace", while their opponents in Moscow approved Russia's decision to distance itself from the conflict in the SCS. Nguyen Chien Thang, Director of the Institute of European Studies (IES) believes that due to different approaches to the conflict in the SCS and China, it will be difficult for Russia to enhance its role in SEA without meeting Vietnam's and ASEAN desires to regulate this conflict.

P.Yu. Tsvetov, Associate Professor of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, having established the fact of similarity of the RF and the SRV positions on the world scene, acknowledged that they are far from being similar in all the problems of the world and regional development, also in those sensitive for Russia (for example, recognition of the Crimea, actions in Syria). The expert welcomed Mutual Declaration of Nguyen Xuan Phuc and V.V. Putin adopted on the result of the negotiations and analyzed it, having noted that the sides expressed negative attitude to the establishment of new military-political blocks and the application of sanctions. But it is known that virtually Hanoi condemns neither the Western campaign against Russia, nor the establishment of such semi-military structures like Quad and AUKUS against China.

Continuing the theme, E.A. Kanaev, Professor of Higher School of Economics, called the US initiatives "politization of not only regional relations, but also of global problems" and explained the motives of Hanoi's support of American initiatives. Also, he prognosed the decline of the central role of ASEAN in the region at the background of the establishment of new military-political blocks in APR with the US participation. On the contrary, Vietnamese experts see the threat to the ASEAN-centricity principle in the architecture of the relationships in the region when China enhances its positions in SEA and EA. E.A. Kanaev agreed that Hanoi's balancing between the powers cannot be called the non-alignment policy and acknowledged the US and SEA actions to impact negatively the Russian-Vietnamese relations.

At the end of the first session in Moscow, V.B. Kashin, Leading Researcher of HSE evaluated the state of military-technical cooperation of the RF and the SRV. The expert noted that there are good perspectives in this field due to the fact that Vietnam's army is provided with Russian armaments by more than 70% (the experts in Hanoi say it is up to 90%). "The SRV implements an ambitious task of creating a modern military-industrial complex, closing on Vietnam's territory as

many industrial military-type chains as possible, to use them as a catalyst of civil high-tech production. Russia is ready to assist Vietnam by transmitting military technologies”, V.B. Kashin said. The expert explained the essence of our cooperation in the sphere of maritime security and showed that it is not the exclusive one, while the US tries to oust Russia from this sphere.

The participants of the both sessions discussed in detail the cooperation in socio-economic and scientific-technical spheres having evaluated it as lagging behind the potential and level of the strategic partnership. Explaining the causes of this situation, Phan Quang Minh said that often mutual decisions adopted at the high level are not adequately and fully implemented by appropriate departments and enterprises.

M.Yu. Golikov, former Trade Representative of Russia in the SRV (Fig. 3), noted the growth of mutual commodity turnover in the period after the free trade agreement between the EAEU and Vietnam had been signed (in 2017–2021 from USD 3–4 to USD 6 billion) having acknowledged it insufficient at the background of the SRV trade-economic connections with the leading partners. The Vietnamese colleagues agreed having mentioned that the aim of USD 10 billion set in 2010 has not yet been achieved. There was noted the growing trade deficit from the RF, the increase of the share of commodities and foodstuff while decreasing the export of highly processed products. The experts also acknowledged that the results of the agreement on FTA were lower than their expectations and they explained the causes in too many restrictive non-tariff measures and delays with the implementation of additional protocols (from the SRV side).



Fig. 3. M.Yu. Golikov at the Round Table. *Photo by IFES RAS*

Thus, Nguyen Khan Ngoc, Deputy Chief of the Department of European and American Markets of the Ministry of Industry and Trade of the SRV, paid attention to some difficulties to expand mutual deliveries, insufficient transport capacities and their expensiveness among them (having acknowledged the reluctance of Vietnamese companies to use the railroad through the PRC to speed up deliveries to the RF), as well as the threat of blocking mutual settlements by Washington through the SWIFT system (in response the sides began to form their own mechanisms, which do not allow the payments in national currencies, so far), negative impact of Western sanctions on the activity of trade relations.

The analysis of the investment practice showed significant differences in the assessment of the volumes of reciprocal capital flows, but the causes of this phenomenon were not explained. V.M. Mazyrin, CVAS Chair (Fig. 4), provided data on the SRV FDI in Russian economy (USD 3 billion) while Russian investments in Vietnamese economy is virtually stagnant and there prevail (as far as their quantity is concerned) small and medium projects in them. Nguyen Thanh Lan, a

researcher of IES, acknowledged the state of investment cooperation considered, but she noted its low volume. The data differ while the main investments from the RF side come on the base of intergovernmental agreements, also those begun some decades ago (like AO Zarubezhneft, and GK Petrovietnam).



Fig. 4. CVAS Chair V.M. Mazyrin at the Round Table. *Photo by IFES RAS*

Vu Thuy Trang, Director of the Center of Russia and the CIS countries of the same Institute, having evaluated the relations of dialogue partnership of Russia and ASEAN in general, saw difficulties of economic integration of Russia into SEA, and insufficiency of Russia's efforts towards it. This opinion was commented by V.M. Mazyrin, who had added that even at the more successful direction of investments into the SRV (oil and gas) Russia experiences the restrictions both natural (the decrease of oil reserves) and artificial ones (bans of the Chinese and American sides). As a result, the event of 2021 was the sale of Rosneft assets, being the leading company in this branch. In this connection there were assessed the opportunities to deliver oil and liquefied gas, taking into account the progress made in this sphere by the US companies. Novatek, the Russian gas operator, who had signed the promising memorandum with Petrovietnam, may become their rival.

Russian experts in Moscow, commenting the perspectives of the extension of economic interrelations and evaluating our interests, came to the conclusion that only great strategic projects can stimulate the real rise of the trade and economic cooperation. They are the establishment of current pipeline and railroad networks in the SRV and their extension towards the ASEAN countries, AES construction and the exploration of outer space.

Moscow unlike Hanoi also discussed the interchange of human resources. M.N. Khranova, Deputy Director of the Institute of Demographic Research considered the cooperation in this sphere unsatisfactory, as it is reflected in downtrends of every kind of Vietnamese migration to Russia. S.V. Ryazantsev, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the same Institute, told why the RF cannot hold Vietnamese specialists who have got higher education here. Also, he acknowledged that the sides are not ready for a serious threat of outflow of climate migrants from the SRV to the RF, if they appear in masses. At the same time S.V. Ryazantsev considers it useful to cooperate on the issues of demographic development, despite different tendencies and the composition of the population of the two countries, being of opinion that our assistance is on demand in Hanoi.

N.V. Shafinskaya, an Assistant Rector of RANEPa, PhD (Politics), critically evaluated the training of personnel speaking Russian and Vietnamese in Russia and in Vietnam. She concluded that all the participants of promotion of the Russian language in the SRV are un-coordinated and cannot

achieve the appropriate result, but in Russia the quantity of Vietnamese specialists is small and they are used inefficiently due to the lack of state demand and allocation. The expert confirmed that therefore the turn of Russia towards the Orient is, so far, badly prepared and organized; it requires for more efficient pursuing of soft force policy in Vietnam. She proposed measures to correct shortcomings in the training/employment system of specialists in Vietnamese culture and in Russian philology.

Also, at the seminar in Hanoi Nguyen Thi Thu Dat, Director of Hanoi branch of the Pushkin State Russian Language Institute, emphasized problems of learning Russian in schools and universities of the SRV. She acknowledged that, though this process is intensified, the retention of the essence of the Russian language in the country has no strong base, i.e., no clear perspectives. The experts evaluated the situation with training Vietnamese students in the RF, considering the increase of annual quotas from the Russian side up to a thousand. At the same time, the deterrent has been determined – the desire of Vietnamese families, even the former graduates from Soviet universities, to educate their children in Western countries.

Examples and opportunities of the cooperation of Russia and Vietnam in the sphere of science and technology offered A.Ya. Sokolovsky, Professor of FEFU. In his opinion, there is no significant progress in the relations of the two countries in the Far East, but the perspectives of their development remain. FEFU is still the education leader for Vietnamese students and for Russian Vietnamists. The University fortifies mutual academic links, also by means of translations, issuing books by Vietnamese authors. But the quantity of Vietnamese labor force in FEFD does not increase, and joint ventures are mainly small or medium.

E.V. Nikulina, Researcher of CVAS, spoke on other joint projects in humanities, having added the information of issuing translations of Vietnamese literature in Russia. As for problems of cultural exchange, she noted its extremely limited, sporadic character, objective difficulties of its intensification. The Russian side does not show a special desire to promote products of culture to the SRV, and local population, especially the youth, is not interested in it and experiences the growing influence of the West. At the seminar in Hanoi among other speakers Nguyen An Ha, the former Director of IES VASS, expressed being sorry about it, while Russian cultural treasures are of great importance for Vietnam. They spoke on the loss of appropriate support in their society due to the leaving of older generations who had got education in the USSR.

At this background a new perspective direction of the cooperation has become the production in Vietnam of Russian vaccine Sputnik-V for the solution of relevant tasks to struggle against the coronavirus epidemic. The experts confirmed the application in Hanoi of the first commercial vaccine batch (739 thousand doses) and the existing reality to produce 40 mln doses by June 2022. They emphasized the agreement recently reached in Moscow on deliveries of medical equipment and supplies and on joint researches in the field of medicine.

The discussion of the state of Russian-Vietnamese relations with the participation of the researchers in Moscow and Hanoi, should be recognized ripened and useful. It has showed both strong and weak points of the two countries' cooperation, discovered the existing hardships, generally mentioned by the President of the SRV in his discourse with the President of Russia in the Kremlin. The participants fulfilled the set task to evaluate the existing problems and by this means to assist in finding the way to raise the strategic partnership of the RF and the SRV at the appropriate level. They unanimously called to develop and fortify it, leaning for support on the traditions of friendship of the Russian and Vietnamese peoples, in accordance with the realities of current international situation

and new directives of the leaders of the two countries, recently proposed during their meeting in Moscow. The experts are waiting for new “break-throughs” in economic sphere, as it was declared at the meeting of the presidents.

Discussions in Moscow and Hanoi received media coverage:

<https://vtv.vn/video/thoi-su-19h-vtv1-04-12-2021-534091.htm>

<https://www.vietnamplus.vn/dong-luc-moi-cho-quan-he-doi-tac-chien-luoc-toan-dien-vietnga/758737.vnp>

<https://vn.sputniknews.com/20211206/nga-va-viet-nam-can-co-nhung-du-an-chung-quy-mo-lon-12756030.html>

<https://www.msn.com/vi-vn/news/world/quan-h%E1%BB%87-vi%E1%BB%87t-nam-nga-c%C3%B3-ch%E1%BA%A5t-l%C6%B0%E1%BB%A3ng-m%E1%BB%9Bi-theo-c%C3%A1c-h%C6%B0%E1%BB%9Bng-%C4%91i-r%E1%BB%99ng-kh%E1%BA%AFp/ar-AARHBWZ?li=BBr8RiP>

Author:

Mazyrin Vladimir M., D.Sc. (Economy), Chair of Center for Vietnam and ASEAN Studies, IFES RAS; Professor of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0000-0001-6988-0139. E-mail: mazyrin_v@mail.ru

Received: December 12, 2021

Accepted: December 20, 2021

DOI: 10.54631/VS.2021.54-162-170

ВЬЕТНАМ В РОЛИ СВЯЗУЮЩЕГО ЗВЕНА МЕЖДУ РОССИЕЙ И АСЕАН

**Обзор международной научно-практической конференции «Россия и АСЕАН в АТР:
динамика взаимодействия, региональные процессы и глобальный контекст»**

В.В. Вершинина, Д.Д. Бачило

Аннотация: В статье содержится обзор состоявшейся 15–16 октября 2021 г. в МГИМО МИД России в рамках XIII Конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) международной научно-практической конференции «Россия и АСЕАН в АТР: динамика взаимодействия, региональные процессы и глобальный контекст». Мероприятие было приурочено к 25-летию диалогового партнёрства и 30-летию установления официальных отношений России и АСЕАН. Акцент в обзоре сделан на докладах, посвящённых Вьетнаму и его отношениям со странами региона и Россией.

Ключевые слова: СРВ, Вьетнам, АСЕАН, ЕАЭС, конференция, диалоговое партнёрство.

Для цитирования: *Вершинина В.В., Бачило Д.Д.* Вьетнам в роли связующего звена между Россией и АСЕАН // Вьетнамские исследования. 2021. Т. 5. № 4. С. 162–170.

Юбилейный для российско-асеановских отношений 2021 г., в котором стороны отметили 25-летие диалогового партнёрства и 30-летие отношений, не был обойдён вниманием экспертного сообщества. 15–16 октября 2021 г. в МГИМО МИД России в рамках XIII Конвента Российской ассоциации международных исследований (РАМИ) состоялась международная конференция «Россия и АСЕАН в АТР: динамика взаимодействия, региональные процессы и глобальный контекст». Богатая программа конференции¹ отразила большую важность для международного научного сообщества означенного события: девять тематических сессий с участием отечественных и зарубежных исследователей, а также круглый стол на тему «Поворот России на Восток: как обеспечить его системный характер?» охватили весь спектр взаимоотношений нашей страны с Ассоциацией (рис. 1).

Примечательно, что во многом фокус внимания как зарубежных, так и российских экспертов на различных сессиях оказался смещён в сторону Вьетнама – его места в регионе, в Ассоциации и в отношениях с Россией. Этот акцент, безусловно, не случаен для отечественной науки и выражает не только дань традиции востоковедной школы нашей страны и истории взаимоотношений СССР и России с регионом, но и во многом выявляет акценты российско-асеановских отношений.

В этом смысле закономерно, что среди почётных гостей церемонии открытия конференции оказался посол Вьетнама в России, выпускник МГИМО Данг Минь Кхой. В своём приветствии он особо отметил, что Вьетнам как традиционный партнёр России и ответственный член Ассоциации всегда придавал особое значение развитию отношений

¹ URL: https://asean.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/2021-10_russia-asean-conf_prog.pdf

АСЕАН и России. За 30 лет был достигнут значительный прогресс во взаимодействии России со странами – членами Ассоциации, и на данном этапе, по его мнению, диалоговое партнёрство вступает в новую фазу своего развития.

С приветственными словами² к участникам конференции также обратились заместитель министра иностранных дел Российской Федерации И.В. Моргулов, генеральный секретарь АСЕАН Лим Джок Хой, министр по делам образования, молодёжи и спорта Королевства Камбоджа Ханг Чуон Нарон, министр иностранных дел Республики Индонезия (2009–2014) Марти Наталегав (рис. 1), постоянный представитель РФ при АСЕАН А.А. Иванов, председатель делового совета Россия – АСЕАН И.В. Поляков и проректор по научной работе МГИМО А.А. Байков. Спикеры церемонии открытия поделились видением представляемых ими ведомств и организаций относительно итогов и современного состояния партнёрства России и АСЕАН. И.В. Моргулов, в частности, в своём обращении подчеркнул роль экспертного сообщества в развитии отношений России и АСЕАН. Представительный состав участников конференции и широкий тематический охват свидетельствуют, по его мнению, о росте взаимного интереса России и стран АСЕАН и об актуальности исследования регионального измерения российско-асеановских отношений.

Роль Вьетнама в регионе и во внешних связях России в рамках конференции анализировалась в основном по следующим направлениям: 1) в сфере экономики: касательно двусторонних торгово-экономических и инвестиционных отношений с Россией, взаимодействия с ЕАЭС; 2) в сфере образования; 3) в рамках военно-стратегического сотрудничества.

По первому блоку вопросов как российские, так и зарубежные исследователи отметили неоднозначность итогов торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества и вместе с тем – перспективность их развития, несмотря на объективные сложности, вызванные пандемией COVID-19. Так, директор Центра внешней политики и региональных исследований Дипломатической академии Вьетнама Нгуен Тхи Бить Нгок в своём докладе дала несколько рекомендаций, которые могут способствовать дальнейшей интенсификации сотрудничества России и АСЕАН.



Рис. 1. Приветственное слово министра иностранных дел Республики Индонезия (2009–2014) Марти Наталегав. Фото МГИМО МИД России

² URL: <https://youtu.be/0-PonoTHULo>

По её мнению, сохраняется значительный потенциал в экономической сфере, особенно в рамках диалога между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и АСЕАН. Вьетнам – первая страна, подписавшая соглашение о зоне свободной торговли (ЗСТ) с ЕАЭС, вслед за которой к взаимодействию с евразийским интеграционным объединением подключился Сингапур. Нгуен Тхи Бить Нгок считает, что поскольку большинство стран АСЕАН ориентируется на диверсификацию торговых отношений и стремится получить выход на новые экспортные рынки, существует широкий спектр возможностей в их взаимодействии с ЕАЭС. Обеим сторонам следует внимательно изучить перспективы создания ЗСТ между ЕАЭС и АСЕАН. Всё большую актуальность на фоне глобального изменения климата, по мнению эксперта, приобретает сотрудничество России и АСЕАН в сфере зеленой энергетики и применения экологически чистых технологий. Ещё одной перспективной сферой взаимодействия является здравоохранение, в частности совместные исследования в борьбе с пандемией COVID-19, а также с другими инфекционными заболеваниями. Россия и Вьетнам уже имеют позитивный опыт сотрудничества в данной области благодаря действующему совместному Российско-вьетнамскому Тропическому научно-исследовательскому и технологическому центру.

Об особой роли Вьетнама в отношениях России, ЕАЭС и АСЕАН говорилось в выступлении заместителя проректора по международным отношениям Дальневосточного федерального университета (ДВФУ) Е.Е. Власова. Он отметил, что идея о сближении двух интеграционных объединений ЕАЭС и АСЕАН не раз была озвучена высшими должностными лицами Вьетнама на различных международных площадках. Впервые она прозвучала в 2019 г. на полях Восточного экономического форума, когда вице-премьер СРВ Чинь Динь Зунг заявил, что его страна готова выступить в роли моста между ЕАЭС и АСЕАН. Глава Министерства промышленности и торговли Вьетнама Нгуен Хонг Зиен также выразил поддержку этой инициативе и подтвердил готовность Ханоя прилагать необходимые усилия в этом направлении. Однако, как подчеркнул Е.Е. Власов, несмотря на все преимущества и перспективы данного проекта, Россия сталкивается с целым рядом сложностей в его реализации. В качестве примера он привёл опыт реализации крупнейшего вьетнамского инвестиционного проекта в Приморском крае – строительства вьетнамской компанией ТН True Milk нескольких молочных ферм и молокозавода. Сложный бюрократический процесс, небольшая плотность населения Приморья и слаборазвитая транспортная инфраструктура края значительно задержали его реализацию. По мнению эксперта, именно осуществление подобного рода проектов под эгидой крупных корпораций может придать импульс вьетнамско-российским, а в дальнейшем и российско-асеановским торгово-экономическим отношениям; однако для этого необходимо преодолеть ряд объективно существующих ограничений.

Ещё один аспект экономического сотрудничества – в рамках соглашения о ЗСТ между Вьетнамом и ЕАЭС – был частично рассмотрен в докладе аспиранта ИСАА МГУ А.Р. Долининой, посвящённом анализу потребительского рынка Вьетнама. Приведённая докладчиком статистика продемонстрировала наметившийся в стране тренд перехода к более вестернизированной модели потребления и частичному отказу от традиционных для вьетнамцев продуктов питания, в частности риса. В результате роста спроса на мясную и молочную продукцию, а также благодаря обнулению таможенных пошлин в рамках соглашения о ЗСТ значительно выросла доля экспорта продовольствия из России во Вьетнам, в результате чего РФ стала его крупнейшим поставщиком свинины, сделав эту страну вторым по величине импортёром мяса из России после Китая.

В целом участие Вьетнама в глобальных цепочках создания добавленной стоимости было освещено в докладе и. о. заведующего Центром российской стратегии в Азии Института экономики РАН И.А. Коргун. На примере сотрудничества страны с Республикой Корея эксперт объяснила, как участие Вьетнама в глобальном разделении труда отражается на его торговле с Россией. Так, на сегодняшний день СРВ является одним из ведущих поставщиков на российский рынок бытовой электроники, что обусловлено переносом корейскими фирмами производства во Вьетнам ввиду торгового соперничества Китая и США, более низкой стоимостью вьетнамской рабочей силы, проводимой вьетнамским правительством инвестиционной и торговой политикой, активным участием СРВ в многосторонних торговых соглашениях и др.

Образование как один из важных аспектов отношений России и Вьетнама в контексте диалогового партнёрства Россия – АСЕАН затронула профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН М.А. Шпаковская. В своём докладе эксперт сделала акцент на проблеме экспорта российского образования во Вьетнам. Общеизвестно, что многие вьетнамские политические деятели получили образование в России, однако уже в ближайшей перспективе к власти придёт новое поколение управленцев, которые преимущественно обучались в странах Запада. М.А. Шпаковская привела в пример деятельность во Вьетнаме американского частного некоммерческого университета «Фулбрайт» и австралийского Мельбурнского королевского технологического института. По её мнению, российские вузы слабо представлены на образовательном рынке Вьетнама и необходима проработка более эффективной стратегии экспорта образовательных услуг России.



Рис. 2. Участники конференции. Фото МГИМО МИД России

Несколько докладов было посвящено анализу военного сотрудничества Вьетнама с другими странами (рис. 2). В частности, в докладе доцента кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) Н.В. Фёдорова, утверждалось, что на сегодняшний день СРВ усиленно проводит модернизацию армии и стремится диверсифицировать оборонное сотрудничество. Новым и перспективным её партнёром в этой области может стать Индия, с которой отношения имеют статус всеобъемлющего стратегического партнёрства. К преимуществам последней в военнотехническом сотрудничестве с Вьетнамом Н.В. Фёдоров отнёс опыт эксплуатации военной техники как советского и российского производства, так и западных образцов. Россия по-

прежнему занимает лидерские позиции, однако, как подчеркнул докладчик, в перспективе Индия может стать серьёзным конкурентом, учитывая, что уже на сегодняшний день вьетнамо-индийское оборонное сотрудничество развивается достаточно активно.

Сотрудничество Вьетнама с другим не менее важным партнёром – Японией – было проанализировано доцентом кафедры востоковедения МГИМО МИД России А.А. Киреевой. Она привела результаты проведённого в 2019 г. МИД Японии в различных странах соопроса с целью выяснить, насколько население той или иной страны доверяет Японии. В итоге Вьетнам оказался одним из лидеров. Эксперт подчеркнула, что СРВ занимает особое место в новой внешнеполитической стратегии Японии, провозглашённой премьер-министром Синдзо Абэ, что обусловлено стремлением последней не допустить доминирования Китая в регионе. Расширяются контакты по вопросам традиционной и нетрадиционной безопасности, а также торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества.

Дискуссию дополнила прошедшая на полях конференции тематическая книжная выставка и презентация новых научных изданий. По итогам конференции на основе представленных докладов планируется издание сборника статей.

Авторы:

Вершинина Валерия Валерьевна, к. полит. н., эксперт Центра АСЕАН при МГИМО МИД России. ORCID: 0000-0001-7848-8497. E-mail: vv.vershinina@inno.mgimo.ru

Бачило Дарья Дмитриевна, эксперт Центра АСЕАН при МГИМО МИД России. E-mail: daria.bachilo@yandex.ru

Продвижение статьи:

Дата поступления: 10.12.2021

Принята к печати 20.12.2021

VIETNAM AS A LINCHPIN BETWEEN RUSSIA AND ASEAN

Overview of the international conference “Russia and ASEAN in Asia-Pacific Region: Dynamic of Cooperation, Regional Processes and the Global Context”

V.V. Vershinina, D.D. Bachilo

Abstract. The article presents an overview of the international conference “Russia and ASEAN in Asia-Pacific Region: Dynamic of Cooperation, Regional Processes and the Global Context” that was held at MGIMO University on October 15-16, 2021. The event was a part of the 13th Russian International Studies Association (RISA) Convention. This year the conference was dedicated to the 25th anniversary of Russia-ASEAN Dialogue Partnership and 30th anniversary of their bilateral relations. The overview is focused on the presentations, covering Russia-Vietnam relations and the role of Vietnam in ASEAN-Russia partnership, as well as Vietnam’s position within the region.

Keywords: Vietnam, ASEAN, conference, dialogue partnership.

For citation: Vershinina V.V., Bachilo D.D. (2021). Vietnam as a Linchpin Between Russia and ASEAN. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 5 (4): 162–170.

The 2021 year of a double anniversary, that is the 25th anniversary of Russia-ASEAN Dialogue Partnership and the 30th – of their bilateral relations, has not escaped the attention of the academia. On October 15–16, 2021 ASEAN Centre, MGIMO University held an international conference “*Russia and ASEAN in Asia-Pacific Region: Dynamics of Cooperation, Regional Processes and the Global Context*” as a part of the 13th Russian International Studies Association (RISA) Convention. The conference busy agenda¹ reflected the international importance of the event: nine highly topical sessions along with a round table discussion “*How to Sustain Russia’s Pivot to Asia?*”, both counting with the participation of Russian and foreign scholars, covered almost the whole spectrum of Russia-ASEAN bilateral ties.

Interestingly enough, the focus of many Russian and foreign conference participants was on Vietnam, its role in the region and within the Association, as well as its relations with Russia. Although such an accentuation comes as no surprise, for in the Russian Asian Studies this country has long been in the center of attention, and historically Vietnam has had close ties with USSR/Russia, this fact also reflects the current dynamic of Russia-ASEAN relations.

It is therefore quite understandable that a MGIMO graduate and the current Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of Vietnam to Russia Mr. Dang Minh Khoi was one of the key guest speakers at the conference opening ceremony. The Ambassador pointed out to the fact that being Russia’s traditional partner and a responsible member of ASEAN, Vietnam has always been eager to enhance ASEAN-Russia relations. The past thirty years have witnessed a major progress in Russia’s interactions with the Association’s member states and now, according to Dang Minh Khoi, the Dialogue Partnership is scaling up to a new stage of development.

¹ URL: https://asean.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/2021-10_russia-asean-conf_prog.pdf

The opening remarks² were also delivered by the Deputy Foreign Minister of the Russian Federation Mr. Igor Morgulov, the Secretary-General of ASEAN Dato' Paduka Lim Jock Hoi; the Minister for Education, Youth and Sport of the Kingdom of Cambodia Mr. Hang Chuon Naron; the Minister for Foreign Affairs of the Republic of Indonesia (2009-2014) Mr. Marty Natalegawa (Fig. 1); the Ambassador of the Russian Federation to ASEAN Mr. Alexander Ivanov; the Russia-ASEAN Business Council Chairperson Mr. Ivan Polyakov and MGIMO Vice-Rector for Scientific Affairs Mr. Andrey Baykov. The speakers provided their respective organizations and public institutions' perspectives on the key takeaways and the current state of Russia-ASEAN relations. Mr. Morgulov, for instance, stressed the role of the academia in the enhancement of Russia-ASEAN relations. The impressive composition of the conference and the range of topics at the sessions' agendas show a growing mutual interest between the respective parties and suggest the research on Russia-ASEAN regional cooperation is more than timely.



Fig. 1. Opening remarks by the Minister for Foreign Affairs of the Republic of Indonesia (2009–2014) Mr. Marty Natalegawa. *Photo by MGIMO University*

The role of Vietnam in the region and its relations with Russia were analyzed in the following spheres: 1) economy (in bilateral trade and investment as well as in interaction with EAEU); 2) education; 3) military and defense cooperation.

As for the economy, both Russian and foreign scholars acknowledged the ambiguity of the cooperation results, at the same time stressing the great potential this cooperation has despite the external challenges posed by the COVID-19 pandemic. Dr. Nguyen Thi Bich Ngoc, Director of the Centre for Foreign Policy and Regional Studies, Diplomatic Academy of Vietnam, proposed several recommendations for intensification of Russia-ASEAN bilateral cooperation. In her opinion, there is a significant potential in economic sphere, namely, in contacts between Eurasian Economic Union (EAEU) and ASEAN. Vietnam was the first country to sign the Free Trade Agreement (FTA) with the EAEU, followed by Singapore. According to Nguyen Thi Bich Ngoc, as the majority of ASEAN countries aims to diversify their trade relations and gain access to other markets, they have a wide range of opportunities in cooperation with EAEU. Both Russia and ASEAN need to consider the feasibility of an FTA. Accordingly, the global climate change prompts Russia-ASEAN green energy

² URL: <https://youtu.be/0-PonoTHULo>

cooperation, and the application of green technologies grows in importance. Another promising sphere is health cooperation and joint research activities on COVID-19, as well as other diseases. Russia and Vietnam do have already positive experience in this sphere thanks to the Joint Russian-Vietnamese Tropical Research and Technological Center (Tropical Center).

Vice Rector for International Relations (Far Eastern Federal University, FEFU) Mr. Evgeny Vlasov also stated the special role of Vietnam in Russia and EAEU relations with ASEAN. He stressed that the idea of contingency between the two integration blocks had been repeatedly pronounced by Vietnamese senior officials at various international forums. It first appeared in the speech by the Deputy Prime Minister Trinh Dinh Dung at the 2019 Eastern Economic Forum: he stated that Vietnam is ready to act as a bridge between EAEU and ASEAN. Nguyen Hong Dien, Minister for Industry and Trade of Vietnam, welcomed the idea and reassured Vietnam is ready to make the necessary efforts to achieve this aim. However, as Evgeny Vlasov emphasized, despite all the benefits of the prospective project, Russia faces severe challenges in its implementation. He drew the example of the Vietnamese company TH True Milk, who is building several dairy farms and a plant in Primorsky Krai, which may become the biggest Vietnamese investment project in the region. The prolonged burocrating arrangements, low population density and underdeveloped regional transport infrastructure provoked considerable delays in the process of the project's implementation. According to the expert, such projects implemented by big corporations may boost Russia-Vietnam and later Russia-ASEAN trade and economic cooperation, however, several intrinsic challenges should be addressed beforehand.

Another aspect of the economic cooperation, the functioning of the Vietnam – EAEU FTA, was touched upon by Anna Dolinina, a Ph.D. student at the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University. The topic was brought up in the context of the consumer market analysis in Vietnam. The author's statistics demonstrated that Vietnam is moving to a more westernized model of consumption and is partly reducing the share of traditional products, such as rice. The growing demand for meat and dairy products, as well as the nullification of customs rates prompted food export from Russia to Vietnam, making Russia the biggest supplier of pork to Vietnam and putting Vietnam second after China in the list of major meat importers from Russia.

Irina Korgun, Acting Director of the Center for the Russian Strategy in Asia, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, analyzed the participation of Vietnam in the global value chains. Taking the Vietnam – Korea cooperation as an example, the expert explained how Vietnam-Russia cooperation is influenced by the country's participation in the international division of labor. Vietnam is now one of the leading suppliers of domestic electronic devices to Russia, which is explained by the relocation of the Korean production plants to Vietnam due to growing trade tensions between the US and China, lower labor costs in Vietnam, as well as the investment, trade policies and the participation of Vietnam in multilateral trade agreements, etc.

The issue of education as one of the key elements of Russia – Vietnam cooperation in a broader context of Russia-ASEAN Dialogue Partnership was brought about by Marina Shpakovskaya, Professor at the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University. The focus of her speech was the problem of the export of Russian education to Vietnam. It is well known that many Vietnamese politicians made their studies in Russia, however, the new generation coming to power was educated mostly in the Western countries. She took as a key study in export of education services the activities in Vietnam by the US private Fulbright University and the Australian Royal Melbourne Institute of Technology. The expert concluded that Russian

universities are hardly visible on the Vietnamese education market and a more effective strategy on the export of Russian educational services is needed.

Several presentations covered the topic of Vietnam military and defense cooperation with other countries (Fig. 2). For instance, Nikolay Fedorov, Associate Professor at the Department of American Studies, Faculty of International Relations, St. Petersburg State University, stated that Vietnam is forging modernization of its army and is trying to diversify its defense cooperation. India, by enjoying Comprehensive and Strategic Partnership with Vietnam, may become a new and promising counterpart in the sphere. The India's experience in handling both Soviet/Russian and Western military equipment may be a strong point for Vietnam in favor of this country. Russia is preserving its leadership in the sphere, however, according to the expert, India may become in the future a strong competitor, as the Vietnam-India defense cooperation is already actively expanding.



Fig.2. The conference participants. *Photo by MGIMO University*

Anna Kireeva, Associate Professor at the Department of Asian and African Studies, MGIMO University, analyzed Vietnam's cooperation with another important partner, Japan. Anna Kireeva based her assumptions on the results of the poll conducted in 2019 by the Ministry of Foreign Affairs of Japan, which aimed to identify how liable is this or that country population to Japan, with Vietnam scoring considerably high. The expert highlighted the special position of Vietnam in the Japanese foreign policy strategy initiated by the former Prime-Minister Abe Shinzo, which is explained by the Japan's quest to counter Chinese domination in the region. The two countries are expanding exchanges over traditional and non-traditional security challenges, as well as in trade and investment.

A special part of the conference was a thematic book exhibition as well as book presentations. The major outcome of the conference is expected to be a publication of conference papers.

Authors:

Vershinina Valeria V., Ph.D. (Politics), Expert, ASEAN Centre in MGIMO. ORCID: 0000-0001-7848-8497. E-mail: vv.vershinina@inno.mgimo.ru

Bachilo Daria D., Expert, ASEAN Centre in MGIMO. E-mail: daria.bachilo@yandex.ru

Article history:

Received: December 10, 2021

Accepted: December 20, 2021

DOI: 10.54631/VS.2021.54-171-178

ВЬЕТНАМ МНОГОГРАННЫЙ

Обзор докладов по Вьетнаму в рамках Всероссийской научно-практической конференции VII Губеровские чтения «Юго-Восточная Азия: историческое прошлое и современная реальность»

М.А. Сюннерберг

Аннотация: В статье представлен обзор докладов по Вьетнаму на состоявшейся 5–6 октября 2021 г. Всероссийской научно-практической конференции VII Губеровские чтения «Юго-Восточная Азия: историческое прошлое и современная реальность». В конференции, организованной кафедрой истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии ИСАА МГУ, приняли участие исследователи из различных академических, научно-исследовательских и учебных институтов. Большое количество докладов было посвящено Вьетнаму, причём проблематика выступлений была крайней разнообразной, что позволило представить различные грани столь интересной страны.

Ключевые слова: Губеровские чтения, Вьетнам, история, культура, политика.

Для цитирования: *Сюннерберг М.А.* Вьетнам многогранный // Вьетнамские исследования. 2021. Т. 5. № 4. С. 171–178.

5–6 октября 2021 года в Институте стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках VII Губеровских чтений в смешанном очно-заочном формате состоялась Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Юго-Восточная Азия: историческое прошлое и современная реальность».

Выступления проходили в рамках двух крупных тематических блоков – «Современные проблемы развития стран ЮВА» и «Традиционный мир стран ЮВА». Вниманию слушателей были представлены доклады как по отдельным странам Юго-Восточной Азии, так и по региону в целом. Традиционно наибольшее число выступлений (7 из 24) пришлось на Вьетнам, что вполне естественно, учитывая высочайший уровень двусторонних отношений наших стран и богатые традиции отечественной школы вьетнамистики. Разнообразие научных интересов российских вьетнамистов было подтверждено и на этой конференции.

Вьетнамская тематика открывалась концептуальным выступлением непосредственного ученика академика А.А. Губера (1902–1971), в честь которого каждые два года и проводится конференция, патриарха отечественного вьетнамоведения О.В. Новаковой (ИСАА МГУ) «Вьетнам: от восточно-азиатской империи до социалистической республики. Взгляд через призму исторической преемственности». В своей снабжённой интересным иллюстративным материалом презентации Оксана Владимировна, уже несколько лет развивающая тему преемственности власти и роли традиций в современном Вьетнаме, продемонстрировала тот путь, который эта страна прошла от монархии с очень закрытой общественной системой к государству республиканского типа. Особый акцент докладчик сделала на стремлении руководства СРВ при проведении политики обновления сохранить преемственность с опорой на традиционную для вьетнамского общества идеологию стабильности и всенародной

сплочённости, привлекая полезный арсенал прежнего идеологического и культурного багажа, который был творчески воспринят от исторически предшествующего государственного образования – империи Дайнам (Великий Юг) (рис. 1).



Рис. 1. Иллюстрация к докладу О.В. Новаковой. Фото автора

Любопытно, что второй доклад, посвящённый Вьетнаму, был представлен многолетним коллегой и соавтором О.В. Новаковой по университетскому учебнику «История Вьетнама. Часть. 2» П.Ю. Цветовым (Дипакадемия МИД РФ), известным специалистом по социально-политическим, идеологическим и международным вопросам. В выступлении «Проблема «исторического прошлого» в современных вьетнамо-южнокорейских отношениях» автор обратился к теме, актуальной для очень многих стран – преступлениям военных одной страны на территории другой. В данном случае речь идет о деяниях южнокорейских военных в годы Американской войны во Вьетнаме – убийствах и изнасилованиях мирных жителей. Докладчик показал, что эта негативная страница прошлого тем не менее не стала непреодолимым камнем преткновения в развитии двусторонних отношений с начала 1990-х годов, как это зачастую бывает у других стран, даже несмотря на отсутствие полноценного официального извинения со стороны руководства Республики Корея. Сама проблема в большей степени сохраняется в общественном сознании, в то время как руководящие круги СРВ относятся к ней более прагматично, сосредоточившись на задачах современного двустороннего сотрудничества.

Тема отношений Вьетнама с другой страной была поднята и в докладе М.А. Шпаковской (РУДН) «Вьетнамо-китайские отношения. Фактор США». Автор показала, что Вьетнам, обладающий выгодным геополитическим положением, с учетом успешного экономического развития, наличия одной из сильнейших армий в Азии, прочных позиций в ЮВА оказался в поле столкновения интересов США и Китая. М.А. Шпаковская обратила внимание на то, как во имя своих интересов Вашингтон «для совместного продвижения идей мира и безопасности в регионе достаточно легко переформатировал Вьетнам из коммунистического тоталитарного государства в страну-единомышленника». С учетом всех этих факторов, с точки зрения докладчика, борьба за влияние во Вьетнаме может иметь судьбоносный характер для расстановки сил в регионе в целом.

Китайская тематика, но под совершенно необычным углом, была продолжена в докладе Е.В. Лютик «Как в КНР изучают СРВ (методология, тематика, целеполагание)». Данный

доклад стал редкой возможностью узнать о функционировании вьетнамоведческой школы в Китае – стране, имеющей наиболее длительную и богатую историю отношений с Вьетнамом. Обращает на себя внимание сама аффилиация автора – НИИ Вьетнама Педагогического Университета провинции Гуанси (КНР, Гуйлинь). К примеру, в России нет целиком отведённого Вьетнаму учреждения подобного уровня. Показано, что подобные центры в КНР (а их по Вьетнаму несколько) объединяет задача «содействовать государственным органам страны в выработке концептуальных стратегий и программ». Докладчик перечислил основную проблематику, изучаемую в стенах данного НИИ, который за небольшой срок своего существования выпустил уже более 100 монографий по Вьетнаму. По мнению автора, России важно понимать и изучать современный уровень китайско-вьетнамских отношений и использование КНР подобных НИИ в качестве своеобразного инструмента «мягкой силы», что, возможно, поможет России скорректировать политику в отношении СРВ, в частности, в рамках научных и гуманитарных проектов.

Вторая секция «Традиционный мир стран Юго-Восточной Азии» открывалась докладом А.Л. Федорина (ИДВ РАН), чья сфера профессиональных интересов в первую очередь связана с комментированным переводом на русский язык крупнейшего исторического памятника Вьетнама «Полного собрания исторических записок Дайвьета». Нынешний доклад «Личности неформальных правителей Вьетнама из рода Чинь и проблемы перехода власти в рамках этого правящего рода в XVII в. Новые данные» также был построен на тех находках, что автору удалось совершить при переводе источника, а также при обращении к другим редким историческим свидетельствам, в частности, семейным хроникам (вьет. *gia phả*) (рис. 2).



Рис. 2. А.Л. Федорин делает доклад на конференции. Фото автора

Основное внимание в докладе было уделено демонстрации мотивации правителей-*тьюа* (вьет. *chúa*) при принятии решений в деле первоочередной государственной важности – назначении наследника – и сделана реконструкция и интерпретация событий, следовавших за этим. Слушатели с интересом узнали о малоизвестных фактах процесса передачи власти внутри рода правителей-*тьюа* Чинь в XVII в. Докладчик показал, что в теоретический механизм передачи власти зачастую вмешивались различные факторы, которые без детального изучения и сопоставления различных типов исторических источников было бы невозможно заметить.

На конференции было уделено внимание и пока что достаточно редкой теме для отечественного востоковедения – правовой системе стран ЮВА. Один из подобных докладов был представлен М.А. Сюннербергом (ИСАА МГУ), который в рамках своего многолетнего проекта «Женщины в истории Вьетнама» обратился к изучению правовых аспектов этой проблемы и в целом вьетнамскому праву, в первую очередь гражданскому. В докладе «Эволюция семейного законодательства во Вьетнаме» были продемонстрированы виды источников, которые можно задействовать при обращении к этой теме применительно к доколониальному, колониальному и постколониальному периодам, и приведен один из возможных вариантов их классификации. На основе представленных источников была показана эволюция правового регулирования семейно-брачных отношений: как в колониальный период оно перешло из сферы уголовного права в гражданское и какое изменение в связи с этим претерпело. Применительно к XX в. особый акцент был сделан на сравнительном анализе семейного законодательства ДРВ и РВ, а также на демонстрации ключевых положений нормативно-правовой базы современной СРВ.

Закрывало тему Вьетнама выступление Е.В. Гордиенко (соискатель РГГУ) «"Три небесных духа правительниц Чынг...": сакрализация древности во вьетнамских повествованиях о духах-покровителях деревенских общин». Вниманию слушателей был представлен анализ сакрального текста, написанного придворными историографами династии Ле предположительно в XVI в., – повествования о духах-покровителях одной из деревенских общин в приморском городе Хайфон. Текст посвящен трём близнецам, проявившим себя в вооруженных выступлениях вьетнамцев во главе с сестрами Чынг против китайской администрации в I в. н. э., когда северные провинции современного Вьетнама входили в состав империи Восточная Хань. Привлечение подобного материала расширяет наши представления, основанные в первую очередь на официальных исторических хрониках, о событиях того времени. Именно этот доклад вызвал, пожалуй, наиболее долгое и предметное обсуждение. В частности, модератор секции А.Е. Кириченко (ИСАА МГУ) поднял проблему репрезентативности источников, пусть и древних, но всё же написанных спустя столетия после рассматриваемых в нем событий. При этом все присутствующие сошлись во мнении о нужности изучения подобного рода документов, что открывает новое поле исследований для отечественных вьетнамистов-историков.

Интересные выступления ученых и продуктивная дискуссия в рамках каждого из докладов помогли приоткрыть новые грани в изучении Вьетнама.

Автор:

Сюннерберг Максим Алексеевич, к. и. н., доцент, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова. ORCID: 0000-0002-0111-9551. E-mail: hongik@mail.ru

Продвижение статьи:

Дата поступления: 17.11.2021

Принята к печати 01.12.2021

MANY-SIDED VIETNAM

A survey of reports on Vietnam delivered at the All-Russian scientific-practical conference in the scope of the 7th Guber's readings "Southeast Asia: Historical Past and Current Reality"

M.A. Syunnerberg

Abstract: The article presents the survey of the reports on Vietnam delivered at the All-Russian scientific-practical conference of the 7th Guber's scientific readings "Southeast Asia: Historical Past and Current Reality" held from October 5 to 6, 2021. Researchers of different academic, research and training institutes took part in the conference hosted by the Chair of History of the Far Eastern and Southeast Asian countries of the Institute of Asian and African Studies at M.V. Lomonosov Moscow State University (IAAS MSU). Numerous reports were devoted to Vietnam; the subjects of the papers varied, which allowed to show various sides of such an interesting country.

Keywords: Guber's scientific readings, Vietnam, history, culture, politics.

For citation: Syunnerberg M.A. (2021). Many-Sided Vietnam. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 5 (4): 171–178.

From October 5 to 6, 2021, the All-Russian scientific-practical conference with international participation in the scope of the 7th Guber's scientific readings (in mixed format) "Southeast Asia: Historical Past and Current Reality" was held at the IAAS MSU.

The readings were held in the scope of two large subject blocks: "The Current Problems of the SEA Countries Development" and "The Traditional World of the SEA Countries". Papers both on individual SEA countries and on the region as a whole were presented to the audience. As usual, the theme of most papers (7 of 24) was Vietnam. It is quite natural, taking into consideration the highest level of bilateral relations of our countries and rich traditions of the Russian School of Vietnamese Studies. This conference has approved the variety of scientific interests of Russian Vietnamists.

The Vietnamese theme opened with the conceptional report by O.V. Novakova (IAAS MSU), a pupil of Academician A.A. Guber (1902–1971) and the patriarch of Russian Vietnamese studies: "Vietnam: From East Asian Empire to the Socialist Republic: View through the Prism of Historical Continuity". In her presentation illustrated with interesting material, Oksana Vladimirovna, who for several years has been pursuing the theme of the continuity of power and the role of traditions in current Vietnam, showed the way Vietnam passed from monarchical state with its very closed social system to the state of a republican type. The author emphasized the strive of the state-Party leadership pursuing the Renovation policy to retain the continuity with the support on the ideology of stability and national cohesion, traditional for Vietnamese society, attaching the entire ideological and cultural legacy creatively perceived from the Empire of Dai Nam (the Great South), the former state entity (Fig. 1).



Fig. 1. Illustration for the report by O.V. Novakova. *Photo by the author*

It is interesting that the second report on Vietnam was presented by P.Yu. Tsvetov (the MFA Diplomatic Academy, Russia), O.V. Novakova's colleague and coauthor ("History of Vietnam, Part 2"), a prominent specialist in sociopolitical, ideological, and international issues. In his report "The Problem of 'Historical Past' in Current Vietnamese and South Korean Relations" the author addressed the problem relevant for numerous countries, i.e., military crimes of one of the countries on the territory of the other. Here the question is the crimes of South Korean soldiers in Vietnam in the years of the Vietnam War, murders and violations of civilians. The author showed that the negative page of the past had not become the irresistible stumbling-block in the development of bilateral relations since the early 1990s, as it often occurs, even in the absence of the official apology from the side of the leadership of the Republic of Korea. The problem itself is to some extent the one of civil society, while the leadership is more pragmatic, having concentrated on bilateral collaboration.

Relations of Vietnam with another country was the theme of the report by M.A. Shpakovskaya (RUDN University): "Sino-Vietnamese Relations: the US Factor". The author showed that Vietnam with its advantageous geographical location, taking into account its successful economic development, its army, one of the strongest in Asia, and the strong position in SEA found itself in the field of conflict of interests of the US and China. M.A. Shpakovskaya paid attention to the fact that Washington took advantage "and easily enough reclassified Vietnam, a Communist totalitarian state, in a like-minded country for mutual promotion of peace and security in the region". The author believes, that bearing in mind these factors, the struggle for influence in Vietnam may be fateful for the strategic equation in the region.

The Chinese theme was continued at an unusual angle by E.V. Lyutik in her report entitled "The SRV Studies in the PRC (methodology, themes, goal-setting)". The report was a rare opportunity to know the functioning of the School of Vietnamese Studies in China, the country with the most lasting and richest history of relations with Vietnam. It is noteworthy that the author's affiliation is the Vietnam Research Institute at Guangxi Normal University (PRC, Guilin): for instance, in Russia, there is no institution specialized in Vietnam. Such centers (they are several for Vietnam) in the PRC are associated with the task "to assist government organs of the country to develop conceptual strategies and programs". The author mentioned the main problems investigated in the research institute. For a short time of its existence, it has already issued more than 100 monographs on Vietnam. In the author's opinion, it is important for Russia to understand the

current level of Sino-Vietnamese relations and the PRC use of such research institutes as a kind of the “soft power” tool. It may be useful to Russia in correcting its SRV policy, in particular, in the framework of scientific and humanitarian projects.

The second section “The Traditional World of the Southeast Asia Countries” opened the report by A.L. Fedorin (IFES RAS). His sphere of professional interests is first of all connected with the Russian commented translation of the Vietnamese greatest historical source – “Complete Annals of Dai Viet”. The report “Personalities of the Trinh, Informal Rulers of Vietnam, and the Problems of Transition of Power in the Scope of these Lords in the 17th Century. New Facts” was also based on the facts the author had found while translating the source, as well as using other rare historical evidences, in particular, family chronicles (Viet. *gia phả*) (Fig. 2).



Fig. 2. A.L. Fedorin delivers a report at the conferenc. *Photo by the author*

The author paid a special attention to the motivation of *chúa*-rulers when taking the decision in the matter of the state primary importance – the appointment of the heir – and reconstructed and interpreted the subsequent events. The audience was interested to know little-known facts of the power transition process in the Trinh *chúa*-rulers in the 17th century. The author showed that various factors are often involved in the theoretical mechanism of the transition of power; they could be noticed only due to detailed investigation and comparison of different types of historical sources.

The conference paid attention to the legal system of the SEA countries, rather rare theme, so far, for Russian Oriental studies. One of such reports was presented by M.A. Syunnerberg (IAAS MSU). In the scope of his many years’ lasting project “Women in History of Vietnam” the author addressed the legal aspect of this problem and the Vietnamese law on the whole, first and foremost the civil law. His paper “The Evolution of Family Legislation in Vietnam” showed the types of sources which can be used when addressing the theme as far as precolonial, colonial, and postcolonial periods are concerned, and gave a possible variant of their classification. On the basis of the given sources, the evolution of legal regulation of family and marriage relations was shown, as well as its transition from the sphere of criminal law to the civil one and the changes it had undergone. The part on the 20th century emphasized the comparative analysis of the family law of the DRV and RV, as well as the demonstration of the key provisions of the current SRV legal framework.

The theme of Vietnam was concluded with the report by E.V. Gordiyenko (RSUH adjunct fellow) “‘Three Heavenly Spirits of the Trung Rulers...’: Sacralization of Antiquity in Vietnamese Narratives of Spirits-Protectors of Village Communities”. The author analyzed the sacral text, having been written by the court chronists of the Le dynasty probably in the 16th century. It is the narration

of spirits-protectors of one of the village communities in the coastal town of Haiphong. The text tells of the triplet, who showed themselves in the armed actions of the Vietnamese with the Trung sisters at the head against the Chinese administration in the 1st century, when northern provinces of current Vietnam were part of the East Han Empire. The use of such a material may increase the knowledge of those historical events, based first of all on the official historical chronicles. It was this report, that initiated the longest substantive discussion. Thus, the section's moderator A.Ye. Kirichenko (IAAS MSU) raised the problem of the representativeness of the ancient sources, having been written centuries after the described events. Everyone agreed with the necessity to study such documents, opening a new field for researches of Russian Vietnamists-historians.

Interesting reports and productive discussions as part of every one helped to find new aspects in the studies of Vietnam.

Author:

Syunnerberg Maxim A., Ph.D. (History), Assistant Professor, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0000-0002-0111-9551. E-mail: hongik@mail.ru

Article history:

Received: November 17, 2021

Accepted: December 1, 2021

DOI: 10.54631/VS.2021.54-179-191

УЧЁНЫЕ МИРА О ВЬЕТНАМЕ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Обзор 6-й Международной конференции по вьетнамским исследованиям, 28–29 октября 2021 г., Ханой, и 2-й Международной научной конференции по культуре и образованию, 26 ноября 2021 г., Хюэ

Е.В. Гордиенко, В.Н. Колотов, Н.М. Краевская, Е.В. Никулина

Аннотация. В обзоре рассказывается о крупнейшем мировом форуме вьетнамистов в 2021 г. – 6-й Международной конференции по вьетнамским исследованиям, прошедшей 28–29 октября 2021 г. в очно-заочном формате в столице СРВ г. Ханое, и 2-й Международной научной конференции по культуре и образованию, состоявшейся 26 ноября 2021 г. в смешанном формате в бывшей столице императорского Вьетнама г. Хюэ. Освещена тематика докладов, охватившая региональные и международные проблемы, идеологию и политику, этнографию и религии, образование и человеческий капитал, экономику, технологии и защиту окружающей среды, язык, культуру и литературу, проблемы государства и права, истории и археологии, социологии, а также достижения и трудности вьетнамоведческих исследований в разных странах мира.

Ключевые слова: форум вьетнамоведов, региональные и международные проблемы, идеология, политика, этнография, религия, образование, человеческий капитал, экономика, культура, история, социальная тематика.

Для цитирования: Гордиенко Е.В., Колотов В.Н., Краевская Н.М., Никулина Е.В. Учёные мира о Вьетнаме и Восточной Азии // *Вьетнамские исследования*. 2021. Т. 5. № 4. С. 179–191.

28–29 октября 2021 г. в Ханое прошёл крупнейший в мире форум по вьетнамоведению – 6-я Международная конференция по вьетнамским исследованиям (The 6th International Conference on Vietnamese Studies). Конференция проводится раз в четыре года под эгидой Вьетнамской академии общественных наук (ВАОН) и Ханойского государственного университета с 1998 г. и собирает ведущих мировых специалистов по Вьетнаму. По плану нынешняя встреча должна была пройти в декабре 2020 г., однако из-за распространения коронавируса и применения карантинных мер её несколько раз переносили. В этот раз конференция прошла в смешанном формате, при котором подавляющее большинство зарубежных вьетнамистов принимало участие дистанционно. На конференцию поступило 730 докладов вьетнамских и зарубежных специалистов по различным областям – от международных отношений, истории и экономики до социальных проблем, культуры и языка.

С приветствием к участникам обратились руководители правительства СРВ, ВАОН и Ханойского государственного университета (ХГУ) (рис. 1). В десяти панельных сессиях и открытом форуме выступили более 120 учёных из Вьетнама, Японии, Индии, России, США, Великобритании, Франции, Германии, Южной Кореи, Китая, Сингапура, Таиланда, Новой Зеландии, Италии, Чехии и Польши. В данном обзоре используется информация российских участников конференции.



Рис. 1. С приветствием к участникам конференции обращается вице-премьер Ву Дык Дам.
Фото TTXVN

Пленарное заседание конференции началось с доклада зав. кафедрой истории стран Дальнего Востока, директора Института Хо Ши Мина СПбГУ профессора В. Колотова, рассказавшего о зарождении в СССР в 30-х годах XX в. ленинградской школы вьетнамоведения. Доктор Д. Деллхайм из Фонда Розы Люксембург (ФРГ) поделилась своими взглядами на итоги социально-экономических изменений во Вьетнаме. Профессор Неаполитанского восточного университета П. Масина посвятил своё выступление соотношению промышленного развития и прочности человеческой личности.

В программу конференции 2021 г. была включена новая структурная форма – открытый форум, который представлял собой пленарное заседание с докладами общего характера и последующую дискуссию. Он проходил в очно-заочном формате и на него кроме участников конференции были приглашены представители руководства ХГУ, некоторых посольств и зарубежных культурных и образовательных организаций, включая представителя Посольства РФ в СРВ и директора Российского центра науки и культуры (РЦНК) В. Степанова. Форум был посвящён анализу достижений и перспектив мирового вьетнамоведения. Основной доклад профессора ХГУ Ву Минь Зянга освещал историю развития вьетнамских исследований как внутри страны, так и за рубежом. Профессор В. Колотов поделился информацией о деятельности Института Хо Ши Мина СПбГУ в области народной дипломатии и науки (включая исследовательскую, переводческую, архивную деятельность, а также организацию конференций), образования, культуры, экономики, аналитики и экспертных услуг. Президент Японской ассоциации вьетнамских исследований профессор Фурута Мотоо проанализировал ситуацию в области изучения Вьетнама в своей стране в последнее десятилетие. Современное состояние вьетнамских исследований в Германии и Европе было представлено в докладе профессора Гамбургского университета Т. Энгельберта. Профессор Сеульского государственного университета М. Гроссхайм остановился на новых тенденциях в изучении новейшей вьетнамской истории, в частности на переосмыслении периода холодной войны и роли в ней малых стран, что, по мнению докладчика, влияет на интерпретацию некоторых исторических событий. В докладе профессора ХГУ Фам Хонг Тунга рассматривалась история развития региональных

исследований в их сопоставлении с глобалистикой, предполагающей междисциплинарный подход в гуманитарных науках. Из ряда вышеназванных докладов обобщающего и аналитического характера выбивался доклад доктора Бинь Славицки (университет Чарльза, Чехия), представившей информацию об обучении студентов вьетнамскому языку и страноведению в своём университете. Данный доклад, видимо, включённый в программу для расширения географического охвата участников, по своему уровню не вписывался в пленарное заседание столь серьёзной и престижной конференции.

Во второй день работы конференции прошли заседания десяти панельных сессий. *Первая* была посвящена региональным и международным проблемам. В сессии приняли участие учёные из вьетнамских вузов, институтов ВАОН, Дипломатической академии МИД СРВ и Института оборонной стратегии Министерства обороны Вьетнама, а также эксперты из Индийского совета исследований общественных наук, университета Пуна и Индийского совета по международным делам. Темами докладов были: влияние COVID-19 на международную обстановку и политику Вьетнама, взаимоотношения СРВ с КНР и США, место Вьетнама в Индо-Тихоокеанской стратегии, вьетнамская внешняя политика, политика в области обороны и безопасности и народная дипломатия.

На *второй* панельной сессии учёные из Вьетнама, Южной Кореи, Сингапура, Германии, Японии и Китая рассматривали вопросы идеологии и политики: от вьетнамского буддизма до существования джаза при социализме, от обновления вьетнамской деревни до реформы во вьетнамской политической идеологии, от исследования пути, намеченного Хо Ши Мином и пройденного вьетнамским народом с 1959 по 1975 г., до концепции Ле Куи Дона об управлении. Был дан анализ процесса вьетнамских реформ на основании теории трансформации, участия граждан Вьетнама в управлении государством, развития прав человека в АСЕАН, теории и практики строительства КПВ в период обновления, в том числе творческого обновления марксизма-ленинизма во Вьетнаме и его применения в новых условиях.

На *третьей* панельной сессии, обсудив некоторые особенности гендерных отношений в семейной жизни малочисленных народов Вьетнама и понятие равенства у народа зао (яо) на примере одной из общин, участники перешли к вопросам религии. Британский исследователь С. Рамсби рассказал об обращении хмонгов Северо-Западного Вьетнама в протестантизм, происходящем в течение последних 35 лет наряду с развитием рыночной экономики и туризма. На основе своих полевых исследований учёный сделал вывод, что христианство воспринимается этим народом как путь к процветанию. Российский исследователь Е. Гордиенко (Центр изучения религий РГГУ) выбрала темой своего сообщения религиозное почитание бактериолога А. Йерсина (1863–1943) в месте его захоронения, которое находится в предместье г. Нячанга, охарактеризовав это как новый синкретический культ, включающий почитание учёного в качестве духа-покровителя местности в рамках вьетнамского народного верования и в качестве бодхисатвы в рамках буддизма. Доклад сотрудника Института религиоведения ВАОН Хоанг Тхи Тху Хыонг был посвящён системе божеств народа зао (яо), отражённой в мифологии, ритуалах и особенно в иконографии. Доктор Тю Суан Зяо (Институт культурологии ВАОН) обратился к образу китайского губернатора Гао Пяня, управлявшего вьетнамскими землями в IX в. и оставившего глубокий след в религиозно-мифологических представлениях вьетнамцев, которые обрели вторую жизнь в XXI в. в СМИ и социальных сетях. Специалист по истории и культуре тямской народности Донг Тхань Зань рассказал о гендерном аспекте в мировоззрении тямов, их религиозных представлениях, отражённых в

мифологии и письменных памятниках, а также в религиозных практиках. Доцент Государственной политической академии Хо Ши Мина, доктор До Лан Хиен в своем докладе проанализировала текущую религиозную ситуацию во Вьетнаме с точки зрения безопасности деятельности религиозных организаций для человека и общества в целом, а также государства и государственной идеологии.

На *четвертой* сессии учёные из вьетнамских, японских, американских, чешских и тайландских научных и учебных учреждений обсудили достижения человеческого развития во Вьетнаме в последние десятилетия и различные вопросы образования. Были также затронуты темы интеграции вьетнамских мигрантов и их детей в иноязычную среду и изменения ценностей вьетнамской молодежи.

Сессия, посвящённая экономике, науке, технике и защите окружающей среды, включала доклады вьетнамских, японских и тайских экспертов о развитии цифровой экономики, технологических инновациях в экономике и их поощрении, об адаптации жителей приморских районов Вьетнама к изменению климата и использовании земли в горных районах страны для устойчивого развития.

На *шестой* панельной сессии обсуждались как вопросы истории и методологии вьетнамской литературы и языка, так и проблемы их современного состояния. Учёные из вьетнамских, американских, французских научных институтов и вузов говорили об определении системы ценностей вьетнамской культуры и искусства, изучении процесса формирования современной вьетнамской нации через развитие литературы на куок нгы, о современном вьетнамском романе в период обновления и международной интеграции, об экспериментах в современной вьетнамской поэзии и изменениях в грамматике вьетнамского языка. Два доклада были посвящены роману в стихах Нгуен Зу «Киеу». Не остались без внимания и проблемы языков малых народов Вьетнама, задача сохранения чистоты вьетнамского языка и отражение в нём социальных изменений в современном вьетнамском обществе.

Активной была дискуссия на *седьмой* панельной сессии, посвящённой проблемам государства и права (рис. 2). Обсуждалось строительство правового государства и государственное управление во Вьетнаме в соответствии с требованиями интеграции и устойчивого развития, верховенство закона и преимущества развитого государства, правовые аспекты заключённых СРВ соглашений о свободной торговле, международное сотрудничество в уголовном процессе и совершенствование уголовного законодательства в условиях четвёртой промышленной революции. Большое внимание было уделено правовым проблемам экономики в условиях международной интеграции, развития электронной торговли, повышения ценности интеллекта. Большой интерес вызвали доклады руководителя Центра азиатских правовых исследований юридического факультета МГУ имени Ломоносова А. Молотникова о влиянии советского права на формирование вьетнамского права и сотрудника Британского королевского общества поощрения искусств, производства и торговли доктора Д. Томас-Джеймса о международной экономической преступности.



Рис. 2. Вьетнамские участники седьмой панельной секции.

Источник: [www. http://nckh.law.vnu.edu.vn](http://nckh.law.vnu.edu.vn)

На *восьмой* сессии вопросы истории и археологии обсуждали сотрудники вьетнамских учебных и научных учреждений, Центра вьетнамских исследований Тайваньского государственного университета Чэнгун и французского университета Экс-Марсель. Доклады были посвящены как древности (палеолитическим памятникам на территории Вьетнама, истории появления во Вьетнаме триады «конфуцианство – буддизм – даосизм», новым археологическим открытиям на территории древней столицы Тханглонг), так и более близкому историческому периоду (развитие системы перевозки продовольствия по морю во Вьетнаме в XIX в., плантации на севере Тэйнгунга при французском колониальном владычестве, политика по отношению к китайцам во Вьетнаме с XVII по начало XX в. по материалам источников на ханвьете и номе). Были рассмотрены и актуальные проблемы современности, такие как суверенитет Вьетнама над Парасельскими островами и архипелагом Спратли и воздействие изменений климата на жизнь населения дельты Меконга.

Девятая сессия объединила доклады в области исследования культуры. Большой интерес и массу вопросов вызвал доклад доцента университета Сиэтла Х. Финни «Долгосрочный анализ культурных изменений: “просьба о ребёнке” как исследование конкретной ситуации». Рассматривая проблему вьетнамских матерей-одиночек, намеренно решивших завести ребенка, Х. Финни привела данные анализа изменений за последние 30 лет в репродуктивной политике и тактике, а также отношения общества к таким неполным семьям. Автору удалось связать сдвиг в общественной оценке данного явления с эволюцией культурных ценностей социума. В докладе доктора Й. Ленци из Института изобразительных искусств LASSALE (Сингапур) обсуждались две бытующие концепции зарождения современного вьетнамского искусства: появление его как результат влияния Запада или самопроизвольное зарождение на основе локальных традиционных истоков. Доцент Международного института ХГУ и Института классического Востока и античности (ИКВИА) ВШЭ Н. Краевская, обобщив теоретические основы архивирования и собственный опыт создания цифровых архивов на зарубежных платформах, сделала вывод о необходимости срочного архивирования материалов внутри страны и создания цифрового архива вьетнамского искусства на местной платформе. Оживленную дискуссию вызвал доклад доцента Нгуен Тхи Йен о реновации культурного наследия в целях его продвижения, так как возникает вопрос об аутентичности изменённых для современной аудитории культурных явлений, относящихся к национальному достоянию. Доклады доктора Ву Тхи Фыонг Хау о

развитии культуры в эпоху обновления и доктора Нгуен Тхи Тхань Хоа о стимулах, рамках и вызовах процесса демократизации культуры вызвали вопросы о роли государства и государственной поддержке инноваций в сфере культуры. Интересными были и выступления-презентации, освещающие традиции и специфические культурные явления отдельных местностей или малых народов Вьетнама. Особо стоит отметить доклад До Тхи Тху Ха о магических практиках горцев Тэйбака, построенный на собранных автором уникальных культурно-этнографических материалах.

Последняя, *десятая*, панельная сессия конференции была посвящена социальным исследованиям и включала ряд интересных докладов на актуальные темы. Кроме вьетнамских социологов, в ней участвовали специалисты из Гонконга, Новой Зеландии и Польши. Обсуждались факторы, влияющие на развитие городов и представления вьетнамцев о счастье и о публичном пространстве, вопросы социальной антропологии и экономики домохозяйств, проблемы мигрантов, инвалидов и неполных семей.

6-я Международная конференции по вьетнамским исследованиям показала, что происходящие во Вьетнаме процессы, его история, экономика и культура представляют большой интерес для мирового научного сообщества.

* * *

26–27 ноября 2021 г. в бывшей императорской столице Хюэ прошла организованная Педагогическим университетом 2-я Международная научная конференция по культуре и образованию (ICSE 2021) на тему «Новое школьное образование в Восточной Азии и Вьетнаме со второй половины XIX до конца XX в.». Конференция проводилась в смешанном формате. Из почти 80 докладов, присланных на неё из более чем 40 научных и учебных организаций СРВ и зарубежных стран, был отобран 61. Конференция проводилась на трёх языках: вьетнамском, французском и английском – и состояла из пленарного заседания и пяти секций по следующим темам: неоклассическое образование во Вьетнаме, неоклассическое образование в Восточной Азии, литература, образование и культура. Основные доклады длительностью 45 минут сделали учёные из разных стран: доктор Чыонг Конг Хуинь Ки и доктор Нгуен Тхи Фыонг Нгок их Вьетнама, доктор О. Бейбле и доктор Л. Шивэй из Франции, профессор В. Колотов из России, профессор С. Гопинатан из Сингапура. Доклады ключевых участников касались вопросов влияния западной системы образования и политической мысли на реформы образования во Вьетнаме, Корее, Китае и Сингапуре. В. Колотов выступил с докладом «Влияние советской политической доктрины на Вьетнам в середине XX в. в области политической теории» (рис. 3).



Рис. 3. Выступление профессора В.Колотова на конференции в Хюэ. Фото автора

Проведение серьёзных международных конференций во Вьетнаме свидетельствует о росте престижа вьетнамской науки в мире, а также показывает, что, несмотря на сложные условия, связанные с распространением коронавирусной инфекции по всему миру, учёные разных стран не только продолжают научные исследования, но и активно делятся полученными результатами со своими коллегами на международных форумах, которые проходят в новом, дистанционном формате.

Авторы:

Гордиенко Елена Витальевна, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет. ORCID: 0000-0003-3922-7686. E-mail: gordylena@gmail.com

Колотов Владимир Николаевич, д. и. н., профессор, зав. кафедрой истории стран Дальнего Востока Восточного факультета, директор Института Хо Ши Мина, Санкт-Петербургский государственный университет. ORCID: 0000-0002-1810-4348. E-mail: v.kolotov@spbu.ru

Краевская Наталья Михайловна, к. филол. н., доцент, Международный институт, Ханойский государственный университет; доцент, Институт классического Востока и античности, НИУ «Высшая школа экономики», Москва. ORCID: 0000-0003-4994-1410. E-mail: nkraevskaia@yandex.ru

Никулина Елена Вадимовна, н. с., Центр изучения Вьетнама и АСЕАН, Институт Дальнего Востока РАН. ORCID: 0000-0003-2640-6634. E-mail: elenavtn@mail.ru

Продвижение статьи:

Дата поступления: 02.12.2021

Принята к печати 15.12.2021

SCHOLARS OF THE WORLD ON VIETNAM AND EASTERN ASIA

Survey of the 6th International Conference on Vietnamese Studies, October 28-29, 2021, Hanoi, and the 2nd International Scientific Conference on Culture and Education, November 26, 2021, Hue

E.V. Gordienko, V.N. Kolotov, N.M. Kraevskaya, E.V. Nikulina

Abstract. The survey discusses the greatest world forum of Vietnamists in 2021 – the 6th International Conference on Vietnamese Studies held 28-29 October (direct and distant format) in Hanoi, the capital of the SRV, and the 2nd International Scientific Conference on Culture and Education held on November 26 (the mixed format) in Hue, the former capital of Emperor's Vietnam. The themes of papers enveloped regional and international problems, ideology and politics, ethnography and religions, education and human capital, economics, technologies and environmental protection, language, culture and literature, problems of state and law, history and archeology, sociology, as well as achievements and difficulties of Vietnamese studies in different countries of the world.

Key-words: Forum of Vietnamists, regional and international problems, ideology, politics, ethnography, religion, education, human capital, economics, culture, history, social themes.

For citation: Gordienko E.V., Kolotov V.N., Kraevskaya N.M., Nikulina E.V. (2021). Scholars of the World on Vietnam and Eastern Asia. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 5 (4): 179–191.

The 6th International Conference on Vietnamese Studies, the greatest world forum on Vietnamese studies, was held from October 28 to 29 in Hanoi. Since 1998 the conference has been held every four years under the auspices of the Vietnam's Academy of Social Sciences (VASS) and Vietnam National University (VNU) and invites the world leading specialists on Vietnam. This meeting was planned to be held in December 2020, but was several times postponed due to the coronavirus infection and quarantine measures. This time the conference has been held in the mixed format, i.e., distant for the most foreign Vietnamists. 730 papers have been submitted from Vietnamese and foreign specialists in different fields, such as international relations, history and economics, social problems, culture and language.

The participants were welcomed by the leaders of the Government of the SRV, VASS and Vietnam National University (VNU) (Fig. 1). At ten panel discussions and in the open forum there spoke more than 120 researchers from Vietnam, Japan, India, Russia, US, Great Britain, France, Germany, South Korea, China, Singapore, Thailand, New Zealand, Italy, Czech and Poland. This survey uses the information of Russian participants of the conference.



Fig. 1. Deputy Prime Minister Vu Duc Dam welcomes the conference participants.

Photo by TTXVN

The plenary session of the conference was opened with the paper of V. Kolotov, Head of the Chair of History of the Far Eastern Countries, Director of Ho Chi Minh Institute of Saint Petersburg State University, who spoke on the early period of the Leningrad school of Vietnamese studies (the 1930-ies). Doctor D. Dellheim from Rose Luxemburg Foundation (FRG) shared her views on the results of social and economic changes in Vietnam. P. Masina, Professor of the University of Naples "L'Orientale", devoted his report to the correlation of industrial development and the human person's stability.

The program of Conference-2021 included the open forum, a new structural form, i.e., the plenary session followed with the discussion. It was held in direct and distant format. Beside the participants of the conference, there were representatives of the authorities of VNU, some Embassies and foreign cultural and educational organizations, V. Stepanov, a representative of the RF Embassy in the SRV, Director of the Russian Center of Science and Culture, among them. The Forum analyzed the achievements and perspectives of the world Vietnamese studies. The main report by Vu Minh Giang, VNU Professor, highlighted the history of Vietnamese studies both in Vietnam and abroad. Professor V. Kolotov shared information on the activities of Ho Chi Minh Institute of Saint Petersburg University in the sphere of diplomacy and science (including research work, translations, archive activity, and conferences), education, culture, economics, analytics, and expert services. Furuta Motoo, President of the Japanese Association of Vietnamese Studies, analyzed the situation in Vietnamese studies in his country during the recent decade. The current state of Vietnamese studies in Germany and Europe was shown in the report by T. Engelbert, Professor of Hamburg University. M. Grossheim, Professor of Seoul State University, concentrated on new tendencies in studies of recent Vietnamese history, in particular on reconsideration of the cold war period, the role of small countries, which, in the speaker's opinion, impacts the interpretation of some historical events. In his report, Pham Hong Tung, Professor of VNU, addressed the history of the regional studies' development in their comparison with globalistics, which presupposes the interdisciplinary approach in humanities. Unlike these general and analytical reports was that by Doctor Binh Slavická (The Charles University, Czech), who gave the information on teaching the Vietnamese language and foreign studies in her university. The level of the paper, probably, incorporated into the program to

extend the geography of the participants, did not meet the level of the plenary session of such a serious and prestigious conference.

On the second day of the conference ten panel discussions were held. The first of them was devoted to regional and international problems. Researchers from Vietnam's universities, VASS institutes, the Diplomatic Academy of the MFA SRV and the Vietnam Academy of Defense of the Ministry of National Defense, as well as experts from the Indian Council of Social Science Research, Pune University and the Indian Council of World Affairs. The themes of the reports were as follows: COVID-19 influence on international situation and Vietnam's policy, the SRV relations with the PRC and the US, the place of Vietnam in Indo-Pacific strategy, Vietnam's foreign policy, the policy of defense and security and people's diplomacy.

The participants of the second panel discussion, the researchers from Vietnam, South Korea, Singapore, Germany, Japan and China, discussed the problems of ideology and politics: from Vietnamese Buddhism to the Jazz under Socialism, from renovation of the Vietnamese village to the reform of Vietnamese political ideology, from the investigation of the way, having been planned by Ho Chi Minh and passed by the Vietnamese people from 1959 to 1975, to Le Quy Don's conception of governance. The process of Vietnamese reforms was analyzed on the base of the transformation theory, participation of Vietnam citizens in the state governing, development of human rights in ASEAN, theory and practice of the CPV construction during the Renovation, also, the creative renovation of Marxism-Leninism in Vietnam and its application in the new situation.

The third panel, having discussed some features of gender relations in families of ethnical minorities in Vietnam, and the equality concept as comprehended by the Yao (Dao) people on the example of one of the communities, addressed the problems of religion. British researcher S. Ramsby spoke on the conversion of the Hmong (Mong) people (Southwest Vietnam) into Protestantism during the recent 35 years, simultaneously with the development of market economy and tourism industry. On the base of his field research the speaker concluded that this people comprehend Christianity as the way to prosperity. Russian researcher E. Gordienko (the Center for Religions Studies, RUHS) chose the theme of her paper the religious cult of A. Yersin (1863–1943), a Swiss-French bacteriologist, in the place of his burial, in the suburbs of Nha Trang. She describes this phenomenon as a new syncretic cult, comprising the worship of the scientist as a spirit-protector of the locality in the scope of Vietnamese folk religion and as a bodhisattva in the frameworks of Buddhism. The report by Hoang Thi Thu Huong, the researcher of the Institute for Religious Studies of VASS, was devoted to the deities' system of the Yao (Dao) people as reflected in mythology, rituals and especially in iconography. Doctor Chu Xuan Giao (Institute of Culture Studies of VASS) addressed the image of a Chinese governor Gao Pian, who governed Vietnamese lands in the 9th century and left bright trace in religious and mythological ideas of the Vietnamese, which found a second life in the 21st century in mass media and social networks. Dong Thanh Danh, a specialist on history and culture of Chams, discussed a gender aspect in Chams' vision of life, of their religious ideas reflected in mythology and scriptures, and also in religious practices. In her paper, Doctor Do lan Hien, an Assistant Professor of Ho Chi Minh State Political Academy, analyzed the current religious situation in Vietnam in the aspect of security of religious institutions' activity for the human being and society as a whole, as well as the state and the state ideology.

At the fourth panel the researchers from Vietnamese, Japanese, American, Czech and Thai scientific and educational institutions discussed the achievement of human development in Vietnam in the recent decades and various educational problems. Also, the themes of integration of Vietnamese

migrants and their children into a foreign language environment, as well as the new values of the Vietnamese youth, were raised.

At the panel devoted to economics, science, technology and protection there were delivered reports of Vietnamese, Japanese, and Thai experts on the development of digital economy, technological innovations in economy and their encouragement, on the adaptation of the population of Vietnam coastal regions to climate change and the use of lands in mountainous areas for the country's sustainable development.

The sixth panel discussed both problems of history and methodology of Vietnamese literature and language and their current problems. Researchers from Vietnamese, American, and French academic institutes and universities spoke on how to determine the value system of Vietnamese culture and art, on investigation of the formation process of the current Vietnamese nation through the development of the literature in *quoc ngu*, on the current Vietnamese novel in the period of Renovation and international integration, on experiments in the current Vietnamese poetry and on changes in Vietnamese grammar. Two speakers analyzed “The Tale of Kieu”, a novel in verse by Nguyen Du (1766 – 1820). Some papers addressed problems of ethnic minorities' languages, the task to preserve the purity of the Vietnamese language, as well as the reflection of social changes in current Vietnamese society in it.

The seventh panel actively discussed problems of the state and law (Fig. 2). They were: building a state of law, and public administration in Vietnam in accordance with the requirements of integration and sustainable development, the supremacy of the law and the advantages of the developed state, legal aspects of the agreements on free trade signed in the SRV, international cooperation in criminal procedures and the improvement of criminal legislation in the conditions of the fourth industrial revolution. A great attention was paid to legal problems of economy in the conditions of international integration, development of e-commerce, intellect adding value. The report by Doctor A. Molotnikov, Head of the Center of Asian Legal Studies (the Law Department, MSU), on the impact of the Soviet law on the formation of the Vietnamese law and the report by Doctor J. Thomas James, a Fellow of the British Royal Society of Encouraging Arts, Industry and Trade, on international economic crime were of great interest.



Fig. 2. Vietnamese participants of the seventh panel section.

Source: [www. http://nckh.law.vnu.edu.vn](http://nckh.law.vnu.edu.vn)

At the eighth panel researchers of Vietnamese educational and scientific institutions, the Center for Vietnamese Studies of Taiwan State University Chenggong and Aix-Marseille University (France) discussed problems of history and archeology. The reports were both on ancient time

(paleolithic findings on the territory of Vietnam, the appearance of the triad “Confucianism – Buddhism – Daoism”, new archeological findings on the territory of the ancient capital of Thang Long) and more recent historical period (the development of victual shipping in Vietnam of the 19th century, plantations at the North of Tay Nguyen under French colonialists, policy to the Chinese in Vietnam from the 17th to the early 20th centuries in *Han-Viet* and *Nom* sources). Relevant current problems were discussed, such as Vietnam’s sovereignty over the Paracel Islands and the Spratly Islands and the climate changes impact on the life of the Mekong Delta population.

The ninth panel discussopn united the reports on culture studies. The report by H. Finni, Assistant Professor of the University of Seattle, with the theme “Long-Term Analysis of Cultural Changes: “request of a baby” as a Research of a Concrete Situation” raised a great interest and a lot of questions. Considering the problem of Vietnamese single mothers, who deliberately decided to give birth to a baby, H. Finni shared the data of the analysis both of the changes in reproduction policy and tactics for the recent thirty years and of the attitude of society to such incomplete families. The author managed to connect the shift in the social evaluation of the phenomenon with the evolution of cultural values in society. The report by Doctor Y. Lenzi of LASSALE College of the Arts (Singapore) discussed the two existing conceptions of the origin of modern Vietnamese art: its emergence in the result of Western impact or its independent origin rooted in local traditional sources. N. Kraevskaya, an Assistent Professor of the International Institute of VNU and the Institute for Oriental and Classical Studies of HSE, having summarized the theory of archiving and her own experience of digital archive creation on foreign platforms, made the conclusion of urgent archiving materials in Russia and creation of digital archive of Vietnamese art on the local platform. The report by Nguyen Thi Yen on the renovation of cultural legacy with the aim of its promotion generated lively discussion, having raised the question of the authenticity of national treasures undergone changes for the current audience. The report by Doctor Vu Thi Phuong Hau on cultural development in the period of Renovation and the paper by Doctor Nguyen Thi Thanh Hoa on stimuli, frames and challenges of the process of democratization of culture raised questions on the role of the state and the state support of innovations in cultural sphere. Also, the presentations highlighting traditions and cultural specificities of some localities and ethnic minorities of Vietnam were of interest. The report by Do Thi Thu Ha on magical rituals of Teybak mountain-dwellers is noteworthy, as it contained unique cultural and ethnographic material collected by the author.

The last panel addressed social researches and discussed a number of interesting relevant papers. The participants were not only Vietnamese sociologists, but also specialists from Hong Kong, New Zealand, and Poland. They discussed the factors influencing the urban development and the ideas of the Vietnamese of happiness and public space, problems of social anthropology and household economies, as well as of migrants, disabled persons and incomplete families.

The 6th International Conference on Vietnamese Studies showed that current processes in Vietnam, its history, economy and culture are of great interest for the world scientific community.

xxx

On November 26–27, 2021 Hue, the former Emperor’s capital, was the place of the 2nd International Scientific Conference on culture and education (ICCE 2021) with the theme of “The New School Education in East Asia and Vietnam from the First Half of the 19th to the End of the 20th Centuries”. The conference was held in the mixed format. Sixty-one papers were selected out of nearly 80 papers submitted to the Conference by more as 40 academic and educational institutions of the SRV and foreign countries. The working languages of the conference were Vietnamese, French and English. It consisted of the plenary session and five panels with the following themes:

neoclassical education in Vietnam, neoclassical education in East Asia, literature, education and culture. Main reports (45 min.) were delivered by researchers of different countries: Doctor Truong Cong Quynh Ky and Doctor Nguyen Thi Phuong Ngoc (Vietnam), Doctor O. Bable and Doctor L. Chivay (France), Professor V. Kolotov (Russia), Professor S. Gopinathan (Singapore). The reports by key-participants raised the problems of the impact of Western education system and political thought on education reforms in Vietnam, Korea, China and Singapore. V. Kolotov delivered the report with the theme “The Impact of Soviet Political Doctrine on Vietnam in the mid-20th Century in the Sphere of Political Theory” (Fig. 3).



Fig. 3. Professor V. Kolotov delivers the report at the conference in Hue. *Photo by the author*

Serious international conferences in Vietnam evidence the growth of prestige of Vietnamese science in the world. Also, it shows that despite hardships connected with the dissemination of the coronavirus infection worldwide, researchers of various countries not only continue their investigation, but also actively share their results with their colleagues at international forums held in a new, distant, format.

Authors:

Gordienko Elena V., Adjunct Fellow, Russian State University for the Humanities. ORCID: 0000-0003-3922-7686. E-mail: gordylena@gmail.com

Kolotov Vladimir N., D.Sc. (History), Professor, Chair in Far Eastern Countries History, Eastern Faculty, Director of Ho Chi Minh Institute, St. Petersburg State University. ORCID: 0000-0002-1810-4348. E-mail: v.kolotov@spbu.ru

Kraevskaya Natalya M., Ph.D. (Philology), Associate Professor, International Institute, Vietnam National University, Hanoi; Associate Professor, Institute of Oriental and Classical Studies, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow. ORCID: 0000-0003-4994-1410. E-mail: nkraevskaia@yandex.ru

Nikulina Elena V., Researcher, Center for Vietnam and ASEAN Studies, Institute of the Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-2640-6634. E-mail: elenavtn@mail.ru

Article history:

Received: December 2, 2021

Accepted: December 15, 2021

О защите диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук Сербина Владимира Алексеевича (ФГБВОУ ВО «Военный университет Министерства обороны Российской Федерации») на тему «Военная терминология в аспектах системного образования (на примере вьетнамского языка)»*

Защита диссертации по специальности 10.02.19 – «Теория языка» состоялась 30.11.2021 г. на заседании диссертационного совета Д 215.005.01 Военного университета на базе ФГБВОУ ВО «Военный университет Министерства обороны Российской Федерации» (рис.1).

Диссертационная работа В.А. Сербина посвящена комплексному изучению процесса формирования военной терминологической системы, структурно-семантических способов терминообразования на материале военной терминологии современного вьетнамского языка. Актуальность и практическая значимость проведённого диссертационного исследования объясняются тем, что проблема образования и функционирования военной терминологии в современном вьетнамском языке остаётся неразработанной. Специальных работ, посвящённых этой теме, до сих пор не было как в отечественном, так и в зарубежном вьетнамоведении.

В диссертации представлен достаточно полный аналитический обзор проблемных точек современного отечественного терминоведения, на основе которых дана характеристика военной терминологии вьетнамского языка. Основная часть работы посвящена многоаспектному анализу формальной структуры военных терминов, описанию структуры специальной лексической единицы, структурных способов образования терминов, таких как словосложение, аффиксация, аббревиация, а также характерного для аналитических языков способа терминообразования с помощью служебных слов. Кроме того, рассмотрены механизмы семантического образования военных терминов, специализации значения общеупотребительных слов и детерминологизации терминов вкупе с явлениями метафоризации, сужения и расширения значений лексических единиц. В исследовании также затронут вопрос обогащения военно-терминологической системы в процессе заимствования из иностранных языков.

Работа с теоретическим и практическим материалом и оригинальными текстами позволила автору диссертационного исследования ввести в оборот теории языка и отечественной вьетнамистики существенный массив научной лингвистической информации по образованию вьетнамских военных терминов и их функционированию, до настоящего времени не доступной отечественным лингвистам.

Научный руководитель: д. филол. н. Бойко Борис Леонидович, профессор кафедры германских языков ФГКВОУ ВО «Военный университет Министерства обороны РФ».

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет».

* Диссертация В.А. Сербина апробировалась и на страницах журнала «Вьетнамские исследования», и в сборниках, издаваемых Центром изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН (см. Основные публикации). Это показывает новые возможности, которые даёт молодым исследователям сотрудничество с Центром изучения Вьетнама и АСЕАН.

Оппоненты:

д. филол. н., профессор Сорокина Эльвира Анатольевна, профессор кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурных коммуникаций ГОУ ВО «Московский государственный областной университет»;

к. филол. н. Мавлеева Дарья Владимировна, ст. преподаватель кафедры восточных языков ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет».

Основные публикации по теме диссертации

1. Сербин В.А. *Аббревиатуры во вьетнамской военной лексике: способы образования и сферы употребления* // Вьетнамские исследования. 2020. № 3. С. 79–93.

2. Сербин В.А. *Семантические особенности перевода воинских званий во вьетнамском языке* // Litera. 2021. № 2. С. 30–41.

3. Сербин В.А. *О заимствованиях в военной терминологии современного вьетнамского языка* // Litera. 2021. № 1. С. 110–124.

4. Сербин В.А. *Семантическое терминообразование во вьетнамском языке (на примере военной терминосистемы)* // Вестник МГЛУ: Гуманитарные науки. 2021. Вып. 10 (852). С. 140–151.

5. Сербин В. А., Калинин О. И. *Метафоризация терминов вьетнамского языка (на примере военной терминосистемы)* // Независимый Вьетнам: национальные интересы и ценности. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 392–409.



Рис. 1. Диссертант с докладом на заседании Диссертационного совета.
Фото Военного университета МО РФ

**The Ph.D. (Philology) thesis by Serbin Vladimir Alexeevich
(Federal State budget military educational institution of higher education “The Military
University of the Ministry of Defense of the Russian Federation”)
on the theme “Military Terminology in Aspects of Systemic Education (the Example of the
Vietnamese Language)”***

The defense of the thesis for specialty 10.02.19 “Linguistic Theory” took place on 30.11.2021 at the session of the Dissertation Council D 215.005.01 of the Military University on the base of FSBMEI HE “The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation” (Fig. 1).

The dissertation by V.A. Serbin is a complex research of the military term formation system, structural and semantic ways of term formation on material of military terminology of modern Vietnamese. The relevance and practical importance of the dissertation are due to the fact that the problem of formation and functioning of the military terminology in modern Vietnamese has not yet been researched either in domestic, or foreign Vietnamese studies.

The dissertation represents a fairly complete analysis of problems in current domestic science of terminology which serves the base for the specification of military terminology of the Vietnamese language. The essence of the work is the multidimensional analysis of the formal structure of military terms, the description of the structure of the special lexical unit, structural ways of terms formation, such as the word formation, affixation, abbreviation, as well as the way of term formation using function words, typical of analytical languages. Besides, the author has analyzed the mechanisms of semantic military terms’ formation, specialization of common words’ meanings and determinologization of terms, together with the phenomena of metaphorization, narrowing and extension of lexical units’ meanings. Also, the research-work addresses the question of the enrichment of the military terminological system while borrowing from foreign languages.

The work with theoretical and practical material allowed the author of the dissertation to introduce a significant amount of scientific linguistic information into linguistic theory and domestic Vietnamese studies. Earlier this information on the formation of Vietnamese military terms and their functioning was not available to Russian linguists.

Academic adviser: Boyko Boris Leonidovich, D.Sc. (Philology), Professor, Chair of German languages’ studies at Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Leading organization: FSBEI HE “Saint Petersburg State University”.

Opponents:

Sorokina Elvira Anatolievna, D.Sc. (Philology), Professor, Chair of English Philology at the Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow State Regional University;

Mavleeva Daria Vladimirovna, Ph.D. (Philology), Senior Lecturer, Chair of Oriental Languages, Moscow State Linguistic University.

*The thesis by V.A. Serbin was tested also on the pages of the “Russian Journal of Vietnamese Studies”, and in collections issued by the Center for Vietnam and ASEAN Studies of IFES RAS (see Main Publications). This shows the new opportunities for young researchers due to the collaboration with the Center for Vietnam and ASEAN Studies.

Main Publications on the Dissertation Theme

1. Serbin V.A. (2020). Abbreviatury vo v'etnamskoy voennoy leksike: sposoby obrazovaniya i sfery upotrebleniya [Abbreviations in Vietnam Military Vocabulary: Methods of Formation and Areas of Application]. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 4 (3):79–93.
2. Serbin V.A. (2021). Semanticheskie osobennosti perevoda voinskikh zvany vo v'etnamskom yazyke [Semantic Features of the Translation of Military Ranks in the Vietnamese Language]. *Litera*, 2: 30–41.
3. Serbin V.A. (2021). O zaimstvovaniyakh v voennoy terminologii sovremennogo v'etnamskogo yazyka [On Loan Words in Military Terminology of Modern Vietnamese]. *Litera*, 1: 110–124.
4. Serbin V.A. (2021). Semanticheskoe terminoobrazovanie vo v'etnamskom yazyke (na primere voennoy terminosistemy) [Semantic Term Formation in the Vietnamese Language (the Example of the Military Term System)]. *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*, 10 (852): 140–151.
5. Serbin V.A., Kalinin O.I. (2021). Metaforizatsiya terminov v'etnamskogo yazyka (na primere voennoy terminosistemy) [Metaphorization of Vietnam language terms (on the example of the military terminological system)]. *Nezavisimyy V'etnam: natsional'nye interesy i tsennosti* [Independent Vietnam: National Interests and Values]. Moscow: IDV RAN: 392–409.



Fig. 1. Dissertation candidate with a report at the session of the Dissertation Council.
Photo of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

СОВМЕСТНОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ О ВИДЕНИИ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ ВСЕОБЪЕМЛЯЮЩЕГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПАРТНЁРСТВА МЕЖДУ РФ И СРВ НА ПЕРИОД ДО 2030 ГОДА*

По итогам переговоров, состоявшихся в Москве 30 ноября 2021 года, Президент Российской Федерации В.В.Путин и Президент Социалистической Республики Вьетнам Нгуен Суан Фук согласились о следующем:

1. Отношения всеобъемлющего стратегического партнерства между РФ и СРВ опираются на многолетние традиции дружбы и взаимовыгодной кооперации, заложенные предыдущими поколениями. После принятия Декларации о стратегическом партнерстве в 2001 г. и повышения его статуса до всеобъемлющего в 2012 г. отношения двух стран приобрели многоплановый характер.

Политический диалог отличается высокой степенью доверия. Регулярные контакты на различных уровнях, включая высший, служат прочным фундаментом для продвижения связей по всем направлениям.

Особое место занимает взаимодействие в военной и военно-технической сфере и в сфере безопасности, которое развивается в интересах обеих стран.

Благодаря подписанию в 2015 г. Соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и СРВ - с другой, значительно увеличились объемы взаимного товарооборота. Россия и Вьетнам последовательно реализуют совместные проекты по разведке и добыче нефти и газа, придают большое значение сотрудничеству в сфере электроэнергетики, промышленности, информационных технологий, агропромышленного комплекса.

Продолжается тесная кооперация в сферах образования, науки и технологий, культуры и туризма. Активизировались связи по линии регионов и общественных организаций.

2. В целях развития достигнутых успехов, сохранения прекрасных традиций дружбы Стороны подтверждают обоюдный настрой на дальнейшее продвижение отношений всеобъемлющего стратегического партнерства на период до 2030 года, исходя из следующих принципов и ориентиров:

Укрепление и повышение эффективности всеобъемлющего стратегического партнерства входит в число внешнеполитических приоритетов России и Вьетнама, отвечает их долгосрочным интересам.

* Заявление приводится в сокращенном редакцией журнала виде.

Россия и Вьетнам не вступают в союзы и не заключают соглашения с третьими странами в целях действий, наносящих ущерб независимости, суверенитету и территориальной целостности, а также коренным интересам друг друга

3. Россия и Вьетнам продолжают развивать интенсивный и содержательный политический диалог. Стороны нацелены на выполнение следующих задач:

Регулярный обмен визитами на высшем и высоком уровнях, встречи «на полях» международных форумов, другие возможные контакты;

Активизация взаимодействия между Федеральным Собранием РФ и Национальным собранием СРВ и в рамках Межпарламентской комиссии по сотрудничеству между Государственной Думой РФ и Национальным собранием СРВ; координация действий в рамках международных и региональных парламентских форумов;

Поддержание интенсивных контактов по линии правительств, министерств и ведомств, региональных органов власти, партийных и общественных организаций, поощрение расширения молодежного взаимодействия;

Содействие деятельности Межправительственной Российско-Вьетнамской комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству;

Повышение эффективности консультаций между аппаратом Совета Безопасности РФ и Министерством общественной безопасности СРВ.

4. Россия и Вьетнам продолжают углублять взаимодействие в сфере обороны и безопасности, военного и военно-технического сотрудничества на основе международного права в интересах мира и стабильности в регионе и в мире.

Стороны продолжают развивать взаимодействие в сфере международной информационной безопасности в духе Совместного заявления Президента РФ В.В.Путина и Президента СРВ Чан Дай Куанга (10.11.2017) и межправительственного Соглашения о сотрудничестве в области обеспечения информационной безопасности (06.09.2018).

5. Стороны рассматривают экономическое сотрудничество как важнейшую составляющую всеобъемлющего стратегического партнерства и подтверждают готовность решать следующие задачи:

Повышение эффективности реализации Соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и СРВ - с другой, в том числе путем создания благоприятных условий для импорта и экспорта товаров, включая устранение нетарифных барьеров.

Поощрение взаимных капиталовложений в таких областях, как электроэнергетика, промышленность, добыча полезных ископаемых, высокие технологии, транспорт, муниципальное хозяйство, жилищное строительство, городская инфраструктура, агропромышленный комплекс, лесное хозяйство.

Углубление взаимодействия в сфере топливно-энергетического комплекса, содействие расширению кооперации по таким направлениям, как строительство газовых электростанций, поставки во Вьетнам сжиженного природного газа с созданием соответствующей инфраструктуры, развитие возобновляемой электроэнергетики, производство газомоторного топлива, модернизация энергетических объектов; оказание поддержки реализации проектов с участием «Зарубежнефти», «Газпрома», «НОВАТЭК», «Росатома» и нефтегазовой корпорации «Петровьетнам», осуществление во Вьетнаме проектов электрогенерации с использованием сжиженного природного газа;

Создание условий для расширения деятельности российских и вьетнамских нефтегазовых компаний на территориях двух государств и реализации совместных проектов в третьих странах.

Наращивание промышленной кооперации, в том числе создание во Вьетнаме сборочных производств российских моторных транспортных средств и их поэтапную локализацию;

Укрепление сотрудничества в области сельского и лесного хозяйства, содействие наращиванию взаимных поставок их продукции;

Расширение сотрудничества в кредитно-финансовой сфере, а именно: использование во взаиморасчетах национальных валют, привлечение Вьетнамско-Российского совместного банка к обслуживанию двусторонних проектов;

Продолжение взаимодействия в сфере создания электронного правительства и обеспечения сетевой безопасности с учетом доверительного характера отношений всеобъемлющего стратегического партнерства;

Активизация прямых связей между субъектами РФ и городами и провинциями СРВ, включая сотрудничество Вьетнама и регионов Сибири и Дальнего Востока.

6. Россия и Вьетнам будут стремиться к наращиванию образовательных и научно-технологических связей, повышению координирующей роли Российско-Вьетнамской комиссии по сотрудничеству в области образования, науки и технологий, а также деятельности Координационного комитета по Совместному Российско-Вьетнамскому Тропическому центру.

Россия и Вьетнам будут содействовать налаживанию контактов в сфере культуры и туризма, гуманитарных обменов, которые играют важную роль в углублении взаимопонимания и сохранении традиций дружбы между их народами.

Основными задачами для достижения указанных ориентиров являются.

Развитие взаимодействия в области использования атомной энергии в мирных целях, сооружения Центра ядерной науки и технологий в СРВ, продолжение подготовки в российских вузах вьетнамских студентов по профильным специальностям; в случае возвращения Вьетнама к планам создания национальной атомной энергетики Россия будет рассматриваться в качестве приоритетного партнера в указанной сфере;

Активизация сотрудничества в рамках Совместного Российско-Вьетнамского Тропического центра, последовательное укрепление его потенциала;

Поощрение совместных научно-технических проектов, продвижение кооперации по линии академий наук, продолжение совместных морских исследований;

Стимулирование взаимодействия в области цифровизации, управления транснациональными базами данных, совместное мирное использование космического пространства, включая спутниковую систему ГЛОНАСС;

Расширение межвузовских и академических обменов; содействие продолжению обучения граждан Вьетнама в российских вузах в пределах квоты;

Поощрение изучения и преподавания русского языка во Вьетнаме и вьетнамского языка в России, в том числе за счет возможностей Ханойского филиала института русского языка им. А.С. Пушкина, Российского центра науки и культуры в Ханое;

Продвижение кооперации в области здравоохранения и фармацевтики на основе опыта сотрудничества в борьбе с пандемией COVID-19; обмен специалистами и ноу-хау в сфере разработки и внедрения инноваций по диагностике и лечению заболеваний, создание условий

для взаимных поставок вакцин и других медицинских препаратов, организация их совместного производства и обмен соответствующими технологиями;

Укрепление взаимодействия в юридической области в целях дальнейшего совершенствования договорно-правовой базы сотрудничества;

Поощрение сотрудничества в сфере культуры, спорта и туризма, активизация молодежных обменов и народной дипломатии, регулярное проведение дней культуры, «перекрестных» годов, мероприятий, посвященных памятным датам;

Содействие упрощению условий для взаимных поездок граждан, поступательному увеличению двустороннего туристического потока;

Обеспечение благоприятных условий для проживания, работы и учебы граждан России во Вьетнаме и граждан Вьетнама в России.

7. Россия и Вьетнам выступают за формирование более справедливой демократической системы международных отношений, основанной на верховенстве международного права и принципах Устава ООН. Односторонние принудительные меры и экономические санкции в обход Совета Безопасности ООН и в нарушение международного права неприемлемы.

Стороны считают международную безопасность неделимой и всеобъемлющей, безопасность одних государств недопустимо обеспечивать за счет безопасности других, в том числе путем расширения действующих или создания новых закрытых военно-политических альянсов; они готовы вместе с мировым сообществом противостоять вызовам безопасности, включая терроризм, транснациональную преступность, вооруженные конфликты, территориальные споры, провоцирование извне государственных переворотов, незаконное производство и оборот наркотических средств, изменение климата, эпидемии; будут прилагать усилия в целях реализации Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 года.

Оба государства поддерживают многосторонность международных отношений и центральную координирующую роль ООН в вопросах обеспечения мира, безопасности и устойчивого развития, выступают за повышение эффективности ООН, ее демократизацию и реформирование. Стороны продолжают равноправное и взаимоуважительное сотрудничество в деле защиты прав человека, будут тесно координировать свои действия против использования тематики прав человека для вмешательства в свои внутренние дела.

Россия и Вьетнам выражают поддержку международным усилиям по контролю над вооружениями, разоружению и построению мира, свободного от ядерного оружия и другого оружия массового уничтожения, выступают за продолжение консультаций ядерной «пятерки» с участниками Договора о зоне, свободной от ядерного оружия в Юго-Восточной Азии в целях выхода на подписание Протокола к этому Договору.

Россия и Вьетнам выступают за скорейшую разработку под эгидой ООН международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях, за координацию деятельности в этой области в рамках ООН, в частности Международного союза электросвязи.

Оба государства привержены сохранению и развитию многосторонней торговой системы, опирающейся на ВТО.

Россия и Вьетнам подтверждают всеобъемлющий и единый характер Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, которая является правовой основой любой деятельности на море и в океане.

Стороны считают необходимым наращивать общерегиональные усилия по созданию в АТР всеобъемлющей, открытой и прозрачной архитектуры равной и неделимой безопасности и сотрудничества. Стороны выступают против фрагментации устоявшегося взаимодействия между странами АТР.

Россия и Вьетнам будут обеспечивать морскую безопасность, свободу судоходства и воздушной навигации, беспрепятственную торговлю.

Россия и Вьетнам выступают за полное и эффективное выполнение Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море 2002 года, приветствуют усилия по скорейшему принятию кодекса поведения в Южно-Китайском море.

Стороны поддерживают укрепление центральной роли АСЕАН в системе межгосударственных отношений в АТР, в том числе путем продвижения ценностей и принципов Договора о дружбе и сотрудничестве в ЮВА, участвуют в работе асеаноцентричных механизмов, включая Восточноазиатский саммит, Региональный форум АСЕАН по безопасности, Совещание министров обороны государств – членов АСЕАН с диалоговыми партнерами, и, кроме того, изучают перспективные сферы сотрудничества в рамках «Индо-Тихоокеанского видения АСЕАН» в соответствии с Совместным заявлением 4-го саммита Россия–АСЕАН. Оба государства подчеркивают важность наращивания взаимодействия между Россией и АСЕАН в области обеспечения информационной безопасности, а также в рамках Диалога Россия–АСЕАН по вопросам, связанным с ее обеспечением.

Стороны отмечают необходимость развития механизма Консультаций высоких представителей России и АСЕАН, курирующих вопросы безопасности.

Россия и Вьетнам продолжают укрепление и углубление стратегического партнерства России и АСЕАН в духе Совместного заявления 3-го саммита Россия–АСЕАН, а также сотрудничества на основе Комплексного плана действий по реализации стратегического партнерства между РФ и АСЕАН (2021–2025 годы).

Стороны выступают за углубление региональной экономической интеграции и реализацию инициатив, включая проект Большого Евразийского партнерства, а также за укрепление связей между АСЕАН и ЕАЭС. РФ и СРВ будут способствовать наращиванию сотрудничества между АСЕАН, ЕАЭС и ШОС.

РФ и СРВ убеждены, что эффективная реализация всех указанных направлений двустороннего взаимодействия и координация действий на международных и региональных форумах и в организациях будут способствовать развитию традиционной дружбы и всеобъемлющего стратегического партнерства двух стран, что послужит долгосрочным интересам их народов и обеспечению мира, безопасности и устойчивого развития в АТР и на планете в целом.

Источник: <http://www.kremlin.ru/supplement/5742/print>

JOINT STATEMENT ON 2030 VISION FOR DEVELOPMENT OF VIETNAM – RUSSIA RELATIONS*

In the wake of the results of the bilateral talks on 30th November 2021 in Moscow, President of the Socialist Republic of Vietnam Nguyen Xuan Phuc and President of the Russian Federation Vladimir Putin have agreed on the following:

1. The relations of comprehensive strategic partnership between the Socialist Republic of Vietnam and the Russian Federation are based upon years-long traditions of friendship and mutually beneficial cooperation, laid down by the previous generations. Since the joint declaration on the Strategic Partnership in 2001 and on upgrading to a Comprehensive Strategic Partnership in 2012, the Russian-Vietnamese relations have been enhanced in various topics and covered a wide range of areas.

Political dialogue is characterized by a high degree of trust. Regular contact at all levels, including senior level, is a solid basis for promoting the relations in all fields.

Cooperation in the military and technical sphere, as well as in the security domain, holds a special place in the structure of Russian-Vietnamese relations.

Following the Free Trade Agreement between the Socialist Republic of Vietnam and the Eurasian Economic Union and its member countries signed in 2015 and took effect from 2016, trade between the two countries has increased significantly. The two sides continue to implement cooperation projects in oil and gas exploration and production, meeting the interests of both sides, with focus on cooperation in the fields of electric energy, industry, information technology, and agriculture.

Cooperation in the fields of education - training, science - technology, culture and tourism has also been tightened. Relations between localities and social organizations of Vietnam and Russia have been promoted.

2. In order to promote the achievements made in the past two decades, preserve good tradition of friendship and make the most of the existing potential for cooperation, the two sides affirm their determination to further strengthen the Vietnam - Russia Comprehensive Strategic Partnership toward 2030 with the following major principles and orientations:

Consolidating and improving the effectiveness of the Comprehensive Strategic Partnership is a priority in external affairs of Vietnam and Russia, meeting the long-term interests of the two countries.

Vietnam and the Russian Federation do not do not enter alliances and do not sign agreements with third countries in order to carry out actions that harm each other's independence, sovereignty, territorial integrity and fundamental interests.

The Socialist Republic of Vietnam and the Russian Federation determine to cooperate closely in all areas including bilateral and multilateral framework.

* The statement is given in the version abbreviated by the Editorial Board of the journal.

3. Vietnam and Russia continue to further their political dialogue. The sides determine to deploy the following duties:

Maintaining regular exchanges of delegation at senior and highest levels, carrying out meeting in the framework of international fora, as well as other exchanges.

Stepping up cooperation in many forms between the National Assembly of the Socialist Republic of Vietnam and chambers of the Russian Federal Assembly, including the supervision for implementation of signed agreements within the framework of the Committee for Inter-parliamentary cooperation between the National Assembly of the Socialist Republic of Vietnam and the State Duma of the Russian Federal Assembly; continue coordination at international and regional parliamentary fora.

Maintaining in-depth and substantive engagement through channels of political parties, governments, ministries, sectors, localities and social organizations, encouraging the expansion of youth exchanges.

Promoting operation and coordination role of the Vietnam – Russia Inter-governmental Committee for cooperation on Economy-Trade and Science-Technology.

Enhancing the effectiveness of the dialogue on important strategic issues between Vietnamese Ministry of Public Security and the Office of the Security Council of the Russian Federation.

4. Vietnam and Russia continue to strengthen cooperation in defense, security, military and military technology on the basis of international law, for peace and stability in the region and the world at large.

The two sides continue to strengthen their comprehensive cooperation in international information security in accordance with international law and the spirit of the Joint Statement adopted on November 10, 2017 between Vietnamese President Tran Dai Quang and President of the Russian Federation Vladimir Vladimirovich Putin on cooperation in international cyber security, and the Vietnam – Russia Intergovernmental Agreement on cooperation in international information security signed on September 6, 2018 on preventing the use of information and telecommunication technologies for undermining or infringing upon sovereignty and territorial integrity and other actions that undermine efforts of maintaining international peace, security and stability.

5. The two sides consider economic cooperation as a major component of the Comprehensive Strategic Partnership, and affirm their will to implement the following duties:

Boosting the efficiency of the implementation of the Free Trade Agreement between Vietnam and the Eurasian Economic Union and its member states to promote trade.

Encouraging mutual investment in traditional and new fields, such as electricity generation, industry, mining, high-end technology, transportation, urban development, housing, urban technical infrastructure, agriculture, forestry.

Strengthening cooperation in energy, expanding cooperation in promising areas such as construction of gas-powered electricity plants, liquefied natural gas supply for Vietnam and building of corresponding infrastructure, renewable energy development, petrol production, as well as modernization of energetic facilities; supporting the implementation of operational or new projects with the participation of the Vietnam National Oil and Gas Group and companies of Zarubezhneft, Gazprom, Novatek and Rosatom, as well as other, including for projects electricity using liquefied petroleum gas in Vietnam.

Creating favorable conditions for the expansion of activities of Vietnamese oil and gas companies in the Russian Federation and Russian ones in Vietnam's continental shelf, as well as the deployment of joint projects with third party.

Strengthening industrial cooperation, including deploying in Vietnam production and assembly facilities for Russian motor vehicles and gradually localizing production.

Enhancing cooperation in agriculture and forestry in order to make full use of the advantages of both nations and promote trade in agricultural, aquatic and seafood products.

Expanding cooperation in the field of credit and finance, specifically promoting payments using local currency, actively promoting the role of the Vietnam - Russia Joint Venture Bank in implementing joint cooperative projects.

Continuing to cooperate in e-Government development with a focus on ensuring cyber security and safety, taking into account the trustworthiness of the Vietnam - Russia Comprehensive Strategic Partnership.

Encouraging direct cooperation between Vietnamese provinces/cities and those of the Russian Federation, including investment cooperation between Vietnam and Russian Siberia and the Far East.

6. Vietnam and Russia are determined to strengthen cooperation in education – training and science – technology, to enhance the coordinating role of the Vietnam – Russia Cooperation Committee on Education, Science and Technology, as well as the activities of the Coordination Committee of the Vietnam – Russia Combined Tropical Science and Technology Research Center.

The two sides continue to promote cultural, touristic and people-to-people exchanges, which play an important role in enhancing understanding and preserving the traditional friendship between the peoples of Vietnam and Russia.

The main duties to implement the above-mentioned orientations are included:

Strengthening cooperation in the use of nuclear energy for peaceful purposes, which is first and foremost within the framework of the construction project for a Center for Research on Nuclear Science and Technology in the Socialist Republic of Vietnam; continue training Vietnamese students at Russian universities in related field. Should Vietnam return to its plans of building national atomic energy industry, Russia will be viewed as a priority partner in this field.

Strengthening cooperation within the framework of the Vietnam – Russia Combined Tropical Science and Technology Research Center, and constantly strengthening the potential of the Center.

Expanding the quantity and content of general scientific and technological research duties, including in the fields of life science, energetic technology, space technology, rational use of environmental resources, basic rescue research; promoting cooperation between academies of the two countries, continuing to conduct joint projects on maritime research.

Promoting cooperation in the field of digital transformation, management of transnational platforms, peaceful use of outer space, including cooperation in the use and development of the global satellite navigation system GLONASS of Russia;

Expanding exchanges between educational institutions, universities and academies of the two countries, continuing to train for Vietnamese citizens at Russian universities due to granted scholarships.

Promoting the study and teaching of Russian in Vietnam and Vietnamese in Russia, including maximizing the potential of the Pushkin National Institute for Russian Language in Hanoi and the Center for Russian Science and Culture in Hanoi.

Promoting cooperation in healthcare and pharmaceuticals base on experience in cooperation for prevention and control of the COVID-19 pandemic over the past time; exchanging of experts and technological know-how in the development of new solutions and applications in medical examination and treatment; facilitating the supply, production cooperation and technology transfer of vaccines and pharmaceuticals.

Strengthening judicial cooperation in order to further improve the legal basis for bilateral cooperation.

Encouraging cultural, sports and tourism cooperation, youth exchanges and people-to-people diplomacy; regularly conducting cultural days, cross years, activities on the occasion of the anniversaries in Vietnam – Russia relations.

Supporting simplification of travel procedures for citizens of the two nations, boosting the number of tourists from the two countries.

Creating favorable conditions for the living, working and studying of Vietnamese citizens in Russia and Russian citizens in Vietnam.

7. Vietnam and Russia support building a more democratic and equitable system for international relations on the basis of respect for international law and the principles of the Charter of the United Nations. The two sides do not support unilateral economic imposition and sanctions that do not go through the United Nations Security Council and violate international law.

The two sides believe that international security is indivisible and comprehensive, stemming from the inability to guarantee the security of one country by harming the security of another, including expanding or establish new military-political alliances; they affirm their willingness to promote joint efforts of the international community in respond to traditional and non-traditional security challenges such as terrorism, transnational crimes, armed conflicts, and civil wars, territorial disputes, interventions, illegal drug production and consumption, climate change, epidemics, and to work together to ensure cyber security, food and water resources, and to promote an effective implementation of the 2030 Agenda for Sustainable Development.

Vietnam and Russia support multilateralism in international relations and the improvement of the United Nations' central coordinating role in ensuring peace, security and sustainable development, the operational effectiveness, democratization and reform of the United Nations. The two countries continue to cooperate equally and mutually respect in order to promote and protect human rights on the basis of the Charter of the United Nations and international law, in accordance with the respective national domestic laws, as well as coordinate closely to prevent the abuse of human rights issues to interfere in the internal affairs of each country.

Vietnam and Russia support international efforts for arms control, disarmament and non-proliferation, including moving toward the goal of building a nuclear weapons free world and other weapons of mass destruction, support continued consultations between the five nuclear powers and the member countries of the Treaty of Southeast Asia Nuclear Weapon-Free Zone in order to resolve problems and move towards the signing of the Protocol attached to the Treaty.

Vietnam and Russia call for drafting under the United Nations auspices a convention on countering the use of information and communications technologies for criminal purposes and further reinforcing international cooperation in this regard within the framework of the United Nations' specialized agencies, including the International Telecommunication Union.

Both nations are committed to the preservation and development of the multilateral trading system, with regard to the World Trade Organization (WTO).

Vietnam and Russia confirm the comprehensive and unified nature of the United Nations Convention on the Law of the Sea 1982, which is the legal basis for any activity at sea and in the oceans.

Both sides hold that it is necessary to step up regional efforts in order to create an equal, indivisible, comprehensive, open and transparent architecture for security and cooperation in the Asia-Pacific region. The parties oppose the fragmentation of the established interaction between the

countries of the Asia-Pacific region to the detriment of deepening and expanding the region-wide dialogue.

Vietnam and Russia will coordinate to ensure maritime security, freedom of navigation and aviation, unhindered trade.

Vietnam and Russia stand for the full and effective implementation of the 2002 Declaration on the Conduct of the Parties in the South China Sea and welcome the efforts to promptly adopt a Code of Conduct for the parties in the South China Sea.

The two sides support strengthening the central role of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) in the system of interstate relations in the Asia-Pacific region, through the promotion of the values and principles of the Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia, full participation in ASEAN-led mechanisms, including East Asia Summit, ASEAN Regional Forum, Meeting of ASEAN Ministers of Defense with Dialogue Partners, and, in addition, will continue to provide mutual support to initiatives put forward within these alliances, explore promising areas of cooperation within the framework of the ASEAN Outlook on the Indo-Pacific in accordance with the Joint Statement of the 4th Russia – ASEAN Summit: Building a Peaceful, Stable and Sustainable Region dated 28th October 2021.

Both nations emphasize the importance of building up cooperation between Russia and ASEAN in the field of ensuring international information security, as well as within the framework of the Russia – ASEAN Dialogue on issues related to ensuring the security of information and communication technology.

The parties note the need to develop a mechanism for the Consultations between Russian and ASEAN' Senior Officials in charge of security issues.

Vietnam and Russia will continue to strengthen and deepen the strategic partnership between ASEAN and Russia under the spirit of the Joint Statement of the 3rd Russia – ASEAN Summit on Strategic Partnership of 14th November 2018, and will also continue to promote effective cooperation based on the Comprehensive Action Plan for the Implementation of the Strategic Partnership between the Russian Federation and the Association of Southeast Asian Nations (2021–2025).

The two sides advocate deepening regional economic integration and the implementation of initiatives related to interregional connectivity, including the Greater Eurasian Partnership project, as well as strengthening economic ties between ASEAN and the Eurasian Economic Union (EAEU). The Socialist Republic of Vietnam and the Russian Federation will contribute to promote cooperation between ASEAN, the EAEU and the Shanghai Cooperation Organization.

The Socialist Republic of Vietnam and the Russian Federation are convinced that the effective implementation of all these areas of bilateral relations and coordination at multilateral forums and international organizations will contribute to the deepening of bilateral relations in practical manner, which will serve the long-term interests of the peoples of both countries and ensuring peace, security and sustainable development in the Asia-Pacific region and the world at large.

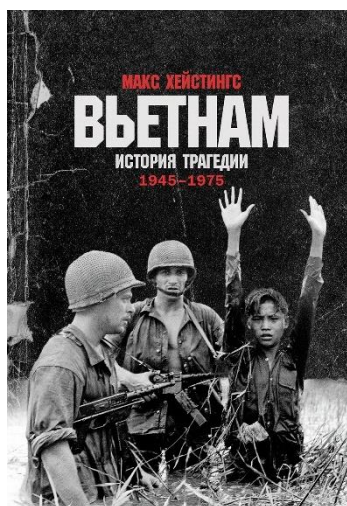
Source: <http://news.chinhphu.vn/Home/Joint-Statement-on-2030-Vision-for-Development-of-Viet-NamRussia-Relations/202112/46276.vgp>

КНИЖНАЯ ПОЛКА

DOI: 10.54631/VS.2021.54-206-213

ЛЕТОПИСЬ ВЕЛИКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Г.М. Локшин



Макс Хейстингс. Вьетнам. История трагедии 1945–1975. Перевод с английского. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. ISBN: 978-5-00139-264-4

Аннотация. Рецензия дана на переведённую на русский язык книгу английского историка и публициста Макса Хейстингса «Вьетнам. История трагедии 1945–1975». На основе обширного фактического материала автор выстраивает историю борьбы вьетнамского народа с французскими колонизаторами и американскими империалистами. Антикоммунистические убеждения не позволяют автору в полной мере оценить роль фронта Вьетминь и вьетнамских коммунистов в победе над французами, но он признаёт огромный авторитет Хо Ши Мина. Объективно показывая антинародный характер созданного США в Южном Вьетнаме режима Нго Динь Зьема и американскую «помощь», английский журналист своей книгой подтверждает главный урок войны

во Вьетнаме о том, что внутриполитические проблемы другой страны не решить вторжением извне.

Ключевые слова: Вьетнам, Франция, США, война за независимость, фронт Вьетминь, Хо Ши Мин, Нго Динь Зьем.

Для цитирования: Локшин Г.М. Летопись великого противостояния // Вьетнамские исследования. 2021. Т. 5. № 4. С. 206–213.

Спустя полвека после окончания войны в Индокитае «вьетнамский синдром» постоянно даёт о себе знать в общественно-политической жизни США, хотя, как показывает политическая практика государства, должных выводов из тех уроков, которые преподнесла миру война вьетнамского народа за национальное освобождение, а затем против агрессии США, сделано так и не было. Вокруг событий тех лет до сих пор не прекращаются споры между учёными, политиками и журналистами как в США, так и во Вьетнаме. Эти споры привлекают внимание многих историков и других стран мира, ибо они касаются характера войны и важных уроков поражения США во Вьетнаме. На эту тему опубликовано уже великое множество книг, мемуаров и научных статей, снято немало документальных фильмов. Среди них справедливо привлекает внимание фундаментальный труд английского историка и

публициста Макса Хейстингса «Вьетнам. История трагедии 1945–1975», прекрасно переведённый на русский язык и изданный в Москве в издательстве «Альпина нон-фикшн».

Макс Хейстингс умело использует обширный фактический материал, накопившийся до него. При этом его методика изложения фактов, анализ конкретных событий, оценки деятельности политических фигур того времени заметно отличаются от распространенных мнений и позиций как авторов в США, так и освещённых в официальных изданиях Вьетнама. Эта работа вообще мало похожа на научный труд. Многое излагается в ней в форме очерка, через рассказы и судьбы отдельных людей – как известных деятелей, так и простых крестьян.

Не каждому читателю хватит терпения дочитать до конца всю 800-страничную эпопею тридцатилетней истории Вьетнама, полной сложнейших событий холодной войны двух непримиримых лагерей – Запада и Востока. Как свидетелю и в определённой мере участнику этого противостояния, автору рецензии многое в этой большой работе британского журналиста и учёного представляется важным, объективным и достойным внимания. Но есть в ней и немало того, что вызывает возражения. Прежде всего, это относится к часто некритичному воспроизведению тенденциозных репортажей некоторых американских журналистов из Вьетнама, к его настойчивым попыткам поставить на одну доску политику и практику французских колонизаторов, а затем и пришедших им на смену американских политиков и их ставленников в Южном Вьетнаме с одной стороны и руководство Демократической Республики Вьетнам и Национального фронта освобождения Южного Вьетнама с другой.

Много сомнений вызывает описание событий 1945–1946 гг., в котором сильно проявляются антисоветские и антикоммунистические убеждения Хейстингса. Но при всём этом он признает, что ни один другой потенциальный вьетнамский лидер не пользовался и малой долей той народной любви, которую сумел завоевать Хо Ши Мин (с. 47).

Автор книги крайне субъективно трактует политику Вьетмина, которую не дал себе труда понять. Он воспринимает как «бесспорно доказанные» факты чрезмерной жестокости с обеих сторон, забывая о том, кто несёт ответственность за навязанные вьетнамскому народу десятилетия войны, за гибель миллионов мирных граждан под бомбами и от химического оружия, за чудовищные разрушения множества городов и посёлков. Тем не менее из его изложения событий становится понятно, почему гораздо больше вьетнамцев считали совсем иначе и поддерживали революционное движение, которое провозглашало своей целью не только устранение колониального режима, но вместе с ним и класса крупных землевладельцев, безжалостно эксплуатировавших крестьянство на протяжении нескольких поколений (с. 65).

Колониальное правление Франции, как считает автор, оказалось обречено на фоне национально-освободительной борьбы народных масс с явным коммунистическим руководством и вкупе со слабостью некоммунистических политических сил в стране. Как и многие другие ученые на Западе, он относит победу Августовской революции 1945 г. во Вьетнаме к «исторической случайности», в результате которой в стране создался «вакуум власти». Автор полностью игнорирует роль и умелое руководство Коммунистической партии Индокитая во главе с Хо Ши Мином, которое не допустило никакого «вакуума власти». Фронт Вьетминь, пользуясь, конечно, благоприятной международной обстановкой, шаг за шагом ликвидировал власть французов и японцев на местах. В решающий момент создавшейся революционной ситуации ему удалось завоевать поддержку народа и ослабить позиции других националистических сил.

Начавшуюся 30-летнюю войну за независимость и единство страны автор назвал «трагедией», но он, как уже было сказано выше, умалчивает о том, кто же действительно несёт за неё историческую ответственность. Он даже явно склонен возложить её скорее на фронт Вьетминь и лично на Хо Ши Мина, которые якобы совсем не считались с гибелью десятков тысяч своих сограждан в этой войне.

Вся война Франции за возвращение своих колониальных владений в Индокитае, которую в общественном мнении многих стран мира справедливо называли «грязной войной», описана публицистом в целом с позиций западного журналиста, поддерживающего её. Лейтмотивом через все его рассказы и зарисовки об этой войне проходит идея, что «обе стороны не уступали друг другу в безжалостности» (с. 46–54).

Много внимания уделил автор сражению при Дьенбьенфу и Женевской конференции 1954 г. Эти главы можно считать лучшими во всей работе. Они написаны с большим журналистским мастерством и позволяют читателю во всей полноте представить картину тех событий. Хейстингсом подробно показано, как начатая французскими войсками операция с целью создать перевес над силами освобождения и не допустить их выхода на границу с КНР закончилась полным разгромом французов. По мнению автора, это можно объяснить только «шокирующей коллективной некомпетентностью французского командования». Тут он, как говорят, явно мнит себя стратегом, «видя бой со стороны». Ошибок и глупостей со стороны сменявших друг друга французских командующих было, конечно, немало. Но автор вынужден признать, что командование ВНА во главе с генералом армии Во Нгуен Зяпом вышло победителем в этом решающем сражении всей войны, опираясь на самоотверженность и мужество бойцов, а также на полученную помощь от Советского Союза, Китая и других социалистических стран.

Достаточно правдиво описан ход Женевской конференции, показана зловещая роль представителя США А. Даллеса, который делал всё возможное для недопущения соглашения. И когда вопреки всему соглашение было достигнуто, оно было встречено как явный успех миролюбивых сил и национально-освободительного движения народов Индокитае. Поэтому никак не соответствуют действительности утверждения автора, будто «большая часть мировой общественности была удручена результатами Женевской конференции» (с. 134).

Не менее интересно и глубоко описаны автором и все последующие события. Достаточно объективно показан созданный в Южном Вьетнаме режим Нго Динь Зьема. Автор убедительно демонстрирует, что народные массы на Юге были не просто недовольны политикой Зьема и созданных им институтов. Они питали отвращение к самому «лицу» режима – к обосновавшейся у власти семье Нго с её жестокостями, казнями на гильотине, некомпетентностью и католицизмом. Вьетнамское буддистское духовенство, как показывает автор, было в числе главных недовольных засильем католиков у власти и неприкрытым фаворитизмом семьи Нго по отношению к своим единоверцам.

С 1961 г. американские стратеги пришли к выводу, что вьетнамскую проблему можно решить только направлением в Южный Вьетнам большего контингента своих советников и вооружений. И на протяжении 34 месяцев администрация Дж. Кеннеди именно это и делала. Своими материальными дарами, пишет автор, американцы не смогли завоевать благодарность местного населения. Главное, что вскоре усвоили американцы о Вьетнаме, как считает автор, это то, как мало они о нём знают (с. 179).

Автор подробно останавливается на разразившемся политическом кризисе в Белом доме. На основе ряда ставших доступными документов он раскрывает содержание позиций и

оценок ряда ведущих политических деятелей США того времени. Некоторые из них сохраняют своё значение и в наше время. Они подтверждают главный урок войны во Вьетнаме, который доказывает, что внутривнутриполитические проблемы другой страны не решить вторжением извне, что уже во второй половине XX в. война перестала быть продолжением политики, пусть даже иными средствами.

Самый странный факт этой войны, считает автор, – это сам американский народ и его законодатели, которые почти без возражений долго соглашались с крупномасштабным военным вмешательством в далёкой стране, в то время как весь остальной мир, включая союзников США, считали их политику неприемлемой и незаконной. История, как говорят, учит тому, что никого ничему не учит. Однако, как показывают многие факты, включая хорошо описанную автором агрессию США во Вьетнаме, она сурово наказывает тех, кто игнорирует её уроки.

Таким образом, несмотря на указанные ошибочные мнения автора и другие довольно спорные выводы и оценки, это изданное на русском языке обстоятельное литературно-художественное описание борьбы вьетнамского народа за национальную независимость и единство своей родины заслуживает самой высокой оценки.

Автор:

Локшин Григорий Михайлович, к. и. н., ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН. ORCID: 0000-0002-6362-7463. E-mail: 16188017@yandex.ru

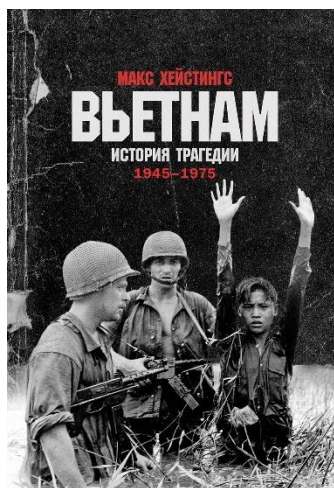
Продвижение статьи:

Дата поступления: 17.07.2021

Принята к печати: 15.11.2021

THE CHRONICLES OF THE GREAT OPPOSITION

G.M. Lokshin



Max Hastings. V'etnam. Istoriya tragedii 1945–1975 [Vietnam: An Epic Tragedy, 1945–1975]. Translated from English. M.: Alpina Non-fiction, 2020. ISBN: 978-5-00139-264-4

Abstract. The review is given on the book “Vietnam: An Epic Tragedy, 1945–1975” by the English historian and publicist Max Hastings. The author builds the history of the struggle of the Vietnamese people against the French colonialists and American imperialists based on extensive factual evidence. Anti-communist beliefs do not allow the author to fully appreciate the role of the Viet Minh front and the Vietnamese communists in the victory over the French, but he recognizes the enormous authority of Ho Chi Minh. Objectively depicting the anti-national character of the Ngo Dinh Diem regime in South Vietnam and the American “aid”,

the English journalist confirms with his book the main lesson of the Vietnam War, which proves that the internal political problems of another country cannot be solved by an outside invasion.

Keywords: Vietnam, France, USA, War of Independence, Viet Minh Front, Ho Chi Minh, Ngo Dinh Diem.

For citation: Lokshin G.M. (2021). The Chronicles of the Great Opposition. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 5 (4): 206–213.

Half a century after the end of the war in Indochina “Vietnamese Syndrome” constantly gives expression to itself in the social and political life of the United States, although, as the political practice of the United States shows, no proper conclusions were made from the lessons that the war of the Vietnamese people for national liberation, and then against the US aggression, taught the world. The controversy between scientists, politicians and journalists, both in the United States and in Vietnam surrounding the events of those years remain unabated. These controversies have attracted the attention of many historians and other countries around the world, as address the nature of the war and the important lessons of the US defeat in Vietnam. A great many books, memoirs and scientific articles have already been published on this subject, as well as many documentaries have been produced. Among them, the fundamental work of the English historian and publicist Max Hastings “Vietnam: An Epic Tragedy, 1945–1975” perfectly translated into Russian and published in Moscow by the publishing house “Alpina Non-fiction” rightly attracts attention.

Max Hastings skillfully uses the vast evident material accumulated before his research, but at the same time his method of presenting facts, analyzing specific events, assessing the activities of political figures of that time differ significantly from the widespread opinions and positions of other authors both in the United States and in the official publications of Vietnam.

This work is hardly scientific at all. Much of it is described more as an essay, through the stories and fates of individuals – both prominent people and simple peasants.

Not every reader will have the patience to read the entire 800-page epic of the 30-year history of Vietnam, full of the most complex events of the Cold War of two irreconcilable camps – the West and the East till the end. As a witness and, to a certain extent, a participant in this confrontation the author of the review finds a great part of this work of a British journalist and scholar important, objective and worthy of attention. But there are still some things that provoke objections.

First of all, this refers to the often uncritical reproduction of tendentious reporting by some American journalists from Vietnam as well as to his insistence on equating the policies and practices of French colonizers, and then the American politicians and their henchmen who came to replace them in South Vietnam, on the one hand, and on the other hand the leadership of the Democratic Republic of Vietnam and the National Liberation Front of South Vietnam. The description of the events of 1945–1946 in Vietnam raises a lot of doubts. Hastings' anti-Soviet and anti-communist convictions are strongly felt. But with all this, he admits that no other potential Vietnamese leader has enjoyed even a fraction of the popular love that Ho Chi Minh was able to win (p. 47).

The author of the book interprets Viet Minh's policy in a highly subjective way, which he had no difficulty understanding. He perceives as "indisputably proven" facts of excessive cruelty on both sides, forgetting who is responsible for the decades of war imposed on the Vietnamese people, for the deaths of millions of civilians under bombs and chemical weapons, for the monstrous destruction of many cities and towns. Nevertheless, it becomes clear from his account of events why many more Vietnamese felt very differently and supported the revolutionary movement, which declared its goal not only the elimination of the colonial regime, but also of the class of large landowners who ruthlessly exploited the peasantry for several generations (p. 65).

The colonial rule of France, according to the author, was doomed against the background of the national liberation struggle of the masses with an explicit communist leadership and coupled with the weakness of non-communist political forces in the country. Like many other scholars in the West, the author attributes the victory of the 1945 August Revolution in Vietnam to a "historical accident" that created a "power vacuum" in Vietnam. He completely ignores the role and skillful leadership of the Communist Party of Indochina, led by Ho Chi Minh, which did not allow any "power vacuum" in Vietnam. The Viet Minh Front, through the use of the favorable international situation, eliminated step by step the power of the French and Japanese on the ground. At the crucial moment of the revolutionary situation, he managed to win the support of the people and weaken the positions of other nationalist forces. The author called the outbreak of the 30-year war for the independence and unity of the country "a tragedy", but, as mentioned above, he stays quiet about who bears the real historical responsibility for it. Moreover, he clearly assigns it rather to the Viet Minh front and personally to Ho Chi Minh, who allegedly did not at all reckon with the deaths of tens of thousands of their fellow citizens in this war.

The entire war of France for the return of its colonial possessions in Indochina is generally described from the standpoint of a Western journalist who supports this war, which in the public opinion of many countries of the world is justly called a "dirty war". The leitmotif that passes through all the stories and sketches about this war runs through his idea that "both sides were equal to each other in ruthlessness" (p. 46–54).

The author paid much attention to the battle of Dien Bien Phu and the 1954 Geneva Conference. These chapters can be considered the best in the whole work.

They are created with great journalistic skill and allow the reader to fully imagine those events. The author showed in details how the operation launched by the French troops with the aim of creating an advantage over the liberation forces and preventing them from reaching the border with the PRC ended in the complete defeat of the French.

According to the author, this can only be explained by the “shocking collective incompetence of the French command”. Here, as they say, he clearly fancies himself a strategist, seeing the battle from the side. Of course there were a lot of mistakes and nonsense from the part of coming and leaving French commanders. But he is forced to admit that the VNA command, led by General of the Army Vo Nguyen Giap, relying on the commitment and courage of the soldiers, as well as on the help received from the Soviet Union, China and other socialist countries, came off as the winner in this key battle of the entire war.

The course of the Geneva conference is described in a quite truthful way, as well as the sinister role of the US representative A. Dulles, who did everything possible to prevent an agreement. And when, against all the odds, an agreement was reached, it was greeted as a clear success of the peace-loving forces and the national liberation movement of the peoples of Indochina. Therefore, the author’s assertions that “most of the world community was depressed by the results of the Geneva conference” (p. 134) does not correspond to reality.

Equally interesting and detailed are the author’s descriptions of all subsequent events. The regime of Ngo Dinh Diem created in South Vietnam is shown fairly objectively. The author convincingly demonstrates that the populace in the South was not just unhappy with Diem’s policies and institutions. They abhorred the very “face” of the regime – the Ngo family, which had settled in power, with its cruelties, guillotine executions, incompetence and Catholicism.

The Vietnamese Buddhist clergy, as the author shows, was among the most dissatisfied with the dominance of Catholics in power as well as the open favoritism of the Ngo family towards their fellow believers. Since 1961, American strategists have come to the conclusion that the Vietnam problem can only be solved by sending of the great part of their advisers and weapons to South Vietnam. And for 34 months, the Kennedy administration did exactly that. With their material gifts, the author writes, the Americans could not win the gratitude of the local population. The main thing that the Americans soon learned about Vietnam, according to the author, is how little they know about it (p. 179).

The author dwells in detail on the outbreak of the political crisis in the White House. Following from a number of documents that have become available, he reveals the content of the positions and assessments of a number of leading US political figures of that time. Some of them still remain significant in our time. They confirm the main lesson of the Vietnam war, which proves that the internal political problems of another country cannot be solved by an invasion from the outside, as well as that in the second half of the twentieth century war has already ceased to be a continuation of politics, even if by other means.

The weirdest fact of this war, the author believes, is the American people themselves and their legislators, who, with almost no objection, for a long time agreed to large-scale military intervention in a distant country, while the rest of the world, including US allies, considered their policies unacceptable and lawless. It has been said that the only thing that history teaches us is that it never teaches us anything. However, as many facts show, including the well-described US aggression in Vietnam by the author, she severely punishes those who ignore her lessons.

Thus, despite the indicated erroneous opinions of the author and other rather controversial conclusions and assessments, this detailed literary and artistic description of the struggle of the Vietnamese people for national independence and the unity of their homeland, published in Russian, deserves the highest praise.

Author:

Lokshin Grigory M., Ph.D. (History), Leading Researcher, Center for Vietnam and ASEAN Studies, IFES RAS. ORCID: 0000-0002-6362-7463. E-mail: l6188017@yandex.ru

Article history:

Received: July 17, 2021

Accepted: November 15, 2021

DOI: 10.54631/VS.2021.54-214-220

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПРОЕКТ РОССИЙСКОГО ВЬЕТНАМОВЕДЕНИЯ

Е.Ю. Кнорозова



Полное собрание исторических записок Дайвьета. В 8 т. Т. 7. Основные анналы. Главы XVI–XVII. М.: Наука – Вост. лит., 2020. ISBN: 978-5-02-039862-7

Аннотация. Рецензия посвящена седьмому тому «Полного собрания исторических записок Дайвьета» (Дайвьет шы ки тоан тхы), опубликованному в 2020 г. На европейские языки этот центральный памятник вьетнамской традиционной исторической мысли не переводился. В седьмом томе представлен перевод глав XVI–XVII, охватывающих период вьетнамской истории с 1533 по 1599 г. Книга состоит из нескольких частей: исследование на тему «Вьетнамо-китайские отношения и политическая история Северного

Вьетнама в XVI в.», сам перевод и подробнейший комментарий. В разделе «Приложения» помещены переводы китайских и вьетнамских сочинений. Перевод с ханвьета выполнен ведущим российским вьетнамоведом, доктором исторических наук А.Л. Федориным, им же написана исследовательская часть и комментарии. Публикацию седьмого тома «Полного собрания исторических записок Дайвьета» можно отнести к выдающимся достижениям российского учёного.

Ключевые слова: история, Вьетнам, литература, перевод, памятник, культура.

Для цитирования: Кнорозова Е.Ю. Выдающийся проект российского вьетнамоведения // Вьетнамские исследования. 2021. Т. 5. № 4. С. 214–220.

В 2020 г. вышел седьмой том «Полного собрания исторических записок Дайвьета» (Дайвьет шы ки тоан тхы) [Полное собрание 2020]. Перевод главного вьетнамского летописного свода приближается к завершению. В связи с огромным объёмом информации памятник можно считать энциклопедией традиционного Вьетнама. Изучая «Полное собрание исторических записок Дайвьета» (далее – Полное собрание), можно лучше понять духовную культуру Вьетнама, имеющую глубокие цивилизационные корни, осознать её ценность для мировой культуры.

В Полном собрании содержится разнообразная информация о традиционном Вьетнаме. Например, интересующиеся литературой могут ознакомиться с академическими переводами таких известных произведений, как «Указ о перенесении столицы» [Полное собрание 2012: 116–117], «Великое воззвание по случаю умиротворения У» [Полное собрание 2014: 136–142].

Значительную трудность при работе с традиционными текстами представляет перевод терминологии, связанной с титулами, должностями, названиями учреждений и т. д. В первом томе Полного собрания, в главе «Правила передачи имен, названий и терминов, использованных при переводе ТТ», подробно разъясняются принципы записи на русском языке географических названий, вьетнамских имен, храмовых имен императоров, названий эр правления, титулов, должностей, названий учреждений, циклические обозначения годов и т. д.

[Полное собрание 2002: 53–56]. По мнению автора рецензии, при переводе других традиционных текстов представляется целесообразным использовать эти правила.

Ведущий российский вьетнамовед А.Л. Федорин, специалист по источниковедению и истории древнего и средневекового Вьетнама, принимал участие в работе над первым томом, вышедшим в 2002 г. [Полное собрание 2002]; во втором томе авторы перевода с *ханвьета*, комментариев и приложения – К.Ю. Леонов, А.В. Никитин, А.Л. Федорин, вступительная статья написана А.Л. Федориным [Полное собрание 2010]. В третьем томе перевод с *ханвьета* и комментарий выполнены К.Ю. Леоновым и А.Л. Федориным при участии М.Ю. Ульянова; предисловие, вступительная статья и приложения написаны А.Л. Федориным [Полное собрание 2012].

В пятом, шестом и седьмом томах перевод с *ханвьета* Полного собрания и сочинений, вошедших в Приложения, выполнен А.Л. Федориным; им же написаны комментарии, вступительные статьи [Полное собрание 2014; Полное собрание 2018; Полное собрание 2020]. Когда выходили эти тома и рецензент брал книгу в руки, первая мысль, которая появлялась, – как один человек мог осуществить этот титанический труд за столь короткое время.

Седьмой том, в котором представлен перевод глав XVI–XVII, охватывает период вьетнамской истории с 1533 по 1599 г. В начале XVI в. во Вьетнаме обострились конфликты между феодальными кланами. В 1527 г. началось правление династии Мак, на борьбу ради восстановления династии Ле поднялись оппозиционно настроенные феодальные группировки. Вьетнам оказался разделен на две части. Маки получили название Северной династии. Власть Южной династии Ле была лишь номинальной, от её имени управляли сначала представители рода Нгуен, а затем рода Чинь. В конце XVI в. Северная династия Мак прекратила своё существование, однако до 1677 г. потомки династии Мак контролировали некоторые районы Каобанга. Противостояние феодальных кланов Чинь и Нгуен привело к новому расколу страны.

Седьмой том состоит из нескольких частей. Предваряет сам перевод исследование на тему «Вьетнамо-китайские отношения и политическая история Северного Вьетнама в XVI в.». Как отмечает А.Л. Федорин, «автору данной статьи так и не удалось найти более или менее полное и непротиворечивое описание политической истории династии Мак ни в одном из вьетнамских, китайских или западных исследований, поэтому в процессе перевода XVI и XVII глав Основных анналов «Полного собрания исторических записок Дайвьета», посвящённых этому периоду в истории Вьетнама, он попытался с максимально возможным привлечением китайских источников составить его сам» [Полное собрание 2020: 15] (переводы ряда памятников даны в Приложениях). Учёный блестяще справился с этой задачей.

Далее следует перевод глав XVI–XVII. Для этой части Полного собрания характерен интерес к внутренним войнам и военной истории. Переводы сделаны на высоком академическом уровне.

Подробнейший комментарий по объёму равен переводу. Для написания исследовательской части и комментария А.Л. Федорин использовал широкий круг материалов. Помимо памятников, приведённых в Приложениях, в их число вошли такие сочинения, как, например, «Сводная история Дайвьета» Ле Куи Дона, «Классифицированное описание установлений прошлых династий» Фан Хуи Тю, «Одобрённое высочайшим повелением всеобщее зеркало вьетской истории, основа и частности», работы современных вьетнамских учёных.

В разделе «Приложения» помещены переводы китайских и вьетнамских сочинений. Прежде всего, это «История [династии] Мин» (*Мин ши*) [с. 291–294], официальная история (*чжэн ши*) династии Мин (1368–1644) и минские «правдивые записи» (*ши лу*) [с. 295–360]. «Правдивые записи» – вид официальных трудов летописной формы, в которых день за днём фиксировались события периода правления императора. Главное предназначение – сохранить для потомков историю данного царствования, и в этом качестве «правдивые записи» рассматривались как основной источник для будущих составителей истории династии. Минские «правдивые записи» – первые труды этого жанра, сравнительно полный комплект которых дошёл до наших дней [Доронин 2002: 56, 62].

Отметим, что обширные части минских *ши лу* и *Мин ши* в переводе на русский язык включены А.Л. Федориным в Приложения к пятому и шестому томам Полного собрания [Полное собрание 2014: 444–883; Полное собрание 2018: 541–628].

В Приложениях представлены следующие китайские сочинения: Ван Ши-чжэнь «Повествование об Аннаме»; Ли Вэнь-фэн «Повесть о юэских горах» (фрагмент VI главы); Сюй Янь-сюй «Важнейшее о Вьетнаме. Последовательность поколений [правителей] во Вьетнаме» (фрагменты); Цю Цзюнь «Повесть об умиротворении Зяонам»; Чжан Сё «Исследование [о странах] к востоку и западу от океана. Исследование об отдельных странах к западу от океана. Зяоты <Тханьхоа, Тхуанхоа. Куангнам, Тантяу, Дэзи>»; Чжан Цзин-синь «Записки об обуздании Цзяо». Главы IX–XII (фрагменты); Чжэн Сяо «Исследование о варварах четырех [сторон света] при императорах [династии] Мин» (фрагмент); Шэнь Мао-шан. «Обширные записи о всех варварах. Обширные записи о морских государствах. Аннам».

Значительный интерес представляет вьетнамская «Хроника главной линии семьи Чинь» Чинь Ныи Тау [с. 606–699], также помещённая в Приложениях. «Это семейная хроника *тьюа* Чинь, описывающая все деяния 12 поколений *тьюа* от момента расцвета до упадка, включая политику, литературу, дипломатию, внутренние войны, государственное устройство, деятелей и т. д. в период императоров [Поздние] Ле и *тьюа* Чинь» [с. 606].

Кроме того, в Приложениях приведена биография военачальника Данг Хуана, зятя Ле Ба Ли, одного из полководцев, руководивших войсками на юге владений Маков [с. 700–754]. Он воевал как на стороне Маков, так и Чиней. После окончательной победы над Маками, он вошёл в число четырех наиболее почитаемых военачальников-победителей [с. 218]. В сочинение входит не только описание боевых действий: интересен доклад, поданный великому наставнику-*тхайшы* Чинь Киему, демонстрирующий образованность полководца и содержащий отсылки к китайской культуре [с. 712–714].

Справочный раздел включает указатели имен и именных титулов; учреждений, должностей и званий; географических и топографических названий; этнических названий; названий сочинений.

Перевод «Полного собрания исторических записок Дайвьета» – одно из важнейших научных достижений российского вьетнамоведения. На европейские языки этот центральный памятник вьетнамской традиционной исторической мысли не переводился. Изданные тома станут настольными книгами многих вьетнамоведов, займут важное место в университетских библиотеках и будут использоваться в учебном процессе.

Хотелось бы поблагодарить Андрея Львовича за самоотверженный труд и пожелать дальнейших творческих успехов.

Автор:

Кнорозова Екатерина Юрьевна, к.филолог.н., доцент, Восточный факультет СПбГУ;
н.с., отдел литератур стран Азии и Африки, Библиотека Академии наук, Санкт-Петербург.
ORCID: 0000-0003-2142-3945. E-mail: knorozova@yandex.ru

Продвижение статьи:

Дата поступления: 20.10.2021

Принята к печати: 05.12.2021

OUTSTANDING PROJECT OF RUSSIAN VIETNAMESE STUDIES

E.Yu. Knorozova



Polnoe sobranie istoricheskikh zapisok Dajv'eta (Đại Việt sử ký toàn thư) [The Complete Annals of Daiviet]. In 8 vols. Vol. 7. The Basic Annals. Chapters XVI–XVII. M.: Nauka– Vost. lit., 2020. ISBN: 978-5-02-039862-7

Abstract. The review focuses on the seventh volume of the Complete Annals of Daiviet (*Đại Việt sử ký toàn thư*), published in 2020. This central monument of Vietnamese traditional historical thought has not been translated into European languages. Volume seven presents a translation of chapters XVI–XVII, covering the period of Vietnamese history from 1533 to 1599. The book consists of several parts: a study on “Vietnam – China relations and political history of North Vietnam in the 16th century”, the translation itself, and a detailed commentary.

The Appendices section contains translations of Chinese and Vietnamese works. The translation from *hanviet* was done by the leading Russian expert on Vietnamese history A.L. Fedorin, Doctor of Historical Sciences, who also wrote the research part and comments. The publication of the seventh volume of the “Complete Annals of Daiviet” can be attributed to the outstanding achievements of the Russian scholar.

Keywords: history, Vietnam, literature, translation, monument, culture.

For citation: Knorozova E.Yu. (2021). Outstanding Project of Russian Vietnamese Studies. *Russian Journal of Vietnamese Studies*, 5 (4): 214–220.

In 2020, the seventh volume of the Complete Annals of Daiviet (*Đại Việt sử ký toàn thư*) [Complete Annals 2020] was released. The translation of the main Vietnamese chronicle is nearing completion. Due to the vast amount of information, the monument can be considered an encyclopedia of traditional Vietnam. By studying the Complete Annals of Daiviet, one can better understand the spiritual culture of Vietnam, which has deep civilizational roots, and realize its value to world culture.

The Complete Annals of Daiviet contains a variety of information about traditional Vietnam. For example, those interested in literature can read academic translations of such famous works as “Decree on the Relocation of the Capital” [Complete Annals 2012: 116–117], “The Great Appeasement on the Occasion of the Pacification of U” [Complete Annals 2014: 136–142].

A significant difficulty in working with traditional texts is the translation of terminology related to titles, positions, names of institutions, etc. In the first volume of the Complete Annals of Dai Viet, in the chapter “Rules for Transmission of Names, Titles and Terms Used in Translation” the principles of recording of geographical names, Vietnamese names, temple names of emperors, names of eras of government, titles, offices, names of institutions, cyclic designations of years, etc. in Russian are explained in detail. [Complete Annals 2002: 5356]. In my opinion, when translating other traditional texts, it seems appropriate to use these rules.

The leading Russian vietnamologist A.L. Fedorin, a specialist in source studies and history of ancient and medieval Vietnam, took part in the work on the first volume, which came out in 2002 [Complete Annals 2002]. In the second volume the authors of the translation from *hanviet*, of

comments and appendix are K.Yu. Leonov, A.V. Nikitin, A.L. Fedorin, the introductory article is written by A.L. Fedorin [Complete Annals 2010]. In the third volume, the translation from *Hanviet* and the commentary are made by K.Yu. Leonov and A.L. Fedorin with the participation of M.Yu. Ulyanov, the preface, the introductory article, and appendices are written by A.L. Fedorin [Complete Annals 2012].

In the fifth, sixth and seventh volumes the translation from *hanviet* of the Complete Complete Annals of Daiviet and the works included in the Appendices was made by A.L. Fedorin, he also wrote comments, introductory articles [Complete Complete Annals 2014; Complete Complete Annals 2018; Complete Complete Annals 2020]. When these volumes came out and I took the book in my hands, my first thought was how one man could accomplish this titanic work in such a short time.

The seventh volume, which presents the translation of chapters XVI–XVII, covers the period of Vietnamese history from 1533 to 1599. In the early sixteenth century, conflicts between feudal clans intensified in Vietnam. In 1527 the reign of the Mac dynasty began. Opposition feudal groups rose to fight for the restoration of the Le dynasty. Vietnam found itself divided into two parts. The Mac dynasty was named the Northern dynasty. The power of the Southern Le dynasty was only nominal; representatives of the Nguyen clan, and then the Trinh clan ruled on its behalf. At the end of the 16th century, the Northern Mac dynasty ceased to exist, but until 1677 the descendants of the Mac dynasty controlled some areas of Caobang. The Trinh and Nguyen feudal clans opposed each other, causing a new division in the country.

The seventh volume consists of several parts. The translation itself is preceded by a study on “Vietnam-China relations and political history of North Vietnam in the 16th century”. As noted by A.L. Fedorin, “the author of this article could not find a more or less complete and consistent description of the political history of the Mac dynasty in any of the Vietnamese, Chinese or Western studies, so during the translation of chapters XVI and XVII of the Main Annals of the Complete Annals of Daiviet, dedicated to this period of the history of Vietnam, he tried to draw on Chinese sources as much as possible to compile it himself” [Complete Annals 2020: 15] (translations of some works are given in the Appendices). The scholar coped with this task brilliantly.

Next comes the translation of chapters XVI–XVII, this part of Complete Annals of Daiviet is characterized by an interest in internal wars, in military history. The translations are done at a high academic level.

The detailed commentary is equal in volume to the translation. A.L. Fedorin attracted a wide range of materials for writing the research part and the commentary. In addition to the monuments listed in the Appendices, such works were used as Summary History of Daiviet (*Đại Việt thông sử*) by Le Quy Don, The Rule of the Dynasties Copied by Classification (*Lịch triều hiện chương loại chí*) by Phan Huy Chu, The Comprehensive Mirror of Vietnamese History, Basis and Specifics Approved by the Highest Command, the works of contemporary Vietnamese scholars.

The Appendices section contains translations of Chinese and Vietnamese works. First of all, these are the History of Ming [dynasty] (*Ming shi*) [p. 291–294], the official history (*zheng shi*) of the Ming dynasty (1368–1644) and the Ming “veritable records” (*Ming shi lu*) [p. 295–360]. The “veritable records” (*shi lu*), a type of official works of the annalistic form, in which the events of the emperor's reign were recorded day by day. The main purpose was to preserve the history of a given reign for posterity, and in this capacity the “veritable records” were considered the main source for future compilers of the dynasty's history. The Ming's “veritable records” are the first works of this genre, a relatively complete set of which has reached our days [Doronin 2002: 56, 62].

Note that extensive parts of the *Ming shi lu* and *Ming shi* translated into Russian are included

by A.L. Fedorin in the Appendices to the fifth and sixth volumes of the Complete Annals of Dai Viet [Complete Annals 2014: 444–883; Complete Annals 2018: 541–628].

The Appendices include the following Chinese works: Wang Shizhen. A Narrative of Annam; Li Wenfeng. A Narrative of the Yue Mountains (fragment of chapter VI); Xu Yan-hsu. The Most Important about Vietnam. Sequence of Generations [of Rulers] in Vietnam (excerpts); Qiu Jun. The tale of pacification of Ziaonam; Zhang Xie. Study [about Countries] to the East and West of the Ocean. A Study on Selected Countries to the West of the Ocean. Giaochi < Thanhhoa, Thuanhoa. Quangnam, Tanchau, Dezi>; Zhang Jing-sin. Notes on the Curbing of Jiao. Chapters IX–XII (excerpts); Zheng Xiao. Study on Barbarians of Four [Sides of the World] under [Ming] Emperors” (excerpt); Shen Maoshang. Extensive Records on All Barbarians. Extensive Records of the Sea States. Annam.

Of significant interest is the Vietnamese Chronicle of the Main Lineage of the Trinh Family by Trinh Nhu Tau [p. 606–699], also placed in the Appendices. “This is a family chronicle of the *chua* Trinh, describing all the deeds of the 12 generations of the *chuas* from their heyday to their decline, including politics, literature, diplomacy, internal wars, polity, figures, etc. during the Emperors [Later] Le and *chuas* Trinh periods” [p. 606].

In addition, the Appendices provide a biography of the commander Dang Huan, son-in-law of Le Ba Ly, one of the commanders who led troops in the south of the Mac domains [p. 700–754]. He fought both on the Mac and Trinh sides. After the final victory over the Mac, he was among the four most revered commanders- victors [p. 218]. The work includes not only a description of military actions, but the report also presented to the great mentor-*thaisu* Trinh Kiem, demonstrating the commander’s education and containing references to the Chinese culture, is interesting [p. 712–714].

The reference section includes indexes of names and titles; institutions, offices, and titles; geographical and topographical names; ethnic names; and works titles.

The translation of Complete Annals of Daiviet is one of the most important scientific achievements of Russian Vietnamese studies. This central monument of Vietnamese traditional historical thought has not been translated into European languages. The published volumes will become desk books for many vietnamologists, have an important place in university libraries, and will be used in educational process.

I would like to thank Andrey Lvovich for his selfless work and wish him further creative success.

Author:

Knorozova Ekaterina Yu., Ph.D. (Philology), Associate Professor, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg State University; Researcher, Department of Asian and African Literatures, Library of the Academy of Sciences, St. Petersburg. ORCID: 0000-0003-2142-3945. E-mail: knorozova@yandex.ru

Article history:

Received: October 20, 2021

Accepted: December 5, 2021

Научное издание

**ВЬЕТНАМСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
2021. Т. 5. № 4**

Выпускающий редактор: Никулина Е.В.

Редактор: Иванова Н.И.

Дата публикации: 14.01.2022 г.

Контакты:

Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН

E-mail: vietnamjournal@yandex.ru

Тел.: (499) 124 08 33

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, издаваемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке со свободным доступом
на сайте: <http://www.ifes-ras.ru>